

Юрий Коваль

Три повести о Васе Куролесове

с комментариями
Олега Лекманова,
Романа Лейбова,
Ильи Бернштейна

руслит ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XX ВЕКА

руслит

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XX ВЕКА

Название серии отсылает к академическим «Литпамятникам», вот уже скоро семьдесят лет знакомящим русскоязычного читателя с классикой мировой литературы в самой рафинированной издательской подаче: лучшие тексты, лучшие переводы, фундаментальные сопроводительные статьи и комментарии. Мы стараемся равняться по «Литпамятникам», но с двумя оговорками:

а) хотим публиковать только русскую прозу двадцатого века;

б) чтобы максимально расширить круг наших читателей, постараемся «разъяснить» тексты, дополнять их важными для понимания текста сведениями в менее «академической» манере – со множеством иллюстраций, интересных «контекстных» историй, привлекая для этого специалистов из смежных (иногда и не очень) с литературоведением областей. При этом в своей комментаторской работе мы будем опираться только на подлинные архивные материалы, мемуары и письма современников.

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России».

содержание

Приключения Васи Куролесова	4
Промах гражданина Лошакова	52
Пять похищенных монахов	100

приложения

<i>Вера Семёнова, Олег Лекманов, Михаил Свердлов</i> «А книжка-то какая длинная получилась!», или Предупреждение к комментарию	181
<i>Олег Лекманов, Роман Лейбов, Илья Бернштейн</i> Комментарии	196

«Детективные» повести о Васе Куролесове Юрий Коваль (1938–1995) писал около двадцати лет – «Приключения Васи Куролесова» вышли в 1971-м, а последняя из написанных книг цикла, «Промах гражданина Лошакова», – в 1991 году. Слово «детективный» мы взяли в кавычки: хотя сюжет здесь действительно острый и автор (как вы узнаете из затекстовых комментариев) использовал опыт своего отца, многие годы служившего в уголовном розыске, всё-таки трилогия о Куролесове – прежде всего памятник русской литературы XX века и блестящее описание московского и подмосковного быта 1960–1980-х годов. Реалии жизни героев книги не очень понятны современному подростку, поэтому книгу прокомментировали известные учёные, два профессора русской филологии – Олег Лекманов (НИУ ВШЭ, автор биографий Осипа Мандельштама, Сергея Есенина, многочисленных исследований по истории русской литературы) и Роман Лейбов из университета г. Тарту (Эстония), главный редактор гуманитарного сайта «Ruthenia».

Составление и оформление серии Илья Бернштейн

Послесловие Вера Семёнова, Олег Лекманов, Михаил Свердлов

Иллюстрации Мария Грачёва

Комментарии Олег Лекманов, Роман Лейбов, Илья Бернштейн

© ИП Бернштейн И.Э., 2016

© М. Грачёва, иллюстрации, 2016

© В. Семёнова, послесловие, 2016

© М. Свердлов, послесловие, 2016

© О. Лекманов, послесловие, комментарии, 2016

© Р. Лейбов, комментарии, 2016

© И. Бернштейн, дизайн, составление серии, комментарии, 2016

Юрий Коваль

Приключения Васи Куролесова

Промах гражданина Лошакова

Пять похищенных монахов

трилогия о Васе Куролесове

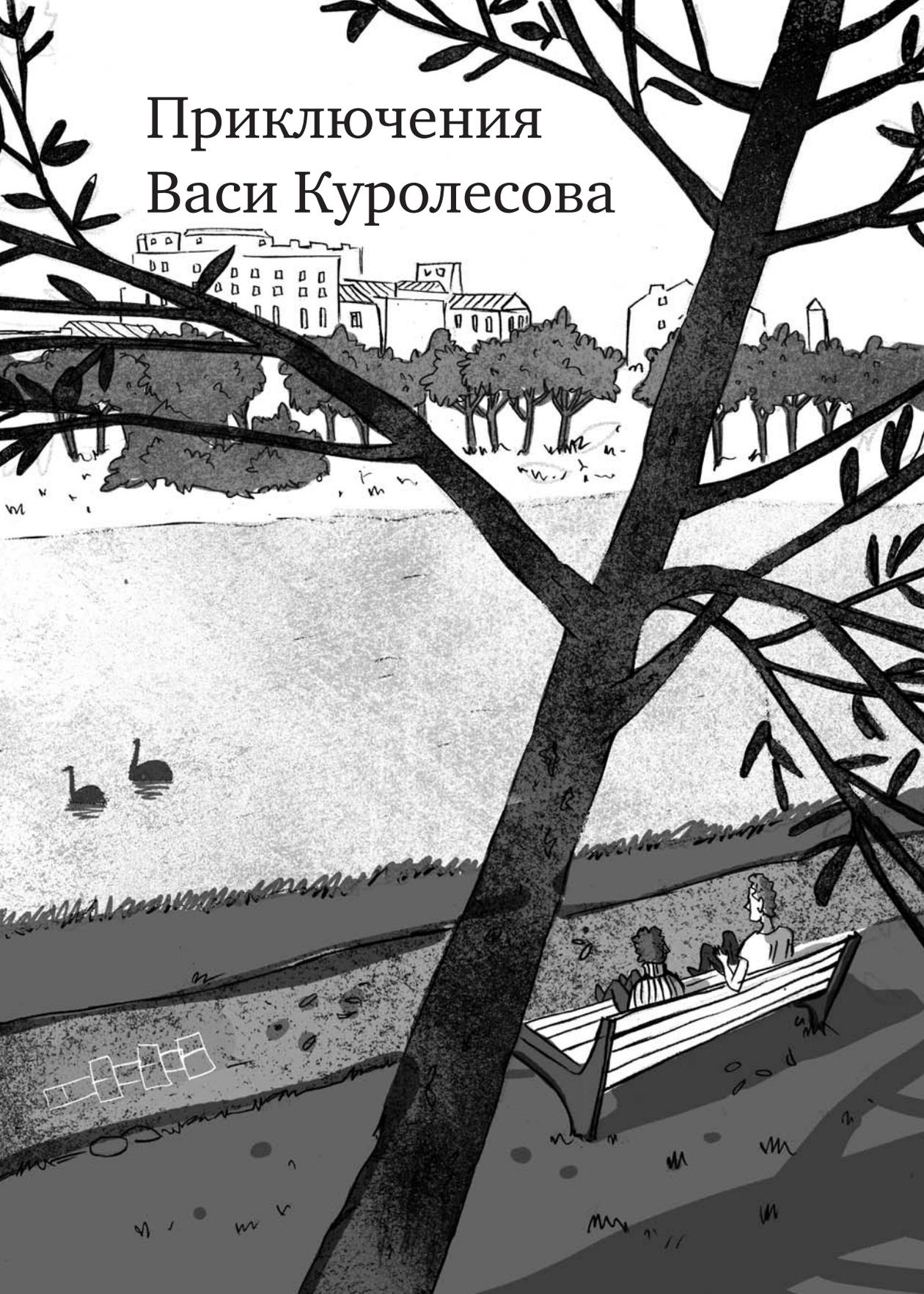
с комментариями

Олега Лекманова, Романа Лейбова и Ильи Бернштейна

Издательский проект «А и Б»

2016

Приключения Васи Куролесова

Что мне нравится в чёрных лебедях, так это их красный нос.

Впрочем, к нашему рассказу это не имеет никакого отношения. Хотя в тот вечер я сидел на лавочке у Чистых прудов и смотрел как раз на чёрных лебедей.

Солнце укатилось за почтампт.

В кинотеатре «Колизей» грянул весёлый марш и тут же сменился пулемётной очередью.

Из стеклянного кафе вышел молодой человек и, распугивая с асфальта сизарей, направился прямо к моей скамейке. Усевшись рядом, он достал из кармана часы-луковицу, больше похожие на репу, щёлкнул крышкой, и в тот же миг раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...

Скосив глаза, я глянул на часы и увидел надпись, искусно вырезанную на крышке:

За храбрость.

Под надписью был выцарапан маленький поросёнок.

Между тем неизвестный захлопнул крышку часов и сказал себе под нос:

– Без двадцати девятнадцать.

– Сколько?

– Без двадцати девятнадцать. Или восемнадцать часов сорок минут. А что?

Передо мной сидел парень, худой, широкоплечий. Нос у него был несколько великоват, глаза прищуренные, а щёки загорелые и крепкие, как грецкий орех.

– Где же вы достали такие часики? – завистливо спросил я.

– Да так, купил по случаю. В одном магазинчике.

Это была, конечно, ерунда. Часы с надписью «За храбрость» не продаются. Неизвестный просто не хотел рассказывать, за что его наградили часами. Он стеснялся.

– Что мне нравится в чёрных лебедях, – сказал я дружелюбно, – так это их красный нос.

Владелец часов засмеялся.

– А мне, – сказал он, – чёрные лебеди вообще не нравятся. Лебедь должен быть белым.

Слово за слово – мы разговорились.

– Интересно, – толковал я, – почему это у вас на часах поросёнок нарисован?

– Да это так просто – шутка. Ничего интересного.

– Ну, а всё-таки?

– Дело давнее. Я ведь тогда жил ещё у мамы. В деревне Сычи.

– Ну и что там произошло?

– Да ничего особенного...

часть первая Усы и поросята

глава первая В деревне Сычи

Вместе со своей мамой Евлампьевной жил Вася в деревне Сычи.

Мама Евлампьевна держала кур с петухом и уток, а Вася учился на механизатора.

Как-то весной, в начале мая, мама Евлампьевна и говорит Васе:

– Васьк, кур у нас много. И утки есть. А вот поросят нету. Не купить ли?

– Мам, – говорит Вася, – на что нам поросята? Вырастут – свиньями станут. В грязи будут валяться. Противно-то как.

– Васьк, – говорит Евлампьевна, – да пусть валяются, тебе-то чего? Давай купим!

– Мам, – говорит Вася, – да ну их! Хрюкать начнут – отбою от них не будет.

– Васьк, – говорит Евлампьевна, – да много ли тебе надо отбою! Похрюкают и перестанут. А мы их будем помойкой кормить.

Они поговорили ещё и решили всё-таки купить двух поросят.

И в выходной день Вася взял мешок из-под картошки, вытряхнул из него пыль и поехал на рынок в районный центр. В город Карманов.

глава вторая Тёртый калач

А народу на рынке было полно.

У ворот, на которых было написано «Кармановский колхозный рынок», стояли женщины, толстые и румяные. Они продавали с рук цветные платки и белое бельё.

– Купи! – кричали они Васе. – Купи платок – чистый кумак!

Вася только проталкивался через толпу.

Он увидел, что рынок стоит во дворе бывшего монастыря, весь обнесён каменной стеной, а по углам – башни с резными крестами.

– А вот стекло двойное, бэмское! – кричал у входа стекольщик, который боялся со своим товаром лезть в середину рынка.

Вместе с толпой Вася прошёл в ворота, и сразу же под нос ему сунули блюдо с красными варёными раками. Раки были кривобокими, с перепутанными клешнями. Их усы свешивались с блюда, как соломины.

– А ну, – крикнул Вася продавцу раков. – Сторонись, раковщик!

За раковщиком пошла сразу рыба. Некрасивый дядя вытаскивал из корзины лобастых язей, надавливал им на пузо. Язи открывали рот и делали «хм». И дядя бросал язя в корзину, в которой были и другие язи, переложенные крапивой.

Вася то застревал в толпе, то прокапывался дальше. Развернулись перед ним морковь и петрушка, зелёный лук – венником, репчатый – косицами.

– Каротель! Каротель! – покрикивала женщина-морковница.

– Ре-па! – ухал парень-долговяз.

Прохожие покупатели хватали-покупали кому чего в голову взбрёт: кому – репа, кому – рыба, кому – каротель.

«А мне бы поросят, – думал Вася. – Только где же они?»

В самом углу рынка под башней Вася увидел, чего искал. Здесь продавали кур, гусей, телят – всякую живность. И поросят было много.

Вася долго подыскивал подходящих, не очень маленьких, да и не слишком больших.

«Мне бы средних, – думал он. – И покрепче!»

Наконец у одного черноусого мужичишки Вася увидел парочку поросят.

– Славные! – сказал черноусый, пальцем указывая на них.

– Пятачки-то у них что-то маленькие.

– У этих-то маленькие? – удивился продавец. – Каких же тебе пяточков надо? С пластинку патефонную?

– Патефона у меня нету, – сказал Вася. – А всё ж пяточок хотелось бы покрупнее.

– Балда ты! – сказал черноусый. – Нет у тебя толку в поросятах. Лучше патефон себе купи.

– Тебя не спросил! – сказал Вася, грозно посмотрел на продавца и обошёл его.

«А что, – думал он, – может, и вправду патефон купить?»

Вася ещё повертелся на рынке, поискал других поросят, а издали всё поглядывал на тех, что ему приглянулись. Он видел, как мужичишка то и дело вытаскивал их из мешка и совал под нос покупателям, уверяя каждого, что поросята славные. И правда они были славные, с небольшими по размеру пяточками.

Вася покрутился, покрутился да и завернул снова к черноусому.

– Ага! – крикнул тот. – Вернулся!

– Говори цену.

Мужичишка сказал, но цена Васе не понравилась.

– Высока.

– Какой же ты человек плохой! То пяточки не подходят, то цена высока. Угрюмый ты.

– Ты сам угрюмый, вон усы-то как повисли.

– Новое дело! Теперь усы ему не нравятся! Ай да парень! Откуда только такие берутся?

– Из деревни Сычи, – весело сказал Вася. – Говори новую цену. Пониженную.

Черноусый сказал, и новая цена Васе понравилась, но он так подумал: «Поторгуюсь ещё для блезиру, пусть знает, что я – тёртый калач».

Вася поторговался ещё, и черноусый сказал:

– Вижу, ты тёртый калач. Ладно уж, скину трёшник. Только для тебя.

– Держи деньги. И суй поросят в мой мешок.

– Э, да чего там, – ответил продавец, сосчитав деньги. – Забирай их прямо в мешке, а мне свой пустой отдай.

Вася отдал ему свой мешок, вжик – перетянул мешок с поросятами верёвочкой.

«Дело сделано», – подумал Вася и пошёл к выходу.

– Стой-ка, – обиделся вслед ему черноусый, – хоть бы «до свидания» сказал.

– Ничего, – ответил Вася, – обойдётся.

Он шёл к выходу и думал: «Хоть я и деревенский парень, а грубиян».

Это ему нравилось. Ему хотелось быть грубияном и тёртым калачом, да, пожалуй, и от стреляного воробья он бы не отказался.

Вася чувствовал спиной, как трепыхаются в мешке поросята, и это ему нравилось, потому что было щекотно, да и поросята, в конце концов, были, конечно, славные, правда, с маленькими по размеру пяточками.

глава третья Парочка поросят

На станции Вася выпил квасу в честь хорошей покупки, а потом сел в электричку. Поросята шевелились в мешке, а когда поезд тронулся, стали повизгивать.

Вася стоял в тамбуре и глядел в окошко на пробегающие поля, дачи, ёлочки, телеграфные столбы. Пассажиры в тамбуре что-то кричали друг другу, махали руками и курили, выпуская изо рта тяжёлые махровые кольца, колёса стучали под вагоном – изх! – мчался поезд в деревню Сычи и ещё дальше.

К дому Вася добрался под вечер, когда солнце уже стало садиться и покачивалось над деревней Сычи.

Мама Евлампьевна стояла у ворот и ещё издали крикнула:

– Васьк! Неужто не купил?

Вася промолчал. Ему не хотелось орать на всю деревню.

– Чего у тебя в мешке-то? – кричала Евлампьевна. – Говори скорей! Неужели поросёнок? Слышь, Марусенька, Васька-то поросёнка несёт!

– Бум, бум-бум! – отвечала ей соседка Марусенька из-за оконного стекла, а чего она отвечала, не разобрать. Окно было закрыто.

– Пара поросёнков, мам, – сказал Вася, кладя мешок на землю.

– Да носи их скорей в избу! Застудишь. Они, небось, махонькие.

– Это ещё как сказать, – говорил Вася, внося мешок в избу. – Не такие уж махонькие, да и не слишком большие. В самый раз, крепенькие.

Пока Вася развязывал мешок, поросята шевелились в нём и повизгивали.

– И куры у нас есть, – кричала Евлампьевна, обращаясь к подоспевшей поглядеть поросят Марусеньке, – и утки! А поросят нету. Встану утром и грущу. Вот бы, думаю, поросёночка завести.

– То-то я и говорю, – басовито бубнила в ответ Марусенька. – Без свиньи какой двор. Со свиньёй жить веселее.

– Да развязывай же скорее! – кричала Евлампьевна.

– Куда спешить-то, мам?.. – отвечал Вася, развязав мешок. Он встряхнул его, и из мешка, ощерясь и вроде даже противно улыбаясь, вылез рыжий облезлый пёс.

глава четвёртая Тёмная ночь

Ночь стояла на дворе.

Лунный облик мерцал через окошко. В темноте тикали на стенке ходики: тик, тик, тик...

«Ну, дьявол черноусый! – думал Вася, ворочаясь на кровати. – Ловко обманул».

– Ладно, Васёк, – вздыхала Евлампьевна, – спи. Обойдёмся и без свиньи. Вон у людей даже кур нету – живут.

Но Вася не мог спать. Только закроет глаза – видится ему рынок в Карманове, толпа народу, грызущая семечки, а вдалеке, под башней, – черноусый, противный-противный. И всё подмигивает: «Купи поросёночка!»

«Как же пёс оказался в мешке? – думал Вася. – Не через дырку же пролез! Значит, черноусый мешки переменял, пока я деньги считал. Вместо мешка с поросятами подsunул мешок со псом».

– Ты куда пса девал? – спросила Евлампьевна. Она всё ворочалась на печке, переставляя валенки, которые там сушились.

– На улицу выгнал.

«А пёс-то какая свинья! – думал Вася. – Сидел в мешке и нарочно похрюкивал. Надо было его поленом огреть...»

А я-то хорош! – думал Вася далее. – Развесил уши: мол, я – тёртый калач! А сам лопух лопухом».

Наконец Вася заснул и спал мрачно, без снов, вздрагивая и огорчаясь. И ночь над Васей, над деревней Сычи была тёмная, совсем тёмная, весенняя, когда снег уже сошёл, а земля под ним оказалась такой же чёрной, как и в прошлом году.

глава пятая Рыжий

С рассветом Вася хмуро проснулся, попил чаю из холодного самовара и пошёл на улицу.

Он вышел на крыльцо, и тут же под ступеньками что-то затрещало, зашуршало, и оттуда выскочил рыжий пёс. Вид у него был неважный. Одно ухо стояло, другое висело, третьего, как говорится, вообще не было. Хвостикшко у пса тоже был не ахти какой – рогоулька в репейниках.

– Ну что, мешочник, – сказал Вася, – совсем совесть потерял? Свинью в мешке изображаешь? Поди сюда!

Пёс не подошёл, а только задней лапой стал яростно чесать ухо. Ясно было, что он действительно потерял совесть. Вдруг он увидел петуха, вылезшего из-под сарая. Тут же рыжий кинулся на петуха и в мгновение ока загнал на крышу.

– А ну! – грозно сказал Вася. – Иди сюда!

Рыжий лениво двинулся к Васе. Но потом оглянулся и увидел собственный хвост. Клацнув зубами, он хотел его поймать. Но хвост увильнул. Рыжий бешено закрутился на месте, а хвост никак не поддавался.

– А ну! – ещё грознее сказал Вася.

И тут же рыжий поймал хвост. Поймал, пожевал, выплюнул. Нехотя он пошёл к Васе, всё время оглядываясь на свой хвост.

– Твоё счастье, что у меня от сердца отлегло. Иначе не миновать бы тебе по башке поленом. Смотри, какой у меня кулак. – Вася показал псу кулак. – Ужас просто, а не кулак, – сказал он и сам поглядел на свой кулак.

Вообще-то кулак был не такой уж безумно большой. Скорее средних размеров. Балалаечный кулачок. Но на рыжего он, видно, произвёл впечатление.

Тут Вася взял пса за ухо, потому что заметил в нём какую-то штуковину. Вывернув ухо наизнанку, он вытащил эту штуковину, запутавшуюся в шерсти.

– Смотри-ка! – удивился он. – Пчела!

Рыжий понюхал пчелу и вроде как плюнул.

– Ухом пчелу поймал. Ну и ушки!

Вася выбросил пчелу и тут же почувствовал какой-то знакомый запах. Он пошмыгал носом, принюхиваясь.

– Что такое? Чем это от тебя пахнет?

От рыжего, конечно, пахло собакой, а ещё травой, пуганым петухом, но что удивительно – от него пахло мёдом.

глава шестая Обыкновенный мешок

«Так-так-так-так-так, – думал Вася. – Что же это получается? Пчела и запах мёда!.. Так-так-так-так-так. Это, конечно, неспроста. Ну-ка посмотрим мешочек, в котором пса привезли».

– Сиди здесь, – сказал Вася рыжему, а сам пошёл в дом.

«Вдруг на нём знаки какие-нибудь есть», – думал Вася, разглядывая мешок.

Нет, никаких знаков не было – обыкновенный мешок, серый да заляпаный, с заплаткой на боку. Тогда Вася встряхнул мешок, и из него посыпались соломенная труха, пыль и опилки. Вася присел на корточки и стал рассматривать эту пыль, лежащую на полу.

– Что это ты, Васьк? – спросила Евлампьевна.

– Вот она, – сказал Вася и вытащил из сора пчелу. Он положил её на сундук, а сам принялся нюхать мешок.

– Люди добрые! – напугалась Евлампьевна. – Васька мешок нюхает!

– Погоди, мам, кричать. Ты лучше понюхай, чем пахнет.

– Вот напасть-то! Сроду я мешков не нюхала!

– Да ладно, мам. Ты скажи, чем пахнет.

– Известно чем, – кричала Евлампьевна, – псом паршивым пахнет!

– Да нет, мам, не псом. Ты понюхай.

– Я, Вась, издали понюхаю, – согласилась наконец Евлампьевна и стала нюхать примерно с двух шагов.

– Подойди же ближе, мам, – уговаривал Вася. – Понюхай и в случае чего сразу отскочи в сторону.

Евламповна так и сделала.

– Ну что, мама, чем пахнет?

– Известно чем, мешком собачьим.

– Ну нет, – сказал Вася, – мёдом мешочек пахнет. По этому мешочку я и найду черноусого!

– Господи, – сказала Евламповна, – прости нас и помилуй!

глава седьмая Вася бьёт черноусого

Всю неделю не давали Васе в деревне проходу.

– А ну-ка, Вася, – говорили ему, – расскажи, как ты поросят покупал!

Вася мрачно молчал и только старательно учился на механизатора – целыми днями копался в моторе старенького трактора «Беларусь».

Рыжий пёс к Васе привязался и всё время бегал за ним. Был он, видимо, пёс уличный, приبلудный.

– Ну и поросёночек, – донимали Васю на улице, – а где же у него пяточок?

– За мной, Матрос! – гордо говорил Вася. Он решил рыжего назвать Матросом и оставить себе, раз уж за него деньги плачены. Кроме того, планировал Вася из этого рыжего Матроса сделать себе друга на всю жизнь.

Пока шла неделя, Вася обдумывал, как бы поймать черноусого. К субботе созрел у него в голове небольшой планчик:

«Заведу-ка я себе тоже усы. Замаскируюсь и поеду на рынок. Подойду к черноусому, скажу:

“Привет!”

“Ах, – скажет черноусый. – Я вас не знаю!”

Но тут я сыму усы и хлоп ему по зубам!»

От старого полушубка Вася отстриг бараньих волос, налепил их на тряпочку. Получились неплохие усы, которые осталось приклеить под нос казеиновым клеем.

«Приду завтра на рынок, – думал Вася, – суну Матроса в мешок и пойду искать черноусого. А как только найду, сразу – раз по зубам!»

Вася прищуривал глаза и покручивал кулаками перед зеркалом, воображая, как будет лупить черноусого. Хрясь! Хрясь!

В субботу утром он взял Матроса на верёвку и пошёл на поезд. Через всю деревню бежали за ним братья Барановы и неприятно хрюкали вдогонку.

глава восьмая По следу

А народу на рынке было снова полно. Издали видна была большая толпа. Над толпой покачивалось в воздухе серое облако – пара, пыли, табачного дыма.

Вася отошёл в укромную подворотню и раскрыл мешок.

– Полезай! – сказал он Матросу.

Но Матросу даже и глядеть на мешок было противно, он фыркнул и замотал головой.

– Можешь повеселиться в одиночестве, – сказал Вася и кинул в мешок колотого сахару. – А мне ещё надо усы на клей посадить.

Засунув Матроса в мешок, он приладил усы и только тогда вышел из укромной подворотни. Закинул мешок на спину, прищурил глаза, поднял воротник и, воткнувшись в базарную толпу, стал приглядываться направо и налево.

И направо и налево были всё покупатели и продавцы, и Вася прохаживался по базару, как будто он сыщик. «Я будто бы сыщик, – думал он, – и теперь иду по следу черноусого».

Вася даже нарочно зорко вглядывался в землю и видел много следов от женских туфель, от мужских полуботинок. Одной рукой он придерживал мешок, а другую держал в кармане тяжело и увесисто, как будто бы там лежал наган.

Наконец Вася протолкался в угол, под башенку. И здесь народу было полно.

Какая-то старуха привела продавать бычка. Бычок всё время мычал, а старуха ругала его:

– Не мычи, бычок! Не мычи, говорю, а то не купят.

Но бычок всё равно мычал, и от его рёва кролики прижимали уши.

Вася глядел туда-сюда, всё выискивал, нет ли черноусого. Иногда казалось, что в толпе мелькает что-то черноусое. Он кидался в ту сторону, но находил какого-нибудь чернобрового или, к примеру, красноусого.

Матрос сидел в мешке спокойно и только, если прислушаться, можно было разобрать, как он урчит, хрустя сахаром.

глава девятая Усы

Самые разные лица и личности крутились на рынке и около. Серые, чёрные, зелёные, голубые глаза глядели на Васю или мимо него. Вася же в основном смотрел на носы и на то, что под ними. Нет ли усов? Но усов попадалось мало и всё больше чепуховые – мышинные хвостики.

Носы были, конечно, гораздо разнообразнее – и свистулькой, и репкой, и фунтиком. У одного дяди нос оказался вычурным, как шахматная фигура ферзь, а у другого такой дивный нос, который иначе не назвать, кроме как рубильник.

Все эти носы совсем запутали Васю.

«Зачем мне они? – думал он, отмахиваясь от носов. – Меня усы интересуют».

Вася и сам покручивал свои усы, как будто он старый усач вроде товарища Будённого.

Вася покручивал усы и щекотал пальцем Матроса, чтоб тому не было совсем уж скучно сидеть в мешке, а сам всё поглядывал по сторонам. Поглядывать-то поглядывал, а не замечал, что в стороне стоят два человека и тоже рассматривают его.

– Кажись, это он, – сказал один из этих двоих, разглядывая Васю, – только усы прилепил, замаскировался.

– А чего ему надо?

– Пришёл за поросятами.

Тут они грубо засмеялись, и второй сказал:

– Смотри-ка, в мешке-то у него что-то шевелится. Наверно, пса туда запхнул!

– Надо нам отсюда смываться!

– погоди, зачем же? Парень-то лопух – усы нацепил, пса в мешок засунул. Сейчас я ему устрою концерт.

– А не опасно?

– Чего же опасно? Документы у меня в порядке. Сейчас я его навеки отучу поросят искать.

Тут эти два человека пошептались ещё и разошлись в стороны.

«И зачем только люди носят усы? – думал в это время Вася. – Какой в них толк? Нос, к примеру, нюхает, рот жуёт, глаза глядят, а чего делают усы?.. Возьмём, к примеру, таракана, – размышлял он дальше. – Вот у него усы на месте. Или Матрос. Обрежь ему усы, он и колбасу не учует. А мне-то зачем усы? Разве для красоты? Но я и так парень ничего себе – нос крупный, глаза маленькие. Я и так, наверно, красивый».

«Да и то сказать, – думал он, – не такой дурак черноусый, чтоб снова на рынок прийти. Он теперь дома сидит, деньги считает».

Вася выбрался из толпы и остановился у входа, возле стекольщика, который всё покрикивал: «Вот стекло двойное, бэмское...»

– Чего у тебя в мешке-то? – спросил стекольщик. – Чем торгуешь?

– Не твоё стеклянное дело.

– Тебе стекла не надо?

– Не надо.

– Напрасно, – сказал стекольщик, – неплохое стекло. К тому же двойное бэмское.

Он достал из заплечного ящика кусочек стекла и чпокнул его два раза ногтем. И стекло сказало: «Бэмс, бэмс».

Но Вася не слушал.

– Ты скажи лучше, стеклянная душа, черноусого не видел?

– Дак ты сам черноусый, – сказал стекольщик и ткнул Васе пальцем под нос. И так противно ткнул, что Вася обиделся.

Он сердито глянул на стекольщика и увидел, что тот – мужчина неприятный: глазки тусклые, стеклянные, спрятались под ржавыми бровями, а лицо рябое, так изрыто оспой, что напоминает рашпиль, которым обтачивают деревянные болванки.

Вася уже хотел сказать стекольщику что-нибудь тяжёлое, но после махнул рукой и решил двигаться к дому.

В этот момент кто-то тронул его за рукав:

– Ваши документы!

Вася огляделся. Перед ним стоял милиционер с такими огромными рыжими усами, как будто он их отращивал с самого дня рождения.

глава десятая Появление гражданина Курочкина

Глаза его мерцали синим светом, на фуражке польхали кокарда и красный форменный кант, а усы над строгими губами стояли грозно и торжественно, как радуга над рекой. Широкоплечий и сияющий милиционер навис над Васей.

– Документики! – повторил он, протягивая к Васе толстый палец.

– Да они в деревне.

– Тогда пройдёмте.

– Куда это?

– Пройдёмте, пройдёмте.

– Нет, но это куда же?

– Пройдёмте, пройдёмте, – повторил милиционер и уже крепко держал Васю за руку повыше локтя и вёл его куда-то вправо, через толпу и покрикивал: – Посторонись! Посторонись! Пррра-ппу-сти!

Этот милиционер был знаменитый старшина Тараканов. Мелкие рыночные жулики и карманные воры так боялись его, что вместо «старшины» называли его «страшиной». Кроме того, прозывали его Тараканий Ус или просто Тараканиус. Но это, конечно, мелким жуликам не помогало.

– Посторонись! – всё покрикивал старшина и жёсткой рукой подтягивал Васю за собою.

Кокарда на его форменной фуражке ослепительно вспыхивала, как зеркало на лбу врача-носовика.

– Пойдите, товарищ милиционер, – притормаживал Вася. – Давайте разберёмся! Я вас не понимаю.

Матрос, который тихо до этого сидел в мешке, вдруг стал взбрыкивать, упёрся в Васину спину, заелозил, заскулил.

– Куда мы то едем? – говорил Вася, совсем запутавшись в таких делах, и не мог ничего сообразить: за руку его дёргал милиционер, в спину толкался Матрос, а вдогонку хихикал стекольщик, и прохожие болтали: «Смотри-кось, мелкого жулика повели!»

Старшина Тараканов взвёл Васю на какое-то крыльцо, открыл коричневую дверь, и они оказались в большой коричневой комнате. И не успел Вася разглядеть, что это за комната и сколько в ней народу находится, как на него кинулся какой-то плоский, невзрачный человек, ткнул его со всего маху в бок и завопил:

– Ага! Попался, проклятый!

И трах – кулак этого человека прилип к Васиному носу.

Матрос завыл в мешке, а милиционер сжал Васиному руку.

– А ну, – крикнул старшина, – успокойтесь, гражданин Курочкин! Отойдите-сдайте! Разговаривать с применением кулаков законом не дозволено!

И тут Вася увидел, что гражданин Курочкин, этот самый невзрачный и плоский, который накинулся на него, есть не кто иной, как черноусый. Да только под носом у него нету никаких усов – одни губы!

глава одиннадцатая Искры из глаз

Круги поплыли у Васи перед глазами – кривые, в красную крапинку. И в кругах этих торчал черноусый, у которого не было теперь усов. Он издали показывал на Васю пальцем и кричал:

– Это он! Я узнаю его!

Старшина Тараканов по-прежнему держал Васю повыше локтя и тянул его в угол, где стояла лавка, похожая на жёлтое пианино. Вася сел, а мешок поставил в ноги. Матрос, видно, почувствовал, что дела идут неладные, свернулся в мешке и лежал неподвижно, как пять кило картошки.

– Рассказывайте по порядку, Курочкин, – сказал старшина, обернувшись к черноусому, у которого не было теперь усов.

– Сейчас, – сказал Курочкин, волнуясь. – Попрою только.

Он подошёл к настольному графину и попил, булькая горлом, как голубь-горлица.

– Прошлое воскресенье, – сказал Курочкин, попив, – я купил поросят, как раз вот у этого типа. Приехал домой, гляжу – в мешке пёс. Он, рожа кривая, мешки подменил, пока я деньги считал.

– Чего? – крикнул Вася, вскакивая с лавки. – Кто купил? Ты купил?!

– А ну-ка сядь! – сказал старшина, хватая Васю за плечо. – Сядь! Разберёмся!

Он подождал, пока Вася усядется, и дальше спрашивал Курочкина:
– Какой именно был в мешке пёс? Какой породы?
– Бандитской породы, – ответил Курочкин и поглядел на Васю. – Весь мохнатый.

И Вася тоже поглядел на Курочкина. Нет, не было у него теперь усов, голые губы синели под курочкинским носом и шевелились, выговаривая слова. А по словам этим выходило всё наоборот, как будто Вася обманул Курочкина и подсунул пса вместо поросят.

«Вон как, – думал Вася ошеломлённо, – вон как честного Васю обвиняют!»

У Васи заныла голова. Он сидел на лавке тупо и неподвижно, как сидел бы фонарный столб.

«Ну ладно, – думал Вася, – болтай, болтай, Курочкин. Я пока помолчу, а потом и открою рот. Погоди, куриная слепота, только закроешь рот – я свой живо открою!»

Но рта открыть не удавалось, потому что Курочкин своего никак не закрывал, он молот и молот, как приехал покупать поросят, а Вася его обманул.

Поскрипев пером, старшина наконец поставил точку.

– Фамилия?

Вася сказал.

– Где проживаете?

Вася отвечал, а сам глядел на старшину. Он старался глядеть так, чтобы не бегали глаза, чтоб Тараканов понял, что Вася – невинная душа. Но ничего не получалось – глаза у Васи бегали, он краснел и пугался, и старшина Тараканов, как видно, понял, что душа у Васи чёрная.

К тому же в столе у старшины Тараканова лежала секретная бумага со странным названием «ориентировка». В этой бумаге было написано, что на свете появился мошенник с чёрными усами, который продаёт пса за поросят. И вот теперь старшина Тараканов глядел на Васю, радостно понимая, что он этого мошенника поймал.

– Так ли всё было, как рассказывает гражданин Курочкин?

– Всё было наоборот.

– Знаешь что, – сказал старшина, ослепляя Васю кокардой. – Ты лучше чистосердечно признайся, положи руку на сердце.

– Да я чистосердечно, – ответил Вася, кладя руку на сердце. – Это сам Курочкин был с усами. У меня-то они не растут.

– А это что? – спросил Тараканов, указывая Васе под нос.

– Это не усы, – напугался Вася, – это от шубы отстрижено!

Вася подёргал за усы, и они отвалились.

– Так-так, – насмешливо сказал старшина. – А в мешочке у вас что?

– Матрос, – пришибленно ответил Вася.

– Ну-ка поглядим, что за матрос.

Присев на корточки, старшина развязал верёвку.

Матрос вылез из мешка. Он встряхнулся как следует, окутавшись на миг облаком пыли.

– Ишь ты! – сказал старшина и ткнул Матроса пальцем. – В мешок залез! Матрос огрызнулся – и палец милицейский налился кровью.

И тут Матрос получил такого пинка, что у него из глаз искры посыпались. Разбрызгивая эти искры и завывая, он вылетел в дверь и как рыжее лохматое колесо укатился куда-то в сторону железнодорожного депо.

глава двенадцатая «Взгляни, взгляни в глаза мои суровые...»

Дело пошло быстрее быстрого.

У Васи отобрали усы и мешок, сунули это всё в несгораемый шкаф и замкнули секретным ключом. Потом строго взяли за плечо и отвели в какую-то мрачную комнату.

– Посидишь, – сказали и заложили дверь засовом.

Вот как повернулось дело. Никак не думал Вася, когда приклеивал усы, что это его погубит. Никак не думал, что зря сажает Матроса в мешок. Печальный стоял теперь Вася посреди комнаты, узенькой, как шкаф-гардероб.

На деревянной лавке, которая тянулась вдоль стены, сидел человек с лицом неспелого цвета и что-то мычал. Вася не сразу понял, что человек поёт, но постепенно стал различать слова:

Взгляни, взгляни в глаза мои суровые,
Взгляни, быть может, в последний раз...

Вася поглядел в глаза певцу, но ничего особо сурового в них не увидел – так, серая муть, голубая чепуха.

– Ты кто такой? – спросил вдруг певец тяжёлым голосом.

– А ты? – насторожился Вася.

– Чего? Кто я такой? Да если я скажу, ты умрёшь от страха! Меня вся Тарасовка знает! Понял? Туши свет!

– А меня все Сычи знают.

– Туши свет! Меня Рашпиль знает! Я знаешь кто?

– Кто?

Тут человек, которого знала вся Тарасовка, наклонился к Васе и сказал таинственно:

– Я – Батон! Слыхал?

– Слыхал, – сказал Вася, хотя ничего подобного он раньше не слышал.

– То-то! – грозно сказал Батон. – Туши свет!

– А я знаешь кто?

– Кто?

– Я – Вася Куролесов! Слыхал?

– Слыхал, – неожиданно сказал Батон и протянул руку. – Здорóво!

Вася подал руку, и тут же Батон сжал её с оглушительной силой. Вася поднатужился и тоже крепко сжал батонскую руку. Тот ещё напрягся, и Вася

поднадавил. Они жали руки с такой силой, что окажись там, внутри рукопожатия, медный шарик, он бы, конечно, расплющился.

От напряжения рыхлое лицо Батона налилось кровью. Он был и вправду похож на большой белый батон, одетый в брюки. Живот его был кругл, а голова маленькая, как и полагается батону.

– Тебя за что взяли? – спросил он, отъединяя свою руку от Васиной.

– За поросят.

– Я тоже, помню, как-то на телятах погорел. А сейчас сию по глупости: одному пинджак у рога посшибал.

– За что же! – спросил Вася.

– Он мне на ногу наступил.

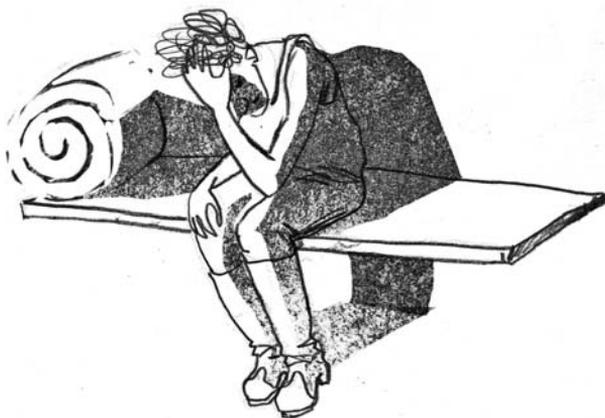
Вася невольно поглядел на эту ногу и увидел, что нога очень крупная, в ржавых ботинках на микропоре. Подробно осмотрев ногу, стал Вася оглядывать комнату. Скучной оказалась комната: стены её окрашены были коричневой краской, а высоко под потолком вполнакала горела маленькая электрическая лампочка. Она немного помигала и потухла. И тогда Вася понял, что на улице уже вечер, целый день прошёл и принёс одни неприятности.

Стало совсем темно. Через узкое окошко не видно было ничего, чуть-чуть в нём серело, и слышен был какой-то невнятный шум и гудок далёкой электрички.

«Погиб я, – думал Вася, ложась на лавку, – теперь никак не докажешь, что я не вор. Матрос в мешке – вот что меня доконало. Эх, грустные дела».

Вася представил, как будет плакать мама Евлампьевна, выйдя его провожать в дальнюю сибирскую дорогу, станет махать платочком и совать ему в руки узелок с ватрушками. Тихо-тихо, чтобы не услышал Батон, стал Вася плакать, и сквозь слёзы замычал он песню:

Взгляни, взгляни в глаза мои суровые,
Взгляни, быть может, в последний раз...

часть вторая «Водопроводчики»

глава первая Нос уточкой

Утро в Карманове долго не наступало.

Так бывает в небольших подмосковных городах – долго не наступает утро. Над Москвой уже солнечное зарево, уже пожарная сокольническая каланча позлащена восходом, а в Карманове ещё темнота, темнота – ночь.

Вася проснулся затемно и долго слушал, как сопит Батон. В предутреннем сне тот громко высвистывал носом, и, кажется, любимую мелодию: «Взгляни, взгляни в глаза мои суровые...»

Рассвело.

И скоро зашевелилась входная дверь, заныли железные петли – дверь открылась, будто зевнула. В щель выставились сонные усы старшины Тараканова.

– Куролесов, выходи.

Васю снова привели в дежурную комнату. Там, у окна, прислонясь к негорируемому шкафу, стоял какой-то человек в сером костюме.

По привычке Вася поискал на его лице усы, но не нашёл. Зато нашёл нос, кривой и крылатый, широкие медные щёки и прищуренные глаза цвета маренго.

Человек в сером костюме навёл на Васю свои глаза и спросил:

– Этот самый?

– Так точно, – ответил старшина, кивая на Васю. – Под носом – искусственные усы, в мешке – пёс.

Серый костюм внимательно пригляделся и вдруг подмигнул Васе: что, мол, попался?

– Так точно, – толковал старшина. – Товарищ Болдырев, этот самый и есть мошенник. Усы под носом, пёс в мешке.

«Вот это фамилия! – подумал Вася. – Болдырев! Как будто самовар в воду упал. Наверно, начальник!»

– Не может быть, чтоб этот самый, – сказал между тем Болдырев, внимательно глядя на Васю.

– Да как же, товарищ капитан?.. – забеспокоился старшина. – Усы-то под носом!

– Уж не знаю как, – ответил капитан Болдырев. – Приметы не совпадают. Мошенник, которого мы ищем, пожилой, а этот слишком уж молод. Ну-ка, парень, рассказывай, зачем ты усы прилепил?

– Для маскировки. Он лепит, и я буду лепить!

– Рассказывай по порядку, – серьёзно сказал капитан. – С самого начала и чтоб всё было ясно.

Всё время, пока Вася рассказывал, капитан хмыкал и пронзительно глядел на старшину.

– М-да, – сказал он потом, – дела неважные. Что-то вы, товарищ старшина, напутали. Расскажите, какой из себя Курочкин.

– Невысокого роста, пожилой, – отвечал старшина Тараканов и вдруг побледнел. – Нос уточкой.

– Какой нос?

– Уточкой, – повторил старшина, бледнея всё больше.

– Ну вот, – сказал капитан Болдырев. – И нос уточкой. Приметы сходятся, а усы он сбрил. Этот Курочкин и есть тот самый человек, которого мы ищем.

– Да как же?.. – растерянно твердил старшина. – Он же паспорт показал, живёт в Перловке, сторож картофельного склада.

– Паспорт поддельный, – строго сказал капитан. – А картофельного склада в Перловке сроду не было.

глава вторая Телеграмма

Да, вот какие получились дела. И в голову не пришло старшине Тараканову, что Курочкин и есть тот самый мошенник, а Вася – простой человек.

– Да, – сказал капитан Болдырев, глядя на старшину нестерпимым взглядом, – вон какие получились дела.

Старшина открыл секретным ключом несгораемый шкаф, вынул оттуда мешок и усы, подержал их печально в руках и протянул Васе:

– Возьмите, гражданин.

– Что за мешок? – спросил капитан.

– Ихний мешок, – ответил совсем расстроенный старшина. Усы его поникли, как спортивные флаги под дождём.

– Это не мой мешок. Это мешок вашего Курочкина. А вот усы мои.

– Интересно, – сказал капитан, разглядывая мешок. Он постелил на стол лист чистой бумаги и потряс мешок. Всякая труха посыпалась оттуда. Тут же капитан чик-чик – свернул труху в кулёчек и сунул в нагрудный карман.

«Рассматривать, наверно, потом будет, – подумал Вася, – под микроскопом».

– Вы понюхайте мешок, – сказал он капитану.

– А что? Пахнет?

– Ещё как!

– Верно, – сказал Болдырев, понюхав. – Запах есть. Только не пойму, чем пахнет. Не укроп ли?

Старшина Тараканов тоже протянул к мешку нос и несколько раз понюхал.

– Запах есть, – сказал он, – только тонкий запах. Я его не пойму. Это, наверно, мимозы.

– Ничего тонкого, – сказал Вася. – Запах мёда.

– Мёд? – удивился Болдырев. Он снова взял мешок в руки и принялся пристально нюхать.

– И ещё я в нём пчелу нашёл, – сказал Вася, – а другая была у пса в ухе. Вот я и думаю: по этим приметам можно найти Курочкина.

– Во парень! – удивился Тараканов. – И носом чует, и головой работает.

– Молодец, – подтвердил капитан Болдырев, – ты, я вижу, сообразительный.

– Маленько мерекаю, – ответил Вася с достоинством.

В этот момент дверь в дежурную комнату распахнулась, и вошёл рядовой милиционер по фамилии Фрезер.

– Товарищ старшина! – сказал он. – Вам срочная телеграмма.

Тараканов разорвал бланк и прочёл телеграмму.

ГОРОД КАРМАНОВ

МИЛИЦИЯ

= ТАРАКАНОВУ БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ

ГРАЖДАНИНА КУРОЧКИНА =

глава третья Допрос Матроса

«Устал как собака, – думал Вася, выходя из милиции, – и не выспался».

В милицейском палисаднике и на улице, за забором, было пусто. Только одинокий кармановский гусь бродил среди луж.

Поглядев на гуся, Вася так зевнул, что у него всё в глазах перевернулось, а когда всё снова установилось, гусь уже мчался, гогоча, по лужам, а вслед за ним – рыжая рычащая фигура с обрывком верёвки на шее.

Загнав гуся под милицейский мотоцикл, фигура эта направилась к Васе и улеглась у его ног, хлопая хвостом по одуванчикам.

– Привет! Кого я вижу!

Матрос повалился на бок, и Васе пришлось почесать ему живот. Он почёсывал его, разглядывая обрывок верёвки.

– Блохи? – послышалось за спиной. Капитан Болдырев вышел на крыльцо и разглядывал Матроса.

– Да нет, – сказал Вася. – Собаки любят, когда им брюхо чешут.

– Да? – удивился капитан. Он хмыкнул, присел на корточки и тоже стал почёсывать Матроса.

– Да, – подтвердил Вася, – а я вот ни за что не дал бы себе брюхо чесать.

Матрос совсем, видно, обалдел от счастья, от того, что его чешут сразу два человека. Старшина Тараканов строго смотрел на всё это дело в окно.

– Видите верёвку? – спросил Вася капитана. – Я её на Матроса не цеплял. Видно, Курочкин снова его приманил, когда я в милиции сидел, и посадил на верёвку. А Матрос её перегрыз и ко мне вернулся. Кому же приятно сви́нью изображать?

– М-да, – сказал Болдырев. – Значит, Матрос порвал с преступным миром. Решил начать новую жизнь. А всё-таки надо бы его судить да ещё и посадить годика на три.

– Ну нет, – сказал Вася. – Матрос – честный пёс. Это Курочкин виноват.

– А зачем он хрюкал? Собака лаять должна. Наверно, он тренированный.

– Да не хрюкал он, – сказал Вася. – Он молчал и вроде скулил, а мне казалось – похрюкивает.

– Лаять надо было, – строго сказал капитан.

– Его мешок оглушивает, – пояснил Вася. – Сунешь его в мешок – он и замолкает.

– Ну, может быть, и так, – добродушно сказал капитан, – а всё же надо бы попробовать.

– Чего попробовать? – не понял Вася.

– Попробовать... Не наведёт ли он нас на след. Курочкинский.

глава четвёртая Матрос наводит на след

Первым делом Вася дал Матросу понюхать мешок:

– Ищи, Матрос, ищи! Где Курочкин?

Матрос виновато заскулил, ожидая, видно, что ему снова будут чесать живот. Но ему подсунули мешок.

– На, Матрос, на! Нюхай мешок! – приставал к нему Вася.

Матрос сопел и из уважения к Васе нюхал мешок.

– Э-э, – сказал капитан, – так дело не пойдёт. Чего ему зря нюхать мешок? Он в нём сидел, принялся.

– Пчёлы! – вспомнил тогда Вася. – Пчёлы, Матрос! Вжу, вжу, вжу...

Вася жужжал, шевелил по-пчелиному пальцами и чуть ли не летал над Матросом. Тот не знал, куда деваться: то подпрыгивал на месте, то начинал брехать.

– Чепуха, – сказал капитан Болдырев, – ничего не получится. Дворняга и есть дворняга.

Он подошёл к Матросу и вдруг топнул ногой и крикнул:

– Домой!

От неожиданности Матрос прижал уши.

– Домой! – повторил Болдырев. Он сверкнул глазами и снова топнул с такой силой, что земля затрещала.

– Домой! Домой! – подхватил Вася.

Он тоже затопал ботинками и попытался сверкнуть глазами. Получилось это у него не так мощно, как у капитана, но Матросу, видно, всё-таки не по-

нравилось, что на него сверкают и топают. На всякий случай он побежал куда-то, всё время оглядываясь. Вася и Болдырев побежали за ним.

Матрос сворачивал с одной улицы на другую, пробежал проходными дворами, и вскоре они оказались на окраине города Карманова, в редком сосновом лесу. Здесь стояли дачи за голубыми и серыми заборами.

Матрос остановился у забора, сбитого из разнокалиберных досок и штакетин. Кое-где его подлатали ржавой жостью – специально, чтоб не было за ним ничего видно.

Матрос сёл у калитки, поджидая Васю и Болдырева.

– Чего уселся? – крикнул Вася, подбегая.

Матрос заскулил и лёг на землю.

– Домой!

И тут Матрос, видно, совсем обиделся. Он чихнул и, поджав хвост, юркнул в дырку под забором.

– Так, – сказал Болдырев. – Надо поглядеть, что там делается.

Он приоткрыл калитку, и тут же раздался звонкий и злобный лай. Очутьившись за забором, Матрос преобразился. Как рыжий горячий дьявол, он налетел на капитана и вцепился в ботинок.

– Молчи! – сказал Болдырев, дёрнув ногой.

Матрос отлетел в сторону и плюхнулся в клубнику.

– Смотрите-ка, – сказал Вася, схватив капитана за рукав. – Ульи.

Между яблонями, на взрыхлённой земле, стояло пять ульев, выкрашенных зелёной краской.

– Ну что ж, сказал Болдырев. – Похоже, он привёл нас куда надо.

По тропинке, мимо сарая, мимо поленницы дров, капитан пошёл к дому, который виден был за кустами смородины. Вася шагал за ним. Он старался шагать смело и уверенно, но шагжки получались мелкие, куриные.

Поднявшись на крыльцо, Болдырев стукнул в дверь.

– Кто там? – сразу послышалось за дверью.

И в этот самый момент Васе захотелось отличиться. Прежде чем капитан успел открыть рот, Вася брякнул вдруг басом:

– Водопроводчики!

Болдырев так глянул на Васю, что у него сердце остановилось.

– А чего вам надо? – слышалось между тем за дверью.

– Водопровод хотим починить, – робко сказал Вася и совсем стушевался.

– А у меня нету водопровода, – сказал голос за дверью. – У меня – колодец.

– Ну давай колодец починим, – раздражаясь, сказал капитан.

– А чего его чинить! Он и так качает.

Говорить вроде было больше нечего. Болдырев снова вонзил свой взор в Васю, подержал его немножко в Васиной душе, а потом вынул.

– Ладно, – сказал он, – откройте. Мы из милиции.

– Из милиции?

– Ага.

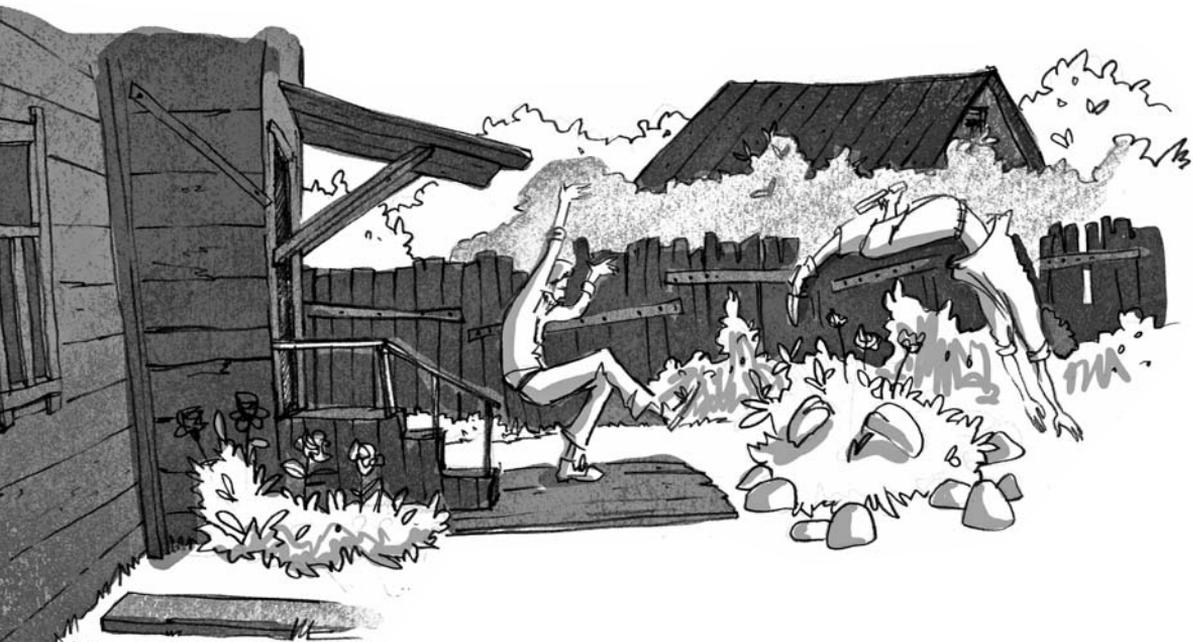
– Тогда покажите документ.

– Как же мы его покажем? Дверь-то закрыта.

– Ничего-ничего, показывайте. Я в щёлочку увижу.
– Вот дьявол! – рассердился Болдырев. Он достал из кармана красную книжечку и развернул её. – Ну что? – спросил он. – Видно, что ли?
– Немножко левее, – сказали за дверью.
Болдырев передвинул книжечку левее, и тут же над головой его раздался гром, дверная доска расщепилась, с пороховым огнём вылетела на улицу пуля и, взвизгнув, улетела по направлению к Москве.

глава пятая Руки вверх!

Пуля только ещё пробивала дверь, только ещё высовывала наружу свою медную змеиную головку, а Болдырев и Вася уже махнули с крыльца. Вася грянул на землю и укатился за цветочную клумбу, а Болдырев врос в стену дома, прижался к ней так крепко, будто его приколотили гвоздями.

Он вытащил из кармана чёрный пистолет, похожий на записную книжку. Услышав выстрел, Матрос подпрыгнул на месте, повис на миг в воздухе, а опустившись на землю, бросился бежать с такой скоростью, будто хотел догнать пулю.

Добежав до ближайшего пруда, он плюхнулся в грязную воду, безумным стилем баттерфляй переплыл на другой берег и навеки затаился в крапиве.

– Эй, водопроводчики! – послышалось за дверью.

Вася и Болдырев молчали, окаменев.

– Эй! Водопроводчики! Что ж молчите?

– А чего ты стреляешься? – ответил Вася.

– Ха-ха! – сказал человек за дверью. – Водопровод починять больше не станете...

– С тобой починишь, – сказал Вася, оглядываясь на Болдырева, который потихонечку подвигался к углу дома. Вася понял, что Болдырев хочет зайти с тыла, ударить через окно.

– А почему я вас в щёлочку не вижу? – спросил неизвестный. – Что, вы спрятались, что ли?

– Мы на землю залегли, – сказал Вася. – Боимся.

– Вы уж лучше так и лежите, а то я всех перестреляю.

– Ладно, – сказал Вася, – полежим пока. Земля не очень сырая. В самый раз картошку сажать.

Болдырев уже скрылся за углом, и человек за дверью замолчал, затаился – видно, придумывал что-то. Может быть, заметил Болдырева?

Проползла минута. И тут раздался треск, звон разбитого стекла, и откуда-то из глубины дома долетел до Васи крик:

– Руки вверх!

Дверь вздрогнула, заскрипела, кто-то бухнул в неё изнутри. Запели несмазанные петли, и на крыльцо выскочил человек с пистолетом в руках.

Вася зажмурился.

глава шестая Три богатыря

На крыльце стоял капитан Болдырев.

А дом был пуст.

То есть, конечно, в нём была печка, были стол, стул, шкаф, тумбочка. На столе стояла сковородка, в которой имелись остатки жареного мяса, а на стенке висела маленькая картинка «Три богатыря».

Всё это было. Не было только человека. Того, что стрелял. Исчез.

Когда капитан разбил окно и крикнул: «Руки вверх!», дом был уже пуст.

Болдырев обошёл весь дом неслышным милицейским шагом, заглянул в шкаф и под кровать.

Вася шёл за ним, каждую минуту ожидая пулю в лоб. Но пули не было, и человека, который только что стрелял, не было.

– Ушёл, – сказал Болдырев. – А как ушёл? Окна закрыты. Постой! Что это над печкой?

Над печкой, прямо в потолке, виден был люк, который вёл, очевидно, на чердак.

По приставленной к печке лесенке Болдырев дотянулся до люка.

– Эй? – крикнул он. – Вылезай!

Никто не ответил, и тогда Болдырев потихоньку полез наверх. Вот в люк ушла его голова, вот уже только ботинки капитанские торчат под потолком. Вася остался в комнате один.

Бух-бух!.. Что-то тяжело загромыхало над головой. Болдырев ходил по чердаку, и шаги его глухо отдавались в потолке. Но вот и они затихли.

Васе стало совсем неприятно.

«Проклятый Курочкин! – думал он. – В какую историю меня втравил! Чуть пулю в лоб не схлопотал, а теперь вот сижу неизвестно где. Того гляди, сейчас кто-нибудь ножом ахнет. Вылезет из погреба какой-нибудь косматый! Болдыреву на чердаке небось хорошо. Чего он там сидит? Слезал бы! А то сейчас войдёт кто-нибудь».

Совсем тихо стало, а в комнате не было даже и часов-ходиков, чтоб оживить тишину.

Вася присел на краешек стула и тревожно стал разглядывать картину «Три богатыря».

Пристально смотрел с картины Илья Муромец, поставив над глазами ладонь козырьком.

«Что ты делаешь в чужом доме, Вася? – спрашивал вроде Илья. – Зачем влез ты в эту историю?»

«Глупо, Вася, глупо», – говорил будто бы и Добрыня, равнодушно взглядывая в окно, где виднелись яблони и ульи между ними.

Алёша Попович глядел печально. Единственный из троицы, он, кажется, Васю жалел.

Скрип-скрип... – заскрипело что-то на улице. Это запели ступеньки, и у Васи охладело сердце.

На крыльце слышались шаги.

глава седьмая Йод из Тарасовки

Медленно-медленно приоткрылась дверь, и тут же сердце Васино ахнуло и полетело куда-то в глубокий колодец. Вася – хлоп-хлоп – прихлопнул его ладонью, пытался удержать на месте, но не сумел.

Дверь распахнулась пошире, и стал виден человек в сером костюме, а Вася уже и сообразить не мог, кто это.

– Жив? – спросил капитан, прикрывая дверь.

Вася молчал. Он всё ещё соображал, как же это так: улез на чердак, а вошёл в дом с улицы?

– Видишь, какие дела, – сказал Болдырев. – Через люк над печкой неизвестный попал на чердак, а к чердаку с той стороны дома приставлена лестница. По ней он и ушёл.

– Куда ушёл?

– Откуда я знаю! – сказал Болдырев и махнул рукой.

И вот когда Болдырев махнул рукой, Вася наконец успокоился, сердце его шмыгнуло на своё законное место, точь-в-точь кошка, которая вбегает в дом с мороза и первым делом – на печку.

– Что же будем делать? – бодро уже спросил Вася.

– А! – сердито сказал Болдырев. – Упустили! Теперь его не найдёшь! А тебя кто просил влезать со своими «водопроводчиками»? Кто?

– Не знаю.

– «Водопровод хотим починить»! – передразнил Болдырев. – Если ещё раз сделаешь что-нибудь без разрешения, пиши пропало!

– Пишу, – сказал Вася, моргнув.

Капитан прошёлся по комнате, заглянул зачем-то ещё раз под кровать. Потом взял с подоконника пепельницу, сделанную в виде фиолетовой рыбки, и стал рассматривать окурки-бычки, которые лежали в ней.

Вынув из кармана целлофановый пакетик, капитан аккуратно сложил туда окурки.

С удивлением смотрел Вася на такие действия.

Капитан тем временем открыл тумбочку, стоящую у кровати. В тумбочке тоже не нашлось ничего особенного. Болдырев вынул мыло, повертел его в руках – «Детское», потом достал бритву. Бритва как бритва – безопасная. За бритвой оказался из тумбочки маленький пузырёк тёмно-коричневого стекла.

Болдырев принялся рассматривать этот пузырёк, крутя его в пальцах.

– Как думаешь, – спросил он, – что это?

– Йод, – сказал Вася. – Каким раны мажут.

– Откуда он?

– Из тумбочки.

– Прочти этикетку.

На этикетке было написано: «Тарасовская аптека. Настойка йода».

– Ну и что? – спросил Вася.

– Ничего, – ответил Болдырев. – Йод из Тарасовки.

– Ну и что?

– «Что да что»! – рассердился Болдырев, засовывая пузырёк в карман. – Запомни, и всё! Может пригодиться.

– Да зачем нам йод? Пуля-то мимо пролетела.

Болдырев открыл рот и, видимо, хотел сказать что-то сердитое, но вдруг закрыл рот и приложил к губам палец:

– Т-ш-ш-ш...

На крыльце послышались шаги.

глава восьмая Рашпиль

Ступеньки перестали скрипеть – человек на крыльце остановился.

– Ох, – сказал он, отдуваясь.

Потом донеслось звяканье ключей и бормотание:

– Хлеба взял, соли взял, бутылку взял. Надо бы воблы взять, да где ж её возьмёшь?

Он замолчал и всё звенел ключами, никак, видимо, не находил подходящего.

– Что это? – послышалось вдруг на крыльце, и в дырке от пули что-то зашебаршилось.

В неё всунулся заскорузлый палец, и Васе захотелось схватить его, но палец, покрутившись, ушёл обратно.

– Воры! – закричал человек на крыльце. – Дырку просверлили!

Дверь распахнулась, и в комнату влетел человек. Он выскочил на середину комнаты, размахивая сумкой-авоськой и тяжело сопя, и тут же у Васи над ухом грянуло:

– Р-Р-РУКИ ВВЕР-Р-РХ!

Вася даже не понял, что это крикнул Болдырев, таким страшным показался капитанский голос. Он рывкнул с силою пароходной сирены. От этого ужасного и неожиданного звука человек выронил авоську, ахнула об пол бутылка, а руки вошедшего вздёрнулись вверх так резко, будто бы он хотел подтянуться на турнике.

Болдырев подошёл к нему сзади и, похлопав его по карманам, вытащил ключи и пачку папирос «Беломор».

Не опуская рук, вошедший обернулся. И лицо-то его оказалось знакомым – рябое, изъеденное оспой. «Стекло! – вспомнил Вася. – Двойное, бэмское!» – Рашпиль! – сказал Болдырев. – Старый знакомый! Можешь опустить руки.

Стекольщик по прозвищу Рашпиль опустил руки. Глаза его были глубоко упрятаны под бровями и глядели оттуда, как мыши из подвала.

– Смотри, Вася, – говорил Болдырев, – ведь это Рашпиль, старый вор, который сидел в тюрьме триста или четыреста раз.

– Два, – глухо проворчал стекольщик, а потом ткнул в Васю пальцем: – Эта морда мне тоже знакомая.

– Что ты здесь делаешь, Рашпиль?

– Как что, гражданин начальник? Домой пришёл.

– Это твой дом?

– А чей же? И дом, и сад, и ульи – всё моё. Наследство от родителя, Иван Петровича. Помер родитель. Добрый был.

– Жаль родителя, жаль Иван Петровича, – сказал капитан. – Значит, теперь дом твой. А кто же стрелял?

– Да мне откуда знать, гражданин начальник? Я в магазине был. Пришёл – дырка.

– Интересно получается, – сказал Болдырев. – Дом твой, а кто был в доме, ты не знаешь. Я бы на твоём месте подумал.

– Чего мне думать? – ответил Рашпиль. – Пускай лошадь думает, у ней башка большая.

– Ну, если не хочешь думать, тогда пошли.

– Куда?

– Куда надо.

Тут Рашпиль спрятал глаза под бровями, и теперь стало казаться, что у него вообще нету глаз, как, например, у репы.

– Может быть, жилец стрелял, – сказал он хрипло.

– Какой жилец?

– Да на рынке один попросился ночевать, я его и пустил. Сам-то в магазин пошёл, а он дома остался. Прихожу – дырка.

– Как звать жильца?

– Васька.

– А фамилия?

– Фамилию-то я чего-то плохо помню. На букву «К» вроде.

– Курочкин? – влез в разговор Вася.

– Не-не, другая какая-то. Постойте, Кулоресов. Точно: Васька Кулоресов.

– Ага, – сказал Болдырев. – Вот как выходит. Ну ладно, гражданин Рашпиль. Сиди дома, никуда не выходи. Понял?

Он широко распахнул дверь и уверенно пошёл по садовой дорожке. Вася солдатски повернулся на каблуках и пошёл следом, глядя в затылок капитана.

– Только не оглядывайся, – тихо сказал Болдырев.

– Почему? – спросил Вася, когда они уже вышли на улицу.

– Человек, который уверен в себе, никогда не оглядывается.

Вася шагал вслед за Болдыревым, крепко ударяя ботинками в землю, как человек, уверенный в себе. Но на самом деле он совсем не был в себе уверен.

глава девятая Каша в голове

Отойдя с полсотни шагов, Болдырев завернул за угол и остановился. Он достал из кармана чёрную записную книжку, похожую на маленький пистолет, и стал что-то быстро писать. Потом выдрал листочек.

– Пулей в милицию! – сказал он. – Отдашь записку Тараканову.

– А вы?

– Я здесь останусь.

Зажав записку в руке, Вася побежал по дороге. Сначала он бежал медленно, но потом разогнался и в милицию действительно ворвался пулей.

Тараканов сидел за столом в дежурной комнате. Размеренно и важно, с достоинством и интересом старшина ел бутерброд.

– Записка! – крикнул Вася. – От капитана!

Одной рукой старшина взял у него записку, а другой по-прежнему ел бутерброд. Он стал читать медленно и вдумчиво.

– Так, – сказал он, дочитав записку и доев бутерброд. – Всё ясно.

Секретным ключом старшина открыл несгораемый шкаф и достал оттуда пиджак-букле и соломенную шляпу, потом аккуратно снял форменный китель и фуражку. Переодевшись, старшина стал неузнаваем. В пиджаке-букле и в шляпе он был похож на сельскохозяйственного агронома с авто-ручкой в нагрудном кармане.

– Сиди здесь! – сказал он Васе и вышел, скрипя хорошо начищенными сапогами.

«Как это так: сиди здесь? – подумал Вася, усаживаясь на лавку. – Там дела делаются, а я сиди здесь! Встану сейчас да и отправлюсь следом. Чего я буду зря сидеть?»

Но всё-таки он сидел, не решаясь нарушить приказ, и только прислушивался к тому, какая каша варится у него в голове. А каша варилась в ней действительно странная. Кто стрелял? Зачем стрелял? Почему Болдырев вдруг ушёл?

Вася пытался разобраться в этой каше, но ничего не получалось. Тогда он плюнул и стал думать о другом.

«Мама-то Евлампьевна, наверно, с ума сходит. Думает: где мой Вася? А Вася в милиции сидит. А куда, интересно, пропал Матрос? Наверно, совсем обиделся. Там его в мешок суют, здесь ногами топают».

Скрипнула дверь. В комнату вошёл Болдырев.

– Ну, – сказал он, – так кто же всё-таки стрелял?

– Курочкин.

– Почему думаешь?

– Так я его по голосу узнал.

– Хорошо, – сказал Болдырев. – Теперь давай думать, кто был в комнате, когда мы поступали.

– Курочкин.

– А где был Рашпиль?

– В магазине.

– Почему думаешь?

– Он сам сказал.

– Мало ли что он сказал! А почему на столе лежали две вилки? Нет, парень, Курочкин и Рашпиль – одна компания. Они оба были дома, и мы застали их врасплох. С перепугу Курочкин выстрелил. Потом они удрали.

– А зачем же Рашпиль вернулся?

– Вот я и думаю: зачем?

– А может быть, – сказал Вася, – они в доме позабыли что-нибудь?

– Ну, молодец, – сказал Болдырев. – Конечно, они оставили что-то важное. Скорей всего, деньги.

Болдырев прошёлся по комнате, внимательно посмотрел на план города Карманова, висящий над столом.

– Но Курочкин – это гусь. С пушкой ходит. Это важный преступник. У него дела покрупнее, чем твои поросята. Кстати, ты уверен, что слышал его голос?

– Ещё бы! Я этого Курочкина теперь за километр узнаю и по голосу и не по голосу.

– А в темноте узнаешь?

– Я его с закрытыми глазами узнаю. Только понюхаю и сразу скажу: вот он, Курочкин.

– Ай да парень! – насмешливо сказал Болдырев. – Всем хорош, только водопроводчиком объявился. Ну ладно, сегодня вечером будешь нюхать.

глава десятая Засада

День-то почти что уж кончился.

Незаметно подплыли сумерки, за ними подвалил вечер. В комнатах за деревьями загорелись настольные лампы – ночь наступила.

Ещё в сумерках Болдырев с Васей снова подошли к дому Рашпиля. Осторожно приоткрыв калитку, капитан вошёл в сад. Вася за ним. У поленницы дров капитан остановился и сказал негромко:

– Докладывайте.

– Всё в порядке, – неожиданно ответили дрова глухим еловым голосом, – пташка в клетке. Нет ли чего-нибудь пожевать?

– Подкрепляйтесь, – сказал капитан и сунул в поленницу бутерброд, завёрнутый в газету.

Дрова тихонько заворчали, шелестя газетой.

– Стань у сарая, – сказал Болдырев Васе, – и гляди в оба. Только не вздумай чего-нибудь делать. Стой, смотри и молчи.

– А если меня будут резать?

– Тогда кричи, – сказал Болдырев и растворился где-то за кустами смородины, за пчелиными ульями.

Вася стоял, прислонившись спиной к сараю. Справа от него была поленница дров, слева – смородина и помойка, прямо перед Васей – яблони и ульи, а за ними – дом.

В темноте Рашпиль выходил несколько раз на крыльцо, кашлял, ругался, законопачивал дырку от пули, наверно, бутылочной пробкой.

Где Болдырев, Вася не знал. Видно, пристроился поудобней, чтоб в окно глядеть.

В окно-то глядеть, конечно, интересней. А тут стоишь спиной к сараю и только дрова видишь, а смородину и помойку уже и не видно. Так, что-то сереет, что-то чернеет, а что это – не разберёшь.

«Надо было домой ехать, – думал Вася, – мама Евлампьевна совсем, наверно, извелась. Сидит на завалинке и плачет. Да и как не плакать – Вася-то у ней один. Может, убили Васю! Прижали в тёмном углу, сняли пиджак, часы “Полёт”...»

Вспомнив маму, Вася совсем загрустил и бессмысленно смотрел теперь на поленницу дров, уже не различая, где берёзовые дрова, а где сосновые. Нет, конечно, берёзовые дрова были пока видны, но слабо, бледно, невыпукло. Кора-то белела, а вот чёрточки на ней растворились.

«Слились чёрточки, – думал Вася, – пропали во тьме. А я стою один, у сарая. Ну и жизнь!»

Спина Васина стала потихоньку замерзать – то ли сарай её охлаждал, то ли сама по себе.

Но скорей всего, виноват был сарай. Он совсем к ночи охладился.

Что-то зашуршало в сарае. Ясное дело – мышь. Пожрать пошла.

День спала в опилках, а ночью тронулась. Куда её несёт? Спала бы.

Шуршит и шуршит. А может быть, это не мышь? А что-нибудь покрупнее! Вроде человека!

С ножом!

Нет, не видно никого. Это всё фантазия, воображение. Это мышь шуршит, а Вася думает: человек.

Зачем человеку шуршать? Человек топает. Он не мышь. Он большой. Плечи – огромные, глаза – фонари, в кармане – нож. Сейчас подкрадётся, вытащит нож и...

Ночь совсем уж тёмная стала. Закрывай глаза, открывай – всё одно и то же: темнота.

А в темноте, конечно, кто-то крадётся.

Вот он дышит тяжело, со свистом!

Вася вынул руки из карманов и зачем-то присел. Он хотел крикнуть, но не успел.

Кто-то чёрный, приземистый кинулся на него, сопя и грубо дыша прямо в лицо.

глава одиннадцатая Страшноватая ночь

– Витя! – послышалось капитану.

«Какой Витя?» – подумал он.

Укрывшись за стволом яблони папировки, Болдырев наблюдал за окнами и дверью дома. Он касался ухом шершавого ствола и слышал, как в яблоне что-то шевелится, вздрагивает, журчит.

– Витя! – снова послышалось Болдыреву.

«Какой такой Витя?» – подумал он, но вдруг понял, что слышит совсем другое слово. Это слово – «помогите», которое долетает откуда-то из-за сарая. Оттолкнувшись от папировки, Болдырев бросился туда. Тут же послышался какой-то треск – это старшина развалил поленницу дров и кинулся к Васе на выручку.

И тут в свете карманного фонаря Болдырев увидел ужасную картину: какой-то растрёпанный человек катался по земле, обхватив руками что-то косматое и несуразное. В человеке Болдырев признал Васю, а кого тот держит в руках, никак не мог разобрать.

– Что же это!? – сказал Болдырев.

– Всё в порядке, – донеслось с земли. – Одного поймал!

При этих словах старшина Тараканов хлопнулся сверху на Васю и, гремя усами, вцепился в то, что держал Вася в руках.

Через секунду старшина поднял за шиворот какое-то существо, глаза которого в свете карманного фонаря блестели, как у сына.

В репьях и в тине, кудлатый, растерзанный, в мощной руке Тараканова болтался Матрос. Шерсть у него стояла дыбом, ухо, которое прежде торчало, теперь повисло как подрубленное, а то, что висело раньше, теперь же, наобо-

рот, поднялось. Тут в доме стекольщика вспыхнул свет, и на крыльце показался Рашпиль.

– Кто там? – крикнул он и, выхватив из-под крыльца какую-то корявую дубину, стал спускаться в сад. – Кто тут? – орал он. – Убью!

глава двенадцатая Собачья жизнь

Размахивая дубиной, Рашпиль обошёл весь двор. Потом вернулся на крыльцо и снова угрожающе сказал в темноту:

– Убью!

Он потоптался на крыльце, хлопнул изо всех сил дверью, ушёл в дом.

Скоро свет в окне погас. На улице слышно было, как ухнул Рашпиль на кровать – заныли железные пружины.

В стороне от дома, под соснами, виднелись какие-то тени. Две-то тени стояли спокойно, а третья, усатая тень, всё время шевелилась, она прижимала к груди что-то лохматое и брыкающееся. Это старшина Тараканов держал в руках Матроса и напоминал сейчас старинного богатыря, который побеждает не крупного дракона.

Печально выглядывал этот дракон из милицейского кулака. Ему хотелось ужасно укусить старшину, но руки того были в специальных непрокусываемых перчатках.

Да, день сегодняшний оказался для Матроса днём сплошных разочарований. Просидев до вечера в крапиве, Матрос отправился на поиски Васи, с трудом разыскал его у сарая, а Вася дал ему по морде и стал душить. Не это ли называется собачья жизнь?

– Отпустите пса, – тихо сказал Болдырев.

Старшина разжал перчатку, и Матрос бухнулся на землю, прижался к Васиной ноге. За день он что-то совсем исхудал – шкура болталась на нём, как шинель с чужого плеча. Вася погладил его.

– Собака – друг человека, – насмешливо сказал Болдырев. – И этот человек вместе с собакой может отправляться домой. Мне такие водопроводчики не нужны.

Болдырев повернулся к Васе спиной и шагнул в сторону, старшина – за ним.

Мгновение – и они скрылись бы в темноте, но случилось неожиданное.

Матрос ринулся вдогонку и вцепился в галифе старшины.

Галифе тревожно затрещали.

– Чего!!! – шёпотом крикнул старшина. – Обмундирование рвать!!!

Он махнул ногой – хорошо начищенный сапог, как сабля, сверкнул в темноте.

– Назад, Матрос! Ко мне!

Матрос выплюнул галифе, отскочил в сторону.

– Тихо! – сказал Болдырев и что-то шепнул на ухо старшине.

Тот козырнул: есть!

– Пойдём, – сказал Болдырев Васе. – Я тебя провожу.

– Собаку с человеком спутать трудновато, – говорил Болдырев, пока они шли по кармановским тёмным улицам. – Видно, ты здорово перепугался. Ну, ничего, многие люди боятся темноты. А ты парень сообразительный, только, пожалуй, трусоват. Ладно. Домой тебе ехать поздно. Пойдём в милицию, там переночуешь.

– Ничего мне не надо, – сказал Вася. – Я на станцию пойду.

– Чего ж ты? Обиделся, что ли?

– Ничего я не обиделся. До свидания.

Он повернулся к Болдыреву спиной, свистнул Матроса и пошёл к станции.

Всё-таки Вася, конечно, обиделся. Правда, на Болдырева обижаться не приходилось. Оставалось обижаться на себя.

Так, обижаясь на себя, пришёл Вася к станции. Была ночь, и последний поезд давно уж дремал в тёплом депо.

По пустынной платформе слонялись два или три человека, которые тоже, кажется, обижались на себя. Один подошёл к Васе и попросил закурить.

– Я не курю, браток.

– Эх! – сказал обиженный. – И тут не везёт.

Да, бывают на свете такие люди, которым не везёт. Они вечно опаздывают на поезд и покупают пса за поросят. Вся их жизнь – сплошное невезение. Иногда кажется: вот-вот должно повезти, вот-вот ухватят они за хвост синюю птицу, а оказывается, это и не синяя птица, а так себе, воробушек, воронье перо, куриная косточка.

Вася уселся на длинную железнодорожную лавку и стал думать о своих обидах и невезениях. И так получалось, что ни в чём, ни в чём-то ему не везёт.

Матрос, которому в жизни тоже не везло, залез на лавку и улёгся, свернувшись. Он превратился в рыжую пушистую подушку. Вася положил голову на эту подушку и скоро заснул, слушая, как бурчит у подушки в животе.

Ранним утром сел Вася на поезд, поехал домой и, когда уже подходил к деревне, издали увидел Евламповну.

Она сидела на брёвнышке у скотного двора и горько плакала.

часть третья Запах мёда

глава первая Цветочек без поливки

Жизнь Васина потекла теперь самым обычным образом. Она, как говорится, вошла в свою колею.

Но колея эта Васе не очень-то нравилась. Ему хотелось, чтоб была она с каким-нибудь вывертом, с загогулиной.

Однако откуда было взяться этой загогулинке, если с утра до вечера приходилось ему учиться на механизатора, часами сидеть над книжкой с мощным названием «Трактор»? И если он видел какую-нибудь загогулину, так только в руках тракториста Наливайко, который ковырялся ею в тракторном моторе.

Недели через две после возвращения из Карманова Вася решил написать Болдыреву письмо и посмотреть, что из этого получится. Взяв чистый лист бумаги, он стал писать:

Добрый день (или добрый вечер, не знаю), дорогой товарищ капитан!

Пишет письмо вам ваш знакомый Василий Куролесов из Сычей, который усы лепил (от полушубка). Он пишет письмо в милицию первый раз, поэтому прошу извинить его за ошибки (запятые или буквы). А если не извиняете, всё равно дочитайте письмо до конца.

В первых строках обращаюсь к вам с глубочайшей сердечной просьбой. Сообщите мне: поймали Курочкина или нет?

Во вторых строках меня интересует Рашпиль (рябой). Всё в том доме живёт или переехал?

В последних строках сообщаю вам, что я тогда не струсил, а просто напугался. Если надо, то я пойду сражаться за Родину.

Жду ответа, как космонавта ракета.

Василий Куролесов.

Вася перечёл письмо, заклеил его в конверт и вывел крупно адрес:

Райцентр Карманов, милиция, капитану Болдыреву (лично).

Вверху приписал ещё слово: *Срочно*. Но этого ему показалось мало: в уголке конверта, рядом с маркой, он добавил:

Почтальон! Шире шаг!

Опустив письмо в ящик, приколоченный к сельсовету, Вася стал ждать ответа.

День шёл за днём – ответа не было, и Вася становился всё более мрачным. Улыбка что-то совсем исчезла с его лица. Приходя домой, он садился на сундук и глядел задумчиво на фотографии дальних родственников.

Матрос всюду слонялся за ним и тоже часами просиживал у сундука, глядя на фотографии дальних родственников.

– Васька у меня как цветочек без поливки, – жаловалась соседям Евлампьевна. – Совсем захирел.

Соседи разводили руками, пожимали плечами – надо бы, мол, полить этот цветочек, да как это сделать, неизвестно. Не придумано ещё такой аппаратуры, чтобы душевные неприятности поливать.

А между тем настоящие цветочки – анютины глазки и вероники – повсюду уже распускались. Дождь их поливал, грело солнце, и дни, как рыбки, уплывали.

Вот только что был день, только что держал его Вася в руках, а вот уж и нет его, в руках пусто, и ночь наступила.

Как-то утром Евлампьевна разбудила Васю.

– Васьк, – сказала она, – письмо!

глава вторая Щепки летят

Сегодня была нерабочая суббота, и тишина стояла в деревне Сычи.

Конечно, это не была такая уж мёртвая тишина. Например, слышно было, как соседка Марусенька доит корову. Струйки молока били в ведро с однообразным пилящим звуком: вжж... вжж... вжж... Можно было даже подумать, что Марусенька пилит это ведро. Но это она доила корову Розку.

Сонными ещё руками Вася разорвал конверт и вынул оттуда письменный листок:

«Васька! Берегись! Ты получишь своё!»

Вася крутил листок в руках и глядел на него, ничего не понимая.

– Вась! – приставала Евлампьевна. – От кого письмо?

– От тёти Шуры, – соврал зачем-то Вася.

– Ну что там у них под Казанью?

– Корова отелилась.

– Тёлочка или бычок? – допытывалась Евлампьевна.

– Бычок, – сказал Вася.

Матрос вылез из-под кровати, лизнул Васю в пятку и понюхал письмо. Запах ему не понравился. Он фыркнул и ушёл обратно под кровать.

«Курочкин! – подумал вдруг Вася. – Это он угрожает».

Натянув брюки, Вася схватил зачем-то топор и выбежал на улицу.

Помахивая топором, Вася обошёл весь двор. Каждую секунду он почему-то ожидал встретить у сарая Курочкина, но никого не встретил.

У сарая лежали напиленные дрова.

Чтоб топор зря в руке не пропал, Вася вынул из кучи еловое полено и поставил его перед собой.

Странная история – полено показалось похожим на Курочкина. Ясное дело, не было у него ни носа, ни глаз, а всё ж и вправду оно походило на Курочкина.

– Получай, Курочкин! – сказал Вася и вдруг со всей силой трахнул полено по башке. Оно разломилось, как яблоко.

И второе полено тоже оказалось похожим на Курочкина, и его Вася так долбанул, что топор, пройдя насквозь, вонзился в землю.

Третье полено было корявым и суковатым, кора на нём облетела.

«Рашпиль!» – тревожно подумал Вася.

Он установил полено и врезал топором в его широкую розовую морду. Топор вонзился неловко в край. Чирикнув, щепка, как воробей, отлетела в кусты.

С этим поленом пришлось повозиться. Вася взял железный клин и вколотило его, разрывая древесные узлы. Полено закричало и лопнуло.

К обеду Вася расколол штук сто «курочкиных» и полсотни «рашпилей».

«Как же он узнал мой адрес? – думал Вася. – Наверно, следил».

Нет, Курочкин, конечно, не следил. Он ещё в милиции слышал, как Вася назвал свой адрес Тараканову.

Всю ночь Вася неровно спал. Ему казалось, что Курочкин подглядывает неприятным взглядом. Вскакивая с кровати, он вглядывался в тёмное окно, ожидая увидеть наглые курочкинские скулы, но видел только крышу собственного сарая, а над ней – Малую Медведицу.

Впрочем, за сараем всё-таки маячила какая-то туманная фигура.

Выскочив на крыльцо, Вася залепил в неё поленом и крикнул:

– Получай, Курочкин!

Но это был не Курочкин, а тракторист Наливайко, который случайно прогуливался за сараем. Потрясённый Васиным поленом, тракторист Наливайко побежал по дороге, высоко подскакивая над лужами.

глава третья. Вася хочет быть лошадьё

А вот от Болдырева по-прежнему ничего не было – ни ответа ни привета.

И не удивительно: вместо почтового ящика Вася сунул своё письмо в ящик вопросов и ответов, приколоченный к сельсовету. Все вопросы были заданы, ответы на них получены, и в ящик никто не заглядывал.

Капитан сам хотел было написать Васе, да не собрался – дел у него было по горло.

Капитан «разрабатывал» Рашпиля.

Как иной огородник терпеливо обрабатывает почву, чтоб посеять в неё огурцы, так действовал и капитан. Только он не размахивал лопатой: он выяснял, что делает Рашпиль, куда ходит, кого видит. И скоро многое узнал. Узнал, к примеру, что Рашпиль любит вставлять стёкла. Даже ходит по улицам и орёт неприятно:

«Вста-а-а-влять стё-о-о-кла-а!»

А потом в доме с новыми стёклами вдруг пропадает что-нибудь: пиджак, грабли, электрический утюг.

Капитан, конечно, мог взять Рашпиля, но не брал. Он понимал, что Рашпиль – мелкий жулик, а вот Курочкин – тот покрупнее. Болдырев рассчитывал, что Рашпиль в конце концов встретится с Курочкиным. Капитан ждал.

Но Вася-то не мог ждать.

«Хватит! – думал Вася. – Надо действовать. Пузырёк с йодом – вот за что мне нужно ухватиться. Еду в Тарасовку».

Ранним утром, в воскресенье, он решительно вышел из дома и направился к станции.

Матрос недовольно бежал следом. Ему хотелось спокойно лежать под кроватью и вспоминать свою прошлую преступную жизнь.

– Скажи спасибо, что едешь не в мешке, – толковал ему Вася.

Вася сел в поезд, втащил за собой Матроса, и поезд тронулся.

«Главное – ехать, – думал Вася, – а остальное получится само собой».

И, в общем, он был прав. Не успел поезд проехать две остановки, в тамбуре его окликнул какой-то гражданин в соломенной шляпе.

– Здорово, Васька!

– Что-то не узнаю, – ответил Вася, приглядываясь.

– Чего? – сказал гражданин. – Туши свет! Взгляни в глаза мои суровые...

И тут Вася увидел, что этот порядочный на вид человек есть никто иной, как Батон.

Живот у него вроде бы ещё вырос, а голова под шляпой уменьшилась. Вася подал ему руку, и Батон сжал её с оглушительной силой.

– Ты куда едешь?

– Да так, – неуверенно ответил Вася, – прокатиться.

– Чего зря кататься? – прошептал Батон. – Хочешь денег заработать?

– Каких денег?

– Туши свет! – сказал Батон. – Слушай ухом.

Он пригнулся к Васиному уху и принялся шептать какую-то абсолютную чепуху. Из чепухи этой получалось, что деньги заработать ничего не стоит, надо только, чтоб Вася поработал лошадью.

– Как – лошадью?

– Дело простое, – подмигивая, толковал Батон. – Будешь делать, что скажут. Кроме того, ты, как лошадь, получишь велосипед.

– Не пойму я что-то, – растерянно отвечал Вася, – прежде-то я лошадью не бывал.

– Ничего особенного, – объяснял Батон. – Подъедешь к одному дому, возьмёшь вещички и уедешь.

– Какие вещички?

– Хорошие, – пояснил Батон. – меховые полупальто, фотоаппараты. Телевизор мы сами понесём, а ты засунешь в рюкзак всякую мелочь, сядешь на велосипед и уедешь. Вещички потом отдашь, а велосипед себе оставишь.

– Да откуда всё это возьмётся? – удивлялся Вася.

– Есть один магазинчик, – подмигивал Батон. – «Культурные товары». Понял? Туши свет!

И тут Вася похолодел: он понял, что Батон собирается залезть в этот самый магазинчик.

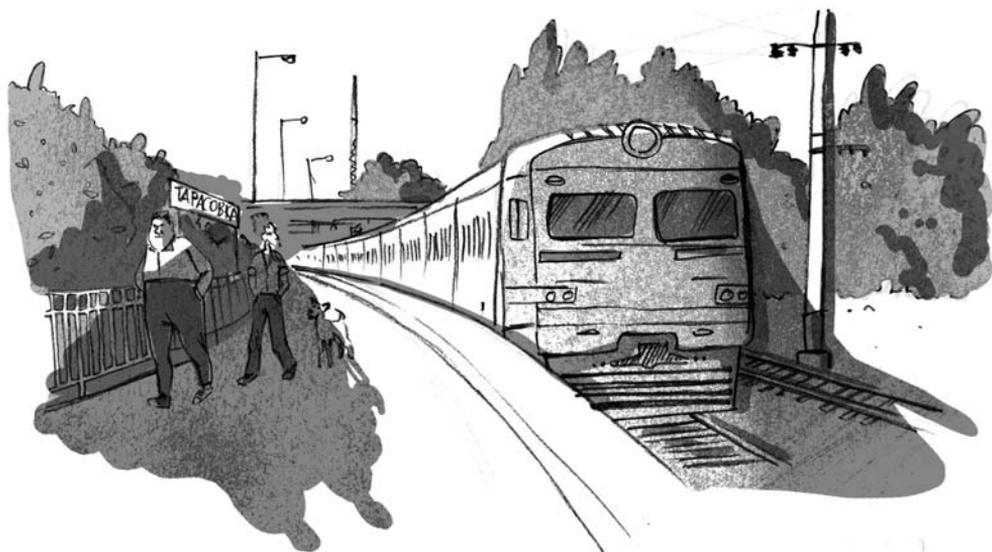
– Пожалуй, я пока подожду, – сказал Вася, – я – парень молодой. До лошади-то я, наверно, ещё не дорос.

– Баран ты! – рассердился Батон. – Не хочешь – как хочешь. Сейчас моя остановка. Привет!

Поезд остановился – Батон соскочил на платформу. И тут в глаза Васе бросилось название станции: «Тарасовка».

И, прежде чем Батон смешался с толпой пассажиров, Вася вытолкнул на платформу Матроса, сам выскочил за ним и крикнул:

– Эй, погоди! Я согласен!

глава четвёртая. Тёмная лошадка

Удивительная всё-таки станция Тарасовка.

Здесь есть всё, что и на других подмосковных станциях, – дачи, ёлочки, козы, колодцы, шлагбаумы, бочка с надписью: «Русский квас». Но есть и кое-что такое, чего нигде не найдёшь.

У дороги под расписным навесом разместилась закусочная «Кооператор». Из-под навеса вываливает наружу дым и кавказский запах жареного лука и мяса. Этот запах ползёт вдоль шоссе, зажигает блеск в глазах у случайных прохожих, подбирается к стадиону «Спартак». В дни футбольных матчей он будоражит болельщиков, и тогда над Тарасовкой стоит такой рёв и свист, какого, конечно, никогда не услышишь на других подмосковных станциях.

А запах, миновав стадион, ползёт дальше: мимо дач, ёлочек, коз, колодцев, мимо шлагбаумов и бочки с надписью: «Русский квас».

Вася и Батон шли по шоссе как раз вслед за запахом. Батон нюхал запах с большим интересом.

– Люблю есть мясо, – толковал он, обняв Васю за плечи.

Матрос ненадолго отстал от них, покрутился возле закуской, и неизвестно откуда во рту у него появился здоровенный кусок шашлыка.

– Толковый парень, – восхищённо сказал Батон. – Такой не пропадёт!

Довольно долго они шли по шоссе, и, как только запах жареного мяса иссяк, Батон остановился.

– Сюда, – указал он на розовый дом сбоку от дороги.

Дом был обычный на вид – низенький, длинный, с облупленной штукатуркой. Единственное, что поражало, так это огромное количество телевизионных антенн на крыше.

Вася остановил Матроса на улице, вслед за Батоном поднялся на крыльцо, вошёл в полутёмную комнату, освещённую только бледным экраном телевизора. Окна были занавешены от солнца. При неверном мёртвом свете увидел Вася человека, и сразу сердце его ударило в уши с колокольным звоном.

– Нашёл лошадку? – хрипло спросил тот, полуобернувшись к двери.

– Ага, – весело ответил Батон, – приятель мой, вместе сидели. Васька Куролесов.

При этих словах человек вскочил со стула, щёлкнул выключателем, и в комнату рухнул свет.

Ослеплённо глядел Вася на знакомое лицо – корявое, рябое, то самое, на котором горох молотили.

– Кого ты привёл, собака! – закричал Рашпиль и дал Батону по зубам. – Лошадку! Тёмную лошадку!

Зубы батонские лязгнули, он зажмурил глаза и быстро залопотал:

– Я не виноват. Я не виноват.

В этот же момент Вася пригнулся и что есть силы боднул Рашпиля в живот.

Живот этот оказался твёрдым, как комод, и бодать его было всё равно что биться головой об стену.

Рашпиль махнул в воздухе своей короткой и толстой рукой, чтоб схватить Васю, но тот увернулся, прыгнул вправо и отчаянно боднул Батона.

У этого живот оказался слабым, как манная каша. От удара Батон подпрыгнул, и секунду казалось, что Вася поднял его на рога. Выкатив глаза, Батон повисел в воздухе и рухнул под телевизор.

– Всех перебью! – закричал неожиданно Вася и, схватив со стола стакан с чаем, метнул его в Рашпиля.

Ударившись об стену, стакан лопнул, как граната. Вася тут же издал крик, похожий на рёв паровоза. Он закрутился по комнате, будто танцевал бешеный танец лезгинку, пнул плечом телевизор и кинулся к двери.

Телевизор что-то крикнул ему вслед, тумбочка под ним подломилась.

Телевизор тюкнулся об пол, как сотня сырых яиц.

С тихим звоном он пополз по полу и, как барсук, уткнулся в ботинок Рашпиля.

Вася ударил в дверь локтем и вылетел в темноту.

глава пятая Перо

Нет, Васе не повезло. На полном ходу он влетел в чулан, врезался в чуланную стену, и тут же ему показалось, что на него упала новогодняя ёлка со всеми своими огнями и украшениями. От удара Вася сел на пол. Посыпались какие-то склянки, банки, что-то печально зазвенело, что-то полилось и злобно закапало в таз.

Ошеломлённого Васю Рашпиль за ноги вытащил из чулана, кашляя и ругаясь, бросил на пол рядом с умирающим телевизором.

Телевизор стонал.

На экране его вспыхивали и гасли предсмертные звёздочки. Собрав последние силы, он вдруг жалобно запел:

Издаека-а-а-а
До-о-о-лго
Течёт река
Во-о-о-лга...

Что-то захрустело в телевизоре. Он повернулся набок, из него, как из посылки, высыпались какие-то стеклянные орехи.

Всего лишь минута прошла, как Вася попал в эту комнату, а всё уже здесь перевернулось вверх дном: рядом с телевизором валялась на полу тумбочка с вывихнутой ногой, в чулане что-то ещё копошилось и падало, на стене шевелилось рыжее пятно чая.

Глядя на эту картину, можно было сказать, что Вася пронёсся как ураган, разрушая всё на своём пути. А теперь этот ураган лежал на полу, и на голове его созрела шишка никак не меньше кедровой.

– Допрыгалась лошадка! – сказал Рашпиль. – Жалко, что совсем шею не сломал.

Батон очумело глядел на всё, что творится вокруг, и указательным пальцем ощупывал пошатнувшиеся зубы.

– Ты знаешь, кого привёл? – спросил Рашпиль.

– Ммм... – ответил Батон, не вынимая указательного пальца, – л-л-лошадь...

– Это милицейская лошадь, от капитана Болдырева.

– Ммм!.. – удивился Батон. – Давай ему морду разобьём.

– Мордой тут не отделаешься, – сказал Рашпиль и вынул из кармана перо – острый стальной нож, с рукояткой, набранной из разноцветных стёклышек. Он придвинул его к Васиному носу, и тогда Вася понял, что теперь он попал в самую печальную историю. Снизу глядел он на плоское блестящее перо размером не больше вороньего. Над ним покачивалось лицо Рашпиля – рябое и круглое, как луна. Сейчас оно было даже больше похоже на луну, чем сама луна.

Тихо стало в комнате, только слышно было, как в чулане что-то прощальноно капает в таз. Рашпиль покрутил ножом перед Васиными глазами, сказал:

– Ну, лошадка...

И тут послышался стук в дверь.

глава шестая Свист

– Кого ещё чёрт несёт! – проворчал Рашпиль. – Кто там?

– Водопроводчики, – брякнул кто-то за дверью.

Рашпиль откинул крючок, и в комнату вошёл Курочкин.

Да, это был он, гражданин Курочкин, и что удивительно – опять с усами.

А под усами висела к тому же борода, похожая на букет увядших цветов.

– Водопровод хотим починить, – повторил Курочкин, смеясь.

Вдруг в лице его что-то треснуло. Чёрные морщины побежали под глазами.

– Васька!

Вася приподнялся на полу и помахал Курочкину рукой.

– Видал, – сказал Рашпиль, – кого Батон привёл?

– Кто? – крикнул Курочкин, подсказывая к Батону. – Ты?!

– Да не виноват я! – закричал Батон.

– Ладно, – сказал Рашпиль. – Брось ты его. Скажи лучше, что с Васькой делать. Выпускать его нельзя – сразу к Болдыреву побежит.

– Мне бежать нечего, – сказал Вася. – Болдырев давно вас выследил.

– Врёшь!

– Вокруг дома засада, – подтвердил Вася.

– Врёшь, Васька! Скажи, что врёшь.

– Не вру.

– Ну, ладно, – кивнул Курочкин Батону. – Пойди проверь.

Батон лениво пошёл к двери. Он шёл ни шатко ни валко, тяжело неся свои узкие плечи и пухлые кулаки.

Да, хотелось бы Васе сейчас не врать. Приятно было бы, если б ворвалась вдруг в дом милиция и Болдырев крикнул: «Руки вверх!» Заплакал бы тогда небось Рашпиль. И Курочкин, наверное, струхнул бы.

– Ты письмо моё читал? – спросил Курочкин.

– Читал.

– А понял?

– Нет, – чистосердечно сказал Вася.

– Ты мне устроил хорошую жизнь – навёл на меня капитана, и я тебе тоже устрою. Понял?

– Тебе, Курочкин, всё равно конец.

– Мне – конец? Ну, щенок, закрой глаза!

Вася хотел было закрыть глаза, но тут с улицы донёсся пронзительный свист.

На крыльце что-то загремело, загрохотало.

– Облава! – закричал Курочкин и прыгнул к окну.

Разом он выбил раму и вырвался на улицу. Рашпиль бросился следом и застрял в окне.

– Стой! – закричал он. – Стой, Курица! Стой, дешёвая повидла!

С улицы донёсся свист. Теперь это был другой свист – залиvistый, булькающий, милицейский. Рашпиль бился в окне, как толстая летучая мышь в кепке.

– Стой! – крикнул Вася. Он вскочил на ноги и схватил Рашпиля за рукав.

– Стой! – раздалось на улице.

Послышался топот сапог в прихожей, гром каких-то тазов. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался запыхавшийся Матрос.

глава седьмая Погоня

Шерсть у него стояла дыбом, глаза горели, уши сбились набекрень. Матрос сейчас вправду был похож на лихого матроса в тельняшке и бескозырке. Он бросился к окну, вцепился Рашпилю в штанину.

Вслед за Матросом вбежал человек в милицейской форме. Это был старшина Тараканов. Он схватил Рашпиля за локти и вывинтил его из окна.

– Погодите! Погодите! – повторял Рашпиль. – Что за спешка?

– Отвести! – сказал Болдырев, входя в этот момент в комнату.

Он подошёл к Васе и хлопнул его по плечу.

– Ну и шустрый ты парень!

Нет, никак Вася не мог поверить, что перед ним капитан Болдырев – серый костюм, прищуренные глаза цвета маренго.

– Товарищ капитан, я лошадью хотел...

– Где Курочкин? – перебил Болдырев. – Ушёл! Скорее!

Он выбежал на улицу, и Вася за ним.

За забором, на шоссе, уже собрались любопытные. Они толпились у милицейского автомобиля, из окошка которого глядели Рашпиль и Батон. Два милиционера топтались около, старшина Тараканов разгонял толпу.

– Проходите, – ворчал он. – Нечего тут стоять. Идите-гуляйте.

– Собаки нет, – досадливо сказал Болдырев. – Собаки нет. Вот история.

– А Матрос-то? – влез Вася.

– Э... Матрос... Какой Матрос? – сказал капитан. – Тараканов, за мной!

Капитан побежал по шоссе. Он обернулся на бегу и крикнул Васе:

– Жди меня здесь, у машины...

В одно мгновение Болдырев и Тараканов исчезли.

Вася подошёл к окну, из которого выпрыгнул Курочкин, и сразу увидел следы. Два каблука ясно отпечатались на рыхлой земле.

– Нюхай, Матрос! Нюхай! – сказал Вася и ткнул Матроса носом в следы, но тому не очень-то хотелось нюхать подоконную ерунду.

Вася сам хотел было встать на колени, чтобы вразумить Матроса, но тот побежал к забору и нырнул через дырку в соседний сад.

– Куда ты? – закричал Вася. – Стой! – и побежал следом.

Он махнул через забор и, топчя какие-то укропы, побежал по чужому саду.

«Куда же он? – думал Вася, торопясь за Матросом. – Неужели по следу?»

И тут Вася увидел, что за забором, прячась и приседая, бежит какой-то человек – полосатая тень мелькает между штакетин.

Вася продрался через заросли жасмина, потом запутался в малине и наконец очутился на узкой травяной улице, с обеих сторон закованной заборами. Ни Матроса, ни человека, что мелькал в штакетинах, не было видно.

Вася пробежал немного вперёд и выскочил прямо к закуской «Кооператор». Шоссе перед закуской было пустынно, сизые клубы дыма выплывали из-под расписных навесов, а за дымом был виден Матрос, который жарил прямым ходом к станции.

Подбежав к платформе, Матрос поднялся по ступенькам и сразу направился к кассе. Он шмыгнул в стеклянную дверь, покрутился там внутри и выскочил обратно.

– Ну? – крикнул Вася, подбегая.

Матрос почесал за ухом, подмигнул в сторону кассы. Вася глянул через стеклянную дверь и сразу увидел Курочкина. Тот читал расписание, заложив руки в карманы.

глава восьмая Мусорная урна

Маленький коричневый человечек бежал по рельсам.

Прямо на него навалился паровоз.

Сбоку стояла толстенная коричневая женщина. В ужасе она отшатнулась.

И коричневый человек, и женщина, и паровоз были нарисованы на железнодорожном плакате.

На нём было написано:

«ЧТО ТЕБЕ ДОРОЖЕ:

ЖИЗНЬ

ИЛИ СЭКОНОМЛЕННЫЕ МИНУТЫ?»

«Сэкономленные минуты», – подумал Вася.

Плакат был прибит к стене, как раз возле расписания, которое читал Курочкин.

Он стоял к Васе спиной, и до чего же неприятной показалась эта спина, твёрдая и тупая.

Вася оглянулся: ни Болдырева, ни Тараканова не было видно.

Где-то неподалёку загудела электричка. Через две минуты она подойдёт к станции.

«Сэкономленные минуты», – снова подумал Вася и осторожно толкнул стеклянную дверь.

На лавочке сидели две женщины и какой-то тип в кепочке с толстой можжевёловой палкой в руках. Этот тип подозрительно глядел на Васю.

«Что же делать? – думал Вася. – Сейчас Курочкин обернётся!»

Взгляд Васин упал на железный мусорный ящик, стоящий в углу.

Это был обычный мусорный ящик, похожий на шляпу-цилиндр. Такие ящики называют «урна».

Что-то сверкнуло у Васи в голове, какая-то молния: он схватил урну и стал подкрадываться к Курочкину. Гражданин в кепочке вытаращил глаза.

Спина Курочкина дрогнула, и тут же Вася подскочил к нему и со всего маху надел урну ему на голову.

– Во даёт! – крикнул гражданин в кепочке.

Курочкин от неожиданности присел. Огрызки яблок, шелуха от семечек, окурки-бычки покатались по его плечам. Звериный вой послышался из урны.

Выхватив пистолет, Курочкин выстрелил наугад. Пуля ударила в коричневую женщину, ту, что была на плакате.

Женщины, которые сидели на лавке, упали на пол и закричали. Гражданин в кепочке позеленел и пополз под лавку.

Курочкин закрутился на месте. Он метался, как разъярённый кабан, и бился урной об стену. Он, видно, не понимал, что это у него на голове, что это пахнет и сыплется по ушам.

Вася выхватил из-под лавки можжевёловую палку и ударил Курочкина по руке – пистолет брякнулся на пол.

Вася размахнулся и врезал по металлической башке с надписью: «Для мусора».

Раздался кастрюльный звон. Водопад окурков хлынул по курочкинским плечам.

От удара урна ещё прочнее села на голову и даже наползла на плечи.

Вася ударил ещё раз, для верности.

Курочкин обмяк, зашатался и, кренясь набок, повалился. Голова его ударилась об пол, как чугунок с гороховым супом.

Когда прибежал Болдырев, Курочкин лежал на полу и тупо икал внутри урны.

Урну не сразу удалось снять.

Когда Курочкина вынули из урны, он долго не мог понять, где находится, хотя каждому было ясно, что он в милиции.

глава девятая Деньги не пахнут

Дождевая туча приползла к Тарасовке, пошёл тёплый дождик, а солнце укатилось в сторону и висело теперь над городом Кармановом, раскаляя его шиферные крыши. Чуть не во всех дворах кипели самовары, а по улицам бродил усатый точильщик и кричал:

– Точить-ножи-ножницы-бритвы-править!

– Надо бы за ним понаблюдать, – сказал Болдырев, глядя на точильщика из милицейского окна. – Ну ладно, это потом. А ты, Вася Куролесов, оказывается, молодец. Без тебя уж не знаю, что получилось бы... Тараканов!

– Слушаю! – ответил Тараканов, всовываясь в дверь.

– Деньги нашли?

– Пока нет.

– Приведите Курочкина.

Курочкина привели и посадили на одинокий стул, стоящий посреди комнаты. В милиции его умыли «Детским» мылом и повытряхивали их волос шелуху подсолнухов, но всё равно вид у него был серый и вялый, нос он покорябал обо что-то внутри урны, рука была забинтована.

– Да, гражданин Курочкин, – сказал Болдырев, – вид у тебя неважный. И дела тоже неважные. Лучше уж сам скажи, где деньги.

– Нету у меня никаких денег. Была трёшка, и ту отобрали.

Трёшка, отобранная у Курочкина, лежала на столе. Она была измятая, старая и, кажется, даже поросла мохом.

– Маловато, – сказал Болдырев, – где остальные?

– Нету у меня никаких денег. Нету.

Курочкина увели.

– Деньги у них есть, – сказал капитан, – и мы должны их найти.

– Да, может, они их проели – мороженое, газировка, туда-сюда.

– Какое мороженое?! Они очень много награбили. Деньги у Рашпиля, только где он их прячет? Весь дом обыскали – нету.

– А под кроватью смотрели?

– Кто же прячет деньги под кровать? Только круглый дурак. Впрочем, под кроватью мы тоже смотрели.

– Всё ясно, – сказал Вася. – Они их в чугунок сунули и в землю закопали.

– Ну нет, – сказал капитан, – понадобится трёшка – откапывай чугунок, потом снова закапывай. Хлопот не оберёшься.

– Тогда они под кроватью. Лежат в жёлтом чемоданчике.

– Я смотрел под кроватью, – сурово отчеканил капитан. – Понимаешь?

– Так точно, – сказал Вася, но в душе он был уверен, что деньги под кроватью.

Болдырев прикрыл глаза, задумался, но ему тоже вдруг показалось, что деньги под кроватью. Лежат в жёлтом чемоданчике.

– Да, – устало сказал капитан, – деньги не пахнут...

– Чего? – не понял Вася.

– Пословица такая есть: деньги не пахнут. Слыхал?

«Странная пословица», – подумал Вася.

Он взял со стола трёшницу. Неприятная она была на ощупь – вялая, липкая, лохматая.

Вася посмотрел на неё и вдруг понюхал.

– Товарищ капитан! – почему-то с ужасом сказал он. – Кажись, она пахнет!

глава десятая Всё ясно!

– Что за ерунда! – сказал Болдырев. – Что ты придумываешь! Дай-ка я понюхаю.

Он развернул трёшницу, поглядел сквозь неё на свет и осторожно поднёс к носу.

– Хм... Запах вроде есть. Только уж очень тонкий. Не укроп ли?

– Какой укроп? Пахнет мёдом.

– Что?! – закричал Болдырев. – Мёдом! У тебя всё пахнет мёдом!

Вася побледнел было, но тут же покраснел и сказал, заикаясь:

– Всё ясно!

– Что ясно?

Вася снова побледнел и пошевелил в воздухе пальцами.

– Вжу-вжу-вжу... – сказал он пчелиным голосом.

– Не может быть! – сказал Болдырев. – Не может быть! А впрочем, почему не может быть? Вжу-вжу-вжу, конечно!

Капитан в волнении прошёлся по комнате.

– Тараканов! – крикнул он.

Дверь открылась, и в неё всунулся старшина.

– Найдите немедленно какого-нибудь пчелиного знатока и на машине доставьте к дому Рашпиля. Со всем пчелиным инструментом. Ясно?

– Какого знатока? – удивился Тараканов.

– Любого. Чтоб в пчёлах толк понимал.

– Слушаюсь-постараюсь! – сказал Тараканов, исчезая.

– Ну, Вася, – сказал Болдырев, – ты действительно малый головастый. Если верно догадался, получишь карманные часы. С музыкой!

Они вышли на улицу.

Матрос, который всё это время болтался у милицейской столовой, побежал за ними следом.

Славная погода стояла в городе Карманове. За день солнце обсушило грязь на дорогах и теперь свободно летело в небо, направляясь к закату. На душе у Васи было ясно.

«Карманные часы, – думал он. – С музыкой!»

Но всё-таки странно было снова подходить к дому Рашпиля. Открывая калитку, Вася даже притормозил, опасаясь, как бы не вылетела откуда-нибудь пуля.

Но пуля не вылетела. На крыльце сидел милиционер и читал газету.

– Пойди, Фрезер, пообедай, – сказал Болдырев.

Ульи по-прежнему стояли под яблонями. Их было пять штук, и все они были покрашены зелёной краской. Вася и Болдырев разглядывали их с двух шагов.

– Что-то пчёл не видно, – сказал Вася.

– Наверно, затаились, – осторожно сказал капитан.

– А по-моему, их здесь сроду не было. Зря знатока вызвали.

Вася подошёл к ближайшему улью и щёлкнул ногтем по крыше.

В ту же секунду и Вася, и Болдырев мчались через сад к дому.

Матрос, который добродушно дремал в клубнике, принял на себя основной удар пчелиной армии. Завывая, как пожарная машина, он кинулся к ближайшему пруду и спрятался в знакомую крапиву, поклявшись никогда в жизни из неё не вылезать.

Захлопнув двери и форточки, Болдырев и Вася подсчитывали свои уроны.

Васе досталось за догадку – его укусило пять пчёл. Капитан отделался легче – пчёлы будто почувствовали в нём милиционера. Его укусила всего одна пчела, зато уж как следует, в кулак. К тому же у Болдырева оказался прокушен портсигар.

– Ничего, – сказал капитан. – Пчелиные укусы полезны.

Он достал из кармана милицейский одеколон «Шипр» и стал протирать раны.

глава одиннадцатая Пчелиный знаток Емельяныч

К этому моменту прибыл пчелиный знаток Емельяныч.

– Пчелу я понимаю, – говорил знаток, вылезая из машины. – И она понимает меня.

– Так точно, папаша, – подтверждал старшина Тараканов, помогая старичку выгружаться.

С сомнением оглядев Васю и Болдырева, знаток сказал:

– Кто пчелу не понимает, того и она не поймёт.

Емельяныч действительно пчелу понимал. Он надел на голову чёрный пчелонепроницаемый колпак, отчасти похожий на чайник. В руки взял небольшую леечку. В ней тлели угли, и вместо воды из кончика носа выливался дым.

Облив пчелу дымом, Емельяныч стал вскрывать ульи. Тараканов помогал ему издали взглядом, а Вася и Болдырев глядели на всё это через закрытое окно. Пчёлы крутились вокруг Емельяныча, но не трогали. Правда, одна, особо злая, укусила Тараканова в кокарду.

В четырёх ульях Емельяныч ничего не нашёл, кроме пчёл и мёда, а вот в пятом улье пчёл не было. Емельяныч вынул из него одиннадцать фотоаппаратов «Зенит», четыре транзисторных радиоприёмника «Горизонт», двадцать ручных часов «Кругозор» и сто сорок девять золотых колец, надетых на палочку. Причём палочка оказалась из чистого серебра. После этого Емельяныч вынул и деньги, завёрнутые в «Вечернюю Москву» от 17 июня.

– Я пчелу понимаю, – толковал Емельяныч, когда все уже ехали обратно.

Вася и Болдырев молчали, с уважением слушая, как понимает Емельяныч пчелу.

– Понимайте пчелу, молодой человек! – приставал знаток к Васе. – И она вас поймёт.

– Ладно, папаша, – успокаивал его Вася. – Я постараюсь понять.

Потом Емельяныч прицепился к Болдыреву. Он задал ему вопрос: понимает ли пчёл милиция?

– Милиция всё понимает, – отвечал Болдырев. – Не только пчёл, но даже кузнечиков и божьих коровок.

– Кузнечики ваши чепуха! – горячился Емельяныч. – Они мёду не дают!

– Зато стрекочут красиво, – застенчиво сказал Тараканов.

Эти слова так раскипятили старого знатока, что он стал прямо накидываться на старшину, хватая его за португепю.

– Прибавь ходу! – сказал Болдырев шоферу.

Разбрызгивая лужи, «газик» промчался по кармановским улицам и остановился у маленького дома, чем-то похожего на улей.

Болдырев хотел уже прощаться, но упорный Емельяныч схватил его под руку и потащил в сад.

– Так просто вы от меня не отделаетесь! – сказал он.

Всюду – под яблонями, на огороде, на крыше, на террасе, на чердаке – стояли ульи.

Собачья конура у крыльца тоже была похожа на улей. Казалось, Емельяныч держит в ней специальную дрессированную пчелу.

И действительно, как только все вошли в сад, из конуры выскочила маленькая чёрно-рыжая собачка и принялась не то лаять, не то жужжать.

– На место, Шмель! – крикнул Емельяныч.

Он усадил всех за берёзовый стол, врытый в землю между ульями, и быстро раскопегарил самоварчик. Потом достал чашки и стаканы, разлил чай и выставил на стол блюдо с мёдом.

И, глядя на этот мёд и самоварчик, старшина Тараканов даже сказал стыдливо:

– Пчела пчеле рознь. Она, как и человек, своё понимание имеет.

глава двенадцатая Грузовое такси

Длинный какой-то день сегодня получился. И сразу в нём собрались: и деньги, и пчёлы, и мусорная урна.

День сегодняшний был похож на грузовое такси, которое перевозит вещи на дачу. Чего только в него не навалено – и детские коляски, и матрасы, и телевизор «Рубин».

А солнце было ещё высоко. Впрочем, не так уж высоко. Начинался закат.

Милицейская машина мчалась по шоссе. По сторонам мелькали домики и дачки. Их шиферные крыши порозовели под закатным светом, мерцали в

зелёных садах. Навстречу одна за другой летели машины, и на лбу у них горели закатные пятна.

Но вот солнце закатилось, ветровые стёкла встречных машин померкли. Милицейский «газик» свернул с шоссе на просёлок.

Болдырев сидел рядом с Васей и устало молчал. Вася тоже помалкивал. Одной рукой он придерживал на коленях банку с мёдом от Емельяныча, а другою гладил Матроса. Матрос глядел в окно задумчиво, как пионер, возвращающийся из лагеря домой.

– День кончился, – сказал Болдырев.

– Так точно! – подтвердил Тараканов.

– И дело наше кончилось, – добавил Болдырев.

Старшина Тараканов хотел сказать: «Так точно», но почему-то застеснялся.

«Газик» въехал в деревню и остановился у сельсовета. Механизаторы, которые шли в клуб на танцы, с удивлением глядели, как вылезает Вася из милицейской машины.

– Смотрите! – кричал тракторист Наливайко. – Ваську забрали!

– Спокойно! – строго сказал Тараканов из машины. – Гуляйте-танцуйте!

– Здорово ты догадался насчёт денег, – говорил Болдырев, прощаясь с Васей. – Ты всё-таки молодец. Хочешь со мной работать?

– В милиции, что ли? – не понял Вася.

Капитан подмигнул.

– А какой оклад? – спросил Вася, выгружая мёд и Матроса.

– Оклад хороший, – улыбаясь, ответил Болдырев. – К тому же обмундирование.

– Сапоги, – вставил Тараканов, – хромовые!

– Сапоги – вещь хорошая, – задумчиво сказал Вася.

Он пожал капитанскую руку, свистнул Матроса и пошёл к дому.

«Газик» фыркнул за его спиной и уехал.

Над деревней Сычи нависли уже сумерки, уже во всех окнах зажглись лампочки и абажуры, а всё-таки в небе ещё виднелись остатки заката – день никак не хотел кончаться, а ведь и так уж длинный получился.

А книжка-то какая длинная получилась! Читаешь её, читаешь, никак не дочитаешь до конца.

Пора уже кончать книжку, пора и в окно поглядеть: что там на улице делается?

Краткий словарь, на всякий случай составленный автором

Бэмское. – Такого стекла на свете нет. Есть богемское. Стекольщик переврал название, но это не страшно. Все стекольщики давным-давно переделали «богемское» в «бэмское».

Казеиновый клей. – В свои детские годы автор думал, что «казеиновый клей» происходит от слова «коза». Это была большая ошибка. Но каково же было удивление автора, когда он узнал, что делают казеиновый клей из творага.

Маренго. – Кого ни спрашивал автор, никто не знает, что это за цвет – «маренго». Специально посетив город Карманов, автор посмотрел в глаза капитану Болдыреву и установил, что это чёрно-серый цвет, строгий.

Мимоза. – Ошибается тот, кто думает, будто мимоза – низкорослый цветок. Мимоза – это дерево ростом с берёзу. Это дерево с жёлтыми цветочками называется акация серебристая.

Несгораемый шкаф. – Железный шкаф, который не горит в огне, в отличие от других шкафов, которые горят. Зато другие шкафы в воде не тонут в отличие от этого.

Патефон. – Музыкальный ящик вроде проигрывателя. Патефон заводят, как грузовик, специальной рукояткой.

Язь. – Златолобая рыба с красными плавниками. Когда на берёзах лопаются почки, язь выходит на поверхность реки, хватает майских жуков, падающих в воду. Приятно закончить книжку хорошим словом – язь.

Промах гражданина Лошакова

часть первая Место преступления

глава первая Заместитель председателя

Гражданин Лошаков бежал босиком по голому снегу.

Он направлялся в город Курск.

В чистом поле, кроме снега, не было ни души.

На левую пятку гражданин Лошаков натянул беспалую варежку, а правую укутал носовым платком и подвязал верёвочкой. От частых подпрыгиваний верёвочка развязывалась, и тогда приходилось останавливаться. Приседая и подвязывая, гражданин шёпотом ругал верёвочку.

Впереди наметились контуры Курска.

– Я – заместитель председателя! – вскричал Лошаков, врываясь в милицию.

Дежурный милиционер Загорулько равнодушно осмотрел гражданина сверху донизу. Верх его совершенно не интересовал, потому что и вправду был пустяковым. Ну что там особенного было наверху? Ничего заместительского, ничего председательского. Какая-то всклокоченная голова, синий нос, покатые плечи. Низ выглядел повеселее: всё-таки платок, всё-таки верёвочка и варежка, надетая не на своё место.

– Я – заместитель председателя! – настойчиво повторял Лошаков и, заметив, что слова до дежурного не доходят, сократил вскрикивания: – Я – зам-пред! Я – зампред!

глава вторая. Человек и собака

В те же дни и годы и примерно в тот же час в город Карманов входил человек в кожаном пальто. Возле его сапога продвигалась невысокого роста собака.

– Мало, Матрос, мало, – говорил человек невысокой собаке. – Мало что тут изменилось. В мире происходит чёрт знает что, а в Карманове всё одно и то же. Впрочем, ты давай нюхай внимательно. Нет ли чего нового?

Низкорослая рыжая собака Матрос внимательно нюхала, размышляя:

«А на кой пёс нам это новое? Нас и старое устраивает. А то понаделают повсюду нового, не знаешь, куда и нос засунуть».

Матрос по натуре был настоящим поклонником старого, особенно если в этом старом возникает что-то новое, ну вроде запаха свежих вчерашних щей в старой собачьей конуре.

Жители города Карманова – кармановцы и кармановки – осматривали человека с собакой, прикидывая, где они могли его видеть. Один специалист

по кожаным пальто, которого звали Сыроежка, отметил в своём блокноте появление на улице нового изделия из кожи.

Возле магазина «Наручные и карманные часы» человек в кожаном пальто остановился. Он долго рассматривал часы, выставленные в витрине.

– Нету, Матрос, нету, – сказал человек собаке, – Ничего подобного нету.

С этими словами он вынул из кармана собственные часы, щёлкнул крышкой, и тут же раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно.

– Славный бимбар, – слышалось за его спиной. Сыроежка заглядывал сбоку, намётанным оком оценивая всё сразу: пальто, часы, человека и собаку.

Но больше его всё-таки интересовало пальто.

– Это хром? – спросил он, щупая ногтем рукав.

– Это сталь, – ответил человек с часами.

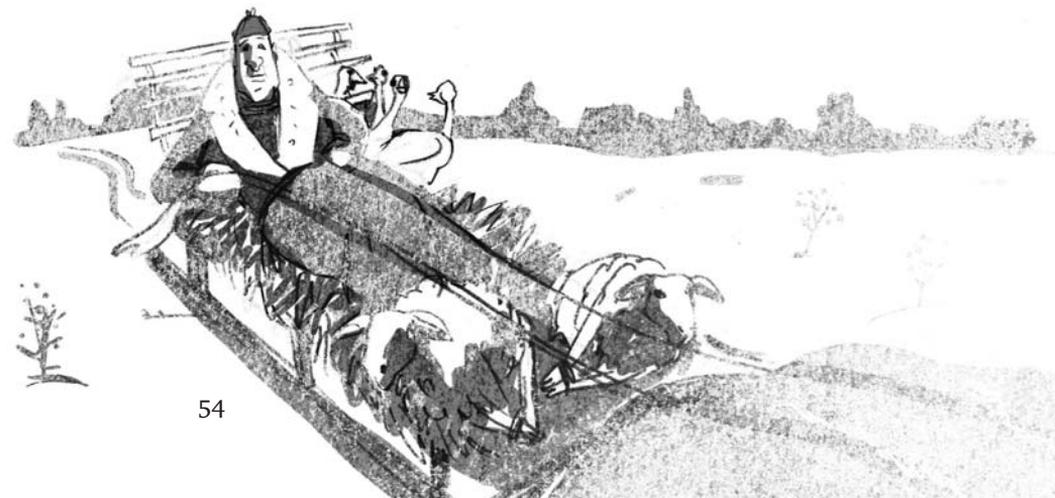
глава третья. Утро гражданина Лошакова

А утро в тот день выдалось великолепное. Доброе морозное утро: солнце и снега хруст.

«Двух баранов и четырёх гусей, – думал утром гражданин Лошаков. – Воскресенье, день базарный. Продам гусей: Сидора, Никифора, Савву и Иннокентия и двух баранов, не имеющих имени. Гусака Зобатыча пока приберегу».

Лошаков надел сапоги и тулуп, кинул связанных баранов в сани, запряг кобылу Секунду и через часок был уже в чистом поле, километрах в пяти от родной деревни Болдиново.

Гражданин Лошаков был действительно заместителем председателя колхоза «Великие Лучи» и вёз продавать колхозные принадлежности – гусей и баранов. Он надеялся выручить крупную сумму денег и купить для колхоза что-нибудь нужное и мощное, скажем, духовой оркестр.

«Кларнетистом назначим Мишку Дудкина, флейтистом – счетовода, а сам, как зампред, буду играть на геликоне – всё-таки размер и густота звука. А председатель пускай в барабан стучит».

Секунда бежала, снежок хрустел, сани скользили, гуси взгагатывали в мешках, а сам Лошаков щекотал баранов и думал о своей будущей игре на геликоне. Он даже надувал щёки, заранее прицениваясь, как выдуть из геликона ноту.

– А ну-ка стой, мужик! – услышал вдруг он.

– Тпру... – сказал Лошаков, выбираясь из мечтаний и щекотания баранов.

Секунда стала.

Лошаков глянул вправо и увидел дуло нагана, глянул влево и заметил ещё одно дуло, неприятное – большое и чёрное. Это было дуло обреза.

«Неужели бандиты?» – подумал Лошаков.

– Вылазь из саней! – сказали неизвестные, которые готовились пристрелить его на месте.

– Вы что, товарищи? – спрашивал Лошаков, вылезая.

– Скидай шубу и сапоги! Скинул?

– Скинул, скинул... Скидаваю...

– А теперь скажи «спасибо», что живым оставили.

– Спасибо, – сказал Лошаков.

– Ноо-о-о, дохлятинка!

Гражданин Лошаков остался стоять на снегу босиком и сквозь глупые слёзы следил, как два незнакомых разбойника уезжают на его санях, увозя безымянных баранов, не говоря уже о шубе, сапогах и гусаках.

«Хорошо хоть Зобатыча дома оставил», – думал Лошаков, поджидая, пока грабители отъедут подальше, и примериваясь бежать в город Курск.

глава четвёртая. Промах гражданина Лошакова

– И тогда я прибежал в город Курск, – рассказывал Лошаков дежурному милиционеру Загорулько, притопывая босиком перед жёлтыми перилами.

– В Курск? – переспросил дежурный. – Вы пробежали мимо. Промахнулись.

– Как это так?

– Уж не знаю как. Очевидно, Курска вы не заметили. А это город Карманов.

– Какой ещё Карманов? Никакого Карманова на свете нет.

Дежурный засмеялся, и в самый разгар его смеха в милицию вошёл человек в кожаном пальто, а за ним и собака, которая сразу же спряталась под лавку.

– Послушайте, товарищ!! – воскликнул Загорулько, обращаясь к вошедшему и не замечая собаки. – Вы только послушайте. Этот потерпевший уверяет, что города Карманова на свете нет! Каково?

Человек в кожаном пальто деловито улыбнулся.

– Он ещё скажет, что и города Картошина на свете нет!

Эта шутка до того насмешила дежурного, что он нырнул от смеха под прилавок, вытирая слёзы.

– Промахнулся мимо Курска, – хохотал он, кивая на Лошакова. – А теперь говорит, что Карманова на свете нет! Вот так потерпевший!

Когда дежурный отхохотался и протёр слезу, он увидел, что человека в кожаном уже нет перед ним и только босиком топчется по-прежнему гражданин Лошаков, а из-под лавки высовывается наружу неприглядный собачий хвост.

глава пятая. Оперативное совещание

– Как хотите, а я больше этого не потерплю! – говорил капитан Болдырев, расхаживая по кабинету. – Они уже не то что выросли! Они – распространились! Рас-про-стра-нились! Немедленно удалить!

– Товарищ капитан! – оправдывался старшина Тараканов, сидя на огромном сундуке, который имел пятерное дно и был взят недавно как вещественное доказательство. – Товарищ капитан, войдите в моё положение.

– Не войду, – жёстко сказал капитан. – Немедленно сбрызнуть. Прямо сейчас, на моих глазах.

Капитан открыл стол, вынул из ящика опасную бритву, мыльный крем и помазок, которые, кстати сказать, скрывались в своё время на третьем этаже сундучного дна.

Старшина Тараканов потрогал печальным пальцем свои роскошные рыжие усы. Кажется, на этот раз защитить их не удавалось.

– Но есть ещё доводы в пользу усов, – повторял он однообразно, отодвигаясь от бритвы, которую ему подсовывал капитан.

И капитан подsunул бы эту бритву, и пришлось бы старшине проститься со своим любимым телесным украшением, если б не скрипнула дверь и не заглянул без стука в кабинет человек в кожаном пальто.

– Вам кого, товарищ? – раздражённо спросил капитан. – Здесь оперативное совещание. Закройте дверь.

– Нет, нет! – вскричал старшина. – Совещание уже кончилось. Заходите!

– А я говорю: закройте дверь!

Товарищ в кожаном некоторое время слушал эти препирательства и наконец сказал:

– Приехал подключаться.

– Что такое? – не понял капитан, вглядываясь в посетителя. – Подключаться? Позвольте, это не вы проходили по делу о краже мешка картошки?

– А также по делу о хищении телёнка гражданки Курицыной, – подтвердил вошедший, – а также по делу об убийстве инкассатора картошинского банка, а также...

– Василь Феофилыч! – взревел капитан. – Неужто?

Старшина Тараканов, бледнея, поднялся с сундука и раскрыл объятия:

– Вася!

Тут капитан, старшина и человек в кожаном слились воедино в дружеском порыве, и когда милиционер Загорулько, возмущённый хвостом под лавкой,

влетел в кабинет, он увидел картину, очень похожую на скульптуру «Все мы трое – одно».

И тут настало время окончательно сообщить читателю, что человек в кожаном пальто был самый настоящий Вася Куролесов.

– Подключаюсь, – говорил он, выходя из объятий кармановской милиции, – хочу подключиться!

глава шестая. Преступная чёрная точка

И ведь было к чему подключаться.

Оперативная машина «ГАЗон», фырча и ворча бензиновым животом, мчалась на место преступления. Машина была выкрашена в зелёный цвет и имела на борту надпись «Изыскательская». Но это было только с одной стороны. С другой она была покрашена в синий и надпись имела «Сантехника».

Шофёр Басилов жал на педали, рядом с ним трясся капитан. Гражданин Лошаков, к которому очень подходило слово «потерпевший», мучительно вздрагивал на заднем сиденье рядом с Васей и Таракановым. Потрясённый бандитским ограблением, он был ещё дополнительно ошеломлён тем, что попал в город Карманов.

«Как же это я промахнулся мимо Курска?» – мучительно раздумывал он.

– Вот оно! – закричал Лошаков. – Вот оно, место преступления!

Машина остановилась, и место преступления чуть-чуть отодвинулось, не давая колёсам себя изгадить.

В чистом поле, в чистом снежном поле лежало, как известно, место преступления. Ничтожной одинокою точкой под бесцветным небом. И ничего особенного в этом месте, конечно, не было. Только босые следы Лошакова, которые направлялись в город, как они думали, Курск, и следы санных полозьев, которые двигались в другую сторону.

– В город Картошин, – сказал старшина. – В Картошин поехали на рынок баранов продавать.

Машину развернули и поехали по следам санных полозьев в город Картошин, а место преступления осталось лежать в чистом поле под серым небом. Когда-нибудь послезавтра пойдёт снег, занесёт следы босых ног, растают к весне снега, вырастут на месте преступления клевер и ромашка девичья, и никто уже не узнает, что над ромашкою когда-то с гражданина Лошакова сняли сапоги.

«Вот так и ходи по земле, – размышлял Вася, – кто знает, простая ли это земля? А не место ли это прошлого преступления?»

Вася глядел на белые поля, на дальние деревни и видел там, вдали за снегами, колокольню, а под ней какую-то чёрную точку. И поля, и деревни, и колокольня, и особенно эта чёрная точка казались ему связанными с различными преступлениями.

– Точка, – сказал он, поднимая палец, – возможно, преступная.

– Что ещё за точка? – заворчал капитан. – Где бинокль?

Бинокль вытащили из-под сиденья, стёрли с него, так сказать, машинное масло и направили окуляры на точку, возможно, преступную.

– Санная подвода, – сказал капитан и передал бинокль потерпевшему. – Гляньте, не ваша ли?

Потерпевший долго пристраивал бинокль к носу, крутил его и вертел.

– Не пойму, моя ли кобыла? Хвост вроде тот, а баранов не видно.

До деревни Спасское, чью колокольню заметил Вася, оставалось два километра, когда двусторонняя машина стала настигать санную подводу.

– Моя кобыла Секунда, моя! – тревожно шептал потерпевший. – И тулуп вон тот справа мой!

– Ложись! – приказал ему капитан, и потерпевшего затолкали на дно машины, где давно уже дремал Матрос. Потерпевший съёжился рядом, что-то шепча про баранов.

Заприметив машину, санная подвода съехала с дороги. Ясно были видны два человека в санях. Один держал руку в соломе, которая прикрывала обрез, другой прятался за бараном.

– Сейчас стрелять начнут, – сказал шофёр Басилов, и старшина клацнул пистолетом.

«Вот тебе и подключился, – думал Вася. – Сейчас так ляпнут пулею в лоб – сразу отключишься... Эх, оружия у меня нет! Что делать? Остаётся одно – гипноз. Буду их гипнотизировать!»

И тут Вася предельно напряг свою переносицу, впился глазами в санную подводу, и его огромный гипноз устремился к бандитам.

Волны гипноза потянулись над снежным полем, поплыли медленно, опутали санную подводу невидимой нитью, и немедленно заснули в санях два гусака, зевнул баран...

– Слушай мою команду! – сказал капитан.

глава седьмая. Варвары

– Кажись, погоня... зря мы того лопухого живым оставили, настучал.

– Да нет, это не погоня. Это какой-нибудь председатель колхоза едет на скотный двор.

– А я говорю: погоня! Главное – стреляй первым. Как только машина встанет – сразу по стёклам!

– Съедем с дороги в сторону... в сторону! Тпру, дохлятинка!

«ГАЗон» настигал. Ржавый снег летел из-под его брезентового брюха. Секунда прынула влево, и сани врезались в снег. «ГАЗон» с рёвом промчался мимо. Он ворчал и ворчал, удаляясь.

– «Сантехника», а ты говорил – погоня.

– Пронесло... – вздохнул Обрез, переводя дыхание. – Тьфу, чёрт, не пойму, что это в воздухе, нитки какие-то?!

– Паутина, что ли? – сказал и Наган, обтирая нос и лоб.

– Откуда зимой паутина?

Так и не разобравшись, откуда взялась паутина, и, конечно, не догадываясь, что это следы Васиного гипноза, они снова выбрались на дорогу и поехали к деревне Спасское. Миновали первые баньки и сараи, занесённые снегом. В деревне гоготали гусаки, а гусаки из мешков сдержанно им отвечали. Было воскресенье, из-за сарая доносилась песня:

Сладку ягоду ели вместе,
Горьку ягоду я одна.

На дорогу вывалились три мужика в валенках и полушубках. Они шатались и горланили про сладку ягоду. Один шапку где-то потерял, размахивал руками, оступался и падал, его кое-как подымали. Под ногами пьяных крутилась собачонка. Она повизгивала и лаяла, недовольная хозяином.

– Во ведь пьяный, – сказал Обрез, – как новогодняя ёлочка.

– Да они все как ёлочки.

И вправду, рожи у мужиков сияли и сизели, носы краснели, глаза горели.

– Эй, с дороги, варвары! – крикнул Обрез, привставая в саних.

– Милый... дай кобылу поцелую! – крикнул варвар без шапки и чуть не упал под лошадь. – Кобыл, а кобыл! Иди сюда!

И он вправду схватил кобылу под узду, чмокнул в нос.

– С дороги! С дороги! – кричал Обрез.

Пьяные расступились, а рыжая собачонка вдруг вскочила в сани и вцепилась в барана. Безымянный баран заблеял.

– Ты что это, а? Барана трогать! – закричал Наган, стараясь отодрать собаку от барана.

– Нет, я всё-таки тебя поцелую! – услышал он в левом ухе и почувствовал, как его охватили ласковые милицейские руки, а собственные его руки оказались скрученными в один миг.

– Тпрру... приехали! – послышалось и в правом ухе, и Наган увидел, как обнимают варвары Обреза-напарника, а один из них, с длинными рыжими усами, тычет в нос Обрезу наган!

В город Карманов все отправились уже на двусторонней машине.

Гражданин Лошаков плёлся следом за машиной на своей Секунде. Обрез всё старался высунуться из окна и плюнуть в потерпевшего.

– Прекратите! – строго одёргивал его старшина. – Это некультурно.

глава восьмая. Стрелять только в лоб и по делу

Да, так уж сложилось дело. Обогнав бандитов, капитан Болдырев спрятал машину в деревне, за сараями. У какой-то бабки раздобыли валенки, у какого-то дедка – рваный полушубок, переоделись и вышли на дорогу встречать бандитов. Тут надо заметить, что всю операцию капитан продумал быстро и точно, но никак не ожидал, что старшина Тараканов затынет вдруг «Сладку году» и станет целовать кобылу.

– И Матрос, конечно, меня удивил, – сказал капитан, когда они снова собрались в кабинете. – С чего он кинулся на барана? Это в план вроде бы не входило.

– Да нет, он кинулся на того, с наганом, – сказал Вася, – а по дороге баран его отвлек. А вот вы, товарищ капитан, здорово придумали, я готовился брать их прямо в поле.

– Да ведь глупо: стрельба, жертвы. Проще было обогнать их и подождать в деревне.

– А я-то уж и гипноз приготовил. И уже начал, да вы мимо проехали.

– Какой гипноз?

– Свой собственный. У меня в голове гипноз очень сильный. Кого хошь могу загипнотизировать. На маму Евламповну, бывало, гляну, а она уж и на печку лезет. Трактористы тоже засыпают все подряд. Так и спят вповалку, пока не разбужу. Но в таком деле, как сегодня, гипноза, конечно, мало. Наган нужен, вы бы мне уж выдали наган, товарищ капитан. Да вы не беспокойтесь, я зря стрелять не стану. Я так размышляю: если уж стрелять – только в лоб и по делу.

– Кому же это ты будешь в лоб-то стрелять?

– Ну, не знаю, кому надо. По делу.

– Ты ведь в милиции не работаешь. В штат к нам не зачислен, какой же тут наган?

– Да я мучаюсь, – вздохнул Вася. – Я ведь в колхозе тоже нужен, механизаторов не хватает.

– У Васьки всё ж таки специальность, – поддержал Тараканов. – Его надо понять. Но и в милиции, конечно, преимущества, проходишь всюду без очереди.

– Ладно, хватит болтовни! – сказал капитан. – Хочешь у нас работать – приходи и оформляйся. Не хочешь – гипнотизируй трактористов. Подключать тебя к серьёзным операциям я больше не буду. Не имею права.

– Да как же, товарищ капитан? У меня же отпуск! Меня председатель отпустил, я всю технику отремонтировал. Весь отпуск буду с вами.

– Не знаю никакого отпуска, – сказал капитан, отвернувшись к несгораемому шкафу. – Только идиот проводит отпуск в отделении милиции. Поезжайте в Сочи, гражданин. Или – в Сычи.

И тут Вася окончательно обиделся, что его назвали «гражданином», хотя в этом слове нет, конечно, ничего плохого – только хорошее.

часть вторая Папиросы

пятого класса

глава первая Секретный пост

У лесной дороги, что вела из города Карманова в город Картошин, в густом кабаньем ельнике лежал капитан. По другую сторону дороги, в барсучьем сосняке, таился Тараканов.

Всё это называлось «секретный пост».

«Что нам известно? – вспоминал капитан, глядя на дорогу. – А ничего нам не известно. Но только известно, что какие-то типы нападают в лесу на прохожих, отбирают колбасу и деньги. Колбасу тут же съедают, а огрызки на месте бросают».

По огрызкам капитан вычислил место для секретного поста. Его это сильно раздражало, потому что любому неприятно работать с огрызками. Правда, кроме огрызков, найден был и обрывок бумаги, на котором сохранились печатные буквы: «Пап... осы... я... к...асса».

Капитан даже вздрогнул от возмущения, когда вспомнил, какую расшифровку, недолго думая, предложил Тараканов: «Папа и осы взяли кассу»!

– Какой ещё папа? – сердился капитан. – Откуда осы?

– Чего плохого в «папе»? – спросил Тараканов. – А осы – это банда.

После дешифровки удалось установить, что это был обрывок от пачки папирос «Беломор», на которой, оказывается, и написано: «папиросы пятого класса».

– Ну, не знаю, – сказал на это Тараканов. – Я в пятом классе «Астру» курил.

Все эти воспоминания сердили капитана, но, пожалуй, более всего волновало, что опять на шею ему навязался Куролесов. Позавчера приехал из деревни Сычи, дескать, окончательно решил вступить в ряды милиции и тут же упросил взять его с собою в засаду. Якобы он давно не сиживал ни в каких засадах и с детства мечтает в них посидеть.

«Мягкотелый у меня характер! – досадовал капитан. – Зачем я снова подключил его? Зачем?»

Конечно, капитан Болдырев сам на себя наговаривал. Характер у него был твёрдый, а Васю Куролесова он просто очень любил и знал, что на него можно положиться. Во многих делах именно Куролесов выручал капитана.

Сейчас Вася лежал в березничке и дремал, рядом с ним спал Матрос. Так они спали и дремали, пока не послышался в лесу какой-то треск.

«Тараканов, что ль, усами трещит?» – подумал Вася, но тут же усомнился в возможности треска усов, прислушался.

Из глубины леса к дороге пробирались люди. На дорогу они не стали выходить, а улеглись в кустах. Как потом подсчитали, они лежали от Васи в шести метрах.

– Васьк, – услышал вдруг Вася, – Васьк!

Куролесов уже было приоткрыл рот, чтоб гаркнуть: «А?», но в последний момент удержался и приложил палец к носу Матроса.

– Васьк, – послышалось снова, – а сколько их идёт?

– Воруинога и две вороны, – отвечал в кустах голос какого-то другого Васьки.

«Сколько же Васек на белом свете! – подумал Куролесов. – Никогда не пересчитать. Бывают Васьки хорошие, а бывают и плохие. Вот, скажем, я. Какой я есть такой Васька? Уж, пожалуй, не хуже этого, что в кустах лежит. Голос-то у меня понежнее будет. А у этого – насморк. Смешно: два Васьки в одних кустах лежат».

– Васьк, – послышалось снова. – А чего они несут?

– Узлы, Фомич, узлы.

– А чего у них в узлах-то? – допытывался надоедливый Фомич. – Хорошо бы колбаса. Я уж очень колбасу люблю.

– Ну ты, Фомич, не прав, буженина лучше.

– Мы уж сразу здесь, на месте, перекусим, а то Харьковский Пахан всё отнимет. Ему припасы нужны, уходить хочет вместе с Зинкой.

– Куда?

– В Глушково, наверно, к Хрипуну, там спокойней... тише, тише, доставай дуру.

В кустах послышался какой-то чёрный лязг, и Куролесов понял, что это лязг нагана, когда взводят курок.

глава вторая Ридикюльчик

По лесной дороге шли три человека: две бабы в чёрных платках, сильно, и вправду, смахивающие на ворон. С ними стучал костылём и размахивал авоськами одноногий инвалид, которого назвал Васька «Воруиногой». Все они тащили узлы и рюкзаки, разные сумки. Как видно, в Карманове они славно потрудились, походили по магазинам, потолкались в очередях и теперь возвращались домой, в деревню.

– Ты чего несёшь в узле-то, Натолий Фёдорыч? – спрашивала одна из ворон Райка у Воруиноги. – Колбасу, что ли?

– Ага, Райка, колбасу варёную. Я её уж очень люблю. А ты чего несёшь?

– И я варёную. Потом баранки, пряники. Я это всё тоже очень люблю.

Другая ворона, Симка, в разговор не встревала, но тоже несла в узле баранки и колбасу варёную и тоже всё это любила. Ещё она несла, прошу заметить, сумку, в которой была бутылка постного масла. Эту сумку ворона Симка для чего-то называла «ридикюльчик». В ней, кроме постного масла и пряников, лежал остаток в двадцать рублей.

Так, любя колбасу варёную и баранки, они шли через лес и забот не знали. Как вдруг заботы дали о себе знать.

Из кабаньих еловых кустов на дорогу выскочили два человека, один с наганом, а другой с дубинкою в руках.

– Стой! Руки вверх!

– Ой, батюшки-радители! – заголосила ворона Райка.

– Не ори! – прикрикнул на неё Фомич и показал дубинку. – Чего в узлах? Колбаса?

– Колбаса, варёная, – испуганно пояснила Райка.

– А у тебя чего в портфеле? – сказал Фомич, щупая «ридикюльчик».

– Чего? – мрачно отвечала Симка. – Чего надо!

– А ну, открой портфель, спекулянтка! Скорей открывай, а то сейчас пулю в лоб получишь.

И Васька с насморком погрозился наганом.

– Да на, смотри, грабитель, шелудивый пёс! Смотри!

И ворона Симка вынула бутылку постного масла, и Фомич сунул свой нос в «ридикюльчик». Он живо выхватил оттуда облитой пряник, сунул его в рот и принялся жевать, продолжая рыться в «ридикюльчике». Пряник был облеплен какими-то нитками и крошками. Фомичу приходилось отплевываться:

– Тьфу-тьфу...

глава третья Бутылка постного масла

Куролесов по-прежнему таился в траве.

– Появишься в крайнем случае, – сказал ему Капитан.

– А какой же случай будет крайним? – спросил тогда Вася.

– Сам соображай.

И вот теперь Вася лежал и соображал, какой сейчас происходит случай? Вроде бы два негодяя отнимают колбасу у честных тружеников – явный крайний случай. Ну а вдруг потом будет ещё и другой случай, ещё крайнее?! Очень может быть. Если так уж твёрдо рассуждать, то за всяким крайним случаем обязательно лежит другой, ещё крайнее, и к нему обязательно надо готовиться, а то, если первый крайний случай тебя не возьмёт, следующий доконает.

Вася ясно видел, как ворона Симка открыла свой «ридикюльчик», как Фомич сунул туда нос, как зажевал пряник. Этот случай пока ещё не был крайним, жевание пряника – дело житейское.

– Ого! – сказал Фомич. – Тут и денежки имеются! Двадцатка! – И он вынул двадцатку из «ридикюльчика» и сунул в карман.

В этот самый момент послышался железный голос, который прозвучал в специальный звукоусилитель – мегафон-двадцать четыре:

– Это что за безобразия???

Слово «безобразия» в исполнении усилителя прозвучало особенно страшно: «безо-зобо-барази-рази-азие»!

На дороге возник капитан Болдырев в полной милицейской форме с большим и тугим револьвером в руке.

– Вооружённый грабёж?! – грозно сказал он, строго ступая по дороге. – Бросай оружие! Вы окружены!

– Руки вверх! Бросай оружие! – закричал и Тараканов, выбираясь на дорогу из сосняка.

Фомич и Васька заоглядывались, ничего, кажется, не соображая.

– Двое сбоку! – закричал Фомич. – Наших нет!

И в этот момент Симка подняла в воздух бутылку постного масла и грянула Фомича по башке. Бутылка кокнулась, и Фомич пал на дорогу, безвольно дожёвывая пряник.

Васька с наганом стал нажимать курок, да что-то заело, выстрел никак не раздавался. Он явно забывал смазывать оружие. Воруинго звучно хрякнул и ударил по нагану костылём.

– Взяли нас! Взяли нас, Фомич! – закричал Васька, падая на колени.

И тут их вправду взяли, и Вася Куролесов видел, как их повели, и слышал, как ворона Райка говорит:

– У меня тоже есть постное масло, да я достать не успела.

– Ты уж мне отлей хоть с четвертинку, картошку не на чем жарить, – ворчала Симка. – Я своим постным маслом вашу жизнь защищала.

«Пожалуй, дело кончено, – думал Куролесов. – Крайнего случая больше не представится. Надо выходить».

В кустах позади него хрустнула веточка. Вася оглянулся.

глава четвёртая Придирки капитана

– Запропастился! – сказал капитан. – Просто запропастился! Другого слова не подберёшь.

– Куда девался Вася? – тревожно шевелил усами Тараканов. – Куда запропастился?

Капитан нервничал, и в такие минуты его особенно начинали сердить усы Тараканова. Так и сейчас он прошёлся по кабинету и вдруг остановился возле усов.

– Пора, кстати, вернуться к разговору насчёт ваших усов, – сказал он. – Опять они были не к месту.

– Да как же так?

– А так. Мы с вами на дороге должны были появиться одновременно, а вы задержались на пять секунд.

– Да, наверно, часы...

– Причём здесь часы? Я сам видел, как вы зацепились усами за сосенку и выпутывали их пять секунд. Я нарочно засёк время. Да вон и сейчас в них ещё торчат сосновые иголки.

Усы старшины немного подёрнулись золотой смолой и смахивали издали на сосновую ветку, подсвеченную солнцем.

– Так это же нарочно, товарищ капитан, – оправдывался Тараканов. – Это же маскировка, военная хитрость...

– Сосновая ветвь в милицейской фуражке – дикое и тупое зрелище, – перебил его капитан.

Несколько секунд они молчали, и старшина виновато вынимал из усов иголки специальными щипчиками для колки сахара.

– Вы проверили, что курят задержанные?

– Проверил. «Памир» и «Астру». Папирос пятого класса нету.

– А ведь должны быть!

– Вы знаете, товарищ капитан, что я думаю? – спросил, наконец, старшина. – Что случился крайний случай.

– Какой же крайний случай?

– А такой, очень простой. В кустах был третий с папиросами пятого класса, и он Васю, возможно, топориком.

– Почему топориком? Каким топориком?

– Не знаю, но мне почему-то кажется... топориком.

глава пятая Крайний случай

Тень, какая-то тень скользила от сосны к сосне, доплыла до ёлочек, легко поползла по дороге.

Человек с квадратной головой, как потом подсчитали, прополз от Васи в двух шагах, дополз до пня и, прикрывшись обломком сосновой коры, выглянул на дорогу.

Медленно, неторопливо, обстоятельно он вынул из-за пазухи пистолет, положил его на пень и стал целиться в кого-то на дороге.

С дороги между тем доносились слова:

– Всё постное масло об него изгадила.

«Какая башка квадратная, – думал Вася, – пожалуй, это и есть Харьковский Пахан, про которого Фомич говорил. Вот он, крайний-то случай. Надо прыгать!»

И Вася сжался в тугую милицейскую пружину, и уже чуть-чуть разжался, и даже почти полетел по воздуху, чтоб рухнуть на плечи квадратной головы,

но тут квадрат убрал пистолет и пополз обратно через лес. От сосны к сосне, от берёзы к берёзе он переполз весь перелесок, пересёк на четвереньках гороховое поле и очутился на окраине города Карманова на улице Сергеева-Ценского, дом 8. Через три минуты, как потом подсчитали, возле этого дома был и Вася Куролесов, а с ним молчаливая собака Матрос.

Дом номер 8 выглядел одноэтажно, с терраской. Откуда-то из форточки сильно пахло табаком, пожалуй что и пятого класса.

Матрос, который всё это время помалкивал, неожиданно заскулил, закрутился у Васиных ног, не желая, чтоб хозяин заходил в этот дом.

А занавесочка-то, занавесочка! Занавесочка с плюгавенькими рыжими цветочками на окне дома вдруг шевельнулась, и какой-то сорочий глаз из-за этой выглянул занавесочки и вперился в Васю. И тут Вася шепнул потихоньку Матросу:

– Беги в отделение!

Ну что тут оставалось делать собаке? И Матрос побежал исполнять этот тихий приказ.

Конечно, любая другая собака на месте Матроса стала бы спрашивать: зачем да почему? Возникла бы перепалка хозяина с собакой, что нередко ещё бывает на улицах Карманова и других соседних городов. Это всегда выглядит как-то неприлично, стыдно становится и за хозяина, и за собаку.

А Матрос не стал спорить. Отбежав на другую сторону улицы, он, шмыгая носом, наблюдал за своим хозяином.

Вася подошёл к калитке, не зная и не соображая, что будет сейчас делать. А сорочий-то глаз тянул, притягивал, манил из-за этой поганенькой занавесочки.

Понимал, конечно, Василий Куролесов, что идёт он к дому напрасно и зря, что на самом-то деле надо бы ему, а не Матросу, бежать в отделение и рассказать капитану про Зинку и Харьковского Пахана. Да ведь «они» могут за это время из дому уйти, а то, что в доме, от которого пахло папиросами пятого класса, были «они», Вася не сомневался.

И он стукнул в дверь. Подробно стукнул. Условным как бы стуком.

Дверь сразу открылась, и баба с острым носом и сорочьими глазами сказала:

– Ну?

– Зинка? – так же прямо и грубо спросил Вася.

– Ну?

«Попал, – мелькнуло в голове. – В точку».

– Позови Пахана, – сказал он.

– Чего? Какого Пахана?

– Харьковского.

– А ну, вали отсюда, пока цел, – проворчала Зинка.

Но тут огромная и ноздреватая объявилась за Зинкиной спиной квадратная будка с двумя отверстиями для глаз и кнопочным носом. Будка что-то жевала, во рту у неё гремял какой-то железный сухарь. Кроме грома сухаря, пылала в этом рту и папироса, в которой Вася сразу признал пятый класс – «Беломор».

– Пахан? – спросил Вася.

– Ну? – ответила будка.

– Да что это вы всё «ну» да «ну». Баранки гну. Не хотите – не надо, я пошёл.

И тут же рука с лопатными ногтями ухватила его за шиворот, втащила в дверь и расставленно, с угрозой промычала:

– Ну?

Пора было что-то отвечать, и Вася помигал глазом, понизил голос и сказал:

– Я от Фомича. Его взяли.

– Где видел?

– В отделении. Так вот, велел передать, чтоб уходили послезавтра.

– Послезавтра? – удивился Пахан-Будка-Квадрат. – Почему послезавтра?

– Завтра-то он ещё будет держаться, а послезавтра расколется. Он сам сказал: «Продержусь сутки, а потом расколюсь».

– Ага-ага! – закивал башкою Пахан Харьковский. – Расколется, значит, гад. А ты по фене ботаешь?

– Чего?

– Ты по фене ботаешь?

– Я-то ботаю, – ответил Вася. – А ты-то как?

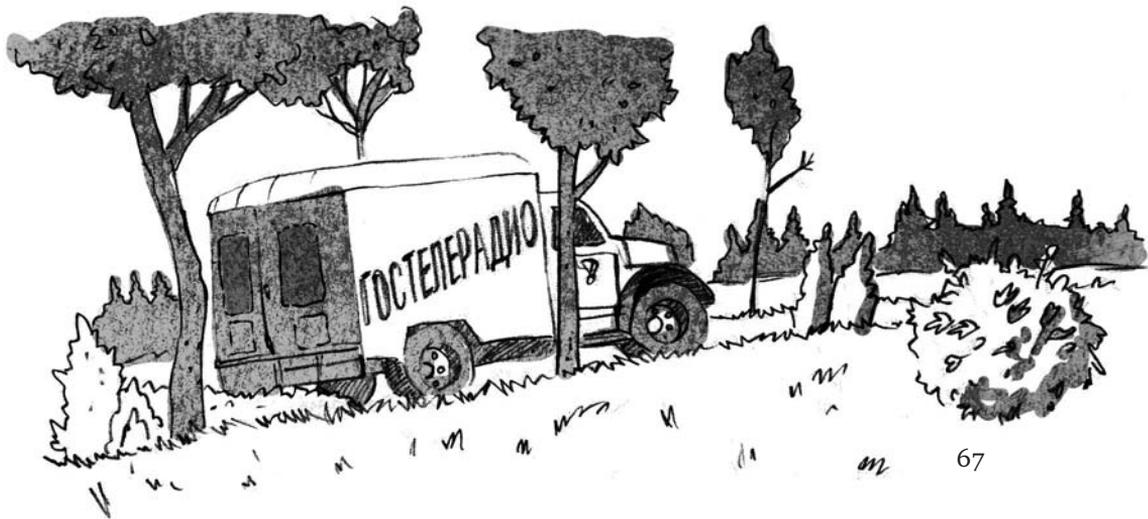
глава шестая Полёт милицейского пресс-папье

Известная нам двусторонняя оперативная машина недавно вернулась из ремонта. Она так и осталась двусторонней, только вместо слова «Изыскательская» написали теперь «Спецобслуживание», а вместо «Сантехники» – «Гостелерадио».

– Оставили бы «Сантехнику», – ворчал Тараканов. – На сантехника ещё более-менее похож, а на телекомментатора не слишком. Тут уж вы, пожалуй, товарищ капитан. У вас глаза цвета «маренго».

– Сбреете усы – сразу станете телезвездой, – обещал капитан.

Машина мчалась в кармановский ельничек, в барсучий соснячок на розыски пропавшего Куролесова. Но, как потом подсчитали, ровно через три

минуты после того, как она умчалась, в отделение милиции города Карманова вбежала рыжая собачонка с невзрачным колхозным хвостом. Если б хвост у неё был более городским или дежурный милиционер Загорулько более деревенским, дело могло кончиться иначе. Дежурный хотя бы задумался, где её хозяин? Он, конечно, прекрасно вспомнил, что это собака Васи Куролесова, но никакого уважения к ней не испытал, тем более что и сам-то Куролесов дежурному не понравился. Слишком уж нахваливал его старшина.

И Загорулько топнул на собаку сапогом, ударил по столу пухлой папкой протоколов, а потом схватил эдакое пресс-папье и метнул его в собачонку с криком: «Долой животных из отделения!»

Пресс-папье в полёте развалилось на составные части. Деревяшки и бумажки посыпались-полетели на пол, и перепуганный Матрос влетел в камеру предварительного заключения, из которой только что выпустили гражданина Сыроежку.

– Вот и посиди там, – сказал Загорулько, – подожди хозяина. – И он защёлкнул камеру на ключ.

Матрос заметался по камере, вспрыгнул на нары и встал на задние лапы, пытаясь дотянуться до решётки окна. Но и человек-то до неё не мог дотянуться, куда уж тут собаке с деревенским хвостом. С десятков минут Матрос беспокойно метался по камере. Он не выл и не лаял, он метался. Вдруг почувствовал что-то родное, знакомое, снова вспрыгнул на нары, прижался к потёртой стене и успокоился.

Не знаю уж, про что он думал, но скорее всего, что собаке срока не пришьют. Над ним на стене виднелась полустёртая надпись: «Вася и Батон тянули здесь...» Далее надпись совершенно стёрлась, и чего они здесь тянули и сколько вытянули, было никому не известно.

глава седьмая Подручные средства

В это время, задыхаясь, спотыкаясь и чертыхаясь, старшина Тараканов продирался по кармановскому ельнику. За ним неторопливо шагал капитан. Старшина шёл зигзагами или, как он говорил, «собачьим челноком», а капитан выдерживал прямую линию.

Прямая капитанская линия привела к носовому платку, который лежал на траве. В уголочке платка был вышит маленький розовый поросёночек.

– Васькин фирменный знак, – заметил старшина.

– Кажется, дело чрезвычайно опасное, – задумчиво сказал капитан. – Платок – для нас.

– Платок платком, а больше ни следочка. Эх, сам ведь я научил его двигаться бесследно.

– Должен быть след, – уверенно сказал капитан, – Куролесов не дурак, он должен использовать подручные средства. Уж если он оставил носовой платок, он нам весь путь покажет.

– Не знаю, какие у него ещё остались подручные средства, – сказал старшина. – Брюки снимет? Иль ботинки?

– Тебе-то было бы легче, – заметил капитан Болдырев. – Протянул ус от дерева к дереву, на пару километров хватит.

Старшина закашлял, достал из кармана маленькую подзорную трубу и принялся осматривать местность. Он знал, конечно, в каких случаях капитан переходит на «ты». В нехороших.

– Вижу подручное средство, – доложил старшина. – Вон оно – на дереве висит.

Шагах в тридцати от них на сосне висел гриб-маслёнок, нахлобученный на сучок.

– Не белочка ли? – засомневался капитан.

– Может, и белочка, а скорее Васькина лапа.

Они подошли к маслёнку и вдруг увидели впереди, на другой сосне – новый маслёнок. Старшина взял первый маслёнок с куста и положил его в кепку, снял второй и тут же увидел третий. Скоро в кепке его было уже десятка два отборных маслят, потом пошли подосиновики и подберёзовики, два моховичка, пара хорошеньких белых.

– Вы что, солить их будете? – спросил капитан.

– Солить не солить, а на жареное тут наберётся.

глава восьмая Вася ботает и чирикает

Рука с квадратными ногтями втащила Васю в сени, без всяких затруднений проволокла по коридорчику, спустила по крутой лестнице куда-то вниз, в район погреба.

– Постой! Постой! – тормозил Куролесов каблуками. – А в чём, собственно, дело? Не время для шуток.

Квадратная Будка сопела, протаскивая его через ящики и бочки. Где-то наверху вспыхивал и возникал Зинкин сорочий глаз:

– Осторожно! Осторожно! Бутыль не разбей. Не опрокинь бак с огурцами!

Но бак, за который Вася зацепился карманом, всё-таки опрокинулся, полился из бака укроп с рассолом, а в укропе, в хреновом листу, как рыбы в водорослях, скрывались огурцы. Они попрыгали из бака, захлопали хвостами, разбежались.

– Только не по огурцам! Только не по огурцам! – кричала Зинка. – Огурцы перетопчете!

Но Вася чувствовал, что его тащат куда-то по огурцам, они лопались под каблуками, как рыбки пузыри.

Тут вдруг выскочила откуда-то трёхлитровая стеклянная банка, блеснул в сумраке погреба бутылочный бок, кривая трещина перечеркнула стекло, банка развалилась и жутко, страшно, таинственно в погребе запахло маринованным чесноком.

– Чеснок??? – орала теперь сверху Зинка. – Маринованный чеснок разбил?!

Наконец Васю плюхнули на ящик. У ног взвизгивал чеснок и подло ворчали уцелевшие огурцы. И Вася понял, что, если уж вокруг него опрокидывают огурцы и бьют чеснок, дела его плохи.

– Осторожно! Чеснок! Огурцы! Осторожно! – орала Зинка, заглядывая сверху в погреб. Её кудлатые космы свешивались в погреб, как абажур.

– Чё! – грозно прикрикнул Пахан, выталкивая абажур наверх.

– Не понимаю, – сказал Вася, отдышавшись. – За что ко мне такие применения? Я же всей душой и телом, а меня чесноком душат.

– Так ты по фене ботаешь?

– Ботаю. Изо всех сил ботаю.

– А по-рыбьи чирикаешь?

– Чирикаю.

– Врёшь, скворец! На бугая берёшь! Порожняк гоняешь! Лапшу на уши двигаешь!

– Не двигаю, не двигаю я лапшу! – закричал Вася, потому что увидел, что Пахан сунул руку в карман, в котором тяжело болтался пистолет.

«Ну, попал! Вот уж попал-то! – лихорадочно думал Вася. – Феня – ведь это бандитский язык, а я-то его не знаю, не ботаю и не чирикаю. Что ж делать-то? Гипноз! Скорее гипноз!»

И он сморщил переносицу, но гипноз, собака, никак не появлялся, затаился, напуганный запахом чеснока.

«Ну, тогда разумом, разумом, – думал Вася. – Возьму его разумом, неожиданной мыслью. Задавлю интеллектom».

– За что такие придирки? – высказал вдруг Вася эту неожиданную мысль. – Почему глубокое недоверие? – продолжал он давить интеллектom. – Я же предупредил, меня же и угнетают!

– Феню не знаешь, – сказал Пахан и покачал квадратную будкой. – Ну, скажи, что такое «бимбар»?

– Так вот же он, бимбар! Вот он!

И Вася вынул из кармана часы.

– А ну, дай сюда.

Пахан схватил часы, щёлкнул крышкой, и часы взыграли:

Здравствуй, моя Мурка,

Здравствуй, дорогая.

Здравствуй, а, быть может, и прощай...

И здесь автор должен, конечно, отметить редкую способность знаменитых часов: приспособляемость к обстоятельствам.

– Мурку играют? Всё равно, твоё-то время истекло. – И он сунул часы в собственный карман. – Не знаю, откуда ты, да только мне ты живой не нужен.

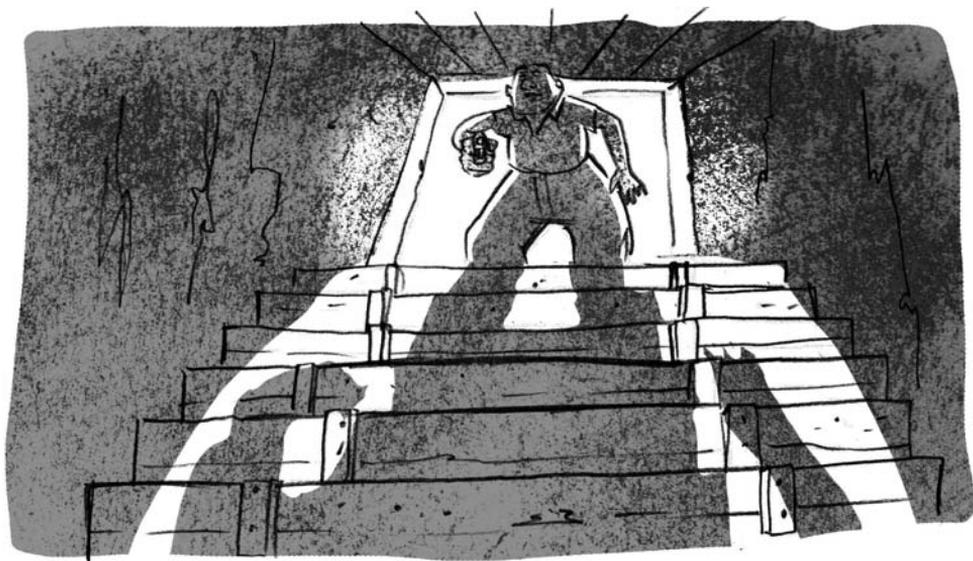
Пахан зевнул и достал пистолет. И самое страшное показалось Васе именно то, что он зевнул.

– Нет, нет, – сказал Вася. – Я ещё живой пригожусь.

– Только не мне, – сказал Пахан и сразу нажал курок.

Грянул выстрел – и пуля-дура полетела в открытую Васину грудь. И последнее, что слышал Куролесов, был глупый и неуместный сверху крик:

– Только не по огурцам!

глава девятая Уходящая галоша

По маслятам да по моховикам капитан со старшиною добрались до улицы Сергеева-Ценского.

– Помню, брали тут двух самогонщиков, – сказал старшина. – Трудное было дело: они из самогонных пулемётов отстреливались, но мы их пустыми бутылками забросали.

– Ищите след, – прервал капитан неуместные воспоминания. – Грибов больше не видно.

– Как же не видно? Вон он гриб, висит на заборе.

На заборе висела свинуха, тот самый гриб, который называют дунькой и лошадиной губой.

– Из-за этого самого забора они нас сивухой поливали, – задумчиво вспоминал Тараканов. – Инспектор Нахабин в обморок упал, но мы...

– Хватит, – сказал капитан. – Ищите следующий гриб.

Но больше, сколько ни оглядывались, грибов они не нашли ни пустым глазом, ни подозрной трубою. Единственное, что бросалось в глаза, была рваная галоша, лежавшая посреди дороги.

– Прекрасно помню эту галошу, – сказал старшина. – Она как раз болталась на ноге у самогонщика, когда инспектор Нахабин достал пистолет, но полковник Двоекуров сказал: «Не стрелять», – и галоша от ужаса упала. Только

раньше она валялась вон там, у забора. Так-так... Это Васькина лапа! Галоша как подручное средство! Талантливый паренёк! Нам надо идти в направлении галоши.

– Пошли, – сказал капитан, и они двинулись в ту сторону, в какую как бы шла эта галоша.

– Интересно, что будет дальше? Опять галоша?

– Ну нет, – сказал старшина, – вторая галоша оказалась у самогонщика. Когда полковник Двоекуров приказал брать их живыми, мы с инспектором короткими перебежками...

– Хватит о самогонщиках! – приказал капитан. – Ищите след.

– Слушаюсь... так что второй галоши не будет... молчу, молчу... Итак, Куролесов хватает первое попавшееся под руку. Ему некогда, он торопится, надеясь на нашу смекалку. А уж смекалка-то у нас есть. У нас много смекалки. Вот глядите – консервная банка! Вот она где, смекалка-то!

– Не вижу здесь особенной смекалки, – заметил капитан. Он, кажется, немного ревновал к такой большой таракановской смекалке. Кроме того, капитан чувствовал, что Тараканов своей неумеренной смекалкой защищает право на ношение рыжих усов.

– Баночка лежит ненатурально! Она лежит донцем к нам, а дыркою чуть правее. Надо и нам подаваться правее.

Они подали правее и скоро наткнулись на бутылку из-под нарзана, чьё горлышко забирало ещё правее.

– Так, – сказал старшина, – глянем по направлению бутылочного горлышка. Так, так. Улица Сергеева-Ценского, дом 8.

– Надо проверить, – сказал капитан.

Здесь автор должен на всякий случай отметить, что капитан и старшина были в штатском.

– Нехороший дом, – сказал капитан, – от него чем-то пахнет.

– Не укроп ли?

– Да нет, чесноком и, кажется... порохом.

– Папиросы пятого класса... Вон окурок валяется.

Долго и нудно капитан стучал в дверь. Профессиональный стук капитана растряс английский замок, в нём что-то пискнуло, и дверь отворилась.

Капитан осторожно вступил в дом. Усы Тараканова потянулись за ним. В сенях было пусто. Оцинкованные баки валялись в углу и разбитые умывальники, а в комнате капитан сразу увидел большой шкаф-гардероб.

В шкафу что-то слышалось и шевелилось.

«Там кто-то есть!» – знаками показал капитан Тараканову, который постепенно всасывался в комнату.

«Надо брать!» – ответил усами старшина.

«Валяйте!» – взглядом приказал капитан.

Старшина подкрался к шкафу, распахнул дверь и просто крикнул:

– Вверх!

И тут же из шкафа – руки вверх! – выступил человек с небритым подбородком.

– Меня сюда запрятали, – сказал он, улыбаясь.
– Кто вы? – сбоку с револьвером в руке спросил капитан.
– Я – Носкорвач. Носки рву. Мне мама как купит носки, два дня поношу, глядишь – уже дырка на пятке. «Тебе, – говорит, – надо железные носки». Но я и железные разорву. Пойдёмте в шкаф, я покажу, сколько там рваных носков валяется. Даже неудобно.

Минуты через три, как потом подсчитали, капитан Болдырев и старшина Тараканов поняли, что перед ними круглый сумасшедший. Он совал им под нос рваные носки, зазывал их в шкаф, просил подобрать пару какому-то подозрительному носку в полосочку, в общем, валял большого дурака.

– Слушай, Носкорвач, – раздражённо сказал старшина, – кто тебя в шкаф запрятал?

– О! – напугался Носкорвач. – Это большая тайна!

Тут он принялся раскачиваться, читая стихи Редьярда Киплинга:

Это рассказывать надо
С наступлением темноты,
Когда обезьяны гуляют
И держат друг другу хвосты...

– А вы ведь не обезьяны, – неожиданно трезво заметил он. – Вы – оперативники, вам рассказать я никак не могу.

– Мы тебе новые носки подарим, – заманивал старшина. – С шерстяною пяткой.

– Правда? – обрадовался Носкорвач. – Ну, тогда скажу: «Пахан». Только мне носки сорок третьего размера.

– Для тебя хоть сорок четвёртого.

– Ну, тогда я всё расскажу. Пришёл человек. А Пахан пил чай. Вот они вдвоём и убежали, а меня в шкаф запрятали. Сиди, говорят, пока за тобой не придут. Нет ли у вас пирожка с печёнкой? А ещё я люблю жареные грибы, и вообще мне надо побольше снеди. У вас есть снесь?

– Снеди нету! – строго отвечал старшина.

– Как же так? Оперативные работники, а снеди не имеют! Странно!

– Куда же они убежали? – спросил капитан.

– Туда, где шарики катаются.

глава десятая Взгляды в полной темноте

Пуля-дура, как уже говорилось, вылетела из пистолета и полетела в открытую Васину грудь. Быстро, стремительно преодолевала она сантиметр за сантиметром и скоро должна была вонзиться в сердце.

Она летела и по дороге немножечко умнела. Не всякая же, чёрт возьми, пуля – дура! Я знаю, кстати, немало дур, но не все же они – пули!!!

Надо сказать, что эта пуля была умней других, интеллигентней. Она понимала, что вонзаться в грудь беззащитного Васи нехорошо, подло, безнравственно. Она хотела немного изменить направление, да сделать это было очень трудно.

«Пороховые газы толкают, чтоб им пусто было, – думала пуля, летя. – Вася, Васенька, увильни. Ну хоть на пару сантиметров».

И Вася почувствовал её немой призыв, дёрнулся в сторону и потерял сознание, а пуля пробила его пиджак и вонзилась в грудь брюквы. Как потом подсчитали, она пробила одну за одной 49 брюкв и два кило моркови.

Вася дёрнулся и затих.

– Этот готов, – сказал Пахан, схватил совковую лопату и завалил Васю брюквою.

Муть, великая муть навалилась на Васю. Брюква погребла его тело, великая муть окутала душу. И тяжело стало его душе. Она металась, раздваивалась и не знала, как дальше быть. И особенно тяжело было этой душе оттого, что перед нею в будущем только два пути: или работать трактористом, или идти в милицию. Где же третий, настоящий, истинный путь? Ну, не под этой же тяжёлой и грязной брюквой?!

И тут мы, конечно, должны отметить, что Васина душа была не права. Ну чего такого плохого работать в милиции? Ходи себе да арестовывай кого надо. Никакого особого напряжения, не дрова колоть. Или трактористом – сидишь да пашешь! Красота! Не права была душа, потрясённая выстрелом, вовсе не права.

Пока душа его металась и размышляла, сам Вася был совершенно без сознания. Он ничего не осознавал, кроме того, что его всё-таки убили.

«Неприятно-то как», – думал он.

Наверху над ним кто-то топал, бухал, потом всё затихло.

Тьма и тишина погреба убаюкивала Куролесова, он лежал, не шевелясь, пока не услышал какой-то шорох. Не мышка ли?

Вася отодвинул бровью брюковку со лба, высунул наружу живой глаз, но мышку не увидел.

Беспробудная тьма окружала Васю, и холод, тусклый холод пронизывал его насквозь, гнилой холод, нехороший. В холоде очень хотелось есть, и Вася стал грызть огурцы и отвратительно сладкую брюкву.

«Капитан-то, конечно, найдёт меня, – думал он. – Найдёт, если будет от платка танцевать».

Этот возможный танец капитана и старшины слегка успокаивал душу, но холод проникал в грудь, и Вася замерзал, чувствуя, что превращается в брюкву.

«А Матрос? – думал Вася. – Где же Матрос? Он-то мог бы хоть подкоп сделать».

Конечно, Вася не знал, что Матросу надо было делать два подкопа. Сам он по-прежнему сидел в камере предварительного заключения и раздумывал на тему: можно ли собачьим носом прошибить бетонный пол?

«Как жалко, что человеческий глаз не видит ничего в темноте! – печалился Вася, – сова видит, а я – нет. Надо бы научиться, натренироваться».

От нечего делать он яростно стал напрягать зрение, но не виделось ни зги. «Начну с малого, – думал Вася. – Попробую увидеть собственную руку». Он поднёс пальцы к носу, и долго-долго нахмурил брови, и вдруг разглядел что-то, не поймёшь что.

«Мираж! – подумал Вася. – Какой-то мираж!»

Но нет, это был не мираж, это был ноготь большого Васиного пальца. Тот самый знакомый ноготь, аккуратно постриженный в прошлом году садовыми ножницами, когда все трактористы обрабатывали колхозный сад.

«Боже мой! Неужели это он! – восклицал про себя Вася. – Неужели у меня появляется ночное подвальное зрение?»

Тут Вася покивал себе ногтем и стал напрягаться дальше. Скоро в поле напряжённого зрения появился указательный палец, за ним средний, безымянный. Только мизинец никак не поддавался.

«Тонковат», – думал Вася.

Примерно через час взгляд его добрался до мизинца, и Вася приказал зрению двигаться дальше, напрямик, к бочке с капустой. Зрение двинулось, рассекая темноту.

Бочка долго не объявлялась. Наконец, что-то задрожало, замаячило бочкообразное вдали, но виделось призрачно, зыбко и шатко. То и дело возникали какие-то продолговатые помехи.

«Тут уж не до чёткости изображения», – рассуждал Вася, обретающий ночное полутелевизионное зрение.

Вдруг он услышал какой-то шорох. Кто-то корябался внизу, под брюквой. Неужели Матрос? Неужели подкоп Матроса под погреб?!

Тут брюква зашевелилась, и из неё высунулось... О боже! Неужели такая огромная крыса?! Что это? Какой Матрос? Какой подкоп?

Ночным своим почти уже совсем телевизионным голубым зрением Вася увидел руку! Человеческую руку, которая, разбрасывая брюкву, тянулась к нему. На этой руке блистал серебряный перстень с бирюзой!

Ужас охватил Куролесова. Никогда прежде он не видел таких рук, торчащих во мраке погреба. А рука лезла всё дальше и дальше, потом появилась и вторая рука, и кудлатая голова подземного существа.

Существо вылезло из брюквы, отряхнулось и, шаря руками в темноте, сказало тоненьким голосом:

– Где же тут огурцы?

Жутко и жалко прозвучал этот вопрос в сырости погреба, и Куролесов ответил на него по-своему.

Он сжался в пружину и прыгнул. Пролетев по воздуху тридцать четыре, как потом подсчитали, сантиметра, он обрушился на подземное существо.

И тут раздался такой крик, какого ни я, ни Вася, ни вы, дорогие читатели, больше никогда в жизни не услышите.

часть третья Раздвоение облака

глава первая Поиски правды

Криво, друзья мои, криво и неласково складывалась в этой жизни судьба полузабытого нами гражданина Лошакова.

Ну, во-первых, баранов и гусей он так и не продал, да ещё, вернувшись в родную деревню, сдуру принялся рассказывать о том, что вместо Курска попал в город Карманов.

– Какой ещё Карманов? Да такого города на свете нет!

– Эдак вы скажете, что и города Картошина нет?! – пытался защищаться Лошаков.

– И Картошина нет! – уверяли его на правлении колхоза и даже подсовывали карту области, на которой и вправду два таких мощных пункта, как Карманов и Картошин, были почему-то опущены.

– Дайте карту мира! – требовал Лошаков, но такой карты ему не дали и дружно исключили из заместителей председателя. И, согласитесь, что это за заместитель, который бегаёт босиком по снегу в несуществующие города?

– Нам, председателям, такие заместители не нужны! – сказал председатель.

У Лошакова отобрали подведомственных гусей и баранов, увели кобылу Секунду, оставив только гусака Зобатыча.

– Нету, Зобатыч, правды на земле, – говорил гражданин Лошаков, глядя гусаку прямо в глаза, – нету.

Так с гусаком на коленях он просидел печально всю зиму, понимая, что правды нету. К весне, однако, стало ему казаться, что небольшое количество правды всё ещё находится в городе Курске, в руководящих местах. И он решил, как только подсохнут дороги, бросить на время гусака, сесть на велосипед и двинуть в Курск отыскивать правду.

И вот подсохли дороги, Лошаков выехал на просёлок, выбрался с просёлка на шоссе и сразу увидел табличку:

До Курска 100 км

Он твёрдо нажал на педаль, закрутились-засверкали серебряные спицы, и под вечер Лошаков подобрался к другой табличке:

До Курска 1 км

Здесь он передохнул, закусил редиской, причесался, поправил на груди галстук, чувствуя, что правдой попахивает всё сильнее и сильнее.

Так он проехал три километра, но никакого Курска нигде не встретил. Крайне обеспокоенный отсутствием Курска, Лошаков жал на педали. Наконец вдали показались новостройки, и велосипед рванулся к ним. Возле новостроек топтался у столба какой-то прохожий.

– Товарищ! – задыхаясь, крикнул гражданин Лошаков. – Это что за город?

– Да это не город, – равнодушно ответил прохожий, продолжая топтаться у столба, – это пригороды города Карманова.

– Я это предчувствовал, – прошептал про себя Лошаков и пнул ботинком велосипед, который завёз его неведомо куда.

Возле «Пельменной» гражданин продал неверный свой велосипед каким-то тёмным личностям за тридцатку и зашёл в заведение.

«Нету правды, – нервно думал он, – нету!»

Пельмени между тем в городе Карманове оказались отличные – большие, сочные, ушастые.

Лошаков съел три порции, чувствуя, что какое-то количество правды появляется в его организме. Выйдя на улицу, он увидел надпись «Бутербродная», и, хотя после пельменей есть бутерброды казалось ему непростительной неправдой, он всё-таки зашёл и съел парочку с ветчиной и сёмужьим боком.

Когда же он вышел из «Бутербродной», ему бросилась в глаза совсем уж неправдивая вывеска – «Компотная». Но сухофрукты, из которых сварен был компот, оказались однако натуральными. Лошаков попил компотику и пошёл дальше по кармановским заведениям, чувствуя, что правды в его душе прибывает.

Побывал он:

в «Чайной» и в «Кисельной»,

в «Арбузной» и в «Фужерной»,

в «Бульонной» и в «Винегретной»,

в «Кильковой» и в «Тюльковой»,

в «Парикмахерской» и в «Прачечной» – и, наконец, побритый и подстриженный, отстиранный и отглаженный, верящий в правду и совершенно, простите, обожравшийся, он оказался перед вывеской «Бильярдная».

И гражданину Лошакову захотелось сыграть.

глава вторая Тяга к солёным огурцам

Царапалось и кусалось, отбиваясь от Васи, подземное существо.

– Отпусти, отпусти... я за огурцами... я за огурцами, – верещало оно.

– За огурцами? – удивился Вася и ослабил хватку.

Он пытался разглядеть, что же такое держит в руках, но его ночное подвальное почти телевизионное зрение отчего-то закончилось, очевидно, от слишком крупных подземных переживаний.

– Как ты сюда попало?

– Да через дверь в подклети. За огурцами я... Шурочка я.

Да, друзья, ни Вася, ни автор, ни Квадратный Пахан не знали и не слыхивали, что в подвале имеется потайная дверь, заваленная брюквой. Знала об этом только Зинка, у которой и была дочка Шурочка, проживающая в городе Картошине. Эта Шурочка получила в один прекрасный момент телеграмму:

УЕХАЛА НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ ПОЛЬЗУЙСЯ ОГУРЦАМИ ЧЕРЕЗ НИЗ ЦЕЛЮЮ МАМА =

И Шурочка пожелала маминых огурцов, которые славились посолом, и приехала в Карманов.

И здесь автор и читатель должны быть потрясены. Как же так? Мама даёт телеграмму об огурцах, совершенно забывая, что вместе с огурцами Шурочка найдёт убитое тело мёртвого человека. Автор не понимает, как это сделалось возможным. Очевидно, в голове у Зинки были только огурцы.

И вот теперь Шурочка сидела на полу погреба и плакала, а её держал за локти Вася Куролесов, который снова начинал обретать подземное зрение и угадывал в Шурочке девичьи приметы.

– Отпусти, не убегу, – сказала Шурочка. – Как тебя звать?

– Вася.

– Ты что? Тоже за огурцами?

– Да нет... я так... за брюквой... выведи меня на свет.

Они вылезли на свет, и Вася был совершенно ослеплён тусклыми лучами солнца, которые еле пробивались через крапиву и бурьян. Взор его никак не прояснялся. Ночное зрение не хотело уступать дорогу дневному.

Вася долго махал у носа пальцами, и наконец что-то кривое стало вырисовываться перед ним, и он различил крайне неприятную блондинку, которая, кстати, не показалась ему такой уж неприятной, как кажется автору.

Наоборот, блондинка Шурочка показалась ему более-менее сноской в смысле взора.

– Так ты что ж это? – спросил Вася. – Огурцы любишь?

– Дико люблю! – воскликнула Шурочка. – Солёные, чтоб хрустели.

– А помидоры солёные любишь?

Шурочка задумалась, прикидывая что-то в уме, и наконец толкнула Васю кулаком в грудь:

– Уй, ну ты что! Конечно, люблю!

Нет, она определённо нравилась Васе всё больше и больше. Когда она говорила об огурцах, глаза у неё загорались. С помидорами такого не слу-

чилось, блеска не было, но всё равно мелькало в глазах что-то очень осмысленное.

– Да откуда же ты тут взялась? – воскликнул Вася.

– Уй, Васёк, да что же ты говоришь? Я ведь Зинкина дочка.

Вася вздохнул и гулко подумал:

«Во как!»

глава третья Бильярд по-кармановски

Тёплые жёлтые шары, вырезанные из мамонтовой кости, с номерами на слоновьих боках с грохотом сталкивались между собой, бились о тугие борта, мягко и тяжело катились по зелёному сукну. Изредка они падали в лузы, и вздрагивала тогда сеть, затягивающая лузу, вздувалась, поглощая шар.

Необыкновенно длинный, похожий на чёрного журавля человек держал в руках кий, тыркал им изредка в шары, приговаривая:

– По три рублика! По три рублика! Два шара форы!

Это разумное предложение не вызывало пока никакого отклика. Зрители жались к стенам. Они явно боялись играть с Журавлём.

– По три рублика! По три рублика! – приглашал Журавель, и наконец к бильярдному столу подошёл сутулый и синеносый человек, в котором читатель с интересом и любовью узнал бы гражданина Лошакова.

– По три рублика! – сказал ему Журавель.

– Это неавторитетно! – парировал гражданин Лошаков.

– И два шара форы!

– Это кто тут кому даёт фору? – спросил Лошаков, глядя в потолок. – Это вы мне даёте фору, товарищ Журавлём? Так я её не принимаю. Я предлагаю вам сыграть не на три рубля, а на сто.

Здесь автор должен отметить, что скромный, в сущности, гражданин Лошаков, наевшись, делался нескромным и даже нагловатым. Но сто рублей он действительно в потайном кармане на всякий случай имел. На всякий случай, если отыщет правду. Ему отчего-то казалось, что если правда вдруг найдётся, сто рублей никак не помешают.

Чёрный журавель, между тем, неуверенно вертел в воздухе кием. Он опешил. Он явно не ожидал от синеносого гражданина столь делового предложения.

– Моя фамилия Зябликов, – единственное, что он смог пока ответить гражданину Лошакову.

– Принимаешь вызов?

Журавель Зябликов смешался и замялся. Длинными тонкими пальцами перебирал он кий, на котором было написано: «Зябликову от Кудасова» – редчайший, доложу вам, кий, таких киев, подаренных великим бильярдистом Кудасовым, на свете почти нет.

Зрители у стен зашушукались. Журавлю надо было достойно отвечать.

– Дайте мне мел! – торжественно сказал Зябликов, и Лошаков парировал:

– Бери!

Журавель Зябликов взял мел и ловко спиралью прокатился мелом по кию, а это означало на кармановском бильярдном языке, что вызов принят.

– Стольник! – сказал Лошаков, выхватил из кармана цельную сторублёвку, помахал ею перед носом партнёра и сунул деньги в среднюю лузу. – Остальные лузы пусты. Где ваши деньги, товарищ Журавлёв?

– Моя фамилия Зябликов, – парировал Журавель и стал вынимать из кармана трёшки. С грехом пополам их набралось на тридцатку. Тут он полез в глубоко потайные карманы и наскрёб ещё пару рублей.

– Маловато, – отметил Лошаков.

– Остальное под честное слово.

– Ну это уж нет. Оценим ваши носильные вещи. К примеру, часы. Это будет авторитетно.

Общество, стоящее у стен, оценило часы в тридцатку.

– Недостача, – сказал Лошаков. – Нужно ещё сорок рублей.

– Ставлю кий, – сказал Журавель, засовывая трёшки и часы в угловые лузы. – Надеюсь, кий от самого Кудасова что-нибудь стоит?

– Кий – это палка, – сказал Лошаков. – Для меня он ничего не стоит. Ладно, играй, длиннорукий, прощаю тебе сорок рублей. Итак, сто против шестидесяти, но с одним условием: на эти сорок рублей мне позволено хамство.

– Как так? – удивилось общество.

– Очень просто. Я ставлю сто, а он всего шестьдесят. И вот на эти сорок рублей я имею право ему хамить, а он должен разговаривать со мною на «вы» и называть меня «дорогой сэръ».

– Но в нашем советском обществе не принято таких слов!

– А мне наплевать, приняты они или не приняты. Сорок рублей недостача, а вы ещё толкуете? Сто против шестидесяти и хамство против «дорогого сэра»! Принимаешь вызов или нет?

Чёрный Зябликов побледнел, бильярдная гордость пронзила его, выпрямился с хрустом позвоночник.

– Ладно, вызов принят. Но поскольку игра ещё не началась, я скажу, что вы хам, дорогой сэръ! Я разбиваю!

– Валяй, дубина, – равнодушно согласился Лошаков.

Пожалуй что как раз в этот момент, совершенно незамеченные, в бильярдную проникли капитан Болдырев и старшина Тараканов. Впереди них плёлся Носковач.

– Вот, – тревожно шептал он, – вот где шарики катаются.

глава четвёртая Утомление хрусталиков

Непонятно, что всё-таки случилось с Васиным зрением?!

Лично я полагаю, что хрусталики его глаз чудовищно переутомились, искривили свои кристаллы и разные сетчатки, пытаются овладеть ночным подвальным зрением.

ИГРАЙ НА ИНТЕРЕС.
ПРЕДЛОЖАТ ДЕНЬГИ -
ОТКАЖИСЬ НАСТРЕЗ!

Он сидел сейчас в зарослях бурьяна, в дебрях пустырника и глядел на Шурочку как на исчадие некоторой красоты. Поверьте мне, опытному детскому писателю, никакой красоты в Шурочкиной внешности не обреталось. И в глазах ничего не было, кроме жажды огурцов. Но Васе она нравилась всё больше и больше.

Куролесов понимал, что сейчас настало время объяснений, и лихорадочно обдумывал, кем назваться: трактористом или милиционером? Пожалуй, всё-таки трактористом, а?

– Ну ты что сидишь? – сказал он, толкнув Шурочку локтем в бок. – Пришла за огурцами – набирай. Банка-то у тебя есть?

– Да они ведь в баке.

– Из бака они вывалились. Поняла? Во время рукопашной.

– Какой рукопашной?

– А ты что ж думала, в погреба попадают просто так? Туда попадают после рукопашной.

– Да? – туповато протянула Шурочка. – А ты кто?

– Я-то? Да я – тракторист.

Тут Вася почувствовал, что разговор пошёл по идиотской дорожке, и решил свернуть на асфальтовый проспект разума.

– Иди за огурцами, – сказал он и ткнул Шурочку локтем, пожалуй, так и не обнаружив пути на асфальт.

Шурочка послушно уползла в погреб, и Вася глянул ей вслед искривлённым кристаллом хрусталика. И тут он увидел лодыжки её ног. Они были необыкновенно прекрасны и тонки.

«Во лодыжки!» – гулко ахнул он про себя.

Пока Шурочка ползала, Вася обдумывал, как связно изложить присутствие тракториста в подвале после рукопашной, но голова и разум, заключённый в ней, отказывались помогать ему в этом деле.

Шурочка между тем выползла назад теми же лодыжками вперёд. Она волокла за собою бак.

– Полбака огурцов осталось, – сказала она, оборачиваясь к Васе.

И тут опять хрусталики, опять кристаллики Васины возмутились в хорошую сторону. Очень хороша показалась ему Шурочка, бесовски хороша. И тут автор должен всё-таки попытаться описать Шурочкину внешность, которую он охаял, не вдаваясь в подробности. Вдадимся же!

Итак, нос! Поверьте, маловато интересный. Ничего римского, ничего греческого. Ни на курочку, ни на уточку, ни хотя бы на свистульку он не был ни капельки похож. Такие носы, не похожие ни на что, произрастали только в городе Картошине. Впрочем, если читатель хочет, чтоб я с чем-то сравнил этот нос, – пожалуйста... Нет, стесняюсь. Перейду лучше к глазам, хотя и не тянет. Ой, не тянет! Ну ладно, глаза у Шурочки были цвета... какого же? Ясно, что не морского и не бирюзового, они были цвета тряпочки, которая висела на заборе рядом с тем бурьяном, в котором они сидели... Тьфу! Сдаюсь! Чтоб я ещё раз взялся описывать женскую внешность!..

Ладно, перейду к описанию действий.

Действий, впрочем, никаких не было – Шурочка жевала огурец и глядела на Васю.

– Одного не пойму, – сказала она, – как же так? Ты тракторист и вдруг после рукопашной попал в подвал? Как? За что? Зачем?

Вася тревожно замер. Ответить на эти вопросы было, конечно, невозможно. Но тут в голове у него что-то сверкнуло, в глазах помутилось, и он ответил просто и гениально, снимая сразу все вопросы и размышления.

Он тронул Шурочку за лодыжку и сказал:

– Саша! Я вас люблю!

глава пятая Бильярд по-кармановски (продолжение)

Шары скатили в середину бильярда, накрыли их деревянным треугольником, выравнивая пирамиду.

Журавель наточил мелом кий, сложил из кисти левой руки какую-то немислимую дулю, сунул в дулю кий и тыркнул по шару.

Стремительно покатился шар по зелёному сукну и врезался в пирамиду. Она развалилась от удара, и два шара сразу провалились в лузы, забитые мятыми трёхрублёвками.

– Неплохо начал, куриный крючок! – сгрубил гражданин Лошаков. – Я и не думал, что такой пачкун на что-то способен. Бей дальше, но прежде скажи мне «дорогой сэр».

– Не скажу, – ответил Зябликов, сжав зубы.

– Тогда игра недействительна! Сейчас же выковыриваю из лузы сторублёвку и иду пешком в город Курск. Говори, свинья двухмордая!

– Дорогой сэр, – скрипя сердцем и нервами, сказал Зябликов и снова ударил в шар. На этот раз удар не получился. «Двухмордая свинья» сделала своё чёрное дело. Шары бестолково потолкались друг о друга и стали по местам. Для Лошакова образовалась самая настоящая подставка! Бильярдисты меня понимают!

– Какой мелкий таракан! – приговаривал Лошаков, намусоливая мелом кий. – Пельмень с камнем! Дуб! Не понимаю Кудасова! Как он мог подарить кий такому мракобесу?!

Наевшись, Лошаков всегда обнаглевал до безумия.

– Смотри, свисток! – кричал он Зябликову с другой стороны бильярда. – Смотри, блокнот кооператора! Сейчас я ударю и с твоей, с позволения сказать, «головы» посыплется прах! Только попрошу над бильярдом не сорить. Отойди в угол, к урне и сыпь прах там.

Так разговаривал гражданин Лошаков, обходя бильярдный стол со всех сторон, а бить по шару он никак не собирался. Наконец, всё-таки приложился, прицелился основательно, вздохнул и сказал:

– Нет, не могу. Стыдно играть против такого млекопитающего настоящим кием. Дайте мне половую щётку.

И он схватил половую щётку, стоящую у стены, приложился и вмазал – и шар влетел в лузу.

Дикий рёв раздался в бильярдной, и под этот рёв Лошаков загнал щёткою в лузы ещё два шара.

Зябликов омертвел.

– Не знаю, чем дальше бить, – жаловался Лошаков ревушим и стонущим зрителям. – Даже играть щёткой против этого паразита – роскошь. Дайте мне стул и оторвите от него ножку. Буду играть ножкой стула. Впрочем, не отрывайте, я буду играть цельным стулом.

И он взял стул и стал прикладываться к шару стулом.

– Ножки уж больно кривые, – рассказывал он зрителям. – А ничего не поделаешь, против этого натюрморда надо играть кривым предметом. Сейчас ударю, только пускай он снова скажет «дорогой сэр».

– Не скажу, – сжав зубы, пробормотал Зябликов. – Игра аннулирована!

– Э, нет, нет! – заорало общество, из которого Зябликов повынимал в своё время немало трёхрублёвок. – Сдался! Сдался!

– Если сдался – деньги мои! – сказал Лошаков. – А если играешь, говори «сэра». У, какие глаза! Как помоями налиты! Говори!

– Я не сдался, дорогой сэр, – сказал Зябликов. – Бейте!

– Сейчас вдарю! Вдарю стулом по твоим трёхрублёвым нервам! У тебя ведь и вся душа стоит три рубля! Не больше, никак не больше! Бью по трём рублям! Играю свояка!

С огромным стулом на плече Лошаков прицеливался особенно тщательно, да и шар-то был трудный, свояк.

– Тишина в павильоне, – приказал Лошаков. – Я готов! Замрите! Мотор!

Все замерли, и Лошаков легко катнул стулом шар. Шар с номером на боку из повлёкся по зелёному сукну, стукнулся об шар с номером 8, отскочил от него и медленно провалился в лузу, где лежала лошаковская сторублёвка.

Обвал воплей рухнул в бильярдной. Шара, забитого стулом, кармановцы ещё не видывали. Они кинулись обнимать Лошакова, тискали его и целовали, требовали автограф, приглашали в театр. Многие просили подержаться за стул. Трогать понапрасну победный стул гражданин не позволил, сел на него, успокаивающе замахал ладонью:

– Должен передохнуть... нервное перенапряжение... Чем играть дальше – вот вопрос. Нет ли у кого зубной щётки?! Или урной попробовать? Дайте урну!

В этот момент триумфа и славы на плечо гражданина Лошакова легла тяжёлая и властная рука, и послышался хриплый стальной голос:

– Урны не надо! Ваши документы!

глава шестая Звуки Бака

– Когда же? – спросила Шурочка.

Она прижимала к груди эмалированный бак с огурцами и глядела на Васю.

– Чего когда?

– Когда полюбил?
– Да пока ты ползала взад-вперёд. Нахлынуло.
– Тогда ползём вон туда, – сказала Шурочка, и, толкая перед собой бак с огурцами, она поползла на четвереньках в ту сторону, где бурьян был погуще. Вася тронулся за ней.

Встать на ноги, подниматься во весь рост было неловко. Влюблённые, казалось им, должны ползти.

Забравшись в глубину бурьяна, девушка оглянулась.

– А я что тебе, понравилась, да? Хочешь огурца?

– Очень понравилась. Хочу.

– И ты мне понравился, – сказала Шурочка, выбирая огурец поукропистей. – Потом понравился, когда я выползла назад с баком. Ты так жутко на меня глядел.

Вася и сейчас глядел на неё самым неожиданным образом, и Шурочка глядела в ответ, а в воздухе над ними что-то происходило, что-то шевелилось, возникали какие-то запахи и дуновения, какая-то пыль, отблески и дрожь. Всё это, взятое вместе, постепенно складывалось в небольшое облако, которое всё расширялось, расширялось. Скоро это было уже совершенно круглое облако, которое имело полтора метра в диаметре. Это было облако взаимной любви, которое и колебалось над бурьяном.

Когда облако окончательно сформировалось, Шурочка достала из бака ещё один огурец, обдула его, обтёрла, кокетливо поцеловала этот огурец и, хихикнув, протянула Васе. Куролесов схватил огурец, бешено откусил с хрустом, прожевал, проглотил и, чувствуя, что становится круглым болваном, поцеловал огрызок огурца и передал через бак даме. Прикрыв глаза, она многозначительно заглотила остатки поцелуев.

– А мама дала мне телеграмму: приезжай за огурцами. Ну, я и поехала, а ты там, в погребе, вот уж не ожидала.

– Да и я-то сижу, зрение в темноте тренирую, вижу – рука! Ну, думаю, надо кидаться! Кинулся, а это ты! И я влюбился!

Тут Вася придвинулся к девушке поближе, хотел её обнять, но бак с огурцами мешался. Он отодвинул бак, но Шурочка вернула бак на место. Тогда Вася обеими руками обхватил и Шурочку, и бак. Бака попало в его объятия побольше. Куролесов изловчился и через бак поцеловал девушку в щёку.

– Убери бак, – сказал он.

– Ни за что.

– Так и будем разговаривать? Через бак?

– Ага, – хитрила Шурочка.

– Ну ладно, согласен, – сказал Вася, а сам хитроумно пополз вокруг бака к ней, но она уползла на другую сторону.

– Давай ещё по огурчику, – сказала она.

Пыльные цветы бурьяна склонили над ними свои буйные головы, и случайные прохожие никак не могли понять, что за звуки доносятся из придорожной канавы. А это был хруст огурцов и поцелуи. А уж редкие гулкие звуки – это были удары Васиной головы об бак.

глава седьмая Бильярд по-кармановски (окончание)

– Нет! Нет! Я требую урну! – кричал гражданин Лошаков, вырываясь из рук старшины Тараканова. – Я буду играть с ним урной.

Зрители в бильярдной в первую минуту не могли сообразить, что, собственно, происходит. Почему этот длиннорыжеусый схватил вдруг мастера ударить стулом по шару?

Первым сообразил дело журавель Зябликов. Он вдруг нервно принялся выковыривать из луз свои часы с трёшками.

– Кажется, облава! – прошептал кто-то.

– Облава, облава! – шёпотом закричали зрители. – Берут всех подряд! – и зрители брызнули из бильярдной.

Зябликов кинулся к двери, но не смог пробиться сквозь человеческую пробку и, спотыкаясь об кий от Кудасова, выпрыгнул в окно.

– Стой! – орал вслед ему Лошаков. – Держи его! Да я его этажеркой обыграю! Умывальником!

– Спокойно, гражданин! Стоять! Руки! Руки! – Старшина быстро пробежал пальцами по пиджаку и другим карманам гражданина Лошакова. – Спокойно, гражданин, стоять!

– Стою, стою, – отвечал Лошаков. – Чего тебе надо?

Гражданин Лошаков совершенно ничего, что происходит, не понимал и сообразить не мог. И только тревожная мысль, что правды на свете нет, приходила ему в голову.

– Товарищи оперативники! – сказал Носкович, подойдя вплотную к Лошакову. – Это грабитель, Пахан, я узнаю его.

– Молчи, цыц! – сказал капитан Болдырев, обходя и разглядывая Лошакова со всех сторон. Первым делом почему-то он оглядел его ботинки, вперился в глаза, и в них почудилось что-то родное.

– Так, – сказал капитан. – Дело об угоне кобылы и снятии сапогов. Гражданин Коровин?

– Лошаков, – сказал Лошаков. – Отдайте столярник.

– Эх, Носкорвач, – сказал капитан, – обманул, значит? Невинного нам подсунул? Так?

– Конечно, подсунул, – радостно засмеялся Носкорвач, – обманул. Обязательно обманул. Как же мне вас не обмануть-то, таких доверчивых? Оперативников обманывать – моя гордость, моя радость.

– Со следа свёл? – вскричал Тараканов.

– Обязательно свёл! – веселился Носкорвач. – Я ведь камикадзе. Знаете, у японцев были такие камикадзе? Их сажали в торпеду, и они мчались на корабль. Они корабль взрывали, но и сами, конечно, отдавали концы. Вот и я в конце концов взорвусь. Правда, я кармановский камикадзе, торпеды у меня нету – шкаф с носками.

Носкорвач размахивал рукавами, но тут в бильярдную быстро влетели два милиционера и увели его под крики: «Осторожно, взрываюсь!»

Капитан со старшиною кинулись на улицу, прыгнули в двустороннюю машину и помчались на улицу Сергеева-Ценского. Они ворвались в дом, рухнули в погреб, разбросали брюкву, выскочили на улицу через потайную дверь и остановились около бурьяна.

Над бурьяном висело странное облако. Абсолютно круглое и мутное, оно имело в диаметре около трёх метров. Из-под облака, откуда-то снизу, доносились гулкие, как удар колокола, звуки.

– Кто-то бьётся головою в бак, – предположил Тараканов.

– Проверьте, – сказал капитан, – только осторожно.

Старшина вынул наган и двинулся к бурьяну...

А покинутый милицией Лошаков долго ещё стоял у бильярдного стола, глядел на стул, которым забил немыслимого свояка, вспоминал минуты своей славы и триумфа.

Потом он покачал печально головой, прощаясь с бильярдной, вышел на улицу и отправился куда-то, вероятно, разыскивать всё-таки город Курск.

«Хорошо, хоть столярник вернули, – думал он. – Да и на сорок рублей удалось, пожалуй, нахамить. Одна “свинья двухмордая” червонца стоит».

глава восьмая Капитанский кашель

Облако, странное облако висело над бурьяном. То, казалось, в облаке этом мелькает радужная пыль, то вроде моль, то мыльные пузырьки или цветочки липы.

Но не было в облаке ни моли, ни пыли, в нём были только чувства. Это облако состояло из чистых человеческих чувств, прозрачных и нежных, в

которых не было ничего мутного, ничего пыльного. Это было облако истинной и внезапной любви.

Обойдя облако слева, старшина Тараканов раздвинул бурьян и даже не понял поначалу, что он увидел. Он отпрянул и нервно взвёл курок, а после сообразил, что видит двух человек, которые обнимают большой оцинкованный бак. И один из них, в котором старшина с трудом узнавал Куролесова, бьётся в бак головою, приговаривая:

– Но я же люблю, люблю!

Боком-боком старшина вывалился из бурьяна и обратился к старшему по званию.

– Разрешите доложить, – шёпотом сказал он, убирая оружие. – Там Куролесов бьётся головою в бак. С ним какая-то баба белого цвета.

– Что за белая баба? – вздрогнул капитан и решительно шагнул в бурьян. Довольно скоро он, впрочем, вышагнул обратно, зацепив известное нам облако правым плечом.

– Мда... – сказал он. – Непонятная история... неясно... неясно...

– Кажется, они борются за обладание баком, – предположил старшина. – Возможно, в баке находится что-то ценное, какая-нибудь важная улика. Вот Куролесов и вцепился в бак.

– Вряд ли, – сказал капитан. – Слышите? Они целуются!

– Фу, неловко-то как! – застыдился старшина. – Ой, как мне неудобно!

– Надо его оттуда как-то вызвать. Только поделикатней.

– Хотите, я его кашлем вызову?

– Как это?

– А вот так: кхе-кхе-кхе... – И старшина деликатненько закашлял.

Некоторое время они поджидали, какое впечатление произведёт таракановское «кхе-кхе-кхе». Никакого эффекта не последовало, только раздался особенно гулкий удар в бак, от которого облако любви подпрыгнуло повыше.

– Чего тянуть и кашлять? – раздосадованно сказал старшина. – Пойду сейчас и арестую обоих, а бак отберу как вещественное доказательство.

– Товарищ старшина, вы эти старые методы бросьте. Сейчас не те времена. Ладно, я сам кашлянну, чёрт подери!

Капитан набрал в грудь воздуху и что есть силы кашлянул:

– Гррррхххммм!

Через две, как потом подсчитали, секунды из бурьяна выкатился всклокоченный Куролесов. Он растерянно озибался, дожёбывая очередной огурец.

– Товарищ капитан, – сразу, с ходу начал он, – нужно срочно в Глухово. Они ушли в Глухово к Хрипуну. Это ведь был сам Харьковский Пахан.

глава девятая Раздвоение облака

Потягивая за собою бак, из бурьяна вскорости выбралась и Шурочка.

– Вась, это кто же? – изумлённо спросила она.

– А это наш председатель колхоза, – сразу нашёлся Куролесов, делая капитану знаки-намёки, – а уж это бригадир – товарищ Тараканов.

– Уй, какие усы! – засмеялась Шурочка. – Вась, отрасти себе такие!

– А вас как звать-величать? – по-председательски строго спросил капитан.

– Шурочка я. Александра.

– Хорошее имя, – одобрил бригадир, довольный похвалою в адрес усов. – Бодрое имя! Как у Пушкина!

Шурочка потупилась в сторону бака.

– Где проживаете? – спросил председатель.

– В городе Картошине. Улица Сергеева-Ценского, 8.

– Позвольте, позвольте, это в Карманове улица Сергеева-Ценского.

– У нас тоже. Мы от Карманова не отстаём.

Старшине Тараканову хотелось задать какой-нибудь вопрос, желательно колхозно-бригадирский.

– А как у вас в Картошине с картошкой? – деловито осведомился он.

– Хорошо, – обрадовалась Шурочка. – Из Кашина привозят. Синеглазку. Ну, такую картошку с голубыми глазами.

– Вы любите синеглазку? – кокетничал старшина.

– Уй! Натурально!

– Да-да! – сказал капитан. – Синеглазка – хороший сорт, но нам сейчас не до картошки. Мы ведь по срочному делу. – И тут капитан хлопнул Васю по плечу. – Надо налаживать механизацию. Понял? Поехал в Карманов, а технику не отремонтировал? Нехорошо, товарищ!

– Да как же товарищ ка... председатель? Редуктор перебрал и гусеницы откувалдил.

– Многое, очень многое нам ещё надо откувалдить, дорогой товарищ.

– Ты уж, Васьк, прости, – встрял и Тараканов, – но я как бригадир должен поддержать товарища ка... председателя. Кувалдить так кувалдить!

– Давай, давай, Вася, срочно прощайся с гражданкой... машина ждёт. Вы уж простите, Александра, Вася у нас мастер, без него как...

– Как без пассатижей! – подсказал старшина новую техническую мысль.

– Шура, – сказал Вася, – пойми... отойдём в бурьян.

Они отошли в сторону, и облако заколебалось, заволновалось.

– Ты, главное, не беспокойся, – говорил Вася. – Поезжай в Картошин и будь в Картошине. Я тебя найду. Только в Картошине будь. И оставь для меня в баке хоть пару огурцов.

– Обязательно оставлю. Килограмма два, точно.

Вася оттолкнул бак, крепко обнял Шурочку и выбежал из бурьяна.

И облако немедленно разделилось на две части. Одна часть полетела за Куролесовым, а другая осталась на месте. Когда-нибудь они снова воссоеди-

нятся, найдут друг друга, сольются в одну большую грозовую тучу, и тогда разразится такая гроза, такой грохнет гром...

Отчего-то взгрустнулось Шурочке. Вася ведь ей и вправду понравился. Хороший, всё-таки, чувствуется, парень. Конечно, он всё врёт, никакой он не тракторист и в подвал попал неизвестно почему. А эти, конечно, не колхозники, а скорей всего оперативники, да ведь не в этом дело. Дело в том, что парень хороший.

– Ладно, – решила она, – поеду в Картошин и буду ждать.

И она поехала в город Картошин с остатками облака над головой и с огурцами в баке и терпеливо ждала. Ждала и ждала. Долго.

глава десятая Хрипун

Шофёр Басилов, дремавший в двусторонней машине под газетой «Вечерний Карманов», был мигом разбужен.

– Глухово! – крикнул старшина ему в ухо.

– Спокойнее, – поморщился капитан. – Глухово – тихое слово.

– Там был третий в кустах, – скороговоркой докладывал Куролесов. – Я – за ним. Он – меня в погреб. Я – прошу слова. Он – пистолет! Выстрел! Смерть!

– Налево... направо... – командовал старшина, – проедем Спасское... вот и Глухово.

Машину повернули к деревне бортом «Спецобслуживание», а капитан и старшина стали переодеваться. Под задним сиденьем нашлись драные телогрейки, ржавый топор, пила. Переодевшись, помазав немного лбы свои машинным маслом, Болдырев и Тараканов превратились в людей совершенно неизвестной профессии. С такими лбами и инструментами они могли сойти за монтеров и за слесарей, за специалистов по устройству колодцев, за разжалованных трактористов, за строителей придорожных коровников.

– Будем просто пильщиками, – сказал капитан Болдырев.

– Кому дрова пилить-колоть? – вскричал старшина, вылезая из машины. С таким призывом вошли они и в деревню Глухово.

Призыв долго оставался без ответа.

– Эй, да что вы, радетели, – заметила бабуса, стоящая под рябиной, – у нас все дрова давно поколены.

– У меня самого пила «Дружба», – добавил кнутовидный какой-то человек, который вёз на тележке мешок с хлебом. – Очень вы нам нужны!

На это и делали свой тонкий расчёт старшина с капитаном. Они вовсе не собирались пилить, пила и топор были маскировочным материалом.

– Извините, гражданин колхозник, – сказал старшина кнутовидному мужчине, – а нам один человек из вашей деревни, по прозвищу Хрипун, сказал, что наша работа нужна. Где он живёт, Хрипун-то этот?

Так разумненько и осторожно старшина выведывал адрес Хрипуна. Кнутовидный остановил тележку, внимательно оглядел пильщика.

– Ах, вон ты чего, милоч! Хрипуна ищешь? Так Хрипун-то – это я!

Капитан замер от ярости. Ему казалось, что старшина слишком уж прямо, слишком в лоб вёл свои расспросы, и вот – на тебе! Попал в десятку. Капитан отвернулся в сторону, дескать, тепер уж, товарищ старшина, выпутывайтесь сами.

Старшина между тем ни секунды не растерялся. Он заулыбался, закрутил усы, закричал радостно:

– Хрипун! Хрипунице! Золотой ты мой человечиче! Здорово! Как же тебя раньше не признал? Да это всё твоя кепка проклятая! Под кепкой тебя и не признал! Хрипуша, золото моё! А я ведь приехал дрова пилить, помнишь, ты прошлый год наказывал?

Тут старшина бросил пилу на землю и стал обнимать Хрипуна.

– Чего тебе надо? Чего надо? – отбивался Хрипун. – Первый раз вижу! Отойди, не целуй меня! Мне противно!

– Ах, вон ты как! – орал на всю деревню Тараканов. – Сам звал в гости, а тепер от ворот поворот?!

– Где? Где? Где? – отбивался Хрипун. – Где я тебя звал?

– В пивной. Хрипун-голуба, в пивной в Картошине!

На все эти крики и разговоры из соседних палисадников стали объявляться колхозники и чужие люди. Разинув рты, они издали слушали и шушукались.

– Я не хожу в пивные! Не хожу! – орал Хрипун.

– Не ври, не ври! Ещё криветок брали! Эх ты, а ещё Хрипун! Сам звал в гости дрова пилить. А я-то дурак с другом приехал с ка... с капи... с Капитоном! Вот, Капитоша, как Хрипун друзей встречает! Что же ты, Хрипун? Угостил бы хоть помидорчиками маринованными!

Капитан Болдырев понял, что пора поддержать старшину, который обижался на Хрипуна всё сильнее. Он подошёл поближе к Хрипуну, обнял его и строго поцеловал в губы.

– Здорово, Хрипун, – сказал он, обтираясь рукавом телогрейки.

– И этот целуется! – отпихивал его Хрипун. – Что вам нужно? Дрова пилить? Ладно, идите за мной.

Он прокатил тележку по улице, свернул в проулок, завёл капитана со старшиною куда-то за сарай, за которым валялись два длинных и корявых берёзовых бревна.

– Дрова хотели пилить? – сказал он. – Вот вам дрова! Пилите, гады!

глава одиннадцатая «Разрешаем открыть люк»

Не взяли Васю в деревню, не взяли.

– Да поймите же! – укорял капитана Куролесов. – Пахан меня увидит – с ума сойдёт от ужаса. Он ведь меня убил, а я как новенький.

– Убьёт во второй раз. И не дрогнет. Так что жди в машине. Надо будет – позовём.

Вася маялся на заднем сиденье. Басилов снова накрылся газетой и заснул. От его храпения газета приподнималась, и Вася тогда видел заголовок какой-то статьи: «Разрешаем открыть люк». Что это был за люк, прочитать не удавалось.

Из машины виднелась деревня, и особенно крайний дом, над которым торчала такая длинная антенна, как будто хозяин принимал волны из Рио-де-Жанейро. Странно, что антенну до сих пор не сломал ветер.

Длина антенны нагоняла на Васю далёкие мысли. Он снова вспоминал выстрел и погреб, особенно Шурочку. Часть облака, которую он увёз с собой, маячила над машиной, но Вася облака не видел, он его только чувствовал.

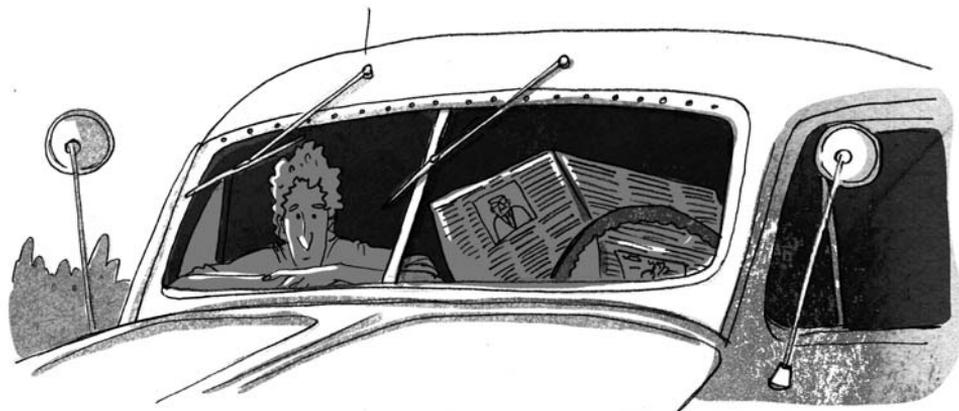
– Какая хорошая девушка, – вспоминал Вася, – самостоятельная, огурцы солёные любит.

Вася долго ещё думал о Шурочке, и все его мысли как-то крутились около фразы: «Самостоятельная, огурцы любит».

Вася вспоминал бурьян и поцелуи, снова чувствовал в своих объятиях приятный холодок эмалированного бака. Он мечтал, а шофёр Басилов храпел, показывая время от времени крупные чёрные слова на газете: «Разрешаем открыть люк».

«Неизвестно, какой люк, – думал Вася, – но хорошо, что разрешают открыть. Но вообще-то жизнь – штука сложная, и куда тут открыть люк: в сторону милиции или тракторизма? Неясно».

Вася долго ещё думал про Люк личной жизни, потом хотел немного подумать, как Шурочка любит огурцы, но не стал, потому что при чём же здесь огурцы? Важно, чтоб была хорошая душа, а уж если хорошая душа – она огурцы солёные обязательно любит.

В машину залетела пчела. Басилов спал, а Вася ловил пчелу. Поймал, выпустил в форточку, и вдруг его неудержимо потянуло на улицу. Он даже не мог понять, что такое его тянет и куда. А это тянуло облако, которому надоело одиноко болтаться над брезентовой крышей автомобиля.

Вася приоткрыл дверцу, выбрался на улицу, и облако подпорхнуло к нему, окутало голову. И облаку и Васе полегчало.

Куролесов прошёлся, промялся, глянул на деревню и вздрогнул. Он увидел, что антенна у крайнего дома закачалась и вдруг рухнула на землю, переломившись пополам. Только после этого донёсся из деревни выстрел.

Облако заволновалось, потянуло Васю в сторону. Он прыгнул в придорожную канаву, заросшую бурьяном, и затаился.

глава двенадцатая Пиление берёзы

Приходилось пилить.

Они выкатили берёзу из-под навеса, приладились и начали.

Хрипун с минуту поглядел на них, взял топор, потрогал большим пальцем лезвие и сказал:

– Туповат. Пойду на бруске поточу.

Он завернул за угол сарая с топором и тележкой, слышно было, как в доме хлопнула дверь.

– Точно попали, – сказал старшина. – Пойдём за ним, вроде бы воды попить.

– Чтоб воды попить – надо попилить немного, вспотеть.

– Я уже вспотел, пока с этим дубом целовался.

– Тьфу! Что за пила? Не пилит.

– Да вы не дёргайте, товарищ капитан! А пила как пила – вещественное доказательство. Помните? Кража в хозмаге.

– Тупая! Неразведённая!

– Да вы не дёргайте! Пилите мягче!

Из-за сарая между тем вышла какая-то баба и остановилась, глядя на пыльщиков.

– Баба какая-то, – шепнул старшина. – Пилите, пилите, товарищ капитан! Баба смотрит! Да вы не дёргайте!

– Сам не дёргай! – сквозь зубы прошипел капитан.

– Извините, товарищ капитан. Не ругайтесь. Баба смотрит. Наверно, хоззяйка Хрипуна.

Постояв минутку, баба скрылась за углом.

– Ей понравилось, как мы пилим, – сказал старшина. – Я видел на её лице удовольствие. Ладно, хорош. Пошли воду пить. На месте ориентируемся. Главное – взять Пахана врасплох.

Однако ориентироваться им пришлось не сходя с места.

Из-за сарая снова вышла баба, на лице которой было написано удовольствие, а с нею другая. У другой на лице удовольствия не было.

Увидев пиление берёзы, она вдруг закричала:

– А-а-а! Кто? Не дам!

Тут она подлетела к старшине Тарakanову и схватила его за усы.

– Не дам! Не твоё! – как сумасшедшая орала она. – Не имеешь права! Ты её сажал? Ты её валил? Не твоё! Не дам берёзу пилить!

На этот крик из-за сарая повалили мужики и бабы.

– Позволь, хозяйка! – орал старшина. – Нам хозяин велел пилить. Хрипун. Пошёл топор точить.

– Не да-а-а-ам! Не твоё! Не тронь, усатая морда!

– Где Хрипун? Где Хрипун? – орал старшина, отбиваясь от наскоков.

– Ну, я Хрипун, – сказал низкорослый с одним глазом дядя, выходя из толпы. – В чём дело?

– Ты Хрипун? – растерялся старшина. – А г-где другой Хрипун?

– Это какой другой? Лёшка, что ли?

– Ну, я Лёшка Хрипун, – сказал новый Хрипун, вылезая из-за поломанной телеги.

– Да что вы, все, что ль, здесь Хрипуны? А где Хрипун, что хлеб на тележке вёз?

– Да это дядя Митяй! Третий дом по красному посаду.

Тут вся толпа, дёргая старшину и капитана за локти, повалила вдоль красного посада. Какие-то шавчонки гавкали и вертелись под ногами, галдели Хрипуны, и баба орала про берёзу: «Не имеешь права мою берёзу пилить! Не сажал!»

Добежав до третьего дома, хозяйка берёзы взлетела на крыльцо и принялась колошматить в дверь.

– Выходи, Митяй! – колотилась она. – Выходи! Поговорим про берёзу!

Дверь распахнулась, и на крыльцо вылетела толстая тётка в галошах на босу ногу. Она скрестила руки на груди и закричала с места в карьер:

– А ты мне всю усадьбу истоптала!

И в этот момент, когда всё внимание толпы переключилось на крыльцо, капитан дёрнул старшину за рукав, они нырнули в щель между баней и забором и тут же увидели за баней две фигуры, которые крадучись бежали к скотному двору.

– Стой! – крикнул капитан.

И тут одна фигура повернула к ним Квадратную свою Будку, приложила к носу чёрную фигу. Из фиги блеснуло громом, грохнуло огнём, и раздался выстрел.

Пуля ударила в пилу. Пила взвизгнула, а пуля дьявольским рикошетом ринулась на край деревни и перешибла известную нам телевизионную антенну.

глава тринадцатая **Басилов**

Вася видел из бурьяна, как по дороге мчатся к машине два человека. Он сразу узнал Квадратную Будку, за которым скакала Зинка.

Шофёр Басилов по-прежнему спал под разрешением открыть люк.

Добежав до машины, Пахан тут же принялся стучать в стекло. Басилов недовольно снял с носа газету:

– Чего такое?

– Подвези до парома! До парома подвези! Даю трёшку!

– Сколько?

– Пятёрку.

Басилов развернул газету и накрыл «люком» нос.

– Червонец даю, слышишь?

– А на бензин? – спросил Басилов из-под газеты.

– На бензин прибавим.

– Ну ладно, ладно, – сразу засуетился Басилов, скидывая газету. – Скорей, скорей, а то меня начальство заругает. Быстро! Ну!

Пахан, а за ним Зинка залезли, пихаясь в машину, Басилов нажал на педаль, поддал газу, взревел, развернулся и, вздымая пыль, двусторонняя машина рванула в сторону канала Москва–Клязьма.

Вася не знал, что и делать. В первый момент он хотел прыгать из бурьяна Пахану на загривок, но пока прицеливался, машина умчалась. Пыль, только пыль стелилась над дорогой. Впрочем, не успела пыль улечься, как поднялись новые клубы, и чудесная двусторонняя машина примчалась обратно. Басилов поставил её точно на то же место, достал газету, накрыл нос и сразу заснул.

Со стороны деревни тем временем послышался гул. На дороге показались два человека, которые стремглав неслись к машине. За ними валила толпа народа, доносились крики:

– Держи пильщиков!

Капитан подлетел к машине, стукнул в стекло.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – вскричал шофёр, роняя газету.

– Где Куролесов?

– Здесь я, здесь!

– Скорей в машину! Быстро! Быстро! Разворачивайся!

Пыльная толпа надвигалась. Впереди бежала низенькая старушонка, которая кричала:

– Не дам берёзу пилить!

– Гони! – крикнул старшина, и двусторонняя машина прянула от толпы.

Надоедливая старушонка всё-таки догнала машину, стукнула кулачком в заднее стекло.

– Ты её сажал? – кричала она.

– Плохи дела, Вася, – задыхаясь, рассказывал капитан, пока Басилов с трудом отрывал машину от старушонки. – Упустили.

– Да я их видал, – сказал Вася.

– Где?

– Да тут неподалёку. Но не стал с ними связываться. Вы сами не велели.

– Куда же они делись?

– Куда-куда?! – зевнул Басилов. – Я их и подвёз. Попросились до парома, вон до канала Москва–Клязьма, три километра.

– На госбензине?! – вскричал Тараканов. – На госбензине бандитов возишь?!

– А мне что? Время у меня было. Пассажир есть пассажир, а на бензин они мне дали.

– Под суд пойдёшь, – спокойно пояснил капитан Болдырев. – Гони! К парому!

– Под суд, под суд, – ворчал Басилов. – За что? У меня время свободное, почему бы и не подзаработать? Пассажир есть пассажир, лишь бы платил хорошо и на бензин добавлял. А чего мне, стреляться с ними? У меня и пистолета нет. У Васьки тоже.

– Гони! – кричал капитан.

– Пассажир есть пассажир, – бубнил Басилов. – Довёз до парома, там и ссадил. Ну, рассчитались, всё честь по чести, но и я лишнего не просил. Ну, на бензин добавил, стали парома ждать.

– Так они уже на другом берегу! – кричал Тараканов.

– Вряд ли, – сказал Басилов. – Я на всякий случай канат перегрыз.

– Какой канат?

– Паромный.

– Как перегрыз? Зубами, что ли?

– Зачем зубами? – обиделся Басилов. – Напильником.

глава четырнадцатая Тело в канале

Про этот канал рассказывали, что его решил построить ещё царь Пётр Первый, который затеял снабдить Москву водою из Клязьмы, а уж Клязьму – московскими товарами.

Но всё это было враньё и искажение исторической правды.

Строил этот канал действительно Пётр, но не Первый, а Перлов – директор заготовительной конторы.

Строить его он начал собственными силами прямо от порога конторы. Налево – канал шёл к речке Клязьме, направо – к Москве.

К сожалению, канал не дотянулся ни до Москвы, ни до Клязьмы, Петра Перлова уволили, а кусок канала так и остался лежать на земле.

– Паромщик! Паромщик! – кричали два человека, бегая по бетонному берегу канала.

– Канат лопнул! – сварливо отвечал паромщик с того берега. – Ждите починки.

Когда зафырчал, заревел сзади ГАЗон, Пахан и Зинка кинулись к машине, на которой приехали. Теперь только Басилов мог их выручить.

– Ложись! Все на дно! – приказал капитан. – Басилов, работай!

– Какая уж тут работа? – ворчал Басилов. – Сейчас кокнут – и вся работа. Зачем, дурак, канат перегрыз?

Машина стала, и Квадратная Будка подсакала к окошку.

– Четвертак! – задыхаясь, крикнул Пахан. – Четвертак до Картошина.

– Мало, – зевнул Басилов и прикрыл нос газетой.

– На бензин прибавим.

– Да что вы там прибавите? – твердил Басилов, не высовывая из-под газеты носа. – Прибавят рубль и уже орут: мы прибавили, мы прибавили. Мало. Ясно?

– Червонец добавим! – закричал Пахан.

– Деньги вперёд, – сказал Басилов и откуда-то из-под газеты высунул стакан, который оказался почему-то у него под рукой. – Ложи в стакан.

Пахан достал какие-то рубли, стал пересчитывать, и тут капитан со старшиною выскочили из машины и навалились на него.

Вася замешкался. Ему надо было вывести из строя Зинку, но как это сделать? За руки, что ль, её хватать?! К тому же свербила мысль, что это мамаша Шурочки.

– Ложись, Зинка, – крикнул он. – Ложись! Мы с Шурочкой обо всём договорились!

– Чего? – крикнула Зинка. – Кто?! Ты?

– Ложись! Не лезь в это дело.

Но Зинка в дело влезла немедленно. Она ударила Васе под дых, кинулась к капитану и укусила его за коленку. Капитан ослабил хватку, и Пахан вырвался. Не раздумывая ни секунды, одним махом, прямо с бетонного берега он прыгнул в канал.

Его огромное чёрное тело упало в воду, как куб угля, и сразу пошло на дно.

Долетев до дна, Пахан коснулся его ногами и дико толкнулся вперёд и вверх, вынырнул, глотнул воздуха и снова углём рухнул на дно. Он, оказываясь, совсем не умел плавать и так, огромными

прыжками отталкиваясь ото дна, передвигался на другой берег.

Напрасно капитан и старшина пытались стрелять. Угадать, где в другой раз выпрыгнет он из воды, было невозможно. То там, то сям выныривала вдруг моржовая рожа, фыркала и ухала на дно.

И тут новое тело, не раздеваясь, плюхнулось в канал. Это было тело Васи Куролесова.

глава пятнадцатая Второе убийство

Мокрый и дрожащий, в пиджаке, с которого текло, босиком – ботинки остались на том берегу – Вася сидел в ольховом кусту, поджидая Пахана.

Моржовая будка допрыгала тем временем до берега. Чертыхаясь, на четвереньках Пахан пополз по бетонной плите наверх, к лесу. Он полз и полз прямо к тому кусту, в котором таился Куролесов.

И Вася выступил навстречу, подняв к небу мокрые кулаки.

– У-у-у-у... – дрожал он. – У-у-у-убийца! Это ты убил меня и завалил брюквой? Ты? Отдай мои часики!

– Чего? – потрясённо спросил Пахан, протирая ладонью нефтяные очи. – Кто убил?

– Ты, Пахан-собака, ты убил и брюквой завалил. Отдай мои часики! О, как мне холодно под брюквой, холодно мне... Отдай часы с музыкой!

Вася синел и зеленел прямо на глазах, только нос его оставался по-прежнему белым и лиловым. А над головой Куролесова маячило облако, которое тоже синело, зеленело и дрожало, пугая Пахана.

– Зачем ты убил меня, Пахан? Ведь я же хороший. Я ведь был от Фомича, а ты меня убил, и пуля попала в сердце. На, гляди, что ты наделал. – Тут Вася задрал рубаху и показал свой синий живот и совершенно целое сердце. – У-у-у! Убийца ты, Пахан! Каин, зачем ты убил брата своего, Авеля?

У Васи, кажется, начинался настоящий бред.

– А потом пришёл Мишка и сказал, что морковь слаще, а папа ударил Петю, потому что Басилов только и думает про бензин, когда уже звёздочки взошли...

Облако совершенно возмутилось. Оно в первый раз слышало про убийство, потому что зародилось немного позднее. Услышав такое, оно отодвинулось подальше, заволновалось, забурлило и, разогнавшись, изо всей силы въехало Пахану в лоб.

Пахан зашатался.

Удар получился не такой сильный, вроде как диванной подушкой, но сам факт – облако, бьющее по лбу, – потряс Пахана. И действительно, видывали мы перистые облака, видывали кучевые. Облако дерущееся – это был первый случай в отечественном облаковедении.

– Облака на меня напускаешь? – прохрипел Пахан, признавая, наконец, Васю. – Я тебя убил один раз, но полагается дважды.

Он выхватил пистолет и... но пистолет не выхватился. Пахан шарил в мокром кармане. – Где? Где пушка? – хватался он за пиджак. – Утопла? Пушка утопла!

Да, дорогие читатели, пушка утопла во время адских подводных прыжков, вывалилась из кармана и растворилась в солоноватых водах канала Москва-Клязьма.

– Холодно мне, Пахан, – говорил Вася, икая. – Дай мне горячей брюквы, согрей мне ноги шерстью барса. Спасибо, что ты меня убиваешь во второй раз, дай я обниму тебя.

И Вася пошёл к нему, жалобно улыбаясь и протягивая скрюченные пальцы.

Пахан попятился.

В этот самый момент облако разогналось посильнее и только хотело ударить пыльной подушкой, как из кустов выскочила рыжая собачонка маленького роста. Это был Матрос, который вырвался наконец из тюремного заключения. Не раздумывая ни секунды, Матрос вцепился Пахану в зад, а облако грохнуло по макушке.

Отбиваясь от облака, стряхивая со штанов Матроса, Пахан пятился назад, к каналу, из вод которого торчали, между прочим, ещё четыре руки, в которых жители деревни Глухово легко опознали бы руки, пилившие берёзу.

ЭПИЛОГ

До чего же надоел Куролесову преступный мир со всеми его засадами, погонями, выстрелами!

«Хватит, – думал Вася, отправляясь на электричке в деревню Сычи. – Останусь трактористом, женюсь на Шурочке, станем поросят держать».

Облако Васино летело за ним над электричкой и радовалось, что Вася решил остаться трактористом. Особенно почему-то нравилось облаку, что Вася с Шурочкой станут держать поросят.

Пару недель поработал Вася в колхозе и стал просить отгул. Отгула ему не дали, и Вася, тоскуя, стал писать в Картошин письмо:

«Здравствуйте, дорогая Саша!

Отгула мне не дали. А как дадут, я сразу приеду. А сейчас отгула никак не дают. Когда дадут отгул, я сразу приеду, а без отгула приехать не могу, потому что нельзя ехать, раз отгула нету. Не дадим, говорят, отгула, и вот я всё жду, а отгула всё нет и нет. Если б был отгул, разве же б я сидел? Плохо мне, Саша, без отгула...»

Здесь Вася приостановился, задумался, о чём бы ещё написать. Да чего писать, раз отгула нету? Надо кончать письмо и написать, что он ждёт ответа. Но как он ждёт? С какой силой? Он долго думал и так закончил:

Жду ответа, как тёмное царство луча света».

Вася отправил письмо, и не успело оно ещё доехать до города Картошина, как ему дали отгул.

Вася взял отгул, захватил ещё мешок картошки в подарок и поехал в город Картошин. За ним увязался Матрос и, конечно, облако.

Вася легко разыскал улицу Сергеева-Ценского, дом 8, стукнул в дверь.

– Саша! Здравствуй! Вот и я, наконец! А это тебе мешок картошки в подарок!

– Вася! – обрадовалась Шурочка. – Заходи! Заходи! Помнишь, как мы с тобой целовались?

– Конечно, помню, – сурово отвечал Куролесов. – Как такое забыть? Огурцы-то ещё не все съела?

– Кажется, один огурец остался!

Вася прошёл в комнату, и облако шмыгнуло вслед за ним, а Матрос остался на крыльце.

В комнате было уютно, а на диване сидел человек в синих носках, который хрумкал каким-то огурцом. Облако заволновалось.

– Познакомься, Вася, это мой муж Николай Иванович, тоже огурцы любит. Кажется, он и съел последний огурец. Коль, ты что, последний съел?

– Слушай, Шурк, – сказал Николай Иванович, – жрать охота, а, кроме огурцов, в доме нет ничего.

– Как это нет?! Вон Вася мешок картошки привёз!

– Неужто? – закричал Николай Иванович и подскочил от счастья на диване. – Давай сварим скорее в мундире! Вася, милый, садись на диван.

– Спасибо, спасибо, – солидно говорил Куролесов. – А я думаю: дай зайду, погляжу, как Шурочка живёт, картошечки подброшу.

Пока Васю усаживали да варили картошку, облако поболталось по комнате, отыскивая свою вторую половину, но ничего не нашло и вылетело через форточку на улицу. Тут оно и улеглось на крыльце рядом с Матросом.

– Вася! Приезжай к нам ещё! – требовал Николай Иванович, поедая уже сваренную картошку. – Мы с Шурочкой гостей любим.

– Слушай, Саша, – сказал Вася, – а как насчёт облака? Ну, помнишь, которое раздвоилось?

– А я его засушила и положила в книгу. Вроде как цветок.

– В какую ещё книгу?

– «Приключения Васи Куролесова». Читал?

– Просматривал. А моё облако ещё дышит и летает.

– Ну, Васык, ты тоже неправ. Я долго ждала, облако и засохло.

– Какое ещё облако? – требовал пояснений Николай Иванович. – Ешьте картошку, черти! Вкусная!

– Синеглазка, – отвечал Вася. – Ну, я пошёл, мне надо ещё в магазин «Канцтовары».

Шурочка вышла проводить его на крыльцо.

– А нашу улицу переименовывают, – сказала она. – Вместо Сергеева-Ценского будет просто Сергеева, тоже писатель такой есть. Леонид.

– И в Карманове переименовывают, – сказал Вася. – Там будет просто Ценского. Правда, такого писателя, кажется, ещё нету.

– Будет! – торжественно сказала Шурочка.

– А бак-то где? – спросил Вася. – Где бак из-под огурцов?

– А мы в нём теперь бельё мочим.

– Вот здорово! – сказал Вася и засмеялся. Так, смеясь над баком, он и расстался с Шурочкой и пошёл по городу Картошину. Хороший был, между прочим, город. Акации! Шиповник! Каланча! Ого! Здесь можно жить!

Так и шёл Вася по городу Картошину, а над ним плыло его облако, и бежал за пятками Матрос.

«А может, всё-таки в милицию? – думал Куролесов. – Пойти и отдаться в руки капитану! Ладно, дай хоть загляну ненадолго в Карманов».

Вася вышел на дорогу, по которой мчались машины и велосипеды, и зашагал по обочине к городу Карманову, но, к удивлению, он попал под вечер в город Курск.

Чего никак не скажешь про нашего любимого гражданина Лошакова.

Он-то как раз подходил к городу Карманову, только с другой стороны.

Пять похищенных монахов

Возле дома номер семь гражданин Никифоров приостановился.

Он закинул на плечо сельскохозяйственные грабли, которые обычно носил с собой, и оглядел толпу, собравшуюся у ворот. Толпа эта увлекала, притягивала к себе. В ней были мужчины и женщины, которые шептались и выкрикивали.

Если б это была молчаливая мужская толпа, гражданин Никифоров ни секунды бы не задержался, а тут захотелось затесаться в толпу, пошептаться с кем-нибудь, крикнуть своё.

Гражданин затесался с краешку, и сразу же какой-то небритый шепнул ему на ухо:

– И что ж, их прямо в рясе повели?

– Не знаю, – вздрогнул гражданин. Его напугали эти неприятные слова. Слова «ряса» он недопонял, а что такое «повели», сразу догадался.

– Ага, в рясе, – громко сказал верзила без шляпы. – Идут рядышком пять монахов, а руки цепями скованы.

– Вывели из подворотни и – в жёлтый фургон.

– Чего ты болтаешь! Какой фургон! У них денег полный чемодан!

– Да разве вы не слышали? В Перловке монахи чёрные объявились, три мешка золота унесли.

– Какие монахи! Какое золото! У нас монахи только у Кренделя, а у него их всех спёрли.

– Кого?

– Монахов! Спёрли и в корзинке унесли!

– Да разве они залезут в корзинку?

– Тьфу! – плюнул гражданин Никифоров и подумал про себя: «Не надо было мне сюда затёсываться. Тут можно в историю влипнуть». Он сделал шагок в сторону и наткнулся на старушку, пристально его разглядывающую.

– А ну-ка постой, голубок, – сказала старушка, плечом загораживая дорогу. – А не ты ли лазил в буфет? Зачем ты бледнеешь?

Смертельно тут побледнел гражданин Никифоров и побежал со всех ног.

часть первая Пятница

Дорогу новому

Был синий весенний день, который клонился уже к вечеру.

От асфальта, нагретого солнцем и омытого дворниками, пахло черёмухой.

Все окна в нашем доме были распахнуты, и кое-какие жильцы выглядели во двор. Одно окно во втором этаже было крепко заперто шпингалетами, и оттуда сквозь светлое стекло глядела на улицу пыльная собака Валет.

Из окна на первом этаже, которое сплошь заросло зелёным луком, слышался голос:

– Где моя курица?

– Она висит между дверями, – раздражённо ответили из глубины квартиры.

– Вечно она вешает курицу между дверями, – сказал Крендель. – По-моему, это глупо.

– Ещё бы, – ответил я.

Мы стояли посреди двора, под американским клёном, на ветвях которого качался коричневый чулок.

– А ты, Крендель, молчи! – крикнула Райка Паукова, высовываясь из-за зелёного лука. – Вот дом снесут, и буфет сломают!

Крендель посерел. Буфет был его больным местом.

– Как хотите, а я не выселяюсь! – крикнула тётя Паня с пятого этажа.

– Второй год сижу на чемоданах, – сказала Райка. – Ещё и не знаю, куда переселят. Загонят в Бирюлёво.

– А я в Бирюлёво не поеду, – сказала тётя Паня. – Там все дома белые.

– Дом подлежит сносу, – подал голос дядя Сюва с третьего. – А раз подлежит – следует его сломать. Старое на слом! Надо дать дорогу новому.

– Мне и в старом хорошо, – высказалась тётя Паня.

– Кому это нужно сносить наш дом? У нас даже лифт есть, в первом подъезде.

– И кабина совсем новенькая! В ней можно на Марс улететь.

– А вдруг не снесут? – сказал Крендель. – Вдруг передумают? Обещались к маю снести, а не сносят.

– Снесут, снесут, и буфет с крыши скинут, – добавила Райка, мстительно выглянув из окна.

Крендель недовольно глянул вверх. Там, на крыше, прямо под облаками, стоял старинный резной буфет. Он хорошо был виден с тротуара, и прохожие подолгу раздумывали, в чём его смысл. Но когда появлялся на крыше Крендель, распахивал дверцы – в небо взлетали пять голубей.

– Голубятня! – удивлялись прохожие. – Уголок старой Москвы!

– Надо дать дорогу новому, – толковал дядя Сюва. – Новое идёт на смену старому.

– А в новых домах, – сказала Райка, – голубей держать не разрешается.

Она нервно наломала зелёного лука и спряталась в глубине квартиры.

– А я на балконе буду держать. На балконе-то, наверно, можно. Верно, Юрка?

– Ещё бы, – ответил я.

Крендель повеселел и достал из кармана губную гармошку «Универсаль».

– Что это все – гитара да гитара, – сказал он. – Есть ведь и другие музыкальные инструменты.

Он приложил гармошку к губам. Казалось, он примеривается съесть её, как сверкающее пирожное.

– Сыграй что-нибудь душевное, Кренделёк, – сказал дядя Сюва, и Крендель дунул в басы.

Шипящее, гудящее дерево музыки выросло рядом с американским клёном, и сразу же Райка прикрыла окно, дядя Сюва стал смешно дирижировать толстыми пальчиками, а возле третьего подъезда остановился Жилец из двадцать девятой квартиры, только что вошедший с улицы во двор.

«Некому берёзку заломати...»

Об этом жильце надо бы рассказать подробней, потому что в первую очередь подозрения упали на него. Но упали они немного позднее, примерно через час, а в тот момент Жилец из двадцать девятой квартиры стоял у подъезда, слушал музыку и был пока вне подозрений. Впрочем, стоял он понуро, плечи втянута, будто он боялся, что на него что-нибудь упадёт.

Вдруг он расправил плечи, более гордо поднял голову и пошёл прямо к нам. Однако подойти к нам было не просто. Уже не дерево, а заросли музыки, колючие кусты вроде шиповника выдувал Крендель из губной гармошки. Жилец с трудом продирался через них, трещал его плащ, а Крендель играл всё сильнее, стараясь превратить эти заросли в джунгли.

– Разрешите, – сказал Жилец и протянул руку.

– Что такое? – не понял Крендель, отрывая гармонь ото рта.

– Музыка утоляет печаль, – сказал Жилец и мягко отобрал музыкальный инструмент. Вынул из кармана носовой платок с фиолетовыми цветочками, аккуратно протёр им гармошку и после приложил её к губам. Он не всунул её в рот грубо, как это делал Крендель, а сложил губы бантиком и бантик приблизил к ладам-окошечкам. Гармоника удивлённо прошептала: «Финкельштейн».

Жилец недовольно покачал головой и снова принялся протирать и продувать гармошку. Затем сложил из губ ещё более красивый бантик, глаза его увлажнились, и тихо-тихо, тоскливо и томительно он заиграл: «Некому берёзку заломати...»

И джунгли Кренделя сразу увяли, кусты поникли, листья опали, улеглись под американским клёном, и как-то сами собой возникли вокруг нас золотое поле пшеницы и берёзка, трепещущая на ветру. Играя, Жилец глядел в небо, слегка раскачивался и в своём зелёном плаще был похож, в конце концов, на берёзку, которую никто не любит и не хочет почему-то заломати.

Тётя Паня свесилась из окна поглядеть, кто это играет, опечалилась за стеклом собака Валет, и даже Райка хмуро глянула из-за зелёного лука, оправив волосы. Замахал под музыку ветвями американский клён – единственное наше дерево, а наш дом, старый, пятиэтажный, помрачнел, раздумывая над словом «заломати».

– Прямо за душу берёт, – сказал дядя Сюва, – и держит. Он сморщил лицо и сжал рукой лицо.

– Всю душу изранил, – сказал он. – Ну не бери же ты меня так за душу! Прошу: не бери!

Ласково, как плющ, музыка оплетала этажи, и под её аккорды во двор с улицы вошла сухонькая старушонка в чёрном пальто. Она остановилась посреди двора и подняла к небу указательный палец.

Это была бабушка Волк.

Бабушка Волк

В роговых очках с толстыми линзами, в длиннополом пальто, с авоськой, из которой торчали коричневые макароны, бабушка Волк казалась на первый взгляд той старушкой, про которую сказано «божий одуванчик». Но дунуть на этот одуванчик никто не решался, и особенно мы с Кренделем, потому что бабушка Волк глядела за нами.

Когда родители уезжали на Север, они договорились с бабушкой, что она за нами приглядит. Собственных родственников у неё не было, всю жизнь она глядела за чужими и достигла в этом деле таких вершин, что за нами уже глядела почти не глядя.

Войдя во двор, бабушка придирчиво осмотрела Жильца, и тот поперхнулся. Остатки музыки, как мыльные пузыри, улетели в небо.

Выставив указательный палец им вдогонку, бабушка Волк сказала:

– Пакуйтесь!

– Что такое? – заволновались жильцы.

– Снесут через неделю. Пакуйтесь и увязывайтесь.
– Старое на слом! – крикнул дядя Сюва. – Надо дать дорогу новому!
– А ты, Крендель, – сказала Райка, – продавай голубей, пока не поздно.
– Пакуйтесь! – в последний раз сказала бабушка и направилась к первому подъезду, как бы собираясь немедленно паковаться.

– По машинам! – крикнул дядя Сюва.

Хлопнув парадной дверью, бабушка вошла в подъезд. Со двора слышно было, как она нажала кнопку – и лифт загремел, опускаясь на первый этаж. Бабушка грохнула дверью лифта, нажала другую кнопку, лифт завыл, медленно поднимаясь вверх. Вдруг он прыгнул, закашлял и заглох.

– Опять, – сказал дядя Сюва, глядя из своего окна. – Опять застрял!

– Энергия кончилась! – крикнула тётя Паша.

– Причём здесь энергия? Я вам говорю: старое на слом, а вы не верите.

Дядя Сюва захлопнул окно и раздражённо вышел во двор.

Лифт, в котором сидела бабушка, прочно застрял между вторым и третьим этажами, и несколько минут мы бегали с этажа на этаж, стучали в двери ногами и нажимали кнопки. Постепенно в подъезде собрались жильцы, которые кричали и волновались.

– Надо звонить в лифтремонт! – кричал кое-кто. – Энергия кончилась.

– При чём здесь энергия? Дом перекосялся – вот лифт и заклинивает, – сказал дядя Сюва и ударил в стену кулаком, будто хотел выпрямить маленько дом.

От удара стена дрогнула, лифт дёрнулся, прополз немного и остановился.

– Жми плечом, Кренделёк, – сказал дядя Сюва.

– Бабуля! – крикнул Крендель. – Вы давите кнопку, а мы будем в стены жать.

Дядя Сюва, Крендель и другие жильцы навалились на стену, а я стучал по ней кулаком. В тишине из каменной шахты послышался скрежет, медленно, толчками лифт пополз к третьему этажу.

– Ну! Ну! Ещё немного! – кричал Крендель. Казалось, он двигал лифт силою своей воли.

По сантиметру, по два мы выдавили лифт к третьему этажу.

Крякнув, как утка, железная дверь открылась, бабушка Волк вышла на лестничную площадку.

– Бабуля! – заорал Крендель. – Я уж стены хотел долбить!

– «Стены!» – недовольно повторила бабушка. – Математику тебе надо долбить, а не стены.

– Каникулы же, – растерялся Крендель.

– Хороший ученик и в каникулы смотрит в учебник. Никогда ты не слушаешь старших.

– Да что это вы, бабушка, – заступился дядя Сюва. – Пускай погуляет подросток.

– Тебе легко говорить, – сказала бабушка. – А я глядеть за ним должна. А как я могу глядеть, когда он не слушает старших.

– Почему не слушаю? Я слушаю.

– Это ты-то слушаешь? – сказала Райка.

– Да что вы ко мне привязались! Всё время придирки: «Крендель, так, Крендель, не так».

Голос у него задрожал, он опустил голову и побежал по лестнице, на чердак.

– Стой, Крендель! – крикнула бабушка. – Стой, говорю... Ну вот, видите? Совершенно не слушает старших.

Почему-то в нашем дворе все считали, что Крендель не слушает старших. У него был такой вид – вид человека, который не слушает старших.

Конечно, Крендель понимал, что старших нужно слушать, но делал он это неохотно. Повернётся, бывало, к старшему затылком, прикроет правое ухо плечом и подмигивает мне: пускай, дескать, старшие говорят чего хотят, потерпим немного.

– Другое дело Юрка, вот он старших слушает, – сказала бабушка Волк и погладила меня по голове. – Папа с Севера приедет, он тебе моржовый клык привезёт. Хочешь клык?

– Ещё бы, – смутился я. Мне стало немного не по себе.

У меня действительно был такой вид, будто я слушаю старших. Я вытираю глаза как можно сильнее и глядел на старшего не отрываясь, как будто я слушаю, а на самом деле я не слушал их никогда. Но зато я слушал Кренделя.

Вот и сейчас я стоял в подъезде, кивал головой, а сам прислушивался к тому, что происходит на голубятне.

Я слышал, как ботинки Кренделя прогрохотали по железной крыше, за скрипели дверцы буфета, и тут же раздался крик.

Вздрогнула Райка, а дядя Сюва распахнул лестничную форточку и крикнул:

– Кто кричал?

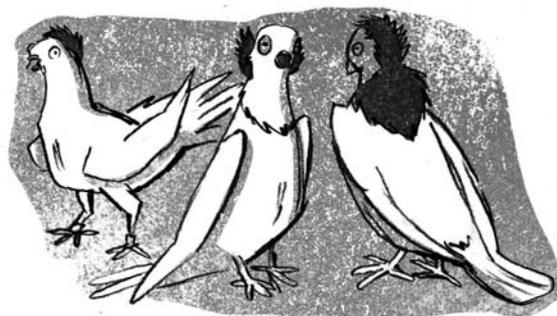
И тётя Паня ответила со своего этажа:

– Голубей-то у Кренделя всех свистнули.

Над городом

И каких же только голубей не бывает на свете! Удивительно, сколько вывели люди голубиных пород:

монахи,
почтари,
космачи,
скандароны,
чеграши,
грачи,
бородуны,
астраханские камыши,
воронежские жуки,
трубачи-барabanщики.

Можно продолжать без конца и всё равно кого-нибудь позабудешь, каких-нибудь венских носарей.

И это ведь только домашние голуби. Диких тоже хватает. В наших лесах живут витютень, горлица, клинтух.

«Клинтух» – вот серьёзное, строгое слово.

В нём вроде бы и нет ничего голубинового. Но скажи «клинтух» – сразу видишь, как летит над лесом свободный стремительный голубь.

Клинтух – вот голубь, в котором больше всего, на мой взгляд, голубинового смысла.

Ранней весной в сосновом бору слышится глухой ворчащий звук. Кажется, журчит самый могучий и нежный весенний ручей, но только льётся он с вершины сосны. Это воркует клинтух. Прекрасно оперённой стрелой взлетает он с сосновой ветки, коротко и властно взмахивает крыльями и клином уходит в небо. В его крыльях серовато-солнечного цвета столько силы, что при случае он уйдёт и от сокола.

И какой же никудышный полёт у городских сизарей. Они только и летают с крыши на тротуар и обратно.

Раз я видел, как стая сизарей перелетела с одной крыши на другую. Один сизарь остался на старом месте, ожидая, видно, что остальные скоро вернуться. Однако они не возвращались. Некоторое время сизарь сидел одиноко, но потом не вытерпел и полетел вслед за стаей, а тут вся стая поднялась и полетела обратно.

Стая и одинокий сизарь встретились в воздухе. Любой другой голубь – монах или почтовый – обязательно выкинул бы фигуру, закрутил бы в небе спираль и примкнул к стае, а сизарю лень было разворачиваться, он лишь взял в сторону и опустил на то место, где только что сидела вся стая. И всё-таки даже сизарь, даже серая ворона или воробей радуют, когда я вижу их, летящих над городом.

Иногда бывает такое настроение, что кажется, даже небо покрыто асфальтом. Но вдруг над неподвижными домами, над железными крышами пролетает сизарь, и сразу глубже, живей становится городское небо.

Среди домашних голубей встречаются иногда невиданные летуны – турманы.

Вот летит над городом турман – чисто, спокойно. Но вдруг складывает крылья и кувыркается. То как подбитый падает турман, то снова становится на прямое крыло. Турман плещется в воздухе, кувыркается от радости, от счастья летать. Турман – это художник, это артист среди голубей.

Таким турманом был Великий Мonha – гордость нашего дома и всей Крестьянской заставы, голубь-монах, который жил у нас на голубятне.

Крендель купил его, когда Мonha, так сказать, ещё не оперился. А через полгода Тимоха-голубятник, бывший хозяин Мони, уже не мог глядеть в небо без слёз.

Из всех голубиных пород Крендель раз и навсегда выбрал монахов.

– В них гордость видна, – говорил он. – Один чёрный капюшончик на голове чего стоит!

Когда Крендель выпускал голубей – жильцы открывали окна, высовывались в форточки, а дядя Сюва притаскивал на крышу медный таз с водою и, сидя на корточках, глядел в таз, как летают голуби, потому что в небо смотреть было для него ослепительно.

Даже некоторые прохожие останавливались поглядеть, как носится в небе Мونها, а те прохожие, которые глядят обычно себе под ноги, – те, конечно, не видели ничего.

Ключ и молоточек

Крендель метался по крыше. Он то шарил в буфете, то опускался на колени и, уткнувшись носом в кровельное железо, начинал изучать следы. Но никаких следов не было пока видно, и на первый взгляд голубятня казалась в полном порядке. Буфет стоял на месте, и можно было подумать, что монахи сами открыли дверцы и отправились полетать. Но открыть дверцы они, конечно, никак не могли. Даже Великий Мونها не смог бы устроить такую штуку. Кроме висячих замков, буфет запирался на восемнадцать крючков с секретом.

Похититель забрался на крышу и, пока бабушка Волк сидела в лифте, а мы долбили стены, отомкнул замки, разгадал все секреты и унёс пятерых монахов.

– След! – крикнул Крендель.

На краю крыши, у водосточной трубы, что-то блестело. Я подумал, что это зеркальный зайчик, но это была пуговица, на которой шведский ключ перекрестился с молоточком.

– Ключом открыл замки, а молоточком посшибал секреты, – сказал Крендель. – Вот она, первая улика! А Мونها дорогу домой сам найдёт, сам прилетит.

– Ещё бы! – подбадривал я.

– Проклятый вор! Он у меня ещё попляшет!

В волнении Крендель забегал по крыше, заглядывая вниз, на улицу, как будто немедленно рассчитывал увидеть вора. Пять или шесть прохожих неторопливо шли по переулку. Один из них, без шляпы, выглядел немного подозрительно, оглядывался, то и дело завязывал шнурки ботинок, но сверху, конечно, установить, вор он или нет, было невозможно.

С крыши был виден весь наш переулок. И Красный был виден дом, и Серый, где «Приём посуды», и «Дом у Крантика», рядом с которым из тротуара действительно торчал «крантик» – голубая колодезная колонка. Почти все жильцы для чаю брали воду из «крантика», а водопроводной мыли руки.

В Москве много переулков с хорошими названиями – Жевлюков, Серебрянический или Николо-Воробинский. Но наш называется лучше всех – Зонточный. Так и написано на нашем доме: «Зонточный». На Красном написано: «Зонтичный», а на «Доме у Крантика» – «Зонтечный».

Интересно сверху, с голубятни, смотреть на наш переулок. Вот стоит на тротуаре бабушка Волк, вот и дядя Сюва набирает воду из «крантика», вот вышел из Красного дома Тимоха-голубятник.

– Стоп! – сказал Крендель. – Это – Тимоха! Тимоха-голубятник из Красного дома! Он украл голубей! И пуговица его!

Да, в нашем переулке Тимоха был самый отъявленный голубятник. У него и так было штук тридцать голубей, а ему хотелось, чтобы их становилось всё больше. Бывало, как увидит голубя, весь дрожит и крошки из кармана сыплет.

– Это он! – сказал Крендель. – И пуговица его! Ведь он же пэтэушник. А у них тоже такие пуговицы! Форменные!

Крендель бегал по краю крыши, как коршун заглядывая вниз, будто хотел кинуться и накрыть Тимоху.

– Это пэтэушная пуговица! – закричал он. – А ну-ка пойдём, поговорим.

И мы скатились по лестнице во двор, выскочили через подворотню на улицу.

– Куда это вы? – крикнула вдогонку бабушка Волк. – Крендель, назад!

– Проклятый вор! – ответил Крендель. – Он у меня ещё попляшет.

А я ничего не сказал, а про себя подумал: «Ещё бы».

Тимоха-голубятник

– Да не брал я твоих голубей, Кренделёк! – закричал Тимоха, как только нас увидел. – И что это такое! Как только у кого крадут голубей – сразу думают на меня!

– Проклятый вор! Ты у меня ещё попляшешь!

Я заволновался, когда увидел, какой оборот сразу приняло дело. Мне казалось, что Крендель должен начать разговор деликатно, немного издалека, а он сразу взял быка за рога.

– Да не брал я твоих голубей! Я и в училище отличник, разве я стану красть?

Тогда Крендель подошёл к Тимохе поближе и сказал:

– Не брал?

– Не брал я твоих голубей, Кренделёк, не брал.

– А отчего у тебя глаза бегают?

– От волнения, – сказал Тимоха. – И что это такое! Как только у кого крадут голубей – сразу ко мне. А я и в школе был отличник, и в училище. Ну зачем мне красть?

– И в школе, говоришь, отличник! А это что такое, гражданин? – И Крендель прямо в нос Тимохе сунул блестящую пуговицу.

– Да не знаю я, что это такое! – закричал Тимоха, глядя на пуговицу одним глазом.

– Не знаешь! А не у вас ли в пэтэу такие штуки на форме носят, а после оставляют на месте преступления?

– Ты что, Кренделёк. Да у нас вообще никакой формы нету. Ходим, как все люди: в брюках и пальто.

– Как люди, говоришь! Проклятый вор! А отчего на тебе шапка горит?!

И тут я поглядел на Тимоху и увидел, что из-под шапки у него прямо дым валит и она вот-вот воспламенится.

– От волнения же! – сказал Тимоха. – Это – пар, понимаешь? Пар идёт от волнения. А мы, как люди, ходим, Крендель, нет у нас таких пуговиц. Да ты сам подумай, ну зачем мне твои голуби? Ну как бы я стал их гонять? Ведь Моньку каждая собака знает.

– Ты давно уж к Моньке приглядываешься!

– У меня Тучерез не хуже Моньки.

– Тучерез не хуже Моньки? От Моньки у твоего Тучереза башка закружится, дуборез!

– Тучерез дуборез??? – сказал Тимоха, внезапно бледнея. – Монька твой – кило пшена!

Крендель побагровел.

– Кто кило? – кричал он. – Ну, пэтэушник! Ты у меня сейчас попляшешь!

Крендель уже подбоченился, становясь в позу, подходящую для пляски, как вдруг какой-то неизвестный человек вклинился между ним и Тимохой.

– А ну-ка спокойно! Разойдись! Сейчас милицию позову! Товарищ милиционер! Товарищ милиционер!

И Крендель отскочил, и Тимоха отодвинулся в сторону. Бледные и красные, они стояли поодаль друг от друга и тяжело дышали. Неизвестный тихонько засмеялся и пошёл своей дорогой.

Мы не посмотрели ему вслед. И зря не посмотрели, потому что этот неизвестный никогда бы в жизни не позвал милиционера. Это и был Похититель.

Следы в подъезде

Тётя Паня, дядя Сюва и бабушка Волк сидели под американским клёном, играя в «козла».

– Рыба! – крикнула тётя Паня и крепко ударила костью по столу.

– Какая такая рыба? – прищурился дядя Сюва, разглядывая фигуру, выложенную на столе из косточек домино, действительно слегка похожую на чёрный рыбий скелет. – Какая такая рыба? Окунь или голавль?

– Эх, – вздохнула бабушка Волк, – сейчас бы селёдки баночной.

– Зря я на Тимоху налетел, – сказал Крендель.

– Ещё бы, – ответил я.

– Тимоха здесь ни при чём. Тут замешан кто-то другой.

– Свой у своего красть не будет, – сказала тётя Паня. – Это кто-то чужой.

– Конечно, чужой, – сказал дядя Сюва. – Свой красть не будет. Только кто – вот вопрос.

– Как это кто! – крикнула из окна Райка. – У нас в доме все свои, кроме одного.

– Кого?

– «Кого-кого»! Того сундука в плаще из двадцать девятой квартиры. Живёт один, как сыч, в двух комнатах и платит за них такие деньги, какие нам не снились.

– Раиса, – сказала бабушка Волк, – а кто ему готовит первое и второе?

– Да никто ему не готовит! Кому он нужен?

– А деньги откуда берёт?

– «Откуда-откуда»! – ответила Райка. – Хитит.

– Да что это вы? – сказал дядя Сюва. – Чего навалились на человека? Он меня так за душу брал. «Берёзкой».

– Да тебя кто хочешь за душу возьмёт.

– Ну да! – обиделся дядя Сюва. – У меня знаешь какая душа! Не то что у тебя. У меня душа широкая.

– Постойте! – закричала тётя Паня. – Я ведь видела. Вчера он лазил на крышу и крутился возле голубятни.

– Крутился?

– Что-то вынюхивал под буфетом.

– Вынюхивал?! – сказал Крендель. – Что же он вынюхивал? А ну пойдём поглядим на этого нюхаря.

– Валяйте-валяйте, – сказала Райка. – Настала пора вывести кое-кого на чистую воду.

Крендель кивнул мне и решительно направился к третьему подъезду. Он явно торопился. Мне казалось, что нельзя так сразу в лоб браться за дело. Надо было разузнать, разведать, что к чему, но Крендель уже вошёл в подъезд и сразу стал рассматривать следы.

На каменных лестничных ступеньках за долгие годы накопилось так много следов, что ступеньки просели, протёрлись под их тяжестью. Кроме следов, повсюду валялись улики: окурки, корки апельсина, старые трамвайные билеты.

Мы поднялись на второй этаж и остановились у двери, на которой была выведена цифра: 29. Дерматиновая обивка местами разорвалась, из дыр высывалась пакля махорочного цвета. Рядом с дверью торчал из стены небольшой пропеллер, вокруг которого по бронзовой пластинке висала надпись: «Прошу крутить».

Это и был звонок в квартиру. Под ним висела бумажная табличка: «Николай Эхо. Крутить 1 раз».

– Только приехал, а уж табличку повесил, – пробурчал Крендель, хотел крутануть звонок, но отдёргнул руку.

Я внимательно посмотрел на звонок, а надо было смотреть не на звонок, а на пол.

На полу, у самой двери, лежало голубиное перо.

Сон жильца

Жилец из двадцать девятой квартиры в этот момент прямо в брюках лежал на кровати. Он спал, и ему снился сон, будто он идёт по переулку, а на встречу – Райка Паукова.

«Рая, я хочу мороженого», – говорит ей как будто Жилец.

А Райка отвечает:

«Уважаемый Жилец, хотите крем-бруле?»

И вот он как будто бы начинает хотеть «крем-бруле», а Райка говорит:

«Уважаемый Жилец, а кто вам готовит первое и второе?»

А Жилец отвечает:

«Никто. Я один на этом свете».

А Райка говорит:

«Да заходите же вы ко мне. У меня курица на газу».

А Жилец и говорит:

«Я только об этом и мечтаю».

И Райка только открыла рот, чтоб сказать Жильцу ещё что-нибудь приятное, но тут он проснулся, потому что в дверь кто-то сильно стучал.

Жилец поднялся, накинул пиджак и, приоткрыв парадную дверь, улыбнулся:

– А, музыканты, прошу, пожалуйста. Можете заходить.

– А чего нам заходить, – ответил Крендель. – Нам заходить нечего.

– Вот тебе раз, – сказал Жилец. – Да заходите же, раз пришли.

– А чего нам заходить, – повторил Крендель, проходя в комнату. – Нам заходить нечего.

В пасмурной комнате Жильца Крендель помрачнел и был похож сейчас на слесаря-сантехника, которого вызвали чинить умывальник. Неприятливо глядел он на измятую кровать, на ботинок, который стоял у кровати, и на другой ботинок, отошедший от первого на несколько шагов.

– Вот видите, – сказал Жилец. – Живу монах монахом. Один как перст.

– Монахом? – спросил Крендель.

– Да, – подтвердил Жилец. – Монах монахом.

– Как же это?

– А так. В двухкомнатной квартире и во всём мире. Так что близкого существа не имею. А ты один живёшь или нет?

– Я? – удивился Крендель.

– Ты, – подтвердил Жилец.

– Не один я. Вон Юрка – брат, да мама с папой на Севере.

– Ерунда всё это, – сказал Жилец. – Мираж.

– Как это! У меня и мать, и отец, и бабушка Волк да в школе приятели, в голубином клубе, да вон Юрка-брат.

– И Юрка-брат, и мать, и отец, а всё равно один ты на этом свете. Понимает ли тебя кто-нибудь?

– Да вон Юрка-брат, – сказал Крендель, показывая на меня. – Чего ж ему не понять?

– До глубины души понимает он тебя, Юрка-то брат? – допытывался Жилец.

– А чего ж ему не понять?

Я ему головой киваю: ещё бы, дескать.

– Нет, милый, – сказал Жилец. – Не понимает он тебя, и никому тебя не понять – не только Юрке-брату.

Я и вправду ничего не понимал, а только глядел на Жильца.

Но тут Крендель, которого никто не понимает, прищурился, подошёл поближе к Жильцу и сказал:

– Где монахи?

– Какие монахи?

– Которых вы увели.

– Я? Монахов? – вскипел Жилец. – Что вы дурака валяете?!

– А это что такое, гражданин? – сказал тогда Крендель и поднёс к самому носу Жильца голубиное перо.

Жилец слегка покраснел, взял в руки перо, дунул на него и сказал:

– Ах, это! Ну, это – виноват.

Четырнадцать подушек

– Виноват, – сказал Жилец, и тут же мне стало стыдно.

Был Жилец как Жилец – Николай Эхо, и до самой последней минуты я был уверен, что он не брал голубей. А теперь, как ни крути, надо было посмотреть ему в глаза.

– Виноват, – повторил Жилец, вздохнул и сел в глубокое кресло.

– Где же они у вас?

– Сейчас-сейчас, – ответил Жилец. – Они под кроватью.

Крендель упал на колени и заглянул под кровать.

– Что такое? – сказал он. – Здесь ничего нету.

– Как нету? – возразил Жилец, нырнул под кровать и вытащил оттуда плоский деревянный чемоданчик.

– Что это? – вздрогнул Крендель, и глаза его расширились.

– Чемодан, – объяснил Жилец. – Вы уж меня простите великодушно.

Он нажал большим пальцем серебряный замок, и крышка чемоданчика открылась.

– Сожрал! – закричал Крендель. – Всех сожрал, окаянный!

В чемоданчике лежал ворох сизых, белых и коричневых перьев.

– Всех монахов сожрал! – повторил Крендель, и слеза покатилась по его лицу.

– Что это вы городите? Не ел я никаких монахов.

– Слопал, слопал, – твердил Крендель. – Сожрал. По глазам вижу.

– Позвольте, – сказал Жилец, раздражаясь. – Я не ел никаких монахов.

– А это что?

– Перья. И вообще попрошу вас не орать и разговаривать со мной на «вы», а не то живо отсюда вылетите.

– Всех монахов сожрал, – в отчаянии повторил Крендель. – А из перьев хочешь подушку сделать!

– Подушку? – изумился Жилец, широко раскрыв свои голубые, оказывается, глаза.

– А что ж ещё? Конечно, подушку.

– «Подушку», – повторил Жилец с недоумением и затаённой болью, сморщился, задумался, устало потёр лоб. – Что ж, – сказал он, горько усмехнувшись. – Наверно, и вправду надо было сделать подушку. Кому всё это нужно? Зачем?

Он рассеянно прошёлся по комнате, придвинул стул к шкафу, обречённо взгромоздился на него.

– Надо сделать подушку. Вы правы, ребята.

Вздыхая, Жилец достал со шкафа четырёхугольный коричневый предмет, и вправду похожий на подушку, рукавом обтёр с него пыль и кинул сверху прямо на стол. От тяжкого удара стол ухнул и присел.

– Вот, – сказал Жилец, – таких подушек у меня четырнадцать штук.

Перед нами на столе лежал увесистый и пухлый, в кожу оплетённый альбом. На обложке его золотом было вытиснено:

Перья птиц всего земного шара.

Собрал Николай Эхо.

Москва.

Крендель протянул к альбому руку, открыл обложку, и мы увидели яркие, веером разложенные перья перепёлок и кекликов, удонов и уларов, сычей и орлов. Каждое перо имело свой собственный карманчик с надписью вроде: «рулевые баклана» или «маховые буланого козодоя».

– Птицы летают и роняют перья, – говорил Жилец. – А я хожу и собираю их, ведь каждое перо – это письмо птицы на землю. Вот посмотрите – перо вальдшнепа. На вид скромное, но какой цвет, какая мысль, какое благородство...

– «Какая мысль, какое благородство!» – потерянно повторил Крендель. – А там что, в чемоданчике?

– Ничего особенного, – махнул рукой Жилец. – В основном – сойка, свиристель. Неразобранная часть коллекции. Маховые перья вашего монаха. Вчера подобрал у голубятни.

Крендель побелел.

– «Какая мысль, какое благородство!» – бубнил он и пятился к двери. – Вы это... вы уж это... Простите уж...

– Ещё бы, – смущался я.

– Да ладно, чего там, – говорил Жилец, – заходите ещё, о жизни потолкуем, на перья поглядим.

– Ещё бы, ещё бы, – твердил я, глядя на закрывающуюся дверь.

Появление гражданина Никифорова

В переулке фонарей ещё не зажгли. Сумрачно было во дворах, темно в подворотнях.

К вечеру многие жильцы вышли на улицу поболтать, подышать воздухом. Вдаль по всему переулку до Крестьянской заставы, по двое, по трое, кучками, они торчали у ворот подъездов. У нашего дома даже собралась небольшая толпа: Райка Паукова, бабушка Волк, а с ними знакомые и незнакомые люди из соседних домов и пришлый народ, из Жевлюкова переулка.

Из толпы доносились обрывки слов и разговоров:

- И что ж, их прямо в рясе повели?
- Денег полный чемодан...
- Да разве они залезут в корзинку?
- Тьфу! – плюнул Крендель. – Болтают, не зная чего.

Сражённый коллекцией перьев, он увял, устало сел на лавочку под американиским клёном.

- Монахов я и новых могу завести, но такого, как Моне, на свете нет.
- Ещё бы, – сказал я.

Крендель вздохнул, обхватил колени руками, сгорбился и сейчас в точности оправдывал прозвище. Он вообще-то был очень высокий, выше меня на три моих головы и на четыре его. Раньше все его звали Длинным, тогда он нарочно стал горбиться, чтоб быть пониже, тут и стал Крендельком.

– Вот уж в ком было благородство, так это в Моне. В нём была мысль. А как он кувыркался – акробат!

От ворот послышалась какая-то возня, толкотня, народу ещё прибавилось, послышались крики типа: «Нет, постой! Погоди!»

- Крендель! – крикнул кто-то. – Крендель, сюда! Подозреваемого поймали! Мы выскочили за ворота.

– Вот он! – кричала бабушка Волк. – Вот он, Подозреваемый, – и крепко держала за рукав какого-то гражданина, который отмахивался граблями.

– Кто ты такой? – приставал с другого бока дядя Сюва. – Чего ты тут ходишь? Вынюхиваешь?

– Я – Никифоров, – объяснял Подозреваемый, пытаюсь освободиться. – Иду, ни к кому не прикасаюсь, и вдруг – попался.

- Теперь тебе, милый, не отвертеться.

– Не отвертеться, – соглашался гражданин Никифоров. – Попался я наконец.

– Попался, попался, – подтвердила бабушка Волк и толкнула локтем гражданина Никифорова. – Ходит здесь, вынюхивает, где что плохо лежит.

Тут бабушка нарочно носом показала, как именно вынюхивает гражданина Никифоров, и получилось действительно некрасиво.

- Признавайся, ты лазил в буфет?
- Лазил.
- Ну и куда монахов девал?

– Каких монахов?

– Сам знаешь, каких.

– Не знаю никаких монахов, – заупрямился покладистый, в общем-то, гражданин. – Надо же мне было зайти в этот переулочек. По всем улицам ходил – не попадался.

– Ты нам зубы не заговаривай! – сказала бабушка Волк. – Залез на крышу, грабли свои выставил – и нету голубей.

– Ничего подобного, – заупрямился гражданин Никифоров. – Не лазил я на крышу и грабли не выставлял.

– Выставлял, выставлял. Я сама видела. Залез на крышу и давай грабли выставлять, под антенну маскироваться, – сказала бабушка Волк и размахнулась.

Но тут Крендель мягко сказал:

– Бабуля.

– Что ещё? – недовольно обернулась бабушка Волк.

– Бабуля, – повторил Крендель. – Вы же не видели, как он на крышу лазил. Вы в лифте сидели.

– А может, у меня бинокль был! – задиристо сказала бабушка Волк, но тут же замолчала, потому что причём здесь бинокль.

– Причём здесь бинокль? – сказал гражданин Никифоров. – Вы, мадам, что-то перепутали. Ну, я пошёл.

Он повернулся к нам спиной, вздрогнул и вдруг бросился со всех ног по переулочку. Через секунду не было уже нигде гражданина Никифорова, и след его простыл. Я нарочно пощупал рукою след – да, простыл.

Бегство и страх гражданина Никифорова

Гражданин Никифоров бежал по Крестьянской заставе, и грабли, вытянувшись, летели за ним.

«И зачем я пошёл в этот проклятый переулочек! – думал на бегу гражданин Никифоров. – Только зашёл – сразу попался!»

Нет, гражданин Никифоров не брал голубей, но было у него на совести одно дело, а может быть, даже и два, и, когда бабушка Волк посмотрела пристально, страх сразу просочился в его грудь.

«А ну-ка постой, голубок. А не ты ли лазил в буфет?» – сказала старушка, и тут не то что страх – ужас охватил гражданина.

Ведь, конечно, это он, конечно, он лазил в буфет, но не в тот, что стоял на крыше. Гражданин Никифоров лазил совсем в другой буфет. Правда, это случилось два года назад, и буфет этот был в городе Карманове, и с тех пор гражданин ни в какие буфеты не лазил – и всё-таки сейчас смертельно перепугался. Он мигом представил, как его тащат в милицию и отбирают грабли.

«И всего-то один раз, – подумал на бегу гражданин. – Всего раз залез я в буфет. Да и взял-то мало: пять кило колбасы, две банки сгущёнки, торт. И вот теперь мучаюсь всю жизнь. Другие больше берут. По шесть кило берут и не боятся».

Впрочем, гражданин боялся не только милиции, он боялся звонить по телефону, купаться, ездить на лифте, боялся, что кукушка мало ему накукует, и даже боялся падения метеоритов.

Но это я даже могу понять.

Как-то вечером, когда в небе зажглись звёзды, мы с Кренделем бродили у Крутицкого теремка. Рядом строился дом, повсюду навалены были огромные катушки, трубы, кирпичи. В тот вечер было много падающих звёзд. Они то и дело разрезали тёмное небо над Москвой-рекой.

Вдруг на заборе, за которым торчал подъёмный кран, я увидел плакат:

Бойся падения метеоритов!

В ту ночь мне снились страшные сны: Земля сталкивалась с Луной, метеориты вонзались в асфальт, и я метался по Крестьянской, спасаясь от небесных тел. Утром я снова пошёл на стройку.

При дневном свете плакат читался по-другому:

Бойся падения материалов!

Честно сказать, я понимаю и тех людей, которые боятся ездить на лифте. Едешь на лифте, а он вдруг застрял! Сердце уходит в пятки, начинаешь метаться и кричать: «Я застрял! Я застрял!»

А лифт ни с места. Страшно.

Страшно было гражданину Никифорову. Он бежал, и грабли, вытянувшись, летели за ним.

Телевизоры и монахи

На улице окончательно стемнело. Огненное слово «Рубин» зажглось над кинотеатром, багровым огнём озарило лица прохожих.

У забора, на котором наклеены были афиши, стоял человек с граблями. Ему хотелось пойти в кино, но сделать это он не решался и, главное, не знал, куда девать грабли.

Прохожие обходили его, топтались у афиш, толпились у касс кинотеатра, толкали друг друга, не извиняясь. Одна девушка поглядела на грабли, засмеялась, побежала к кассе. Гражданин хотел было бежать за ней, но грабли его не пустили, и он остановился, мечтая о граблях, которые складывались бы, как удочка.

Долго стоял он на одном месте и глядел, как вспыхивают в окнах домов тёплые абажуры, как дрожит за шторами что-то неверное и голубое.

– Телевизоры смотрят, – угадывал гражданин.

За таким телевизионным окном в мягком кресле сидел человек. Это и был Похититель.

Над головою его на стене висели портреты киноактрис, наших и зарубежных, у ног стоял плетёный садок с голубями-монахами, а прямо перед ним сияли экраны трёх телевизоров. Похититель смотрел сразу три программы. Надо отметить, что по одной программе передавали «Артлото», по другой – «Спортлото», по третьей – «А ну-ка, мальчики».

«Как хорошо иметь три телевизора, – размышлял Похититель. – Ничто не проходит мимо твоих глаз. Да, телевизор – полезная штука».

Похититель повёл глазами слева направо по всем трём экранам, потом справа налево и тут наткнулся взглядом на садок с голубями.

– Ну вот, – сказал он сам себе. – То, к чему давно стремился, – достиг. С голубями больше дела не имею. Целиком переключаюсь на телевизоры. Голубей-то похищать просто, а чтоб свистнуть телевизор, надо быть немного художником. Вещь хрупкая, громоздкая, задел экраном за дверную ручку – и привет.

Похититель встал, подошёл к зеркалу, которое висело среди портретов киноактрис. Ему было приятно увидеть иногда себя в окружении красавиц всех стран и континентов. Он тогда казался себе знаменитым киноактёром и строил всевозможные гримасы – то нахмуривал брови, выпятив вперёд подбородок, то, наоборот, подбородок убирал назад, а бровями играл, как морскою волной, то вдруг шевелил подбородком справа налево, восхищаясь собственной красотой.

Оглядевши своё лицо, Похититель остался им недоволен. Очень уж грубым и мрачным казалось оно. Такое лицо надо было развеселить, и он подмигнул сам себе, а потом и спросил сам у себя, глядясь в зеркало:

– Куда монахов девать будешь, рожа?..

– А загоню их, голубчиков, на Птичьем рынке!..

– А дорого ли возьмёшь?..

– Рублика по два – вот червончик и набежит.

– Такой симпатичный – так дорого просишь, – укорял себя Похититель.

– Что поделаешь – нынче каждый рубль в почёте...

– Рубль-то в почёте, да голубь подешевел...

– Надобно торговать с умом.

– А на то мне ум и дан.

Тут Похититель рассмеялся, довольный разговором с самим собой. И все актрисы на стенах – показалось Похитителю – тоже позасмеялись. Но смея-

лись, в основном, зарубежные киноактрисы, наши смотрели на это дело довольно хмуро.

– Ну ладно, хватит, – сказал Похититель, обрывая неуместный смех. – За дело.

Он решительно выключил телевизоры, из письменного стола достал канцелярскую книгу, на обложке которой было написано: «Краткая опись моих преступных деяний».

Похититель раскрыл книгу на нужной странице и записал:

«Сегодня в 18 часов 34 мин. мною была взята голубятня в доме № 7 по Зонточному пер. Операция заняла 3 мин. 27 сек. Температура +19 градусов. Влажность воздуха 89%. Ветер северный, слабый до умеренного. В итоге похищено 5 г. из породы монахов. На месте преступления оставлена улика – железнодорожная пуговица, которая и должна ввести в заблуждение следственные органы. Ранее на месте преступлений оставлялись пуговицы: солдатская, матроская, лётчицкая и лесниковская.

Таким образом, на сегодняшний день в Москве и Московской области мною безнаказанно похищено 250 голубей. План выполнен. На этом похищения голубей прекращаю, целиком переключаюсь на телевизоры».

Похититель поставил точку. Когда-нибудь лет через десять он мечтал раскаться, начать новую жизнь и написать книгу о своих преступлениях, и у него давно уж вошло в привычку подводить итоги дня.

часть вторая Суббота

Птичий рынок

Каждую субботу часов в шесть утра на Таганской площади появляются странные люди. Взлохмаченные, озабоченные, вываливают они из метро и бегут через площадь. Они тащат с собой перевязанные верёвками чемоданы и сундуки, корыта и канистры, из карманов у них торчат реторты, свешиваются резиновые шланги, у каждого на спине обвислый рюкзак, из которого что-то капает, просачивается, течёт.

Это едут на Птичий рынок постоянные продавцы. Годами разводят они рыб, канареек, кроликов, хомяков. В прудах на окраинах Москвы ловят мотыля и живородка, чтоб каждую субботу, каждое воскресенье быть на Птичьем. Эти люди – основа, костяк рынка, это киты, на которых стоит Птичий рынок.

А через час Таганская площадь разрезана пополам длиннейшей очередью. Автобусов не хватает. Десятки постоянных и сотни случайных покупателей рвутся на Птичий. Особенно горячатся случайные. Глаза у них широко открыты, всё – даже очередь на автобус – вызывает изумление и смех. На дворянку, которая выглядывает из-за пазухи соседа, они смотрят как на диковину. Многие едут на Птичий в первый раз, им хочется всё увидеть, всё купить, и если у кого-нибудь из них в кармане имеется верёвка, трудно угадать, как сложится её судьба. То ли обяжет верёвка стоведёрный аквариум, то ли притащит домой вислоухого кобеля.

А Птичий давно уж кипит. Толпа запрудила его улицы и закоулки, рыбы сачки и голуби взлетают над толпой, вода из аквариумов льётся под ноги, кричат дети, грызутся фокстерьеры, заливается трелью десятирублёвый ке-нар. С Таганки, с Язуы, с Крестьянской заставы слетелись на Птичий рынок воробьи, галки, вороны и сизари – единственные птицы, которых здесь не продают и не покупают, если, конечно, они не дрессированные. Но хотел бы я купить дрессированного воробья!

Чудные, неожиданные вещи можно купить на Птичьем!

Вот стоит дедок в шапке-ушанке, нос его похож на грушу, но красен, как яблоко. В руках у дедка – кулёк, в котором неслыханный фрукт – сушёный циклоп. Много лет кряду стоит дедок на своём посту, и запасы сушёного циклопа не иссякают.

А вот чернобровый, с напряжённым от долгих раздумий лицом. На груди его таблица:

Доберман-пинчер

У ног его в кошёлке копошатся щенки, которых никто не покупает.

– Кто хочет усыновить кобелька? – смягчается чернобровый.

Да что щенки – только на Птичьем можно встретить людей, которые занимаются редчайшим на земном шаре делом – продают песок. Никто никогда не мог додуматься, что песок надо продавать, а на Птичьем додумались и продают, и покупают. Но только крупный песок, зернистый, как гречневая каша, – 5 копеек стакан.

На Птичьем можно купить корабль фрегат, целиком слепленный из морских ракушек, с засохшей морской звездой на носу, можно купить просто кусок стекла, но такого стекла, которое переливает всеми цветами радуги и похоже на бриллиант «Королева Антуанетта». Не знаю зачем и не знаю кому нужно такое стекло, да не в этом и дело. Мне, например, всё равно, что продавать, что покупать – стекло, фрегат, сушёного циклопа, – только быть на Птичьем каждую субботу и воскресенье, толкаться в толпе, свистеть в голубиных рядах, гладить собак, глядеть в горло подсадным уткам, подымать за уши кроликов, а то и вытащить из-за пазухи прозрачную колбу и крикнуть:

«Кому нужен вечный корм? Налетай!»

Сто монахов

– На Птичьем, конечно, на Птичьем, – толковал Крендель. – Мы его сразу там накроем. А куда ему девать монахов? Понесёт на Птичий.

По Вековой улице мы бежали на Птичий, и навстречу нам то и дело попадались люди, которые тащили клетки с канарейками, аквариумы, садки с голубями. Один за другим мчались мимо автобусы, из окошек выглядывали голубятники, собачники, птицеводы, птицеловы и любители хомяков.

На рынке уже в воротах мы влипли в толпу аквариумистов. Здесь был лязг, хруст, гвалт, давка. В прозрачных банках бились огненные барбусы, кардиналы, гурами, макроподы, сомики, скалярии и петушки. То там, то сям из толпы высовывались рыбы-телескопы с такими чудовищно выпуклыми глазами, какими, наверно, и впрямь стоило бы поглядеть на Луну.

– Трубочник! – кричал кто-то где-то за толпой. – Трубочник! Самый мелкий,

самый маленький,

самый махонький,

самый мельчайший

трубочник.

– Инфузория на банане! – вполголоса предлагал вполне интеллигентный человек и показывал всем банку, доверху забитую инфузориями.

Меня стиснули двое. Один продавал улиток, а другой покупал их. Я встрял между ними, и покупатель так давил меня в спину, будто хотел просунуть сквозь неё рубль.

– Красного неона Петух уронил! – заорал кто-то, и толпа развалилась.

Я выскочил на свободное место и чуть не упал на человека, стоящего среди толпы на коленях. Это был Петух – знаменитый на рынке рыбный разводчик.

– Стой! – крикнул Петух и яростно снизу посмотрел на меня. А потом быстро пополз на четвереньках и вдруг – ах, чёрт! – уткнулся носом в землю прямо у моего ботинка. Он накрыл губами красную с золотом рыбку, трепещущую на земле. Да ведь и нельзя хватать пальцами красного неона, только губами, только губами, чтобы не повредить нежнейших его плавничков.

Вскочив на ноги, Петух выплюнул неона в изогнутую стеклянную колбу. Да, это был красный неон – редкая рыбка с притоков реки Амазонки. Три пятьдесят штука.

А в голубиных рядах и народу, и голубей было полно. Голуби – носатые, хохлатые, ленточные, фильдеперсовые, жарые – трепыхались в садках, плетёнках, корзинках, за пазухами и в руках у продавцов и покупателей. Десять... двадцать... пятьдесят... сто монахов хлопали крыльями, клевали коноплю, переходили из рук в руки.

– Крендель! Здорово, Крендель! – заорал какой-то парень и под нос Кренделю сунул кулак, в котором был зажат голубь. – Хочешь чёрно-чистого?

– Крендель пришёл! Монахов своих ищет!

– Моньку у него украли!

– Когда?

– Вчера!

– Моньку-то моего никто не видал? – спрашивал поминутно Крендель.

– Пара рубликов! Пара рубликов! – тянул меня за рукав пожилой голубятник. – Бери, пацан, не прогадаешь!

У одной клетки, где сидели как раз пять монахов, Крендель остановился. Это были не те монахи, но хорошие, молодые, ладные.

– Чего уставился? – сказал Кренделю хозяин, голубятник-грубиян по прозвищу «Широконос».

– А чего? – сказал Крендель.

– А то, – ответил Широконос.

– Ладно, ладно, – сказал Крендель.

– Ещё бы, – добавил я.

– Гуляй, гуляй, – сказал Широконос. – Не твои монахи.

– Подумаешь. Поглядеть нельзя.

Мы отошли было в сторону, но Широконос сказал вдогонку:

– Дурак ты, и всё. Бублик.

Крендель побагровел.

– Кто Бублик? – сказал он и, прищурившись, подскочил к Широконосу.

– Моньку прошляпил – дурак. На Птичьем ищешь – опять дурак.

– Это почему же?

– Кто ж понесёт Моньку на Птичий? Здесь его каждая собака знает.

– Куда ж тогда нести?

– Думай. Мозгами.

– Куда? – растерялся Крендель. – Не пойму куда.

Широконос презрительно посмотрел на него и сплюнул:
– В город Карманов.

Карманов. Далее везде

Крендель позеленел.

Мы и раньше слыхали про город Карманов, но как-то в голову не приходило, что монахи могут туда попасть. А ведь в Карманове тоже был рынок, на котором продавалось всё что угодно. Бывали там и голуби, которые «прошли парикмахерскую».

Так уж получается на свете, что не только люди ходят в парикмахерскую. Голубям она бывает порой тоже необходима. К примеру, есть у тебя чистый голубь, но кое-где белоснежную его чистоту нарушают досадные чёрные или рыжие перья. Значит, этот чистый не так уж чист. Что делать? В парикмахерскую его, а потом – на рынок.

Почти все голубятники – неплохие парикмахеры, встречаются среди них большие мастера этого дела. В городе Карманове и жил, говорят, голубиный парикмахер «Кожаный». Ему носили ворованных голубей, и он делал им такую причёску, что родной отец не мог узнать.

– Если они в парикмахерской, – задумчиво сказал Крендель, – хана.

– Ещё бы, – согласился я.

– А ты помалкивай, – разозлился вдруг Крендель. – Тоже мне знаток. Будешь много болтать – сам отправишься в парикмахерскую. Вон какие патлы отрастил!

Через полчаса мы были уже на вокзале. Здесь толкалось много народу, и мне казалось, что это те же самые люди, которые только что были на Птичьем. Они бросили своих хомяков, схватили лопаты, авоськи и ринулись к поездам.

– Где Бужаниновский? – кричал кто-то.

– А в Тарасовке остановится?

Дачники-огородники, слейками, сумками, саженцами, закутанными в мешки, толпились у разменных касс, топтались у табло, завивались очередью в три хвоста вокруг мороженого. «Где Бужаниновский? Где Бужаниновский?» – слышалось то и дело.

– А в Тарасовке остановится?

– Поезд до Бужанинова, – рывкнуло под стеклянными сводами вокзала, – отправляется с третьего пути. Остановки: Карманов, далее везде.

Не успел заглухнуть голос, как весь вокзал кинулся на третий путь, по-прежнему беспокоясь: «Где Бужаниновский?»

Выскочив на перрон, пассажиры надали жару, а мы с Кренделем ныряли то вправо, то влево, виляли между чемоданами и узлами, стараясь первыми прыгнуть в вагон. Но это нам никак не удавалось: то встречал какой-нибудь чудовищный саквояж, то братья-близнецы, поедающие мороженое, то седой полковник с тортом в руках. Наконец мы втиснулись в вагон, в котором не было ни капли места. Всё было занято, забито, заполнено.

- Давай сумку! Давай сумку! – кричали все чуть не хором.
- Займи мне место!
- А в Тарасовке остановится?

Вдруг послышалось шипенье, двери вагона съехались, прищемляя рукава и чемоданы, пассажиры дружно уклонились в сторону Москвы – поезд мягко тронулся.

Пробиваться в вагон мы не стали, застряли в тамбуре. Нас прижимали то к одной стене, то к другой и наконец притиснули к остеклённым дверям, на которых было написано:

НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ!

На той двери, к которой прислонили меня, некоторые буквы в надписи были стёрты, и она читалась так:

НЕ СЛОН Я!

На другой половинке, к которой придавили Кренделя, надпись читалась уже по-другому:

НЕ ПРИ СОНЯ!

Народу в тамбуре прибывало. Дверь, ведущая в соседний вагон, то и дело открывалась. Через неё, не хуже той Сони, лезли огородники с чемоданами.

Рядом с нами вплотную стояли два человека. Один из них был высок, с рыжими усами под носом и в соломенной шляпе. На плечах его висел пиджак-букле, на ногах блестели хорошо начищенные сапоги. Второй был ниже ростом, молодой, носатенький. На носу виднелись веснушки, меньше двухкопеечной монеты. Усатый держал под мышкой чёрную папку на «молнии». Веснушчатый нетерпеливо переминался с ноги на ногу, покачиваясь вместе с электричкой.

Наконец он не выдержал и сказал:

– Когда?

Усатый недовольно огляделся и ничего не ответил.

– А где? – спросил Веснушчатый.

Усатый нахмурил усы, хотел что-то сказать, но посмотрел на Кренделя и раздумал.

И только когда поезд дёрнулся, тормозя, и все пассажиры уклонились в сторону города Карманова, когда зашипели двери электрички, Усатый тихо шепнул что-то в ухо Веснушчатому. Слов его никто бы не мог разобрать, но мы разобрали: «Жду тебя у бочки с квасом».

Кармановский колхозный рынок

Пассажиры комом вывалили на перрон и кинулись к переходному мосту, который стоял над железной дорогой, как раскоряченная буква «П».

Веснушчатый сразу же нырнул в толпу и растворился, а шляпа Усатого долго маячила впереди. Река пассажиров швыряла её, как некую соломенную шляпку.

Вместе с толпой мы взнеслись на переходной мост и увидели город Карманов: красные крыши, башни монастыря и трубу, на которой написано было – «1959», чтоб в будущем люди не мучились, размышляя, в какую эпоху было возведено это сооружение. Кроме башен и трубы, среди кармановских крыш больше ничего не возвышалось, скорее проваливалось, но что проваливалось, мы не успели разобрать, река пассажиров смыла нас с моста на привокзальную площадь.

Здесь река распалась на ручьи, которые закрутились у продуктовых лавок, но на другом конце площади ручьи снова слились в одно русло и ворвались в ворота, на которых было написано:

Кармановский колхозный рынок

В воротах пассажиры обратились в покупателей, стиснули нас и потащили вперёд.

– Семечки! Семечки! Солнечны! Тыквенны!

Жарены!

Калёны!

Подсушены!

Как солдаты, в две шеренги стояли за воротами продавцы семечек. Прямо в нос покупателям совали они гранёные стаканы, между ног зажимали туго набитые мешки.

Семечками, клюквой, сушёными грибами и раками обрушился на нас Кармановский рынок и пошёл кидать от прилавка к прилавку. Как щепки, болтались мы в волнах покупателей. То прибывало нас к одному берегу, на котором навалены были кочны капусты, холмы брюквы, курганы моркови, то к другому, на котором поставлено было деревянного товару: матрёшки с пунцовыми щеками, липовые ложки и половники, свистульки в форме птенца.

Кармановская толкучка нас ошарашила. Крендель безвольно крутился вокруг деревянных яиц. Да и то сказать: два рынка подряд кого хочешь вышибут из седла.

Впрочем, на Кармановском рынке пихались, толкались и отдавляли ноги куда сильнее, чем на Птичьем. Но мы уже и не видели особой разницы. Весь мир превратился в огромный рынок, и мы не понимали, что мы сами такое – продавцы, покупатели или просто семечки.

– Семечки! Семечки!

– Жарены!

Калёны!

Просушены!

Наконец мы попали в струю, которая принесла нас в угол рынка, под башню.

Здесь пели петухи, глядели из кошёлков гуси, мычали бычки. Прямо на земле лежали индюки, связанные, как пленные туземцы. Они раздражённо трясли сизыми бородами.

– Где индюки – тут и голуби, – оживился Крендель.

Но голубей нигде не было видно. Парень лет десяти принёс продавать кошку. Кошка была пятнистая, будто корова.

– Почём? – спросил Крендель.

– Три рубля... а вправду купишь, за рубль отдам.

– Чего ты её продаёшь-то?

– Царапается, дьявол.

Кошка сидела за пазухой спокойно, прикрыв хитрые кармановские глаза, и при народе царапаться не решалась.

– Кожаного знаешь, который голубей стрижёт? – спросил Крендель.

– Голубей? На кой же их стричь?

– Да ты сам-то кармановский? Не слышал, что у вас голубей обстригают?

– Не слышал.

– С такими знаниями тебе кошку сроду не продать, – сказал Крендель, и мы стали проталкиваться к башне, у которой прямо на крыше росла берёза.

Здесь под монастырской стеной на клеёнках, на тряпках, просто на земле грудями лежали дверные ручки, скобы, подсвечники, шпингалеты, рубанки, напильники. Сидя на корточках, покупатели рылись в железном хламе, а продавцы стояли поодаль. Чуть не у каждого продавца на груди висело ржавое ожерелье, составленное из английских, амбарных, секретных, сарайных, бородатых и трёхбородых ключей. На ключи было много покупателей, их брали десятками.

Здесь же стоял человек, который продавал ошейники. На каждую его руку, от запястья до плеча, были нанизаны самые разные ошейники – мягкие кожаные, строгие железные, фигурные, составленные из латунных колец, на которые можно навешивать собачьи медали.

Для приманки покупателей он надел себе на шею лучший, мельхиоровый ошейник, на котором было выгравировано:

Чемпион породы.

– А вот – грабли! – сказал кто-то позади нас.

Я оглянулся и вздрогнул.

Перед нами стоял гражданин Никифоров, а вокруг него будто из-под земли выросал целый лес граблей.

Гражданин Никифоров стукнул об землю граблями и сказал мне прямо в глаза:

– И дед, и отец мой были хлеборобами! Понял?

Чтение мыслей на небольшом расстоянии

Понять это было невозможно.

Казалось невероятным: откуда взялся гражданин Никифоров на Кармановском рынке? Как, где, когда вчерашние его грабли успели размножиться?!

Крендель поголубел от изумления.

В голове его, как змеи, зашевелились подозрительные мысли. Как же так, вчера бродил по нашему переулку, а сегодня вдруг в Карманове. Получается какая-то странная связь. В чём дело?

И гражданина Никифорова такая связь, как видно, изумила. Вчера ещё он видел нас в переулке, а сегодня вдруг – в Карманове.

Крендель и гражданин застыли, глядя друг другу в глаза.

Вдруг над головой моей пронёсся тревожный шквал, шевельнул волосы и обрушился на гражданина Никифорова. Этот шквал был не что иное, как мысли Кренделя.

«Что такое? Как же так? Вчера – в переулке, а сегодня – в Карманове!» – стремительно мыслил Крендель.

Шквал был отброшен встречным ураганом:

«Как же так? – думал Никифоров. – Вчера – в переулке, а сегодня – в Карманове!»

И тут над головой моей со свистом полетели самые разные мысли – мысли Кренделя и гражданина Никифорова. Они скрещивались, как шпаги.

«Вчера...» – думал Крендель.

«...в переулке...» – парировал Никифоров.

«А сегодня...» – думал Крендель.

«...в Карманове!» – мысленно кричал Никифоров.

«Грабли! Грабли! Причём здесь грабли?»

Некоторое время мысли Кренделя топтались на граблях, но вдруг напали на новую жилу.

«Грабли – для отвода глаз! Он связан с Кожаным!»

«Слежка!» – в ту же секунду мелькнуло в голове гражданина.

Несколько мгновений мысли Кренделя и гражданина бушевали вовсю. Они вливались в мою голову, как мутные потоки в озеро.

«Грабли!» – гремело с одной стороны.

«Слежка!» – бурлило с другой.

Голова моя трещала от напора чужих мыслей. Но вот мне немного полегчало – думы противников поуспокоились.

«Ерунда, – думал, наконец, Никифоров. – Откуда они знают? Я чист, как голубь. Всё – суета».

«Спокойно, Кренделюша, спокойно, – успокаивал себя Крендель. – Причём здесь Кожаный? Надо понаблюдать».

Успокоившись, гражданин Никифоров решил оформить кое-какие мысли словами.

– Вы что тут делаете? – спросил он.

– А вы?
– И дед, и отец мой были хлеборобами, – пояснил гражданин Никифоров. – А я грабли строю... для нужд сельского хозяйства.
– А мы так... – сказал Крендель. – Тоже для нужд... интересуемся...
– Не мною ли? – намекнул гражданин.
– Да нет, мы для нужд... насчёт парикмахерской...
– Насчёт парикмахерской ничем помочь не могу, – твёрдо сказал гражданин Никифоров. – Моя специальность – грабли... Гражданочка! Гражданочка! – закричал он, отворотясь. – Купите грабельки! Сами согребают, сами разгребают. Преполезный прибор!
– Что-то больно длинные, – сомневалась гражданочка, приглядываясь к граблям. – И крепкие ли зубья?
– У этих граблей зубья крепче, чем у крокодила, – пояснил Никифоров. – Изготовлены из лучших пород берёзовой древесины. Хоть землю гребь, хоть опавший лист.
Когда она отошла, Крендель спросил:
– А вы не знаете, как нам найти Кожаного?
– Да вон он стоит, – сказал Никифоров, отмахиваясь. – Вон он стоит, Кожаный. В кожаном пальто.

Кожаный

Человек, на которого указывал Никифоров, стоял к нам спиной. В этой слегка сутулой, длинной и узкой спине чудилось что-то парикмахерское.

Над кожаными острыми плечами виднелась кожаная кожаная кепка, а снизу, из-под пальто, торчали блестящие хромовые брюки и ботинки бычьего цвета.

Крендель подошёл к кожаной спине и, робея, кашлянул.

Спина хрустнула – человек обернулся. К моему изумлению, он и спереди был затянут в кожу. Из распахнутого пальто виднелся замшевый жилет, перепоясанный сыромятным ремешком.

Из-под жилета – кожаная майка.

– В чём дело? – спросил Кожаный. Голос его был скрипуч и хрустящ.

– Мы насчёт обстригания, – начал Крендель и растерялся. – Не стригли ли вы... Мы из Москвы... Насчёт стрижки-брижки...

Крендель махнул рукой, хотел пояснить, но не смог. В Карманове он чувствовал себя неудобно. В Москве-то, да ещё в Зонточном, он бы сразу взял парикмахера за кожаные бока, а тут потерял лицо и замямлил:

– Не приносили ли вам стричь... Бывает, что приносят... Конечно, и в Москве обстригают, но...

– О какой стрижке идёт речь? – надменно сказал Кожаный и вынул из кармана руку в замшевой перчатке. В руке он держал небольшой портсигар из крокодиловой кожи.

ПТИЧИЙ
РЫНОК

ЦЕНКИ

– Нам сказали, что вы обстригаете... – неуверенно пояснил Крендель.

– Я – обстригаю? Что за чушь?! Я и ножниц-то сроду в руках не держал. Вот алмаз – пожалуйста. Режет любое стекло, в какую хочешь сторону.

Он вытащил из портсигара небольшой предмет, похожий то ли на молоточек, то ли на гриб опёнок, с железной головой и деревянной ножкой.

– Почём? – громко сказал кто-то за моей спиной.

Я оглянулся. За нами стоял Веснушчатый нос, тот самый, что приставал в тамбуре с вопросами к Усачу в шляпе.

– Почём? – спрашивал Нос, наваливаясь мне на плечи и разглядывая алмаз.

– Червонец.

– Даю пятёрку.

– Пятёрку за алмаз, который режет в любую сторону!

– Пятёрка тоже деньги, – веско сказал Нос. – Ну ладно, накину трёшку.

– Накинь ещё два рубля.

– Да скинь хоть рублишко.

– Нужен алмаз – бери, не нужен – вали, – сказал Кожаный, покачал алмазом и сунул Веснушчатому носу под нос. Тот наклонился, оценивая инструмент глазом, и почему-то понюхал его.

– Ладно, – согласился он. – На́ деньги – давай сюда алмаз.

– То-то, – говорил Кожаный, пересчитывая деньги. – Три, четыре... семь, восемь... а где ещё рубль?

– Может, скинешь всё-таки? – предложил Нос, укладывая алмаз во внутренний карман.

– Я те скину! – расвирепел Кожаный, хватая покупателя за рукав и норовя добраться до внутреннего кармана. – Ребята, держи его!

Крендель подскочил к покупателю справа, нажал его в бок:

– Слышь, парень, не шути!

– Ладно, ладно, успокойся, – сказал Веснушчатый, отталкивая Кренделя. – Обложили со всех сторон.

Он вынул из кармана рубль, отдал продавцу и исчез в толпе.

Кожаный запахнул пальто и, даже не кивнув нам, пошёл в другую сторону.

Крендель потерянно глядел ему вслед. Да, в Карманове он был не в своей тарелке. Его тарелкой был Зонточный, а здесь всё шло по-другому, даже воздух здесь был особый, кармановский, пропахший пивом, подсолнечными семечками.

– Я, кажется, не то говорил. Надо было спросить про монахов.

– Ещё бы, – подтвердил я.

– А ты что ж молчал? – рассердился Крендель, схватил меня за руку и потащил к выходу. – Ищи кожаную спину!

Мы побежали через рынок, и я крутил головой, но не видел уже нигде кожаной спины. Да и вообще спин как-то не было видно:

рынок то глядел исподлобья,

то поворачивался боком,

то показывал ухо,

золотой зуб,
кудрявую чёлку,
и только когда мы подбежали к выходу, рынок вдруг повернулся спиной. Выпуклой и вогнутой, чёрной и коричневой оказалась спина Кармановского рынка, но ничего кожаного не было видно в ней.

Зато я заметил жёлтую бочку на колёсах, а у бочки с кружкой кваса в руке стоял Веснушчатый нос. Рядом – Усач в соломенной шляпе. Он тоже держал в руках кружку, из которой высывалась белая папаха пены. Сунув усы в эту папаху, Усач разглядывал алмаз-стеклорез, который держал в другой руке.

– Да вы понюхайте! – слышалось мне.

Обтерев усы рукавом, Усач приблизил алмаз к носу.

– Пахнет хлебом, – сказал он.

– Это квас пахнет хлебом, нюхайте внимательней.

– У тебя, Васька, нос как у собаки, – сказал Усач и, отхлебнув кваса, снова понюхал алмаз.

Крендель дёрнул меня за рукав.

– Давай, давай, а то спину упустим! – крикнул он, и мы проскочили в ворота, не в те, через которые входили на рынок, а в другие, с противоположной стороны.

«Молоко» и «Яблочко»

С другой стороны Кармановского рынка тоже, оказывается, имелась площадь. Здесь, как видно, недавно была ярмарка.

Посреди площади торчало странное сооружение, похожее на какой-то капитанский мостик. Рядом лежала на земле коричневая лужа. По углам площади стояли железные домики без окон. Из-за железных дверей на улицу доносились хлопающие звуки, будто внутри кто-то заколачивал гвозди.

Мы подошли к железному домику, на котором висела табличка:

Яблочко

Крендель открыл дверь, и мы увидели длинный деревянный барьер.

У барьера спиной к нам стояли несколько человек. Они держали в руках духовые винтовки.

– Тир! – огорошенно шепнул Крендель, и тут же все винтовки разом выстрелили.

– Тьфу, опять в незрелое, – раздражённо сказал один стрелок, снял шляпу и вытер ею лоб.

На задней стенке висели четыре мишени. На каждой из них было нарисовано огромное зелёное яблоко. Внутри этого незрелого яблока заключалось другое – жёлтое. В середине жёлтого – было оранжевое, а в самой сердцевине багровело спелое яблочко, в которое и метились стрелки.

– А вам чего тут надо? – раздражённо сказал стрелок, попадающий в незрелое, оборотаясь к нам. – Это тир для взрослых.

Он снова выстрелил, снял шляпу и сильно ударил ею о прилавок:

– Опять в незрелое!

– Да ты сходи за молоком! – сказал патронщик, и все стрелки ухмыльнулись. Незрелый побагровел, бросил винтовку и выскочил на улицу.

С минуту метался он по площади и скрежетал зубами.

Как видно, неудачи в стрельбе сильно его огорчали. Отдышавшись, стрелок подошёл к соседнему домику, над дверью которого висела вывеска:

Молоко

Мы нырнули за ним в приоткрытую дверь, и сразу обрушились на нас звуки заколачиваемых гвоздей. Точно такой же барьер, как и в «Яблочке», перегораживал комнату, но мишени за ним висели другие – белые, будто облитые молоком. В центре каждой из них чернел кружок размером с трёхкопеечную монету. Попасть в кружок было трудно. Дырки от пуль большею частью чернели в «молоке».

Незрелый суетился у барьера, запиховал в ствол патроны и торопливо стрелял.

– Давай! Давай! – подзадоривал патронщик. – Крой! Кроши!

– Вы что это ходите за мной! – закричал вдруг стрелок, оборачиваясь к нам. – Сглазить хотите?! Не выйдет!

Он снова выстрелил и промазал. Это его потрясло. Подпрыгнув на месте, он сдёрнул с головы шляпу, бросил на пол и, как конь, растоптал её.

Мы с Кренделем выскочили на улицу и, подгоняемые криками и выстрелами, побежали через площадь к третьему железному домику. Над дверью его красовалась самая большая вывеска, на которой был нарисован усатый человек в шляпе с павлиньим пером. Из усов его выливалась кривая надпись:

Волшебный стрелок

Отчего-то робея, мы заглянули в дверь и застыли на пороге. Перед нами в кресле сидел Кожаный и горстями высыпал на прилавок духовые патроны.

«Волшебный стрелок»

– Ага! – сказал он, увидев нас. – Старые знакомые! Прощу. Любая винтовка. На выбор.

– У нас денег нет, – растерялся Крендель.

– Денег нет – это плохо. Без денег какая же стрельба, – нахмурился Кожаный.

В тире не было ни души. Вот сейчас бы и надо было ясно и толково поговорить о монахах. Крендель вздохнул, приоткрыл рот, но тут Кожаный сказал:

– Чего вздыхаешь? Пострелять хочется?

– Ещё бы, – вздохнул и я.

– Ладно уж. По старой памяти вот вам два патрона – палите.

Замшевым перчаточным пальцем он выкатил из россыпи два патрона, и Крендель сразу схватил винтовку.

Поблёскивая сизым металлом, винтовки лежали на прилавке. Подняв одну с прикладом густого кофейного цвета, я почувствовал, какая она тяжёлая. От неё пахло маслом и сталью.

Левой рукой я надавил на ствол. Он туго крякнул и переломился, открывши влажный от масла канал. Я вставил туда пульку, похожую на свинцовый напёрсточек, прижал к щеке блестящий приклад.

– В слона! – шепнул Крендель и выстрелил.

Серый, рябой от пулевых ударов слон не шевельнулся.

– Промазал, – недовольно сказал Кожаный.

Крендель отложил винтовку и, тяжело дыша, стал глядеть, как я целюсь. Три железные птицы свисали передо мной с потолка: утка, гусь и лебедь с особенно тоненькой шеей. Вместо ног под каждую птицей торчал рычажок с белой кнопкой.

– Ну, давай, давай, стреляй скорее, – не выдержал Крендель.

– Куда спешить, – ответил за меня Кожаный. – Надо выбрать.

Под птицами к стене была приделана бочка с надписью «Пиво», рядом стояла мельница с красными крыльями. А в самом нижнем ряду разместился настоящий зоопарк: рябой боевой слон, тигр, подкрадывающийся к антилопе, жираф. Неведомо как и заяц затесался в эту компанию, прилетевшую в город Карманов прямо из джунглей.

– Бей в тигра! – сказал Крендель таким тоном, будто слон был у него в кармане.

Я поцелился в тигра, в жирафа и, в конце концов, выбрал сундучок, который притулился сбоку. Что-то таинственное было в этом сундучке. Хотелось узнать, зачем он висит такой простенький среди ярких мишеней.

– Ты в сундучок не целься, – сказал Кожаный. – В сундучок стреляют самые лучшие стрелки. Цель в слона.

Я прицелился в слона.

– Бери чуть ниже, – командовал Кожаный. – Под самую кнопку. Плавно нажимай спуск, не дёргай.

Я подвёл мушку под самую кнопку и плавно нажал. Винтовка сухо треснула, а слон, который до сих пор крепко стоял на ногах, вдруг рухнул на колени.

– Вот это стрелок! Слона подбил! Хочешь ещё разок?

– Ещё бы, – ответил я.

– Хватит, сказал Крендель, побледневший от огорчения. – Некогда нам стрелять.

– Что такое?

– Дело есть... Надо поговорить... В тот раз я спрашивал насчёт парикмахерской, так не в ней дело...

– Что за чушь! – плюнул Кожаный. – Опять парикмахерская?!

– Да нет... дело в том, что мы ищем монахов.

– Монахов?! – изумился Кожаный, привстал и, как мне показалось, немного побледнел.

– Монахов, – подтвердил Крендель. – Вот и хотели у вас спросить, посоветоваться, как их найти, может, вы слышали...

Кожаный заволновался. Оглянулся зачем-то на дверь и тихо спросил:

– Каких монахов?

– наших, – ответил Крендель, тоже понизив голос.

– Сколько же вам надо монахов?

– Пять.

Кожаный снял кожаную кепку, вытер пот, выступивший у него на лбу.

– Не много ли? – сказал он. – Может, одного хватит?

– Нам хотя бы Моню, – жалобно ответил Крендель.

– Моню? – изумился Кожаный. – Что ж вы раньше-то молчали? Надо было сразу дело говорить. Все монахи здесь, а Моня... – вдруг он замолчал и приложил палец к губам.

Дверь дёрнулась, и в тир вошёл новый посетитель.

– Почём выстрел? – спросил он, подходя к барьеру.

Это был тот самый Веснушчатый нос, которого звали Василий.

Стрельба по-кармановски

– Пять копеек, – недовольно ответил Кожаный, делая нам знаки пока помолчать.

– А сколько всего мишеней?

– Десять.

– Вот полтинник, – сказал Нос, выкладывая на прилавок деньги.

– Ого! – восхитился Кожаный и подмигнул нам. – Десять выстрелов! Может, лучше одиннадцать или двенадцать?

– Хватит десяти.

– Вот это я люблю. Ты, оказывается, настоящий стрелок.

– А вы, оказывается, не только на рынке торгуете.

– Торговля – это так, ерунда. А сердце моё здесь.

– Оно у вас тоже кожаное? – спросил Нос. Не дожидаясь ответа, он вскинул винтовку и выстрелил.

Пуля ударила в кнопочку – утка железно крякнула и перевернулась.

– Отличный выстрел! – похвалил Кожаный. – А сердце у меня мягкое, отзывчивое. По правде говоря, оно – золотое.

– Может, алмазное? – спросил Василий и выстрелил в гуся.

Гусь рухнул.

Кожаный нахмурился.

Василий перезарядил винтовку и сшиб лебедя. Размахивая длинной шей, лебедь закачался, как маятник стенных часов.

Веснушчатый ударил в мельницу. Взвизгнула какая-то пружинка – и красные крылья закрутились, замелькали, сливаясь в сплошное розовое колесо.

– Теперь в бочку, – шепнул Крендель, и тут же щёлкнул выстрел.

В бочке что-то загремело, и оттуда выскочил ухмыляющийся медведь с кружкой пива в руках.

– Вот какие стрелки у нас в Карманове! – с гордостью сказал Кожаный и похлопал ладонями, изображая аплодисменты. – Ни в Тарасовке, ни в Перловке сроду не было таких стрелков.

Он встал и торжественно снял кожаную кепку.

– Как ваше имя и отчество?

– Василий Константинович.

– Позвольте, уважаемый Василий Константинович, и мне стрельнуть в вашем присутствии.

Отойдя к задней стенке, Кожаный хлопнул медведя по голове, затолкал его в бочку, наладил остальные мишени. Вернувшись к барьеру, быстро зарядил все пять винтовок.

– Стреляем по-кармановски! – крикнул он и выстрелил.

Утка крикнула и перевернулась.

Вторую винтовку Кожаный взял одной правой рукой, а левую руку сунул в карман, чтоб не мешала.

Выстрел – гусь рухнул.

Лебедя он сшиб одной левой, а в мельницу стрелял обеими руками, но даже не донёс винтовку до плеча. Выстрелил от живота – и крылья мельницы закрутились.

Медведя же, сидящего в бочке, Кожаный совсем обидел. Он вообще не целился в него. Даже не поднял винтовку с прилавка, просто нажал курок – и медведь выскочил из бочки со второй кружкой пива в руках.

– Заряжай! – крикнул стрелок и похлопал сам себе ладонями.

После такой потрясающей стрельбы обстановка сразу накалилась. В тире запахло порохом. Толкая меня локтями, Крендель кинулся заряжать винтовки, а Василий Константинович задумчиво разглядывал мишени.

Строго поджав губы, он разложил винтовки перед собой и замер. Собранный, подтянутый, он сейчас напоминал ныряльщика, который стоит на вершине скалы, собираясь прыгнуть в море.

Вот он шагнул вперёд, схватил сразу две винтовки, одну правой, другую левой рукой. Два выстрела слились в один. Боевой слон рухнул на колени, а тигр прыгнул на антилопу.

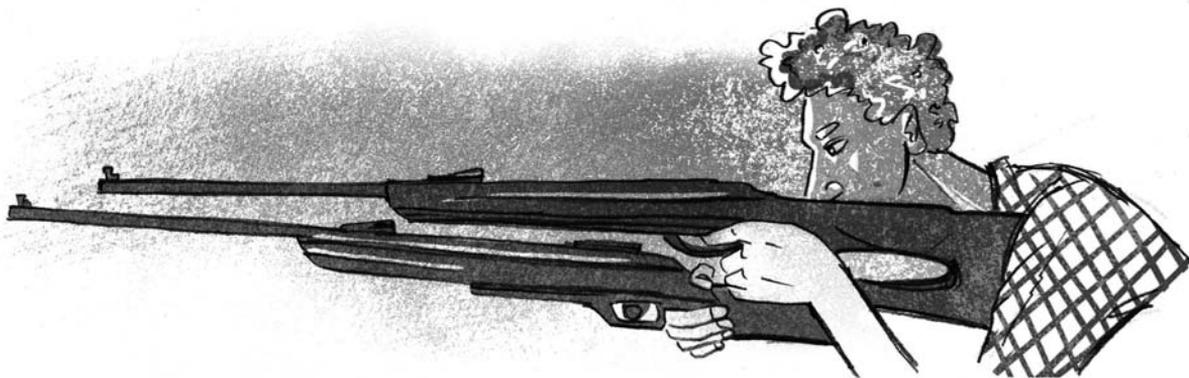
Стрелок схватил две другие винтовки, и жираф бросился бежать на месте, а заяц застучал в пионерский барабан.

– Вот это по-кармановски! – сказал Кожаный. – Теперь валяй в сундучок.

– Стреляйте вы. Я передохну.

– Заряжай, – согласился Кожаный и отошёл поправить мишени.

Вернувшись, он лениво стянул с рук перчатки, одним махом сбросил кожаное пальто и внимательно оглядел нас, как бы проверяя, сумеем ли оценить то, что сейчас произойдёт.

– Стреляю в слона! – чётко сказал он и вдруг выстрелил в потолок.

Пуля с визгом отскочила от потолка и ударила рикошетом точно в белую кнопку. Многострадальный слон рухнул на колени, а стрелок схватил другую винтовку и пальнул в стену. Взвизгнула пуля, рикошетом ударила в кнопку, и тигр прыгнул на антилопу. Жирафа Кожаный подбил рикошетом от другой стены, а зайца обидел не меньше, чем пивного медведя – выстрелил в пол, и всё-таки пуля попала куда надо. Пришлось зайцу молотить в барабан.

– Выстрел в сундучок! – объявил Кожаный и на этот раз тщательно выбрал винтовку. – Но, конечно, не какой-нибудь перловский выстрел или тарасовский. Стреляем по-кармановски!

Он нырнул под прилавок и достал узкую чёрную ленту.

– Завяжи-ка мне глаза, – сказал он Кренделю.

– Не может быть, – ахнул Крендель.

– Завязывай, да покрепче.

Волнуясь и восхищаясь, Крендель завязал ленту у него на затылке.

С повязкой на глазах и винтовкой в руках Кожаный был похож на пирата, играющего в жмурки. Он вскинул винтовку, уставил её в потолок и медленно стал опускать, направляя ствол на мишени. Вначале он нацелился в утку, перекочевал на гуся, миновал лебедя, задержался немного на слоне, но ствол поплыл дальше, ощущал тигра и вдруг отскочил в сторону, упёрся в сундучок и заплясал на месте, выискивая кнопку размером с рисовое зерно.

Сухо щёлкнул выстрел, и в первое мгновение я не понял, попал Кожаный или нет. Но вот в сундучке что-то звякнуло, и в тире раздалась нежная, хрустальная мелодия:

Мой миленький дружок,
Любезный пастушок...

Тихо-тихо играл музыкальный сундучок. Казалось, в нём сидят кармановские гномики и трясут золотыми колокольчиками.

– Да, – вздохнул Василий, когда сундучок затих. – Трудно с вами тягаться. Ладно, сейчас я не буду стрелять. Последний выстрел остаётся за мной.

– Как так? Это не по-кармановски.

– Почему не по-кармановски? Выстрел остаётся за мной.

– Проиграл! Проиграл! – закричал Кожаный. – Сдался!

– Ах, проиграл? Ладно, отойдите в сторону. Подальше отойдите, а то как бы рикошета не получилось.

Он выбрал винтовку, несколько раз вскинул её к плечу.

– Ваш сундучок играет только одну мелодию?

– Сколько же тебе надо? Хватит и «Пастушка».

– А больше он ничего не играет? – спросил Вася, убирая одну руку в карман, а другой вскидывая винтовку.

– Больше ничего.

– Ну так послушаем! – сказал Вася и выстрелил.

Пуля ударила в сундучок, в нём что-то крякнуло, и в тот же миг послышалась мелодия. И правда, это была совсем другая мелодия, да, гномики заиграли бодрей.

Я люблю тебя, жизнь,
И надеюсь, что это взаимно...

– Что такое? – прислушивался Кожаный. – «Я люблю тебя, жизнь...»?

– «И надеюсь, что это взаимно...» – ответил Вася и вышел из тира, твёрдо хлопнув дверью.

– Какая жизнь? – повторял Кожаный, присаживаясь на корточки перед сундучком. – Какая, к чёрту, жизнь?

Он нажал кнопку, и сундучок заиграл «Пастушка».

– Ничего не пойму. Откуда взялась эта жизнь? Да и вообще, что это за парень? Я его раньше в Карманове не видал.

Кожаный задумался, прошёл по тиру взад-вперёд и наконец вспомнил о нас.

– Так значит, вам монахов надо? – спросил он.

– Ага, – кивнул Крендель.

– Тогда пошли.

– Куда?

– Сюда, – ответил Кожаный и поманил нас за прилавок.

Наступая на пульки, там и сям валяющиеся на полу, мы подошли к стене, на которой висели мишени. Кожаный стукнул в стену кулаком – и в ней открылась дверца.

– Заходите, – сказал он. – Только поскорее.

В узенькой тёмной комнате, которая оказалась за дверью, вокруг стола, освещённого оплывшею свечкой, сидели монахи и играли в лото.

Пять обстриженных монахов

В чёрных, ниспадающих к полу одеждах монахи сидели вокруг стола, и табачный дым волнами ходил над ними.

В сизых волнах пламя свечи колебалось, как парус, и, как вулкан, вздымалась со стола трёхлитровая банка, наполненная пивом.

Монахи все до единого были подстрижены наголо. И это особенно поразило меня в первую секунду. Как соборные купола, сияли над столом их лысые головы, освещённые свечкой. Из-под первого купола выглядывала борода, которая давно не щупала ножниц, под вторым – наподобие банана висел ноздреватый нос. Два других купола были поменьше, сияли послабей, и под ними не было видно никакого лица, только рты, в которых горели сигареты.

На столе там и сям были рассыпаны монеты и клетчатые таблицы. Ноздреватый потрясывал голубым мешочком.

– Семьдесят семь, – сказал он, достав из мешочка лотошный бочонок.

– Бандитизм, – откликнулся бородач, и все стали хватать монеты и закрывать ими клетки, в которых была цифра 77.

– Восемьдесят девять, – сказал ноздреватый.

– Кража со взломом, – сказал от двери Кожаный, и монахи разом обернулись к нам. – Статья восемьдесят девятая Уголовного кодекса, – продолжал Кожаный. – Карает за кражу со взломом сроком до шести лет.

Купола молча разглядывали нас. Один из них – курчавая борода – встал с места, подошёл поближе и сказал густым и приятным, бархатным голосом:

– Это что за рожи?

– Да вот, – ответил Кожаный, указывая на нас, – монахов они ищут.

– Ты что? – спросил бородач и постучал себя пальцем по куполу. – Все мозги в тире отдолбил?

– А ну сядь на место, Барабан, и помолчи! – сказал Кожаный, и весь его гардероб заскрипел от гнева.

– Только и знаешь медведя из бочки вышибать, – недовольно бурчал бородатый Барабан, но на место сел.

– Я знаю, чего откуда вышибать, – чуть угрожающе сказал Кожаный. – Ты понял, Барабан?

– Понял, понял, – сказал Барабан, понизив голос. – А этих зачем сюда притащил? Чего им надо?

– Сам спроси, чего им надо.

– Так вам чего надо, шмакодявки? – грозно спросил Барабан.

– Монахов, – шепнул Крендель. В голосе его слышалась сильная дрожь.

– Каких монахов?

– Наших.

– А сколько же вам надо монахов?

– Пять.

– Пять???! – повторил бородач чуть ошеломлённо. – Не много ли? Может, одного хватит?

– Нам хотя бы Моню, – жалобно ответил Крендель.

– Вот видишь, – сказал Кожаный. – Всё сходится.

– Всё сходится, – сказал Барабан и принялся изумлённо и яростно чесать свою бороду.

– Ну что же, – сказал Кожаный и обнял нас за плечи, – вот они, пять монахов. Все перед вами.

– Где? – не понял Крендель и даже заглянул под стол, нет ли там садка с голубями.

– Да вот они, – пояснил Кожаный, – в лото играют. А Моня – это я.

– Чего?

– Я и есть Моня, Моня Кожаный, – с некоторой гордостью подтвердил Кожаный. – Выкладывай, что у тебя.

– У меня? – сказал Крендель совершенно раздавленным голосом. – У меня ничего.

– Как ничего? Зачем же тогда пришёл?

– Монахов мы ищем, – тупо сказал Крендель, оглядываясь, как загнанный зверь. Он никак не мог понять, да что же это такое – Моня, Великий белокрылый Моня – вдруг кожаное пальто, кепка, жилет.

И действительно, понять это было трудно, почти невозможно, но понять было надо, и Крендель напрягся, наморщивая лоб. Я-то уж давно всё понял. Я понял, что Карманов – это вам не Москва, здесь всё возможно, а если это тебе не нравится, лучше сюда не приезжать.

– Я и есть Моня Кожаный, – втолковывал Кожаный. – Говори, что у тебя? Кто вас послал?

– Они, наверно, от Сарочки, – подал голос один из пустилицы.

– Монахов мы ищем, – в отчаянии забубнил Крендель.

– Тьфу! – плюнул Моня Кожаный. – Да зачем тебе монахи?

– Гонять, – ляпнул Крендель.

В голове его, как видно, творилось чёрт знает что. Если раньше в ней сидели пять похищенных монахов, то здесь, в Карманове, в его голову набралось

столько разного мусора, что вымести его одним махом было невозможно. Грабли и стеклорезы, стрельба по-кармановски смешались в его голове, а к пяти монахам добавились ещё пять. Получилось десять. Одни сидели в голове, другие играли в лото, и разобраться в этом Крендель был не в силах.

– Гонять? – повторил Кожаный и развёл руками, пытаясь сообразить, как же это так – гонять монахов?

– Да они, наверно, от Сарочки, – снова сказал пустолицый. – Сарочка вечно напортачит.

Тут ноздреватый, который молчал до сих пор, бросил на стол лотошный мешочек и взмахнул руками, как голубь, собирающийся взлететь.

– Ты что, не видишь! – злобным шёпотом крикнул он. – Они подосланы! Гонять собрались? Хватит! Гоняли уже нас!

Он кинулся вперёд, схватил меня за шкурку, а Кренделя за шиворот и принялся трясти. Я почувствовал, что превращаюсь в голубой мешочек. Кости мои застучали, как лотошные бочонки.

– Гоняли нас! Гоняли! Кто вас подослал?! Это – подкидыши!

– Широконос... с Птичьего. «Ищите, говорит, в Карманове. Если украли, значит, там». Мы и поехали монахов искать.

– Врёшь, моль, червяк! – взревел Барабан. – Вот они, монахи, все перед вами.

– Да это не те монахи! – закричал Крендель. – Нам голубей надо! У нас голубей украли, мы и поехали Кожаного искать. Который голубей стрижёт.

– Пойдите, – сказал Моня Кожаный. – Я раньше и правда держал парикмахерскую, причёсывал сизокрылых. Но давно уж распустил клиентов. Так что, у вас голубей, что ль, украли, монахов?

– Монахов, монахов! – обрадовался Крендель. – Голубей.

– Тьфу! – плюнул Кожаный. – Я думал, вам другое надо.

– О чём ты думаешь! – сказал Барабан. – Хочешь нас всех под монастырь подвести? Только и знаешь медведя из бочки вышибать!

– Я тебе знаешь чего вышибу? – грозно спросил Кожаный. – Понял чего? Или нет?

– Понял, понял, – сразу сказал Барабан.

– А вы, голуби, – сказал Моня, – выметайтесь отсюда, и чтоб духу вашего в Карманове не было!

– Поняли, поняли, – облегчённо сказал Крендель и уж хотел было выметаться, но тут снова подскочил ноздреватый.

– Куда? Никуда они не уйдут! Это – подкидыши. От капитана Болдырева.

– Да не подкидыши мы! – закричал Крендель.

– Ну, если вы подкидыши! – сказал Моня Кожаный и заглянул в глаза Кренделю, а потом мне. – Если подкидыши – под землёй найду.

Ударом ноги он распахнул дверь, протолкнул нас через весь тир и вытолкнул на улицу.

Крендель споткнулся, упал, но тут же вскочил на ноги и дунул через площадь к вокзалу. В одну секунду он развил такую скорость, что на поворотах его заносило и разворачивало, как грузовик на льду. Сады, палисадники мель-

кали по сторонам, а мы бежали быстрее, быстрее и были совсем недалеко от вокзала, как вдруг из какой-то подворотни высунулась огромная рука, пролетела за нами вдогонку и сразу сгребла в охапку и меня и Кренделя.

– Стой! – сказала рука и втащила нас в подворотню.

Комната цвета какао

Рука крепко держала нас и не думала отпускать. Напротив, к первой руке добавилась вторая, не менее суровая и властная. Не сговариваясь, руки поделили нас. Одна держала теперь Кренделя, другая – меня.

Где-то высоко над руками светились огромнейшие рыжие усы. Они шевелились, как щупальца осьминога.

Такие усы забыть было невозможно. Совсем недавно они пили квас и нюхали стеклорез, а теперь в тёмной подворотне они подрагивали, как лучи прожектора, и отражённым блеском мерцала над ними соломенная шляпа.

– Те или не те? – послышалось из-под шляпы.

– Те, – ответил знакомый голос. – Они самые.

Рядом с усачом в подворотне стоял волшебный стрелок Вася.

– За что? – заныл Крендель. – Отпусти!

– Молчать – не двигаться! – приказали усы, а руки тут же нарушили приказ, подтолкнули вперёд: – Проходите.

– Куда ещё?

– В отделение, – ответил Усач, решительно выставил нас на улицу и повёл, крепко держа за руки.

Волшебный стрелок пошёл впереди, как бы показывая дорогу. Он взбежал на узорное коричневое крыльцо, распахнул дверь, и мы оказались в комнате, в которой за деревянным барьером сидел милиционер.

– Здравия желаю! – вскричал он.

– Пойди, Фрезер, пообедай, – ответил Усач и через дверь, обитую шоколадной клеёнкой, провёл нас в кабинет, оклеенный обоями цвета какао.

Там за столом сидел человек в сером костюме и чистил револьвер. Он чистил его тщательно и грозно. Потом поднял револьвер и прицелился в несгораемый шкаф.

Шкаф дрогнул. Крендель зажмурился.

«Сейчас саданёт», – подумал я.

– Ну что нового, товарищ старшина? – спросил серый костюм, убирая огнестрельное оружие в тот же самый шкаф.

– Кое-что есть, товарищ капитан, – ответил Усач.

– А что именно?

Стрелок Вася порывлся в кармане и выложил на стол алмаз-стеклорез.

– Ничего нового не вижу, – сказал капитан.

– Да вы его понюхайте, товарищ капитан, – подсказал Вася.

Спокойный до этого, капитан вдруг дёрнулся и стукнул кулаком по столу:

– Ты что! Опять за своё! Нюхаем, нюхаем, а толку чуть. Что ещё?

– Вот эти, – ответил Усач и подтолкнул нас к столу.

Наконец-то капитан глянул на нас, и сразу глаза его просверлили в моей груди несколько небольших отверстий, через которые и проникли в душу. Я почувствовал, что превращаюсь в решето.

– И этих тоже понюхать? – грозно спросил капитан.

– Как видно, придётся, – ответил старшина, наклонился над нами, и усы его мягко распахнулись в стороны.

– Куда это вы бежали?

– Ну, на станцию, – заныл Крендель.

– Без «ну»! Ты эти свои «ну» брось! Откуда бежали?

– Из тира.

– А что вы там делали?

– Монахов искали, – ответил Крендель, и тут же усы старшины взвились в небо, вздрогнул капитан, а Вася усмехнулся с таким видом, будто именно этого он и ожидал.

– Монахов? – повторил старшина, и усы его сложились в каверзную букву «Х». – А каких таких вам надо монахов?

– Голубей.

– Как так голубей? Каких голубей?..

– Стоп, – прервал капитан. – Ничего не пойму. Старшина Тараканов, доложите обстановку. Только покороче.

Старшина насупился. Усы его приняли строгое выражение.

– Сегодня с утра, – сказал он, – мы продолжали розыск по делу, которое получило кодовое название «Мешок». В одиннадцать ноль-ноль наш человек – Василий Куролесов – заметил Подозрительного, который был одет в кожаное пальто, кожаную кепку, кожаные брюки и кожаные ботинки. Как выяснилось, Подозрительный заведует тиром и скрывается под кличкой «Моня Кожаный». Рядом с Подозрительным находились малолетние подозреваемые, помогающие сбывать стеклорез. Было решено преследовать подозрительных, и наш человек проследовал в тир, где и обнаружил всех подозреваемых. Через некоторое время малолетние вышли из тира и бросились бежать, очевидно, получив преступное задание. Тогда совместно с Куролесовым они были задержаны и доставлены в отделение.

Старшина Тараканов кончил речь, и усы его издали звук, похожий на бурные аплодисменты.

– Так, – сказал капитан. – Ну, а вы что скажете, малолетние подозреваемые? Что вы делали на рынке?

– Голубей искали, – ответил Крендель. – А если вам монахов надо – бегите скорей, пока они в лото играют.

– Что такое? – нахмурился капитан. – Кто играет в лото?

– Монахи, пять человек. Сидят в задней комнате и в лото играют.

Капитан поглядел на меня.

– И ты видел монахов?

– Ещё бы, – ответил я.

– Что-что?

– Ещё бы, – повторил я, прокашлявшись. Кажется, у меня был шанс разболтаться.

– Ты эти свои «ещё бы» брось. Говори толком.

Мне стало душно. Во дворе или на улице мне хватало словарного запаса, а в милиции надо было его расширять.

– Что ж говорить, – помог Крендель. – Пять монахов сидят и в лото играют...

– Стоп, – прервал его капитан. – Пусть он расскажет.

Я вспотел. Мне в голову не приходило, с чего начать рассказ, не хватало ни слов, ни красок. Ну, в письменном виде я бы кое-как изложил дело, а устно, при народе, не было сил. Я и в школе-то всегда страдал, и учителя мучились со мною.

– У тебя что ж, язык присох? – спросил капитан. – Как тебя звать?

– Юрка, – ответил Крендель.

– А тебя?

– Крендель.

– Хорошее имя, – неожиданно похвалил капитан. – Прямо золотое. Кто ж такое придумал?

– Ребята, – ответил Крендель, зардевшись.

– Очень похоже, – сказал капитан. – А чего ты действительно гнёшься, как крендель? Распрямись.

Крендель расправил немного плечи, выпятил живот.

– Ну, рассказывай, Крендель, как дело было.

– Голубей у нас украли, вот мы и поехали в Карманов.

– Где украли? Когда? – спросил капитан и достал записную книжку.

Пока Крендель рассказывал, он что-то отмечал в ней карандашиком. Вася Куролесов достал записную книжку, такую же, как у капитана, но карандашик был у него покороче.

Старшина Тараканов записной книжки не достал, зато усы его ни секунды не болтались без дела. Они то печально обвисали, то вдруг топорщились иглами дикобраза, а через секунду обращались в веер, ласково обмахивали собственный подбородок. К концу рассказа в них вспыхнули радужные искры, и мне показалось, что это не усы, а хвост райской птицы торчит из-под милицейского носа.

В общем, усы строили такие гримасы, что капитан решил призвать их к порядку.

– Прекратите это! – строго сказал капитан. – Мешаете слушать.

Старшина покраснел. Усы застенчиво опустились на плечи.

– Прошу подробней описать монахов.

– Чего ж тут описывать – все лысые. У одного – борода, у другого – нос. А у остальных вообще лица не видно.

– Всё сходится, – сказал капитан. – У остальных и глядеть-то не на что. А борода – это бандит по кличке «Барабан». С носом – старый вор Сопеля. Остальные – мелкая сошка, Цыпочка и Жёрнов. Но самый опасный – это, конечно, Моля Кожаный. Я и не знал, что он в «монахах».

Капитан снял телефонную трубку, пару раз крутанул диск и ясно сказал:
– Оцепить сектор двести восемнадцать.

Операция

День между тем клонился к вечеру, такой же ясный, какой был и вчера. Из кармановских садов и палисадников пахло черёмухой.

Рынок опустел. Последние самые стойкие продавцы покидали его. На площади, по углам которой стояли железные домики, не было ни души. Капитанский мостик печально торчал посредине и наводил на грустные размышления, потому что мостик без капитана – это всё равно что скворечня без скворца.

Мы лежали в лопухах неподалёку от той самой подворотни, куда втаскивала нас рука старшины Тараканова. Редкозубый заборчик отделял нас от площади. Рядом, под кустом смородины, лежал Василий Куролесов. У него была сложная задача: с одной стороны, он наблюдал за тиром, с другой – присматривал за нами. Капитан Болдырев хотел было отпустить нас, но старшина не согласился.

– Надо ещё проверить, – сказал он, – может, они соврали про монахов. Надо доверять, но проверять.

– Дядя Вась, – сказал потихоньку Крендель, – а кто они такие, монахи-то эти?

– Бандиты. Из банды «чёрные монахи». Они недавно алмазы украли.

– Где?

– В Карманове.

– Сколько же они украли?

– Мешок.

Куролесов достал из кармана часы-луковицу, щёлкнул крышкой, и в лопухах раздалась мелодия:

Я люблю тебя, жизнь,

И надеюсь, что это взаимно...

Мы переглянулись. Я сразу вспомнил последний выстрел по-кармановски.

– Поняли теперь? – улыбнулся Вася.

– Ещё бы, – ответил я.

– Что это с ним? – спросил Вася и поглядел на меня.

– А что? – не понял Крендель.

– Талдычит одно и то же: ещё бы да ещё бы. Слова человеческого сказать не может.

– Разве? – сказал Крендель. – Я не замечал. Он вообще-то разговаривает. Это он так, стесняется. Верно, Юрка?

– Ещё бы, – буркнул я.

Куролесов приложил палец к губам и прислушался. Где-то неподалёку заблеяла коза.

– Тсссс... Операция началась.

Мы приникли к щелям между штакетин, но начала операции пока не увидели. У тира никого не было, и я подумал, что, наверно, в том и смысл операции, что на площади ни души.

Вдруг из ворот рынка вышли три человека.

Двое были в чёрных костюмах и белых рубашках с ослепительными воротничками. Третий, в сером, шагал чуть впереди.

Это был капитан Болдырев.

Мягкой, пружинистой, но в то же время смелой и решительной походкой они направились к тире «Волшебный стрелок».

Дружно перепрыгнули лужу, взлетев над нею, как ласточки. Капитан взбежал на крыльцо и решительно стукнул в дверь.

Дверь приоткрылась.

Капитан сунул руку в щель и, как репу, выдернул на улицу Барабана. Тот полетел по ступенькам прямо в лапы чёрному костюму. Костюм стремительно похлопал его карманы, перебросил напарнику, который ласково обнял бородачу и кинул на середину площади. Расставив рукава, Барабан, как планер, пролетел над лужей, приземлился у капитанского мостика, и тут же изпод мостика высунулась огромная рука, схватила Барабана за шиворот и втащила под мостик.

Капитан сдул с рукава пылинку.

– Фууу... – вздохнул Вася и вытер пот со лба.

Капитан вошёл в тир. Следом – оба в чёрном. Дверь закрылась, и на ней неведомо откуда появилась табличка:

Уехал на базу.

Прошла минута.

«Волшебный стрелок» спокойно стоял на месте. По его внешнему виду никак нельзя было догадаться, что внутри происходят какие-то события.

Прошла ещё минута. И вдруг тир вздрогнул. Так всем телом вздрагивает корова, которую укусил слепень.

Вздрогнув, тир на секунду затих, но тут же начал мелко трястись, как будто точно под ним началось землетрясение. С железных крыш и стен посыпалась ржавчина. Одна стена внезапно стала надуваться, распухать наподобие флюса, крыша вытянулась кверху, по ней побежали железные пузыри. Вдруг крыша опала, стены втянулись внутрь и, пришибленный, тир похудел на глазах и потихоньку-полегоньку пополз в сторону. Отполз на несколько шагов, но тут же прыгнул назад, на старое место. Дверь со стоном отворилась.

Мой миленький дружок,
Любезный пастушок... –

послышалось издали, и под звуки «Пастушка» на крыльцо вышел чёрный костюм. В руке он держал синий наган.

– Выходи по одному! – приказал он.

В двери появился Кожаный. Глянул на заходящее солнце, опустил голову.

За ним вышел Сопеля, и снова чёрный костюм. У этого в руке был наган, крупный, как птица грач.

Запинаясь за порог, вышли на свет Цыпочка и Жёрнов. Замыкал шествие капитан Болдырев. Его неожиданный серый костюм радовал глаз. Так уж получилось, что все, кроме капитана, были одеты в чёрное. Но тусклы и заляпаны пятнами были пиджаки «монахов», а хорошо сшитые костюмы милиции имели глубокий бархатный цвет.

Процессия, в которой было что-то торжественное, потянулась через площадь. Опустив глаза, заложив руки за спину, шагали «монахи». Только Кожаный поглядывал по сторонам.

И в этот момент появилась лошадь.

Ошибка старшины Тараканова

Впрочем, появляться она начала давно.

Как только Кожаный вышел на крыльцо – из ворот рынка высунулась лошадиная морда, а когда в двери возник капитан Болдырев, стал виден и лошадиный хвост, а за ним – телега, на которой стояло пять молочных бидонов. Шестым в телеге был возчик-молоковоз, схожий с бидоном, в кепке и телогрейке. По лицу его было видно, что он времени даром на рынке не терял. Пока молоко из бидонов переливалось в кувшины покупателей, сам он наливался квасом.

Еле приоткрыв глаза, он лениво подёргивал вожжи и чмокал губами. Лошадь на чмокание не обращала внимания и неторопливо двигалась к «Волшебному стрелку». А навстречу – процессия, возглавляемая человеком в чёрном.

Заприметив процессию, лошадь остановилась. С глубоким подозрением оглядывала она приближающихся людей. Лошадь, очевидно, была умна.

– Чмок, чмок, – сказал молоковоз. Он и не пытался полностью раскрыть глаза и оглядеть препятствие на пути.

– Давай, давай, проезжай скорее! – послышался строгий голос.

– Чего ещё? Куда? Тебя не спросил! – грубо ответил молоковоз, надеясь похамить, и тут увидел человека с наганом в руке. Это зрелище настолько потрясло возчика, что лицо его немедленно окрасилось в тона простокваши.

– Проезжай, – повторил человек в чёрном, наганом указывая направление пути.

Но молоковоз никак не мог сообразить, что же это такое, как же так – наганом ему указывают. В голове его для нагана не осталось места, всё было занято квасом.

Зато у Кожаного в голове места было достаточно.

– Сопеля! За мной! – крикнул он, прыгнул в телегу и вырвал вожжи из рук молоковоза.

Сопеля кинулся за ним, сшибая бидоны.

Двое в чёрном разом вскинули наганы и нажали курки.

Гром выстрелов должен был немедленно потрясти площадь, но капитан крикнул:

– Не стрелять!

Тотчас пули, которые уж вылетели было из раскалённых стволов, юркнули обратно и затаились в гильзах. Наганы нервно икнули, как братья-близнецы.

– Нооо!!! Холерааа!!! – рявкнул Моря Кожаный и так дёрнул вожжи, что лошадь прыгнула, махом влетела в лужу, подняв из-под колёс волну, которая и скрыла от нас происходящее. Когда же волна рухнула обратно, лошадь была у капитанского мостика. Так уж получалось, что этот диковинный помост никто не мог сегодня обойти.

Как только телега поравнялась с ним – из-под мостика вылетели сразу две руки. Одна схватила Сопелю, а вторая должна была схватить, конечно, Кожаного. Должна была, но не схватила. Вместо Мони схватила она одеревенелого молоковоза и вслед за Сопелей втащила под мостик.

– Но! Холера! – рявкнул Кожаный.

Прыгая, как заяц-великан, лошадь неожиданно быстро ускочила в переулок.

– Доставить задержанных! – негромко приказал капитан и перепрыгнул лужу.

Тут же из-под мостика вылетела грозная рука и лихо взяла под козырёк.

– Лошадь надо было остановить, – недовольно сказал капитан.

Рука покраснела от стыда и спряталась, а вместо неё из-под мостика сам собой выкатился мотоцикл.

Капитан сел в коляску.

А за рулём никого не было, и я уж подумал, что в этот день, полный неожиданностей, мотоцикл без водителя рванёт за Кожаным. Но тут на площади появился новый человек. В три прыжка подлетел он к капитану, шепнул ему что-то на ухо, и тот махнул рукой. Человек обернулся в нашу сторону. Это был Вася Куролесов.

– Эгей! Голубятники! – крикнул он. – Валяйте домой!

Он прыгнул в седло – и мотоцикл ринулся в погоню.

Взгляд с капитанского мостика

Внезапный отъезд Куролесова произвёл на нас сильное впечатление.

– Как же так? – шептал Крендель. – Только что лежал в смородине, и вдруг...

Крендель напряжённо глядел под смородиновый куст, под которым даже трава не была примята. У травы был такой вид, будто по ней никогда не ступала нога человека. Кармановская милиция умела, оказывается, не оставлять следов.

Тем временем из переулка на площадь въехал крытый автофургон с маленькими окнами, закрытыми решёткой. Задняя дверь фургона открылась, из неё выпрыгнули два милиционера. Барабан, Цыпочка и Жёрнов, толкаясь плечами, забрались в фургон. Из-под мостика вышел и Сопеля. Он, кажется, не собиравшись устраивать побег и неторопливо поднялся по стальной лесенке в кузов. Зато возчик-молоковоз устроил бунт. Он никак не хотел садиться в машину, брыкался, цеплялся ногами за мостик.

– За что? – кричал он, изворачиваясь. – Меня-то за что? Я ведь ничего такого не сделал. Пусти! Мне надо бидоны сдавать!

– Проходи, проходи, – торопил Тараканов, подсаживая возчика в автомобиль. – Там разберёмся.

– Где это там? Ведь я же ничего такого не сделал! Мне надо за тару отчитаться!

С трудом удалось водворить его в машину. Старшина запер дверь на железный засов, и, объезжая кармановскую лужу, фургон двинулся к милиции. Возчик сразу же прилип изнутри к решётчатому окну. Неожиданно большими глазами глядел он на мир.

– Мне надо бидоны сдавать! – кричал он.

– Чего раскричался, – сказал Крендель, поднимаясь наконец из лопухов. – Отпустят его. Нас отпустили и его отпустят. Какой нервный, только попал в милицию – сразу орёт. Съедят его там, что ли? В милиции тоже надо держаться с достоинством.

– Ещё бы, – сказал я.

– Ты вообще-то неплохо держался, – снисходительно добавил Крендель и похлопал меня по спине.

В милиции я, может, и правда держался, как надо, но сейчас чувствовал себя «подкидышем». Кожаный-то сбежал. А ведь это мы сказали капитану, кто играет в лото. Я-то не особенно болтал, кроме «ещё бы» слова не сказал, но и в этом «ещё бы» был некоторый смысл. Капитан спросил: «И ты видел монахов?» – «Ещё бы», – ответил я.

– Да не волнуйся ты, – сказал Крендель. – Догонят они его. Они же на мотоцикле. Сейчас поедем домой. Только давай на капитанский мостик слазим. А то чепуха получается: были в Карманове, а на мостик не залезли.

И мы полезли наверх, на кармановский капитанский мостик.

Ступеньки заскрипели у нас под ногами, запели на разные лады.

Снизу, с земли, мостик не казался таким уж высоким, но когда мы забрались на самый верх, встали на капитанское место, я понял, что никогда так высоко не поднимался.

Здесь, наверху, дул свежий ветер, мостик скрипел, как старый корабль, и лужа, лежащая внизу, добавляла морских впечатлений. Но я и не глядел на лужу, слишком мелкая, незначительна была она и становилась всё меньше, зато шире разворачивался город Карманов, с его переулками, красными и серыми крышами, рынком, вокзалом, башнями бывшего монастыря.

А ведь Карманов был, оказывается, красивый город. Во всех садах его цвела черёмуха, по кривым переулкам ездили дети на велосипедах, на лавочках

у ворот и калиток сидели старушки, лаяли собаки, серые козы бродили на пустырях. В лучах заходящего солнца Карманов казался тихим, спокойным городом, в котором хотелось жить.

Ветер задул сильнее, и капитанский мостик поплыл, качаясь по волнам, над городом Кармановом, который стал отчего-то уменьшаться, и всё шире открывался горизонт. Я увидел за городом озимые поля, речку Кармашку с вековыми ивами, склонившимися над водой, синие далёкие леса, а сразу за лесами близко, совсем близко показалась Москва, будто из-под земли выросли Останкинская башня и высотное здание у Красных ворот.

Оказывается, с кармановского мостика видно было очень далеко, и чем дольше стоял на нём человек, тем дальше, тем шире видел он. Скоро видели мы не только Москву, а совсем уж далёкие южные степи и горы, которые синели над ними. Ясно была видна двуглавая снежная вершина – Эльбрус.

– Смотри-ка, смотри! – закричал Крендель и больно схватил меня за локоть. – Сюда смотри, ближе, ближе.

Я перевёл взгляд с Эльбруса на чернозёмные степи, миновал Москву, вплотную приблизился к городу Карманову и вдруг ясно увидел внизу, под нами, сразу за городом, зелёное озимое поле, которое точно посередине разрезала просёлочная дорога.

По дороге мчалась лошадь, запряжённая в телегу, а за нею с коляской мотоцикл.

Погоня

Мотоцикл ревел.

Отсюда, с мостика, слышен был этот рёв, перекрывающий мирные кармановские звуки.

– Наддай! Наддай! – кричал из коляски капитан.

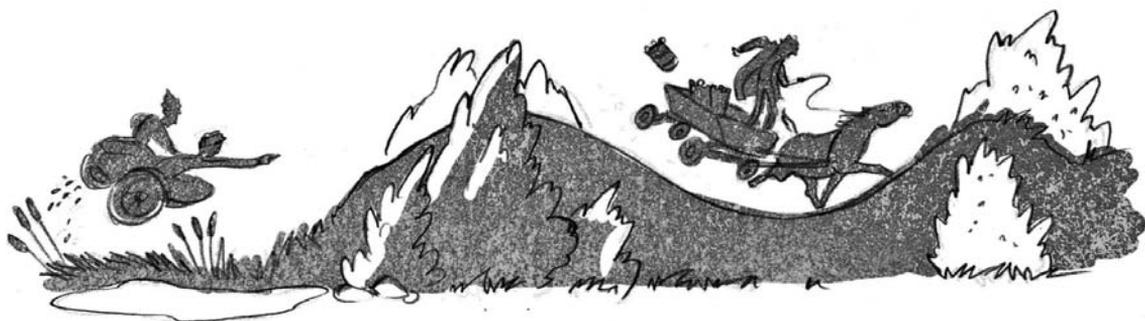
Вася наддавал. Выкручивал рукоятку газа, изо всех сил прижимался к баку с бензином.

– Вот-вот! – волновался Крендель. – Сейчас накроют.

Но накрыть Кожаного Вася и капитан никак не могли, хоть и мчались изо всех сил. В этом было что-то загадочное, ведь телега с Мoneй на борту была недалеко, от силы метров тридцать.

– Да что такое? – горячился Крендель, переживая. – Что он, заколдованный, что ли?

Но Кожаный не был заколдован. Заколдована была дорога. Много лет подряд колдовали над нею бульдозеры и коровьи стада. Они-то наколдовали столько колдобин, что превратили дорогу во что-то, не похожее ни на что. Только сбоку, в профиль, имела она сходство с гребнем гребенчатого тритона. Но если гребенчатый тритон сам живёт в воде, то здесь вода находилась в колдобинах, куда весной и приползали нереститься гребенчатые тритоны из кармановского пруда. В иных колдобинах водились и караси.

Мотоцикл, вгрызаясь в дорогу, порой скрывался из глаз, а вместо него бил фонтан, будто на этом месте открылась нефтяная скважина.

Лошадь была умней мотоцикла, даже и милицейского. Она знала колдобины наизусть, чувствовала, куда надо шагнуть. Впрочем, телега иногда подсакивала на всех четырёх колёсах, а то и плавала, подобно барже.

– Поберегись! – крикнул Кожаный и метнул бидон. С реактивным свистом бидон пролетел над головой капитана.

– Наддай же! Наддай! – просил капитан, но Вася и так работал на предельных оборотах.

Надо было что-то придумать, и капитан рискнул. На полном ходу отвинтил он коляску, прыгнул на заднее седло. Не проехав и сантиметра, коляска затонула.

Мотоцикл сразу рванулся вперёд. Расстояние между ним и телегой медленно сокращалось.

– Давай! – орал с трибуны Крендель. – Жми!

– Береги бензобак! – крикнул Кожаный и снова метнул бидон. Расстояние между лошадью и мотоциклом стало увеличиваться.

Увидев такое дело, Моня развеселился. Он оглядывался, улыбаясь, показывал фигу, приветственно подымал кепку и прощально ею махал. Полы его пальто трещали на ветру, как пиратский флаг.

Капитан достал пистолет.левой рукой он покрепче обнял Куролесова, а правой стал целиться. Но мотоцикл так кидало в стороны, что выстрел грозил самоубийством.

На полном скаку мотоцикл ворвался в особенно коварную колдобину, и капитан Болдырев вылетел из седла.

Он висел в воздухе, держась рукой за Васину шею, а мотоцикл по-прежнему мчался вперёд. Волей-неволей капитан вынимал Васю из седла.

Дело могло плохо кончиться. Оба они могли сию же секунду оказаться в грязи, а это грозило плохими последствиями. Это грозило тем, что Вася и капитан отстанут от Кожаного раз и навсегда.

Надо было немедленно что-то решать, и капитан принял решение. Он отпустил руку. Вася остался в седле, а сам капитан пролетел над дорогой и, чувствуя, что падает в грязь, проделал в воздухе двойное сальто. Он приземлил-

ся на обочине, вполне устояв на ногах. На сером его костюме не было и пятнышка. Мотоцикл рванулся вперёд, догоняя телегу, а капитан поднял пистолет.

Грянул выстрел. Пуля ударила в колесо, вышибла в нём особо важную спицу – колесо отвалилось. Кожаный выпал из телеги в лужу и камнем пошёл на дно.

Коричневый пузырь вырос посреди лужи, медленно лопнул, а когда Вася подъехал, водная гладь уже успокоилась. На поверхности не было даже и кругов. Вася заглушил мотор, слез с мотоцикла, изогнувшись, заглянул на дно лужи.

– Утоп! – крикнул он, беспомощно оглядываясь на капитана.

Вдруг впереди и дальше по дороге, метров за двадцать от Васи, из другой лужи показалась мокрая кепка. Кожаный выскочил из воды, встряхнулся так, что вокруг него на миг явилась радуга, и побежал через озимое поле.

– Стой! – крикнул Вася и побежал следом.

С кармановского мостика хорошо были видны маленькие фигурки, которые двигались к темнеющему вечернему лесу. Вот на поле осталась одна фигурка, вот и она скрылась под берёзами.

Капитан Болдырев подошёл к лошади, ласково похлопал её. Потом насадил на ось отвалившееся колесо, развернул телегу и поехал назад, к городу Карманову, подбирая по дороге пустые бидоны, коляску, мотоцикл.

Но мы уже не видели этого. Мы сами давно ехали на электричке домой. В Москву. В Зонточный переулок.

СНЫ ПОХИТИТЕЛЯ

Приключения в городе Карманове так захватили нас, что мы совсем забыли о монахах, о тех белокрылых в чёрных капюшончиках, которые в этот субботний вечер сидели в квартире Похитителя.

Монахи истомились. Похититель ушёл куда-то на весь день, не оставил даже блюдца с водой. Монахи дремали в садке, прижавшись друг к другу.

К вечеру вернулся Похититель. В садке слышно было, как он кряхтел и громко топал. Он тащил четвёртый телевизор – «Темп». Похититель был не в духе, потому что этот «Темп» дался ему с трудом. Три с половиной часа пришлось Похитителю лежать под кроватью, ожидая, когда уйдут из дома хозяйева, а потом ещё лезть по пожарной лестнице на двенадцатый этаж с телевизором на плечах. К тому же он забыл оставить на месте преступления милицейскую пуговицу.

Пнув ногой садок с голубями, Похититель плюхнул «Темп» на диван и стал раскидывать комнатные антенны. Наладил дело, включил сразу все телевизоры, и тут же перегорели пробки. Чертыхаясь, Похититель взгромоздился на табурет, починил пробки и снова включил телевизоры. С полчаса смотрел он четыре передачи: «Сплав науки и производства», «Хочу всё знать», «С песней вдоль околицы» и «Немецкий язык для химиков».

В голове его за полчаса образовалась такая каша, что Похититель плюнул, выключил телевизоры и достал «Краткую опись преступных деяний». Сегодня он не чувствовал особого вдохновения и записал кратко:

«Спёр “Темп”. Влажность воздуха... А чёрт её знает, какая сегодня влажность, я не мерил. Но, в общем, влажно. Пока лез на крышу, совсем сопрел. А телевизор – барахло, прыгает всё время и какие-то верёвки на экране».

Захлопнув книгу, Похититель подошёл к зеркалу.

– Ну что, рожа, – сказал он своему отражению. – Опять психуешь?..

– Как же не психовать-то. Верёвки на экране...

– А с монахами что будешь делать?..

– Завтра поеду в Карманов. Встану пораньше, часиков в шесть...

– Ну, тогда спокойной ночи, – сказал Похититель собеседнику, лёг спать и мгновенно уснул.

Приснились ему ромашки. Ромашки, колеблемые ветром, и маленький мальчик – это был он сам, Похититель, – бегающий посреди ромашек.

Как приятно, как весело было маленькому будущему Похитителю бегать среди ромашек, срывать их, нюхать, считать лепестки. Похититель смеялся, а ромашки взмахнули крыльями и улетели, превратившись в голубей. Вот голуби опустились обратно на лужок и превратились в телевизоры. Засияли на зелёном лугу голубые экраны. Похититель прыгал вокруг них и баловался, переключая программы. Вдруг все экраны разом запрыгали, на них появились какие-то верёвки, и Похититель проснулся.

За окном на улице было темно и тихо. Изредка доносилось шуршание автомобильных шин. Вдруг под окном кто-то закричал:

– Держите его! Держите! Держите, товарищ милиционер!

Похититель вскочил с кровати и бросился к окну. На улице, под окном, никого не было.

Почему-то захотелось пить. Он побрёл на кухню, достал из холодильника бутылку молока и, утоляя жажду, невольно подумал, не переключиться ли на холодильник.

– Ведите его, ведите! – снова послышался голос с улицы. – Ведите, товарищ милиционер.

Похититель снова подбежал к окну и опять никого не увидел.

«Кого-то взяли», – подумал он, укладываясь в кровать.

Второй сон его начался ровно и гладко. Начался он с того, что Похититель просто вышел из дому. Только прошёл десяток шагов, глядь – на углу милиционер. Стоит спокойно, смотрит в сторону, но это как раз Похитителю и не понравилось. На всякий случай он нырнул в подворотню и сразу увидел милиционера. Тот качался на качелях и показывал издали блестящую пуговицу. Это был уже намёк.

Сердце Похитителя забилося, он прыгнул в сторону и оказался в лесу. Здесь было тихо и спокойно, но это только так казалось. На самом деле лес был набит милицией до отказа. Милиционеры глядели из-под каждого куста, стояли под каждой осинкой, как подосиновики.

Выход был один – взлететь. Похититель взмахнул руками – и полетел. Огромное облегчение почувствовал он, свежий воздух омыл его измученное лицо, ворвался в грудь.

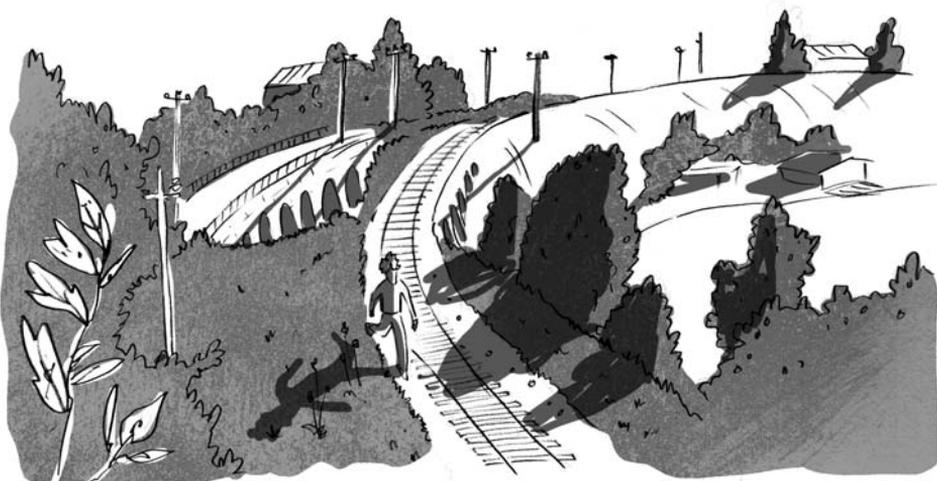
«Только не оглядывайся», – твердил себе на лету Похититель, но оглянулся.

В сером, пасмурном небе ровным строем, журавлиным клином летели за ним милиционеры. Впереди на мотоцикле летел вожак с огромными погонами на плечах.

– Проснись! Проснись! – закричал сам себе Похититель и не мог проснуться.

Да и никто в Москве в этот поздний час не мог уже проснуться. Спал Крендель, спал жилец Николай Эхо, спал Тимоха-голубятник и весь наш Зонточный переулок. Да что Зонточный! В этот час спала вся Московская область, и с кармановского мостика сквозь голубую дымку видно было, как легко шевелится она во сне. Спящие города и деревни видны были с кармановского мостика, болота, над которыми поднимался блёклый ночной туман, влажные от росы шоссе-ные дороги, на которых не было ни души, ни машины.

Только где-то у станции Перловка шевелилась в кустах маленькая, еле заметная фигурка. Это шёл по следу Вася Куролесов.

часть третья Воскресенье

Утро Похитителя

Милиционер, летящий на мотоцикле, догнал Похитителя, ударил колесом по пяткам, сшиб, как голубя, на лету.

«Проснись!» – отчаянно закричал Похититель, рухнул на землю и, наконец, проснулся.

Он лежал на полу в своей квартире. Телевизоры на тонких ножках стояли над ним, в садке хлопали крыльями монахи.

– Дракончик! – вздрогнул Похититель.

Раздался звонок в дверь – и Похититель вздрогнул вторично. Это ему не понравилось. Собрал волю в кулак, он мысленно приказал себе больше не вздрагивать, отворил дверь и всё-таки, не удержавшись, снова вздрогнул.

За дверью стоял человек, с ног до головы обрызганный грязью, из карманов кожаного его пальто торчала серая солома.

– Монька? – сказал Похититель. – Ты?

– Не узнал, что ли? – ворчливо ответил Моня Кожаный, вытирая пот со лба. – Я к тебе от самого Карманова пешкодралил. Капитан Болдырев всех накрыл. И Сопеля попал, и Цыпочка.

– А Барабан?

– И Барабан погорел.

– А хвоста ты за собой не привёл?

– Ты что! Я след посыпал тайнинской смесью.

– Чем?

– Тайнинской смесью, не слыхал, что ли? В Тайнинке один старикан избрёл. Порошок против ищеек. Махорка, перец, толчёный чеснок да ещё коровяк – медвежье ухо. У собаки не то что чутьё пропадает – нос начисто отваливается. Я тебе с полстакана отсыплю, сам попробуешь.

Кожаный достал из кармана крокодилий портсигар, высыпал на ладонь немного бурого порошка. Похититель хотел было понюхать, но глаза его сразу превратились в незрелые черешни, а нос подпрыгнул и принялся плясать, отчаянно чихая.

Кожаный тем временем оглядывал квартиру.

– Всё пустяками занимаешься? – сказал он, когда Похититель отчихался.

– Как то есть?

– На ящики переключился?

– Какие ящики? – не понял Похититель. Он сегодня с самого утра неважно соображал, да и тайнинская смесь его ошеломила.

– Вот эти, с дыркой.

– Голуби устарели, а телевизоры – современные штуки.

– Чепуха, – недовольно сказал Кожаный. – Детские игрушки. А ты взрослый человек, тридцать семь стукнуло. Пора подумать о чём-нибудь серьёзном.

– Чем же телевизоры несерьёзное дело?

– А чего в них серьёзного? Ящики для огурцов.

– Ну, всё-таки четыре программы, передачи разные.

– Смотреть не на что, – сказал Моня и так раздражённо махнул рукой, что Похититель переменял тему разговора.

– А я вот в Карманов собрался, – сказал он. – Голубей надо загнать.

– Не монахов ли?

– А ты откуда знаешь?

– Вчера у нас на рынке два червяка монахов искали, я было подумал, что они из нашей конторы.

– Один – переросток, а другой с космами?

– Точно.

– Похожи на моих клиентов. Значит, вчера они были в Карманове, а сегодня на Птичий пойдут. Что ж, самое время ехать в Карманов.

– Валяй, а я пока у тебя останусь. Помыться надо.

– Ничего не выйдет, – сказал Похититель. – Воду отключили.

– Как же так?

– У нас это часто бывает. Всё чего-то ремонтируют. Да ты в баню иди. Воронцовские выходные. Иди в Тетеринские.

– Ладно врать-то, – сказал Моня, пристально взглянув на Похитителя. – Связываться со мной не хочешь. Боишься.

– Да чего мне бояться! – возмутился Похититель. – Отключили воду – и все дела.

Моня подошёл к водопроводному крану и открыл его. Медный кран забублькал, как тетерев, выдавив ржавую каплю.

– Мда, – сказал Моня, завинтил кран и, хлопнув Похитителя по плечу, пошёл к выходу.

Закрывши за ним дверь, Похититель облегчённо вздохнул. Связываться с Кожаным Похититель действительно никак не хотел. Моня Кожаный был опасный человек, а с опасными людьми Похититель сроду не связывался.

«Зачем я буду связываться с опасными, – рассуждал он. – Я уж лучше с неопасными свяжусь. Но, честно сказать, и с неопасными связываться порой опасно. Сегодня он неопасный, а завтра такой опасный станет – только держись. Лучше вообще ни с кем не связываться».

Сквозь занавеску Похититель внимательно смотрел, как Моня выходит из подъезда, переходит улицу, садится в трамвай.

«Не привёл ли Кожаный хвоста?» – подумал Похититель.

След на асфальте

Вяло, лениво подымался Крендель в это воскресное утро. Спешить ему никуда не хотелось, да и спешить-то было некуда. Нам явно было некуда спешить.

– А чего нам спешить, – сказал Крендель. – Нам спешить некуда.

Я промолчал, и Крендель посмотрел на меня удивлённо: дескать, а ты что скажешь? Но мне и говорить ничего не хотелось, я вынул из кармана табличку, на которой печатными буквами было написано:

Ещё бы.

– Как это некуда спешить? – крикнула из кухни бабушка Волк. – Вчера весь день проболтались неведомо где, а приборку кто будет делать? Нет уж, сегодня я выходная, сделайте приборку, а я пойду во двор сидеть.

– Какую приборку, бабушка? – ответил Крендель. – Всё прибрано.

– Такую. Полы надо мыть. Хватит тебе, Крендель, болтаться, всё – монахи, монахи. Ребёнка только портишь. Мойте полы.

Крендель вздохнул, взял ведро, мне дал тряпку, и, наверно, только через час мы кончили мыть полы, вышли во двор и стали под американским клёном, под которым давно уже сидела на лавочке бабушка Волк.

– Какие-то рожи, – говорила она. – Всё время ходят какие-то рожи. Позавчера голубей украли, сегодня, гляди, до ценностей доберутся. До фамильного серебра.

– Какие рожи? – крикнул с третьего этажа дядя Сюва. – Я никаких рож не видал.

– А я видала, – сказала Райка. – Это всё небось к тому Жильцу ходят. Жалко, что не он украл голубей, а то мы бы его живо отсюда выперли.

– Да ладно вам, – сказал дядя Сюва. – Ну, зашёл человек в гости, хочется же людям культурно отдохнуть.

– Знаю я эту культуру, – сказала из окна Райка. А бабушка Волк добавила:

– Я бы к нам во двор по пропускам пускала.

– А Жилец-то этот, – продолжала Райка, – дурак дураком. Пёрышки собирает. Верно Крендель говорит: надо из них подушку сделать.

– Да чего ты к Жильцу привязалась? – сказала бабушка Волк. – Паковалась бы лучше. Не сегодня-завтра дом снесут.

– Пускай всё вокруг сносят – я одна останусь! – крикнула тётя Паня со своего этажа. – Меня им сроду не снести!

– Ты, Паня, неправа, – рассудительно сказал дядя Сюва. – Ты новому до рогу дать не хочешь. Где ж твоя сознательность?

– Знаю где, – ответила тётя Паня и, подумав, добавила: – Где надо, там и есть.

– Не могу их слушать. Надоело, – сказал Крендель, посмотрев на буфет, стоящий на крыше.

Одинокая ворона пересекла небо над Зонточным переулком.

Крендель потускнел. Вчерашние кармановские события захватили его, отвлекли, а сегодня мы снова вернулись к старому, покоробленному буфету. Два дня назад буфет казался чудом, когда из него вылетали голуби, а сейчас стал никому не нужной глупостью, хотелось сбросить его с крыши, расшибить вдребезги.

– Не могу, – сказал Крендель. – Сердце разрывается. Выведи меня на улицу. Он навалился на меня, обнял за плечи, и я буквально вынес его из ворот. Залитый воскресным солнцем лежал перед нами Зонточный переулок. Кто-то играл на аккордеоне. Над пустырём за Красным домом подымался столб дыма. Там жгли овощные ящики.

Мы постояли у ворот, поглядели, как горят ящики, Крендель ткнул пальцем в тротуар:

– Погляди-кось.

На асфальте был ясно виден отпечаток босой ноги. Это была правая нога Кренделя. В прошлом году, когда здесь ремонтировали тротуар, он разулся, отпечатал подошву на мягком горячем асфальте, надеясь, что этот след останется на века.

– Обжётся тогда невероятно, – вспомнил он, присел на корточки, поковырял след щепкой, проверяя, крепко ли тот сидит на месте.

След сидел крепко, обтёрся совсем немного, но Крендель печально вздохнул:

– Вряд ли этот след останется на века. Дом снесут – будут тротуар перекрывать. Да так ли уж важно оставлять свой след на века? Если все начнут оставлять следы – плюнуть некуда будет.

Не глядя больше на свой след, Крендель побрёл к Воронцовке. Всем своим видом он показывал, что жизнь его сложилась криво: и голубей украли, и след не останется на века.

Только на Таганской площади он немного выпрямился, поглядел по сторонам и вдруг изо всей силы толкнул меня в бок:

– Смотри!

Быстрым шагом, почти бегом прямо перед нами пересёк Таганскую площадь человек в кожаной кепке и замызганном кожаном пальто.

Запахи Тетеринского переулка

Не заметив нас, да и не глядя особенно по сторонам, он смешался с толпой, которая вываливалась из метро, и быстро пошёл вниз по Садовой.

– Узнаёшь? Ты его узнаёшь? Смотри же! Смотри! Узнаёшь или нет? Ведь это же Мона! Пойми, это – Кожаный! Что ж делать-то?

Что делать, по-моему, было ясно: бежать в Зонточный. А то, что это был Кожаный, скрывающийся от милиции, нас не касалось. В эту историю мы влипли только из-за голубей, а Кожаный с голубями не был связан.

– Смотри же! Смотри! – говорил Крендель, боком двигаясь вслед за Монай. – Узнаёшь или нет? Надо в Карманов звонить. Так и так – Кожаный на Таганке. Да узнаёшь ты его или нет?

Я узнавал, но это-то и удивляло меня. Казалось, никак, никаким образом Кожаный не мог очутиться в Москве. Я давно понял, что между Москвой и городом Кармановом огромная разница. И те события, которые происходят в Карманове, никак не могут происходить в Москве. И всё-таки факт оставал-

ся фактом: в Москве, на Таганской площади, мы попали в совершенно кармановское положение.

Дунул ветер, и я почувствовал, как запахло в воздухе пивом, подсолнечными семечками, мишенями из тира «Волшебный стрелок». К этим запахам примешался какой-то острый, неприятный запах, от которого я немедленно чихнул. И Крендель чихнул, и некоторые прохожие тревожно зачихали.

– Идти за ним или нет? – говорил Крендель, прибавляя шагу. – А вдруг он оглянется? Возьмёт да и зарежет, что тогда?

Но Кожаный не оглядывался и только у Тетеринского переулка остановился, вынул руку из кармана и высыпал на асфальт пригоршню какой-то трухи. Постоял с минуту и свернул в переулок.

Я всегда любил Тетеринский переулок. Здесь было тихо, тенисто, прохладно. Высокий, битый молниями тополь склонился над входом в переулок. Ранним летом, в начале июня, пух тетеринского тополя – белоснежный, сухой, как порох, не пух, а высушенные на солнце снежинки – заваливал подворотни, накрывал лужи хрустящей шапкой, стаями кружил у бочки с квасом, с весны до осени стоящей под тополем. Любителю кваса сдувать приходилось тополиный пух вместе с пеной.

Спрятавшись за бочкой, мы следили, как идёт Кожаный по переулку, потом перебежали на другую сторону и укрылись за солидные спины двух мужчин, которые медленно шли в том же направлении. У каждого из них в руке был берёзовый веник, в другой – портфель.

– Коль, у тебя чего в портфеле? – спросил один.

– Хамса, – коротко, но достойно ответил Коля.

– А у меня – копчущка, – нежно прошептал спутник и так нажал губами, когда говорил «чуушшка», что от этого стала его копчущка ещё копчёней, ещё сочней.

В Тетеринском переулке всегда пахло рыбой.

Помахивая вениками, обсуждая, что вкусней, хамса или копчущка, приятели подошли к мрачному, казённому на вид трёхэтажному дому, сложенному из чёрно-красного кирпича. Из потных его окон валил влажный, тяжёлый пар, а на вывеске, что висела над дверью, белым по голубому, будто паром по воде, было написано:

Тетеринские бани

Из-за солидных спин мы видели, как Мونها вошёл в баню, а следом – и хамса с копчущкой.

Крендель остановился, потоптался на месте, вдруг взял меня за плечи и поглядел прямо в глаза.

– Надо его задержать! – сказал он и вздрогнул от собственных слов.

Я закашлялся, махнул рукой, стараясь отогнать от нас эту явную кармановщину, но Крендель крепко держал меня за плечи. Тут от дверей оттеснили нас сразу человек пять с портфелями, раздутыми от снеди, с авоськами, в которых виднелась и वोбла, и мочало, и пиво в трёхлитровых банках. Размахивая вениками, смеясь и разговаривая, они ворвались в баню. А навстречу им повалили люди, отсидевшие свой банный срок. Сумки и портфели их похудели, зато щёки у них были такие красные, каких не бывает нигде на свете. Над щеками сияли сонные глаза, в которых было написано счастье. Шагов за десять пахло от них распаренным берёзовым листом, и этот запах, запах берёзового листа, был главным запахом Тетеринского переулка.

Но вдруг к этому лесному и деревенскому запаху подмешалось что-то едкое. Глаза у меня зачесались, нос наморщился, а Крендель тут же чихнул.

– Пошли, – сказал он, подтолкнул меня, и, пригибаясь, мы незаметно юркнули в массивные двери Тетеринских бань.

Т.Б.

В кафельном зале на первом этаже мы увидели две огромные скульптуры цвета пельменей. Первая изображала женщину в гипсовом купальном костюме с ногами бочоночной толщины. Рядом стоял и гипсовый мужчина в трусах. Руки у него были не тоньше, чем ноги женщины. Иgraя мускулами, мужчина сильно держал в руке кусок мыла.

«Если будете мыться в бане – станете такими же здоровыми, как мы» – как бы говорили эти скульптуры.

Под ногой женщины мы купили билеты и талоны на простыни, поднялись на четвёртый этаж. У входа в парильное отделение первого разряда пластом лежал на лестнице ноздреватый пар. Пахло мочалом и стираными простынями.

Бочком, бочком проскочили мы в дверь и оказались в сыром раздевальном зале, который был перегороден несколькими рядами кресел. С подлокотниками, высокими спинками тетеринские кресла напоминали королевские троны, боком сцепленные друг с другом. В том месте, где обычно прикрепляется корона, были вырезаны две буквы:

Т.Б.

Голые и закутанные в простыни, бледные и огненно-распаренные сидели на дубовых тронах банные короли. Кто отдыхал, забравшись в трон с ногами, кто жевал тарань, кто дышал во весь рот, выкатив из орбит красные от пара глаза, кто утомлённо глядел в потолок, покрытый бисером водяных капель. Человек в халате цвета слоновой кости ходил меж рядов, собирая мокрые простыни.

– Давно не был, Крендель, – сказал он глухим, влажным от пара голосом. – В Оружейные ходишь?

– В Воронцовские, Мочалыч, – ответил Крендель. – Там народу меньше.

– А парилка плохая, – заметил старик Мочалыч, взял у нас билеты и выдал чистые простыни. – Идите вон в тот уголок. Как раз два места.

В уголок, куда указывал Мочалыч, идти надо было через весь зал, и Крендель стал на ходу раздеваться, натянул на голову рубашку.

Мы устроились рядом с человеком, который с ног до головы закутался в простыню. Он, очевидно, перепарился – на голове его, наподобие папахи, лежал мокрый дубовый веник. Из-под веника торчал розовый, сильно утомлённый рот.

– Вам не плохо, гражданин? – спросил Мочалыч, трогая перепаренного за плечо. – Дать нашатыря?

– Дай мне квасу, – сипло ответил перепаренный. – Я перегрелся.

– Квасу нету, – ответил Мочалыч и отошёл в сторону, обслуживать клиентов.

Мы быстро разделись, забрались каждый в свой трон и замерли.

Напротив нас сидели двое, как видно, только что вышедшие из парилки. Простыни небрежно, кое-как накинуты были у них на плечи. На простынях чёрною краской в уголке было оттиснуто: Т.Б.

Эти буквы означали, что простыни именно из Тетеринских бань, а не Оружейных или Хлебниковских.

– Ну, будем здоровы, – сказал человек, у которого буквы «Т.Б.» расположились на животе.

– Будь, – сказал напарник. У этого буквы «Т.Б.» чернели на плече.

Приятели чокнулись стаканами с лимонадом, поглядели друг другу в глаза и дружно сказали: «Будем!»

Между тем здоровья у обоих и так было хоть отбавляй. Во всяком случае главные признаки здоровья – упитанность и краснощёкость – так и выпирали из простыней. Один из них похож был даже на какого-то римского императора, и буквы «Т.Б.», расположенные на кругленьком животе, намекали, что это, очевидно, Тиберий. Второй же, с явной лысиной, смахивал скорей на поэта, а буквы подсказывали, что это – Тибулл.

– Я люблю природу, – говорил Тибулл, – потому что в природе много хорошего. Вот этот веник, он ведь тоже частичка природы. Другие любят пиво или кино, а я природу люблю. Для меня этот веник лучше телевизора.

– По телевизору тоже иногда природу показывают, – задумчиво возразил Тиберий.

– А веник небось не покажут!

– Это верно, – согласился Тиберий, не желая спорить с поэтом. – Давай за природу! – И древние римляне снова чокнулись.

– Как ты думаешь, для чего люди чокаются? – спросил через некоторое время Тибулл, как всякий поэт, настроенный слегка на философский лад.

– Для звону!

– Верно, но не совсем. Когда мы пьём лимонад, это – для вкуса. Нюхаем – для носа. Смотрим на его красивый цвет – для глаза. Кто обижен?

– Ухо, – догадался Тиберий.

– Вот мы и чокаемся, чтоб ухо не обижалось.

– Ха-ха! Вот здорово! Ну, объяснил! – с восторгом сказал Тиберий и, сияя, потрогал своё ухо, как бы проверяя: не обижается ли оно? Но ухо явно не обижалось. Оно покраснело, как девушка, смущённая собственным счастьем.

Тибулл тоже был доволен таким интересным объяснением, с гордостью потёр свою лысину, повёл глазами по раздевальному залу, выискивая, что бы ещё такое объяснить. Скоро взгляд его уткнулся в плакат, висящий над нами:

Костыли можно получить у пространщика.

Плакат этот действительно объяснить стоило, и Тибулл, выпятив нижнюю губу, раздумывал некоторое время над его смыслом.

– Ну, костыли, это понятно, – сказал наконец он. – Если тебе нужны костыли, можешь получить их у пространщика. Но что такое пространщик?

– Да вон старик Мочалыч, – простодушно ответил Тиберий. – Он и есть пространщик. Простынями заведует.

– Если простынями – тогда простынщик.

– Гм... верно, – согласился Тиберий. – Если простынями, тогда простынщик.

– То-то и оно. А я, ты знаешь, люблю докапываться до смысла слов. А тут копаюсь, копаюсь, а толку чуть.

– Сейчас докапаемся, – пообещал Тиберий и крикнул: – Эй, Мочалыч, ты кем тут работаешь?

– Пространщиком, – ответил Мочалыч, подсакивая на зов.

– Сам знаю, что пространщиком, – недовольно сказал Тиберий. – А чем ты заведешь?

– Пространством, – пояснил Мочалыч, краснея.

– Каким пространством? – не понял император.

– Да вот этим, – ответил Мочалыч и обвёл рукой раздевальный зал со всеми его тронами, венниками, бельём, голыми королями. В худенькой невзрачной его фигуре мелькнуло вдруг что-то величественное, потому что не у всех же людей есть пространство, которым бы они заведовали.

Я невольно повёл глазами, оглядывая пространство, которым заведовал Мочалыч, и вдруг резко похолодел.

Окутанный облаком пара, красный, ошпаренный, как рак, из двери мыльного зала вышел Моря Кожаный. Хлопая себя ладонями по животу, он развалился на троне рядом с Тиберием и Тибуллом. В глаза бросалась татуировка, наколотая у Мони на ногах.

На левой ноге написано было: ОНИ.

На правой: УСТАЛИ.

Именно эта надпись напугала в первую минуту. Что-то зловещее, загадочное было в ней. Я не мог понять, кто это – они?

Неужели ноги?

Небрежно, двумя пальцами Моря приподнял тетеринскую простыню, брезгливо накиннул её на плечи, как бы сожалея, что она не кожаная, и оглядел зал. Глаза его от пара грозно выкатились к переносице, и буквы «Т.Б.», оказавшиеся у него под мышкой, хотелось прочитать так: «Типичный Бандит».

Кожаные брюки

Я так закутался в простыню, что уж не знаю, на что был похож со стороны. Изнутри же казалось, что я похож на мотылька или на червячка в коконе, который не собирается вылезать на белый свет. В узкую щёлочку, которую я оставил для глаз, не было видно ни Тиберия, ни Тибулла, только надпись «Они устали» вползала, как змея, в поле зрения.

Судя по надписи, Кожаный сидел спокойно, ногами не дрыгал. В хлюпающем гуле, который наполнял баню, слышалось его хриплое, надсадное дыхание.

– Извиняюсь, дорогой сосед, я вам не мешаю? – сказал Тибулл.

Я испуганно выглянул из простыни, но тут же спрятался. Тибулл разговаривал с Моней.

– Я вам не мешаю, дорогой сосед?

Кожаный повёл глазами, смерил поэта с головы до пят, как бы выясняя, мешает тот ему или нет.

– Пока не мешаешь, – членораздельно сказал он. – А будешь мешать – пеняй на себя.

– Нет! Нет! – воскликнул Тибулл, деликатно замахал руками. – Мешать я вам никак не собираюсь.

– И правильно делаешь, – заметил Моня.

– Но мне бы хотелось задать вам один вопрос, – продолжал неугомонный Тибулл. – Вот у вас на ногах написано: «Они устали». Интересно знать, от чего они устали?

– Слушай, Лысый, – отчётливо сказал Кожаный, – читай свои ноги!

– Но у меня на ногах ничего не написано! – наивно воскликнул древний поэт и, приподняв простыню, показал свои ноги, действительно белые, как лист бумаги.

– Ладно тебе, – вмешался Тиберий. – Наплюй ты на его ноги. Устали они, и ладно. Может, они много бегали. Почитай лучше, что у меня написано.

Тиберий скинул простыню и повернулся к поэту спиной. На левой его лопатке был нарисован бегун в трусах и в майке, а на правой синели два столба, между которыми тянулась надпись:

Финиш

Тиберий шевельнул лопатками – бегун сорвался с места, стремясь к финишу.

– У тебя это любовь к спорту, – сказал Тибулл. – А тут – разочарование в жизни. Этим ногам уже не хочется ходить по земле – они устали.

– Зато руки у меня не устали, – сказал Кожаный и, шевельнув плечами, сбросил простыню.

В узловатых, покрытых якорями и чёрными водорослями руках и вправду не было видно ни капли усталости. Моня поглядел поэту в глаза, расставил в стороны руки и пошевелил жутковато пальцами. Затем встал, проделал

плечами какую-то угрожающую гимнастику и удалился в парилку, сказавши сквозь зубы:

– Пора погреться!

– Он мне, кажется, угрожал, – чуть заикаясь, сказал Тибулл.

– Успокойся, не обращай внимания.

– Я сейчас ему ноги переломаяю! – сказал Тибулл, показывая желание встать.

– Ни в коем случае! – вскричал Тиберий. – Нас арестуют.

– Переломаяю! – упорствовал Тибулл, но Тиберий схватил его за локти и не отпускал, пока поэт не успокоился. Наконец с мочалками в руках они ушли в мыльный зал.

– Надо действовать, – прошептал Крендель. Он высунулся из простыни и оглядел соседние кресла. Все они были пусты. Перегретый, с мокрым веником на голове, дремал. – Есть план, – сообщил Крендель.

Он вскочил и быстро прошёлся по залу. Простыня болталась на нём, как плащ на мушкетёре. Секунду Крендель кружил возле Перегретого, оглядывая его со всех сторон.

– Здорово перегрелся, – издали шепнул Крендель, подошёл к трону, который занимал Кожаный, и поглядел на него с ненавистью, как на трон тирана.

Кожаная майка, брюки, жилет были беспорядочно разбросаны. Особенно беспорядочно выглядели брюки, которые нагло развалились на троне, свесив к полу пустые замызганные штанины. Хромовые колени вздулись волдырями, а снизу из-под брюк глядели ботинки с на редкость тупыми рылами на микропоре.

Заприметив Кренделя, брюки оскорбительно подбоченились, кажется, собираясь повернуться к нему задом. Они явно бросали вызов.

«Ну чего тебе надо, переросток? – как бы говорили они. – Мы для тебя коротки».

Крендель вспыхнул, схватил пустую штанину и сдёрнул брюки с трона.

Брюки взвизгнули, раздулись, обхватили Кренделя, но он поднял их на воздух, напоминая укротителя питонов. Из кармана брюк вылетела трёхкопеечная монета,брякнулась об пол и, радостно звеня, укатилась под трон. Брюки обмякли, а Крендель скомкал их и сунул в санитарный шкафчик, который висел на стене.

Закрыв дверцу шкафчика, он огляделся. Кажется, никто ничего не заметил. Мочалыч считал простыни. Перегретый безвольно шевелил босою пяткой.

– Теперь не уйдёт, – сказал Крендель. – Начнёт скандалить, а старик Мочалыч вызовет милицию. Пошли в парилку. Пора погреться!

Пора погреться!

Крендель почти не волновался. Странное спокойствие было в его тоне и голосе, неслыханное спокойствие, которое я бы назвал кармановским. Я же обливался холодным и горячим, совершенно московским потом.

– Это просто глупо, – говорил Крендель. – Быть в бане и не сходить в парилку. Не бойся, мы же голые. Голыми он нас ни за что не узнает.

Но мне казалось, что даже и голыми узнать нас нетрудно. Я шёл к парилке боком и немного спиной, чтоб быть на себя непохожим.

В мыльном зале стоял пенный шум, который составлялся из шороха мочал, хлюпанья капель, звона брызг. На каменных лавках сидели и лежали светло-серые люди, которые мылили себе головы и тёрлись губками, а в дальнем конце зала, у окованной железом двери, топталась голая толпа с вениками и в шляпах.

Дверь эта вела в парилку.

Верзила в варежках и зелёной фетровой шляпе загораживал дверь.

– погоди, не лезь, – говорил он, отталкивая нетерпеливых. – Пар ещё не готов. Куда вы прётё, слоны?! Батя пар делает!

– Открывай дверь! – напирала на него. – Мы замёрзли. Пора погреться!

– Пора погреться! – кричали и другие, среди которых я заметил Моню.

Дверь парилки заскрипела, и в ней показался тощий старичок. Это и был Батя, который делал пар.

– Валяйте, – сказал он, и все повалили в парилку. Здесь было полутемно. Ошваченная стальной проволокой, электрическая лампочка задышалась в пару.

Уже у входа плотный и густой жар схватил плечи, и я задрожал, почувствовав какой-то горячий озноб. Мне стало как бы холодно от дикого жара.

Гуськом, один за другим, парильщики пошли к лестнице, ведущей наверх, под потолок, на ту широкую деревянную площадку, которую называют побанному по́лок. Там и было настоящее пекло – чёрное и сизое.

Падая на четвереньки, парильщики заползали по лестнице наверх. Батя нагнал такого жару, что ни встать, ни сесть здесь было невозможно. Жар опускался с потолка, и между ним и чёрными, будто просмолёнными, досками оставалась лишь узкая щель, в которую втиснулись и Батя, и Моня, и все парильщики, и мы с Кренделем.

Молча, вповалку все улеглись на чёрных досках. Жар пришибал. Я дышал во весь рот и глядел, как с кончиков моих пальцев стекает пот. Пахло горячим хлебом.

Пролежавши так с минуту или две, кое-кто стал шевелиться. Один нетерпеливый махнул веником, но тут же на него закричали:

– погоди махаться! Дай подышать!

И снова все дышали – кто нежно, кто протяжно, кто с тихим хрипом, как кролик. Нетерпеливый не мог больше терпеть и опять замахал веником. От взмахов шли обжигающие волны.

– Ты что – вентилятор, что ли? – закричали на него, но остановить нетерпеливого не удалось.

А тут и Батя подскочил и, разрывая головой огненный воздух, крикнул:

– Поехали!

Через две секунды уже вся парилка хлесталась вениками с яростью и наслаждением. Веники жар-птицами слетали с потолка, вспархивали снизу, били с боков, ласково оживали, шлёпали, шмякали, шептали. Престарелый Батя орудовал сразу двумя вениками – дубовым и берёзовым.

– А у меня – эвкалиптовый! – кричал кто-то.

– Киньте ещё четверть стаканчика, – просил Батя. – Поддай!

Кожа его приобрела цвет печёного картофеля, и рядом с ним, как ёлочная игрушка, сиял малиновый верзил в зелёной фетровой шляпе. Себя я не разглядывал, а Крендель из молочного стал мандариновым, потом ноги его поплыли к закату, а голова сделалась похожей на факел.

От криков и веничной кутерьмы у меня забилося сердце, от близости Мони стучало в ушах. Я схватил Кренделя за руку и потянул по лестнице вниз.

– Давай ещё погреемся, – ватно сипел Крендель, кивая факельной головой, но я всё-таки вытянул его из парилки под душ.

Быстро обмывшись, мы вернулись в раздевальный зал и притаились на тронах. Я волновался и только надеялся, что Моня не сразу заметит пропажу. Но он заметил. Сразу.

Распаренный, как морковь, он вышел из парилки, глянул на трон, и ноги его подкосились. Он упал на колени и заглянул под трон.

– Пространщик, – шепнул он, – пропажа!

– Чего такого? – подбежал Мочалыч и, не размышляя, тоже встал на колени, заглядывая под трон.

– Товарищи, пропажа, – шептал Моня, шевелил дрожащими губами и стремительно натягивал кожаные трусы и жилет.

Взгляд его прыгал по раздевальному залу в поисках брюк и вдруг наткнулся на древних римлян, которые выходили из парилки. Подозрительная молния вылетела из его глаз.

– Где брюки, Лысый?! – крикнул Моня, подбегая к Тибуллу.

Поэт оторопел.

– Какие брюки?

– Пропажа, товарищ! – пояснил Мочалыч.

Тибулл подлетел к своему трону, схватил собственные шоколадно-вишневые брюки, махнул ими, как вымпелами.

– Эти?! – крикнул он на весь зал. – На! Бери! На! Нужны мне твои брюки! У меня восемь пар в гардеробе!

– А у меня знаешь сколько? – воскликнул Тиберий, не желая отставать от поэта. – Знаешь, сколько у меня пар?

– Постойте, – влез Мочалыч. – А ботинки целы?

– Ботинки? – туповато повторил Кожаный. – Не знаю, где ботинки.

Между тем ботинки он давно уж успел надеть. Он вообще оделся с ног до головы, и только одной важнейшей детали не хватало, чтобы завершить его человеческий облик.

– А ты знаешь, сколько у меня ботинок? – продолжал наседать Тибулл, но Кожаный отмахнулся и вдруг подошёл ко мне, развернул пальцами простыню.

– Может, ты видал, кто взял мои брюки?

Сердце моё стукнуло в последний раз. Я высунулся из простыни, выставив голову, как под топор палача.

«Я не знаю, кто взял ваши брюки», – хотел сказать я и не мог. В этой истории мне была отведена только одна фраза. Одна-единственная. А большего, как ни крути, я сказать не мог.

– Ещё бы, – сказал я, и топор взлетел над моей головой.
– Подкидыш! – сказал Кожаный. – Подкидыш, собака такая!
Со свистом топор рассёк воздух и отрубил мою голову. Голова покати-
лась по полу в мыльный зал, но Моня ловко поймал её за уши.
– А ну отпусти его! – крикнул Крендель, вскакивая с места.
– Кто? – крикнул Кожаный. – Ты? Подкидыши!
И он протянул руку, чтоб схватить Кренделя; но тут послышался сухой и
официальный голос:
– Гражданин! Ваши документы!
Прямо по плечу Моню барабанил пальцами Перегретый с дубовым вени-
ком на голове.

Белый медведь

– Чего? – сказал Кожаный, резко оборачиваясь. – Чего такое?
– Документы! – повторил Перегретый и сделал мизинцем особенный жест,
каким обычно требуют документы.

Кожаный окаменел. В голове его с огромной силой столкнулись два не-
ожиданных факта: пропажа брюк и требование документов.

– Как же так, – сказал Кожаный, отступая на шаг, – у меня украли брюки,
и у меня же требуют документы.

На щеках его вздулись желваки, в голове метались тревожные мысли,
которые я читал примерно так: что это за человек с веником, почему требу-
ет документы и, главное, имеет ли право требовать их? Веник на голове гово-
рил, что никакого права у Перегретого нет, но, может, этот Перегретый вовсе
не Перегретый, а Переодетый, и под веником – форменная фуражка?!

– Если не предъявите документов, придётся вызвать милицию, – сказал
возможный Переодетый.

– Да, да, надо вызвать милицию, – подтвердил неожиданно и Тибулл, зло-
памятно глядя на Моню.

– Какая милиция, что вы, ребята! – заволновался Мочалыч. – Ботинки
здесь, сейчас брюки найдём.

– Пускай покажет документы, – настаивал Тибулл. – Вот, например, мои
документы, и я могу их показать.

– Успокойся, успокойся, – оттягивал поэта Тиберий. – Не лезь, уברי до-
кументы.

– Ну нет, кто я без документов? – упрявился Тибулл. – Я всегда боролся
за правду и сейчас буду бороться. Пускай покажет.

Вокруг стал собираться банный народ. Голые короли подымались со сво-
их тронов, прислушивались к разговору.

– Какие в бане документы! – крикнул кто-то. – Кожа да мочало!

– В бане все голые!

– У нас нос – паспорт!

– Нету документов, – сказал Кожаный, чувствуя поддержку. – Они в брюках.

– Проверим, – неожиданно сказал Перегретый, подошёл к аптечному шкафику и вытащил брюки.

Кожаный крикнул и бросился к нему, но Перегретый ловко взмахнул простыней. Она распахнулась, накрыла Моню и Перегретого и на глазах превратилась в белого медведя.

Медведь ворчал. Качаясь, постоял он на четырёх лапах и лениво лёг на пол.

Банные короли охнули, вскочили на своих тронах, стараясь через спинки разглядеть, что происходит. Тиберий и Тибулл поджали ноги, заворожённо глядя на белого медведя, который ворочался на полу.

– Береги инвентарь! – крикнул Мочальч, подбегая было к медведю, но тот ринулся на пространщика, зацепил его и сшиб с ног, а сам стукнулся задом в стену, затрещал и развалился на две половины.

Из разорванной шкуры выскочили Моня и Перегретый. Но, конечно, это был уже не Перегретый, и даже не Переодетый, а просто Одетый с ног до головы.

В кепке и в костюме, в брюках, закатанных выше колен, у стены стоял Василий Куролесов. В одной руке он держал веник, в другой – чёрные хромовые брюки.

– Так ты ещё в костюме! – взревел Кожаный.

– Нож! У него нож! – крикнул кто-то. – У него в венике нож!

– Нож? – сказал Кожаный. – У тебя нож в венике?

– Да, нож у него! – снова крикнул розовый голый король. – Вон блестит через веточки.

Кожаный отступил и вдруг схватил брюки, которые лежали в кресле Тибулла, вспрыгнул на подоконник и махом вылетел за окно.

Раздевальный зал влажно ахнул. Тибулл бросился за ним, делая такие жесты, которые хотелось назвать хватательными движениями.

Мы кинулись к окну, разом перегнулись через подоконник. Я был уверен, что Кожаный лежит под окном с переломанными ногами, но увидел другую картину.

Кожаный, оказывается, ещё и не приземлялся. Он летел вниз, но медленно, очень медленно. В первую секунду я даже подумал, что его поддерживают в воздухе волны пара, но понял, что ошибаюсь.

Под окном бани стоял человек в соломенной шляпе, из-под которой высывались огромные рыжие усы. Он смотрел вверх и пальцем подманивал приземляющегося Моню.

Кожаный брыкался в воздухе, изворачивался, размахивал Тибулловыми брюками, стараясь улететь в сторону, но палец неумолимо манил его к себе, и Моня Кожаный мягко приземлился, прямо в руки старшины Тараканова.

Крушение надежд

К бане подъехал автофургон из города Карманова. Кожаный и старшина Тараканов, обнявшись, взошли по лесенке внутрь его, и фургон выкатился в переулочек. Все тетеринские банные короли выставились в окна, провожая его.

Да, тайнинская смесь Моне не помогла. Больше того, она ему явно навредила. Раздирающий душу запах протянулся от Карманова до Тетеринских бань, и собаки, которые случаем попали на эту адскую тропу, начисто, конечно, потеряли чутьё. Зато Куролесов ни разу не сбился со следа. Вот только нос у него немного распух.

– А это ерунда, – сказал Куролесов. – Помажу перловской мазью, и как рукой снимет. В Перловке один старикан живёт, так он изобрёл мазь против тайнинской смеси. Здорово помогает.

Куролесов достал из кармана узорчатый флакон синего стекла и сунул в него мизинец. С глубоким уважением смотрели мы, как Василий Куролесов мажет себе нос. А он мазал его обстоятельно, со знанием дела. Нос куролесовский на глазах приобрёл прежние размеры.

– Дядя Вась, – сказал Крендель, очень робея, – а что у вас в венике было?

– Ничего не было, – ответил Куролесов, широкими заключительными мазками придавая носу законченный вид.

– Как же так! Я сам видел: что-то блесело.

– Это в глазах у тебя блесело. У тебя вообще какой-то блеск в глазах ненормальный. Когда ты брюки схватил, глаза твои просто ослепляли.

– Я хотел, чтобы Мочалыч милицию вызвал, – сказал Крендель и скромно прищурился, чтобы хоть немного пригасить блеск.

– Ладно, не стесняйся, – сказал Куролесов. – Лучше блеск, чем тусклота. А с брюками ты здорово придумал.

По Тетеринскому переулочку мы вышли на Садовую, дошли до метро, остановились рядом с продавщицей пирожков.

– У нас-то, в Карманове, пирожки покрупнее будут, – сказал Куролесов, покупая всем по пирожку. – Да и начинка у нас вкуснее. У нас лука больше кладут. И специй. А тут специй мало.

– Сюда бы лаврового листа напихать, верно, дядя Вась? – сказал Крендель, слегка заискивая. Он то прикрывал глаза, то открывал их, чтоб не ослепить случайных прохожих.

– Как у вас-то дела, на голубятне? Следов на крыше не нашли?

– Пуговицу нашли, – махнул рукой Крендель.

– Покажь.

Крендель вынул из кармана пуговицу и почтительно подал ему. Куролесов повертел её в руках.

– Совпадение, наверно, – задумчиво сказал он.

– Какое? – не понял Крендель.

– Да нет, это совпадение. Капитан одного типа ищет, который ворует телевизоры. Жуткий телевор! Сопрёт телевизор, а на подоконник пуговицу кла-

дёт: то солдатскую, то матросскую. Железнодорожных, правда, не было. Да и не может один человек воровать и голубей, и телевизоры.

– Почему?

– Сам подумай: голуби – и телевизоры. Очень уж разные вещи. Не могут они ужиться в одном мозгу.

– А вдруг это такой мозг, в котором могут?

– Не думаю. Но... Ладно, возьму пуговицу, покажу капитану.

Куролесов достал из кармана небольшую коробочку, вроде школьного пенала, и сунул туда пуговицу. Изнутри пенал был выложен чёрным бархатом, а на крышке было написано: «Для вещественных доказательств».

– Приезжайте к нам, дядя Вася, – сказал Крендель.

– Постараюсь, – сказал Куролесов и добавил, протянув мне руку: – Ну, а ты что молчишь? Хочешь, чтоб я приехал?

– Ещё бы, – смутился я.

– Ну вот, молодец, – сказал Вася, хлопнув меня по спине. – Давай, давай, разучивай новые слова.

Куролесов отошёл на два шага и вдруг быстро и неожиданно смешался с толпой. Мы глядели ему вслед, но не видели никакого следа, только взлетела над толпой какая-то рука, махнула кому-то, но неизвестно, нам или не нам.

– Не хочу домой, – неожиданно сказал Крендель. – На голубятню смотреть не могу.

В бане Крендель был молодцом и у метро, прощаясь с Куролесовым, держался, как надо, и вдруг прямо на глазах скис.

Что ж поделаешь? Так бывает порой.

Порой приходится видеть человека, который куда-то бежит, яростно звонит по телефону, требует билетов, пропусков, ругается с продавцами, кипит – и вдруг скис. Никуда не бежит, ничего не требует, смотрит блёклым взглядом на мутный мир и видит плакат:

Храните деньги в сберегательной кассе.

«Не могу, – думает он. – Не хочу смотреть и видеть всё это».

Тусклое висит над ним небо, и тупое солнце жалкими лучами слабо освещает мелкий румянец на его невыпуклых щеках.

– Упадок сил, – говорит он сам себе. – Крушение надежд.

В шлёпанцах на босу ногу сидит он в кресле, глядит телевизор, нервно спит, скучно просыпается. Он может умереть, потому что потерял надежду.

Мы с Кренделем тоже потеряли надежду, но умирать пока не собирались.

Мы пошли потихоньку домой, к Зонточному переулку, а надежда плелась где-то сзади, постояла у плаката «Храните деньги», а скоро и вовсе отстала от нас.

Покупатель-разгильдяй

Между тем человек, в мозгу которого совмещались не очень-то совместимые вещи, вышел из дома и направился к трамвайной остановке.

«Странный у меня всё-таки мозг, – думал он. – Сам не пойму, как это в нём совмещаются голуби и телевизоры. Это, конечно, мозг художника. С одной стороны, я люблю природу – отсюда и голуби. Но с другой стороны, я же современный человек, и вот вам пожалуйста – телевизоры. Удивительный мозг. Двусторонний!»

Похититель улыбался, ласково гладил свою голову, в которой заключался чудесный двусторонний мозг. У него было хорошее настроение. Да и погода, надо сказать, была сегодня отличная.

На бульварах пахло тополиным клеем. По асфальту прыгали воробьи цвета просёлочной дороги. В небе летали голуби, и Похититель любовался ими, весело похищая взглядом то одного, то другого.

«Славная погода, – думал он. – Самая погода для сбыта краденого. Хорошая, славная погода. В такую погоду хочется немножко любви».

У трамвайной остановки Похититель затормозил и оправил висящий за спиной рюкзак, в котором был спрятан садок с монахами. На остановке стояли пять милиционеров.

«Неважная примета, – подумал Похититель. – А не привёл ли Моська хвоста? Тайнинская смесь – штука ненадёжная, уж больно воняет».

Сбоку придирчиво оглядел он милиционеров, незаметно попытался взглянуть им в глаза. Но милиционеры глаза свои прятали под козырьками, а когда подошёл трамвай, дружно вспрыгнули в него, осветив вагон пуговицами и значками. Похититель подождал другого трамвая, на котором и добрался до вокзала. По дороге он встретил не так уж много милиционеров, человек десять, не больше. И на вокзале, и в кармановской электричке они попадались редко. Похититель даже подсчитал, сколько приходится на один вагон. Получилось – полтора.

«Это ещё можно жить», – думал Похититель.

На рынке в Карманове он вообще вздохнул свободно. Нигде, куда ни кидал он взор, не было видно милиционера, только рыночная толпа валила в ворота и вываливала из них. Слышался пёстрый базарный гул и равномерный, как морской прибой, шорох подсолнечной шелухи под ногами.

У башни, на которой росла берёзка, Похититель наткнулся на гражданина Никифорова. До этой минуты Похититель и гражданин никогда в жизни не видели друг друга, и эта неожиданная встреча поразила их.

«Какие у него бегающие глаза, – думал Похититель, пристально глядя на гражданина. – Интересно, чем это он тут промышляет? Ага, грабли продаёт, наверное, ворованные. Или нет – рукоятки сам делает, а зубья ворует».

– Гражданин, – сказал гражданин Никифоров, – проходите, не заслоняйте товар.

– Что такое? – с яростью переспросил Похититель. Неведомо по какой причине ему вдруг захотелось схватить грабли и ударить гражданина изо всех сил.

Усилием воли Похититель подавил это желание, отошёл в сторону, достал из рюкзака садок с голубями. Но долго ещё не мог успокоиться, с ненавистью повторяя про себя:

«Товар ему, подлецу, не заслоняйте!»

Только через полчаса он немного успокоился, но тут же заволновался по другому поводу: на голубей никто не обращал внимания, а грабли расхватывали. Даже солидный седой подполковник купил двое граблей, чем удивил Похитителя. Он никак не мог сообразить, зачем подполковнику грабли.

«Огородничает понемногу», – решил Похититель и снова стал шарить глазами по толпе, выискивая подходящего покупателя.

Рынок шевелился, бормотал и выкрикивал, топтался вокруг голубей, но не замечал их.

«Голуби – отжившее явление, – убеждался Похититель. – Садок с телевизорами им нужен».

Только после обеда явился покупатель. В вельветовой кепочке, сдвинутой на нос, в рубашке с расстёгнутым воротником, откуда выглядывала тельняшка, он шёл сквозь толпу, и походку его хотелось назвать разгильдяйской. Вздорный нос торчал из-под кепки, и по этому носу ясно было, что владелец его готов каждую секунду кинуться в драку.

Голуби, мои вы милые,
Голуби, вы сизокрылые, –

напевал покупатель-разгильдяй, и слово «сизокрылые» он говорил с таким упором, что получалось – «шизокрылые».

– Монахи? – спросил он, бесцеремонно обрывая песню и указывая пальцем в садок.

– Три с полтиной хвостик, – немедленно ответил Похититель.

– Два хвост, полтинник глазки, – сказал покупатель и разгильдяйски поковырял в хулиганском своём носу.

– Монах доброкачественный, – пояснил Похититель.

Разгильдяй сомнительно покачал головой, присел на корточки и ткнул пальцем сквозь прутья садка.

– У кого украл? – тихо спросил он.

Похититель вздрогнул, но тут же понял, что перед ним человек очень опытный, бояться нечего.

– Далеко отсюда, в Вышнем Волочке. Крылья подрежешь, поддержишь мешашишка, а там – выпускай.

– Беру по тройку.

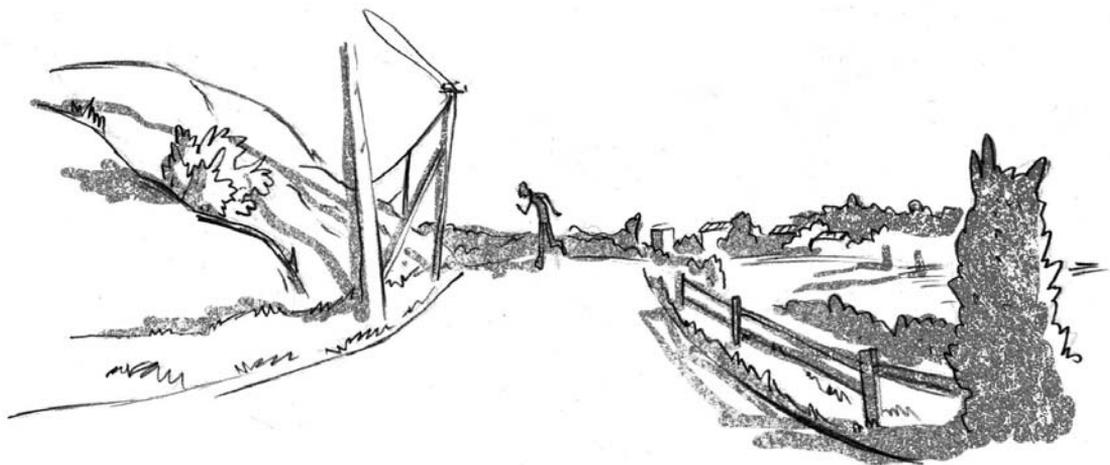
– С тебя – пятнадцать, – согласился Похититель.

– Подставляй лапу, – сказал Разгильдяй.

Похититель подставил лапу, на ладонь его лёг небольшой и круглый, похожий на монету, серебряный предмет. Это была железнодорожная пуговица.

В первую секунду Похититель не узнал её, но вдруг дрожь и холод схватили его за плечи. Сжав пуговицу, он запустил её прямо в нос покупателю-разгильдю и, забыв про монахов, бросился бежать.

Виляя вправо-влево, он продрался через толпу, проскочил в задние ворота рынка и мимо кармановского мостика, тира «Волшебный стрелок» выскочил на шоссе и побежал вон из города Карманова.

Плач похитителя

Слёзы текли по щекам Похитителевым и блестели на солнце.

Километров десять отмахал он от Карманова и теперь, задыхаясь, сидел в придорожной канаве, глядел на автомобили, которые пронеслись мимо, и плакал.

«Неужели я попался? – думал он и с дрожью вспоминал разгильдяйского покупателя, в котором сам чёрт не разобрал бы работника милиции. – Нет, нет, не может быть! Про телевизоры никому ничего не известно. Наверно, я попался только по голубиной линии, а по телевизионной всё пока в порядке».

Похититель успокаивал себя, но успокоиться не мог. Слёзы текли из глаз его непрерывным потоком, и в солнечном свете казалось, что лицо Похитителя усыпано драгоценными камнями. Скосив глаза, пытался он рассмотреть свои слёзы. Потом достал из кармана зеркальце и, увидев утомлённое лицо с чёрными кругами под глазами, зарыдал ещё сильнее.

Одна слеза долго висела на кончике его носа, а повисев, отпала наподобие капли из водопроводного крана. На её месте возникла новая, похожая на хрустальную подвеску из люстры Большого театра. Она упала на лист подорожника и разлетелась вдребезги.

«Надо начинать новую жизнь, – думал Похититель. – Поступлю на работу, как все люди, буду иногда кататься на лыжах. А телевизоры верну владельцам. Вот, скажу, было дело, крал, а теперь возвращаю, потому что решил начать новую жизнь. Вот будет здорово! Может, даже в газетах про меня напишут статью под названием “Золотой человек”. Пускай бы эта статья начиналась: “У этого человека самое главное – душа. Она у него – золотая. Да, он

был вором, но воровали его талантливые руки, а душа рвалась им помешать. Руки и душа вступили в борьбу, и вот наконец душа победила и направила руки на служение общему делу. Так да здравствует душа, и да здравствуют руки, и да здравствует общее наше дело!»»

Прикрыв глаза, Похититель ясно различал газетную страницу, на которой напечатана статья, читал её с горькой радостью и плакал, чувствуя, как в груди его золотится душа, а в карманах тяжело лежат талантливые руки.

«Надо, надо, – думал он. – Надо начинать новую жизнь. И для начала – брошу воровать. Но, конечно, не сразу брошу, а постепенно. Сразу никто ничего не бросает. Даже курить и то бросают не сразу. Брошу воровать голубей, а телевизоры пока ещё буду. Но немного. Раз в неделю. Этого мне пока хватит. Потом – раз в месяц, а то сразу отвыкнуть трудно. Всё-таки телевизор – приятная вещь, включишь и глядишь. Да и для будущей книги о преступных деяниях надо набрать побольше материала».

Все эти мысли слегка успокоили Похитителя, он отёр слёзы, выскочил из канавы на шоссе.

Вернувшись в этот день домой, Похититель достал «Краткую опись» и записал:

«Сегодня пережил тяжёлое душевное потрясение. Температура моего тела – 37 и 2. Решить взять в руки штурвал своей жизни и начать новую, совсем новую жизнь, потому что влачить старую больше нет сил».

Одинокий голубь

Наш двор – колодец. И в колодце этом рано начинался вечер, потому что солнечные лучи не могли проникнуть внутрь двора. Они натыкались на пятиэтажные стены, и только буфет, стоящий на крыше, да верхушка американского клёна были освещены.

Бабушка Волк сидела, как всегда, под американским клёном и, когда мы вышли во двор, сказала:

– Хочешь, Крендель, я тебе шифоньер отдам?

– Конечно, чего там! – крикнул дядя Сюва. – Бери шифоньер, Крендель, купишь новых голубей. А сейчас сыграй что-нибудь, душа просит. Воскресенье ведь.

Крендель вынул из кармана гармонику, безвольно дунул в лады – жалобный, щемящий, печалющий душу звук выполз из неё и поник в нижних ветках американского клёна. Дядя Сюва нахмурился.

– Ладно, Крендель, – сказал он. – Подкину тебе трояк на голубей.

– «Трояк»! – встряла Райка. – Взятся давать – давай, а то – «трояк»!

– Откуда у меня больше? – обиделся дядя Сюва. – Сама знаешь, какая у меня пенсия. Даже телевизора нет.

– На лимонад хватает, – сказала Райка. – Только об своём роту́ и думаешь. Я бы Кренделю и пятёрку дала, если б он много не вообразал.

– Эх, – сказала бабушка Волк, – сейчас бы селёдки баночной.

– Да что ж вы, бабушка! – крикнул дядя Сюва. – Сегодня на Таганке селёдку давали. С красными глазами.

– С красными всю разобрали! – крикнула сверху тётя Паня. – Осталась только с голубыми!

– Люблю красноглазку, – сказала бабушка Волк.

– И правильно, – заметил дядя Сюва. – Если у селёдки красный глаз, значит, посолена как надо, а если голубой – пересол.

– Слазим на голубятню, – сказал Крендель, убирая гармошку в карман. – Поглядим, может, ещё след найдём. А что? Так бывает.

По пожарной лестнице через чердак вылезли мы на крышу. Крендель стал шарить вокруг голубятни, а я и не искал никаких следов, а я давно понял, что все эти поиски ни к чему. И Крендель чувствовал это, но поиски как-то успокаивали. Конечно, он переживал всё сильнее меня, но и он, в конце концов, понимал, что не так уж велика беда, бывают в жизни печали пострашней.

– Если б это были не голуби, а телевизор, я бы и не волновался, – сказал Крендель. – Но голуби-то живые, сам понимаешь.

– Ещё бы, – сказал я.

– И летают, – добавил Крендель, глянув в пустое небо.

С крыши нашей не было видно так далеко, как с кармановского мостика, но всё-таки мы видели почти всю Москву. Серые шпили высотных домов. Ново-Спасский, Андроньевский и, конечно, весь наш Зонточный переулок лежал под нами. Рыбами плавали по крышам предзакатные блики, соскальзывая вниз, ныряли на дно переулка.

Как огромный зонт, с одной стороны пасмурный, с другой – ослепительный, стояло небо над Зонточным переулком. Вдали, у Крутицкого теремка, кто-то гонял голубей, и они совершали по небу широкий круг от Москвы-реки до Крестьянской заставы.

– Чьи это голуби?.. – задумался Крендель, стараясь по манере полёта угадать, кому принадлежит стая. – Широконосовы... – ответил он сам себе. – А это чей?

Одинокий голубь шёл по небу и был ещё далеко от нас, над Вековой улицей. Светлой точкой, игольным ушком светился он в огромном небе.

– Одинокий, – печально сказал Крендель.

Да, бывают такие – одинокие голуби. Не дикие, не домашние. Хоть и велись они в городе, на голубятне, а всё равно летают и живут одиноко – ни к сизарям не могут пристать, ни к витютням, ни к домашним стаям. Что-то в них есть такое, от чего они мучаются всю жизнь. Тянет дикая стая, но и от дома, от города, где родились, не могут они оторваться. Так и мечутся меж тёплым городом и дальними лесами.

«Вот так же и я, – думал в это время совсем нами позабытый жилец Николай Эхо. Он стоял у окна в двадцать девятой квартире и тоже глядел на одинокого голубя. – Вот так же и я, – думал он. – Такой же одинокий голубь – летаю, парю, порхаю, а что толку?»

Жилец перегнулся через подоконник и глядел то на одинокого голубя, то на окна Райки Пауковой. Глаза его отчего-то покраснели, и сердце билось мягкими толчками.

«Куда ты летишь, мой пернатый друг?!» – хотелось крикнуть Жильцу, но он удержался.

Одинокий голубь обошёл Крестьянскую заставу, далеко вверху, очень высоко пролетел над Широконосовой стаей и вдруг остановился в воздухе, сложил крылья и вниз головой стал падать на землю.

Перекувыркнувшись пятнадцать раз, он раскрыл крылья и мягко опустился на резную буфетную верхушку.

Почта похитителя

День неумолимо клонился к вечеру. Солнце утонуло в оврагах за дальними кооперативными домами. Закатные полосы бродили по стенам Похитительской квартиры, по мёртвым ещё экранам телевизоров, по глянцевым лицам киноактрис.

Похититель сидел в кресле, держа в руках журнал. Он разглядывал в журнале две картинки, на вид совершенно одинаковые. На одной был нарисован барсук, и на другой – барсук. Под барсуками было напечатано мелким шрифтом: «Найдите на этих картинках шестнадцать различий».

Прицеливаясь взглядом то в одного барсука, то в другого, Похититель искал различия.

«Ага, – думал он, – у этого барсука две ноги, а у этого три. Вот вам и различие».

Довольно скоро Похититель справился с этим нехитрым делом и вдруг неожиданно для себя обнаружил семнадцатое.

«Что за чертовщина! – подумал Похититель и принялся раздражённо подсчитывать различия, загибая пальцы. – Так точно – семнадцать!»

Похититель отбросил журнал, достал лист бумаги и ручку. Он решил немедленно написать письмо в редакцию и обругать сотрудников покрепче. Некоторое время сидел он задумавшись. Хотелось сразу же, с первой строчки, уязвить редакцию, но ничего особо хлесткого он придумать не мог и начал так: «Дорогие товарищи! Недавно я смотрел тут на ваших барсуков...»

Похититель остановился, перевёл дух и только хотел сильнее нажать на перо, как вдруг раздался звонок в дверь.

Похититель на цыпочках подошёл к двери, заглянул в щель, но ничего определённого не увидел. За дверью что-то чернелось, а что именно, он не мог понять.

– Кто там? – аккуратно спросил Похититель.

– Почта, – ответили за дверью.

Похититель отворил, принял от почтальона заказное письмо, расписавшись в синей почтовой книге.

Вернулся в комнату, неторопливо распечатал конверт, достал письмо и только лишь глянул на него, побледнел совершенно смертельным образом. На листе было изображено следующее:

От ужаса Похититель немедленно сунул письмо в рот и стал его жевать, потом вынул и снова перечитал. Письмо было, конечно, от Мони Кожаного и читалось так: «Меня раскололи Скорей бодай телевизоры И рви когти».

Содержание письма настолько потрясло Похитителя, что он чуть было не стал бодать телевизоры, совершенно забыв, что «бодай» на Монином языке «продавай». Потрясающим, на наш взгляд, было не только содержание письма, но и тот факт, что письмо отослано было из Карманова два часа назад и за эти два часа успело доехать до Похитителя. Кармановская почта, так же как и милиция, работала поистине великолепно. Удивительным было и то, как Моня сумел написать, зашифровать и отослать письмо, находясь на допросе.

Не зная, что делать, Похититель схватил журнал и снова глянул на барсуков. Мозг его в этот момент работал так блестяще, что обнаружил восемнадцатое различие.

С яростью отбросив журнал, Похититель замер, схватился за грудь. Он почувствовал, что в душе его рухнула гора.

«Гора! – в ужасе подумал он. – Рухнула гора!»

Похититель давно замечал, что в душе у него есть какие-то горы. Вроде даже целый горный хребет. Они помогали жить, укрепляли душу и хоть рушились время от времени, но в целом хребет был крепок. А тут рухнула огромная гора типа Эверест. Обломки её завалили сердце, которое вдруг совершенно перестало биться.

«Вот как, оказывается, умирают, – подумал Похититель, судорожно пытаясь найти свой пульс. Пульса не было. – А сердце? Бьётся или нет?»

Сердце не билось и совершенно не прощупывалось. В отчаянии Похититель каким-то образом повернул голову и прижал ухо к собственной груди. Сердце стояло на месте, не шевелясь. Оно совершенно не билось, и тем не менее Похититель был жив. Да, это было настоящее медицинское чудо: человек с небьющимся сердцем подошёл к шифоньеру, достал верёвку и принялся увязывать телевизоры.

Однако связать четыре телевизора в один узел было делом совсем не простым. Даже человек с бьющимся сердцем изрядно бы попотел, а Похититель ловко опутал экраны верёвкой, успевая щупать время от времени свой пульс.

Прозвенел звонок в дверь, и Похититель схватился за сердце, но оно по-прежнему молчало, окаменев. Он подошёл к двери, заглянул в щёлочку и опять ничего не увидел: за дверью что-то серелось, а что именно, разобрать было невозможно.

– Кто там? – очень ласково спросил Похититель.

– Почта, – ответили за дверью.

Похититель открыл дверь, и тут же сердце его ударило громом. Началось настоящее сердцетрясение, от которого рухнули остатки душевного горного хребта, – за дверью стояли два милиционера.

Турман и Тучерез

К вечеру мы как-то поглупели.

Я давно заметил, что люди немного глупеют к вечеру. Днём ещё как-то держатся, а к вечеру глупеют прямо на глазах: часами смотрят телевизоры, много едят.

Вот и мы слегка поглупели. Мы глядели на Моню – и не могли понять, кто это перед нами. А он, белокрылый, в чёрном капюшончике, прохаживался по крыше и клевал крошки.

Наконец Крендель упал на колени, схватил Моню, прижал к груди, не замечая, что к ноге великого турмана прикручено проволочное кольцо, в котором явно светит записка. Я хотел указать на это, но не находил подходящих слов, а «ещё бы» не годилось к случаю. Крендель записки не замечал.

– Ещё бы, – сказал я всё-таки.

Крендель не обращал внимания, дул Моне в нос и считал перья.

– Ещё бы, а ещё бы, – продолжил я.

Крендель высунул язык, кончиком языка стал трогать Монин клюв. Всё это выглядело довольно глупо.

– Ещё бы, чёрт, – не удержался я. – Моньку он видит, а записку не видит. Что ты, ослеп, что ли?

Крендель дёрнулся, изумлённо поглядел на меня, прижимая Моню к груди.

– Ещё бы тебе очки протереть, – говорил я, меня прямо понесло. – Разуи глаза, записка у Моньки на ноге.

Крендель пугливо глядел на меня, ничего не соображая. Тогда я взял дело в свои руки, достал записку. Вот что было написано в ней:

«Пуговица сработала. Остатки монахов, в количестве четырёх, находятся в Кармановском отделении милиции. Куролесов».

– Какой ещё Куролесов? – нервно переспрашивал Крендель. – Откуда?

Не выпуская Моню из рук, Крендель наконец побежал к чердаку, по чёрной лестнице вниз – во двор. Только у трамвайной остановки я догнал его. И как-то особенно медленно добирался этот трамвай до вокзала, долго-долго ждали мы электрички. Останавливаясь то и дело, ползла электричка, и

всё-таки добрались мы до Карманова и успели в тот самый момент, когда старшина Тараканов кормил голубей колбасой.

– Как вещественное доказательство она устарела, – говорил старшина. – А для голубей подойдёт.

– Голуби колбасу не едят, – возражал Фрезер, – им надо зерновых культур, типа гречки.

– Всё в порядке, Кренделёк, – смеялся Куролесов. – Можешь гонять своих монахов сколько угодно.

Крендель смутился и краснел, жал руку Фрезеру, то и дело пересчитывая голубей.

– Ну, а ты-то доволен? – спрашивал меня Вася. – Что ж ты молчишь? Ну, скажи, давно тебя не слышали.

– Ещё бы, – говорил я, вытягивая Кренделя за рукав.

В этот же вечер мы вернулись домой и ещё успели погонять голубей. Весь двор был заполнен жильцами, многие залезли на крышу, чтоб увидеть это чудо – монахов, летающих в вечернем небе.

Вдруг со стороны Красного дома послышался пронзительный свист. Это свистел Тимоха-голубятник. И вслед за свистом из глубины Зонточного вырвался голубь. Белый как снег, он стремительно прошёл мимо монахов, прямо поднимаясь вверх.

Это был знаменитый Тимохин Тучерез.

Завидев его, Моня оторвался от стаи и дунул следом.

Тут бешено засвистел Крендель, засунув в рот буквально все пальцы, и я поддержал, и дядя Сюва, и Райка Паукова, и тётя Паня ужасно засвистела со своего этажа, и даже бабушка Волк засвистела тем самым свистом, который называется «Воскрешение Лазаря».

А Тучерез поднялся уже высоко и всё шёл вверх, чуть с наклоном, набирая высоту... Просто жалко, что не было в небе тучи, которую он бы с ходу разрезал пополам.

Вот он встал, как жаворонок, на месте, сложил крылья и камнем стал падать вниз.

Тут же Моня подхватился вокруг него – завил спираль.

Тучерез упал на крышу Красного дома, раскрыв крылья в самый последний момент, а Моня перевернулся через крыло, через голову, пролетел у самой Тимохиной головы и снова взмыл кверху, догоняя монахов.

А солнца уже и не было видно. Хвост заката торчал из-за кооперативного дома, фонари зажглись в Зонточном, а в небе появились две или три звезды. Сумрачный, фиолетовый лежал Зонточный переулочек под вечерним московским небом. Сверху, с крыши, уже и не было видно лица бабушки Волк, сидящей под американским клёном, и дяди Сювы в окне третьего этажа. До нас долетали только отдельные их слова:

– Сейчас бы селёдки баночной.

– Да есть у меня пара красноглазок, заходите, бабушка.

Жильцы перебегали из подъезда в подъезд, хлопали дверями, и в окнах уже зажигался свет.

На пустыре опять горели овощные ящики, и возле огня виден был какой-то кривой силуэт с граблями в руках. Он то взмахивал граблями, как будто гоня ворон, то вскидывал их на плечо наподобие винтовки, то шарил ими в огне. Переломивши грабли об колено, он бросил наконец их в костёр и долго сидел на корточках, глядя, как сгорают они.

За Красным домом на Крестьянской заставе вспыхивали фары троллейбусов и автомашин, из метро вылезали на площадь разноцветные человеческие тени, рассыпались в разные стороны, и редко какая-нибудь из них поворачивала в наш переулок.

– Опять она повесила курицу между дверями, – слышался сердитый голос. – Да купи же ты холодильник.

– Не твоё дело, – отвечала Райка, – куда хочу, туда вешаю. Отцепитесь от меня.

Райка подошла к окну, полила из лейки зелёный лук, выглянула во двор, но никого не было уже видно во дворе – ни бабушки Волк, ни дяди Сювы. И Жильца из двадцать девятой квартиры не было видно.

Скучный сидел он дома и перебирал перья – красные и золотые, скромные и многоцветные.

«Что в них толку, – думал он. – Взлететь они мне не помогут».

Жилец вспомнил про Райку Паукову, но тут же подумал:

«Какая такая Райка? Эта грубая женщина?! Да она даже улыбнуться не может. Только грубит».

Жилец захлопнул альбом, кинул его на шкаф, надел пиджак и вышел на улицу.

Мрачный-мрачный постоял он под американским клёном, вздохнул и пошёл за ворота.

«Не жилец я на этом свете», – думал Жилец.

Мрачный-мрачный шёл он по переулку, шёл и шёл и не оглядывался назад. А зря не оглядывался, потому что следом за ним шла Райка Паукова и улыбалась, как умела.

Документы и приложения к повести «Пять похищенных монахов»

Отрывок из беседы старшины Тараканова и Мони Кожаного

– Итак, гражданин Кожаный, с алмазами всё ясно. Осталось выяснить последний вопрос: где вы взяли мешок?

– Сшил.

– Из каких материалов?

– Из кожаных.

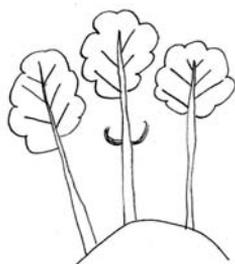
– А где вы, интересно, взяли так много кожи?

- С детских лет собирал старые перчатки.
- С какой целью?
- Для производства мешка.
- Итак, вы сшили мешок из старых перчаток. Вы работали один?
- Я только шил, а кроил Сопеля.
- Посмотрите внимательно. Узнаёте ли вы какой-нибудь из этих мешков?
- Эти мешки мне не знакомы.
- А вот этот, сшитый из замшевых варежек?
- Ах, этот. Этот я кроил, а шил Сопеля.
- Откуда вы взяли так много замшевых варежек?
- «Откуда, откуда»!.. Сами знаете...
- Да, мы знаем это, гражданин Кожаный. Знаем и многое другое. Знаем, что вы собирались шить мешок из кожаных кепок... но не вышло... Признаёте себя виновным?
- Признаю.

Список вещественных доказательств по делу «Мешок»

1. Алмазы мешок
2. Мешок..... один
3. Лошадь..... чугунная
4. Сундучок с музыкой потайной
5. Винтовка духовая см. примечание.

Примечание. Из винтовки стреляли алмазами во время похищения с четвёртого этажа одного дома на пятый другого дома и точно в мешок.

Загадочный рисунок, зашитый в воротник рубашки Барабана

Примечание. Следователем было установлено, что на рисунке изображено дерево. Не ясно было происхождение полосочек, торчащих из-за ствола. После долгих записей Барабан сознался, что рисунок был прислан Монеи и означал следующее: «Не ходи в лес, там Тараканов».

Последняя запись в «Краткой описи преступных деяний» Похитителя
 ...Корабль моей жизни дал сильную течь. Ударился дном об скалу закона.
 Руки не удержали штурвала судьбы...

Сидел спокойно, искал различия в барсуках и вдруг как осенний листок оторвался от ветки родимой и упал на сырую землю...

Озеро моей жизни оковано теперь холодным льдом наказания...

Я шёл по грязной дороге преступлений... Зачем?!

Зачем мне четыре телевизора?! Зачем? Хватило бы и двух, в комнате и на кухне, обычный и цветной. А теперь только сердце плачет в груди...

Сердце моё! О, сердце моё! Прошу тебя, не плачь! Не плачь, слышишь?.. Нет, не слышит... Плачет... Тонет корабль... вот уже трюм затопило... слышится команда «К насосам!»... Плачет, плачет сердце!!!

Ну что ж ты плачешь, родимое?! Сожми зубы, прошу тебя, сердце, сожми... Горемыка ты моё!.. Возьми себя в руки, сердце, ведь тебе ещё много стучать...

Краткое объяснение некоторых слов, которые не вошли, к сожалению, в текст повести «Пять похищенных монахов»

Арлекин. – Гончая собака с разноцветными глазами и пятнистая, как шахматная доска. Один раз я видел такую на Птичьем рынке.

Ажур. – Кренделю сказали: «Передай Юре: всё будет в ажуре». Крендель передал, и я обрадовался, а ведь «ажур» – это что-то вроде дырки.

Бойный. – Голубь, у которого четыре крыла. Два растут нормально, а ещё два – на ногах. Именно такого голубя завёл Тимоха, чтоб отравить нам жизнь.

Бык. – Любимое домашнее животное дяди Сювы.

Ключки. – Хоккейные стал изготавливать гражданин Никифоров, навек простившись с граблями.

Любезный. – Я думал, что этого слова нет в повести, а оно имеется на 136-й странице.

МУР. – Есть ещё люди, которые не знают, что такое МУР. Они думают, что это так кошка мурлычет. Кошка-то, может быть, так и мурлычет, да только МУР – это кое-что другое. МУР – это Московский уголовный розыск. А это вам не кошка мурлычет.

Тётя Таня. – Лифтёрша, которая принимала активное участие в жизни нашего двора. Однако в связи с тем, что она в точности повторяла все слова и поступки тёти Пани, автор слил эти две фигуры в одно лицо, за что и просит прощения.

Шилишпёр. – Рыба, которая любит хлопать хвостом по воде. Если б автору предложили стать рыбой, он, конечно бы, стал шилишпёром.

Вера Семёнова, Олег Лекманов, Михаил Свердлов «А книжка-то какая длинная получилась!», или Предуведомление к комментарию¹

Юбилеи бывают не только у людей, но и у книг. Сорок пять лет тому назад, в 1971 году, в московском издательстве «Детская литература» вышла повесть Юрия Иосифовича Ковалева (1938–1995) «Приключения Васи Куролесова». Первые читатели «Приключений» за прошедшее время уже успели стать бабушками и дедушками. А повесть с тех пор переиздавалась более двадцати раз как отдельной книгой, так и в составе сборников Ковалева. Своим появлением на свет она во многом обязана устным рассказам отца писателя². Иосиф Яковлевич Коваль (1904–1975) был пятым сыном в большой крестьянской семье из села Городкивка Бердичевского уезда Житомирской волости. Однажды, когда ему было 16 лет, он заснул в ночном, и воры украли коней, которых сторожил подросток. Это событие перевернуло его жизнь. Иосиф ушел из деревни и устроился работать в милицию, чтобы бороться со всякого рода преступниками. Он сражался с бандитами в Курске и Ростове, затем был переведен в Москву и служил в Московском уголовном розыске на Петровке. В годы Великой Отечественной войны Иосиф Яковлевич возглавил Московский областной уголовный розыск. «Отец всю войну провел в Москве, тем не менее был многократно ранен и прострелен», – вспоминал Юрий Коваль³.

За свою повесть автор был удостоен третьей премии Всесоюзного конкурса на лучшее произведение для детей. В 1975 году по мотивам «Приключений Васи Куролесова» был сделан цветной диафильм в двух частях (художник И.И. Большакова), который самому Ковалю нравился настолько, что он раздаривал его детям друзьям⁴. В 1987 году последовало переиздание этого диафильма. В 1981 году Владимир Попов снял быстро завоевавший всенародную популярность мультфильм «Приключения Васи Куролесова», который озвучили актеры – звезды первой величины того времени: Евгений Леонов, Юрий Яковлев, Михаил Кононов, Лев Дуров, Вячеслав Невинный, Вера Васильева, Борис Новиков⁵... В 1989 году в Тульском областном театре юного зрителя был поставлен спектакль «Сон Матроса: детективное шоу в двух частях с песнями, танцами, выстрелами». Сценарий по «Приключениям Васи Куролесова», написан-

Молодой И.Я. Коваль сфотографировался, повернувшись влево, скрывая следы ранения (поврежденный глаз).
Конец 1930-х

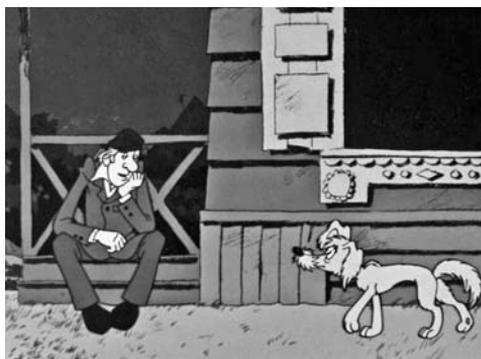
¹ При написании этого раздела мы пользовались очень хорошими статьями о трилогии Ковалева в русскоязычной Википедии, написанными Тимуром Майсаком.

² Подробнее об этом см.: Комментарий. С. 218.

³ Ковалиная книга: 309. См. «Список сокращений, принятых в комментарии» на с. 196 нашей книги.

⁴ Например, Наталии Ким, которая нам об этом и рассказала.

⁵ Этот мультфильм доступен в интернете, например, по адресу: <https://www.youtube.com/watch?v=BtjomGMbx3w>.

Вася и Матрос в диафильме «Приключения Васи Куролесова». (художник Ирина Большакова, студия «Диафильм», 1975) и одноименном мультфильме (Союзмультфильм, 1981, режиссер Владимир Попов, художники-постановщики Аркадий Шер, Левон Хачатрян)

ный другом Ковалю Сергеем Ивановым, воплотил на сцене режиссер Л.Е. Арзуньян. В 2016 году повесть Ковалю была инсценирована в Челябинском молодежном театре.

А вот попытки поставить полнометражный фильм по книге Ковалю успехом не увенчались. Первым задумал воплотить повесть на экране прекрасный актер и режиссер Ролан Быков. В 1975 году он записал в своем дневнике: «Пора приниматься за “Куролесова” — да пока неизвестно, для кого делать»¹. В дневниках разных лет Ролан Антонович много размышлял о том, каким он хотел бы видеть фильм, но завершить работу над сценарием не успел. В 2007 году началась подготовка к съемкам фильма «Невероятные приключения Васи Куролесова» (кинокомпания «Тундра фильм», режиссер Слава Росс). Были даже выбраны актеры на главные роли, однако из-за финансовых трудностей съемки фильма так и не начались.

«Приключения Васи Куролесова» стали первой книгой, принесшей Ковалю известность за рубежом. Писатель Юрий Коринец познакомил с повестью переводчика из ФРГ Ханса Бауманна, который переложил на немецкий язык более сорока русских детских и юношеских книг. «Вася Куролесов», переведенный Бауманном и изданный в издательстве «Тинеманн» в Штутгарте в 1973 году, попал на Франкфуртскую книжную ярмарку. Права на переиздание «Приключений» купили сразу несколько издательств. И они не прогадали: книга быстро завоевала любовь немецких детей. «Наряду с С. Маршаком и Е. Чарушиным в ФРГ хорошо известен Ю. Коваль. Успехом пользуются его веселые детективные истории (например, “Приключения Васи Куролесова”, 1973)», — писала специалист по детской литературе Петра Йешке². Книжка в Германии выпускалась неоднократно, в том числе и в кар-

¹ Быков Р. «Я побит — начну сначала!»: дневники. М., 2011. С. 47.

² Йешке Петра. Знакомая с жизнью советских детей. Русская советская детская литература в ФРГ // Детская литература. 1984. № 7. С. 62.

Wasja kauft den Hund im Sack. Stuttgart. Thienemann, 1973

манном формате. Также «Приключения Васи Куролесова» переводились на английский, армянский, венгерский, грузинский, литовский и шведский языки.

В номере от 7 октября 1975 года газета «Пионерская правда» в напечатала главку из нового произведения Ковалёва «Пять похищенных монахов». Эта главка называлась «Стрельба по-кармановски». Полностью журнальный вариант второй по времени написания повести трилогии был помещен в четырех номерах (№№ 6–9) журнала для ребят «Костер» за 1976 год.

Издательская судьба «Монахов» складывалась трудно. Сначала повесть по абсурдным причинам чуть было не запретили в «Костре»¹. Потом вдруг вычеркнули из издательского книжного плана. Дело в том, что в 1975 году в издательстве «Детская литература» в свет вышел «Недопёсок» Ковалёва. Чудесная книжка, в которую влюбились и дети, и взрослые, не понравилась советским цензорам. Запретить напечатанную вещь было уже нельзя, и тогда решили перекрыть дорогу «Пяти похищенным монахам». Вместе с писателями Эдуардом Успенским и Генрихом Сапгиром, чьи книги тоже были вычеркнуты из плана, Ковалёв начал бороться с цензурой. И в 1977 году «Монахи» всё же вышли книгой вместе с «Приключениями Васи Куролесова» в «Детской литературе». Проиллюстрировал это издание гениальный детский художник Геннадий Калиновский, и именно его рисунки стали для большинства читателей прозы Ковалёва эталонными (к сожалению, к третьей повести трилогии Калиновский иллюстраций не сделал)².

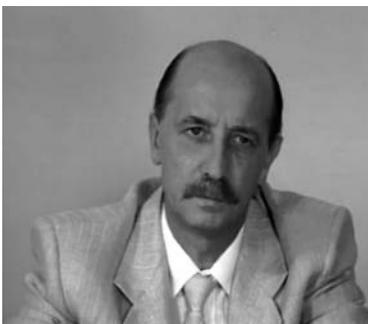
Нужно особо отметить, что журнальный вариант «Пяти похищенных монахов» значительно отличается от итоговой книжной версии повести. Многие фрагменты первой редакции, не вошедшие в книгу 1977 года и последующие переиздания «Монахов» (всего переизданий было около десяти), мы включили в комментарий к трилогии.

В 1978 году повесть в переводе Ханса Бауманна была опубликована в ФРГ (Штутгарт) и занесена в Бест-лист Библиотеки ЮНЕСКО. В 1979 году книга издавалась в Берлине. Двумя изданиями (1981, 1987) повесть выходила на шведском языке. В 1991 году кинорежиссер Исаак Магитон предпринял экранизацию «Пяти похищенных монахов», к сожалению, не очень удачную³.

¹ См. Комментарий. С. 129.

² Также вторая повесть выходила в 1982 году в переводе с русского языка на молдавский и с рисунками Калиновского в издательстве «Литература артистикэ» (Кишинёв).

³ Фильм доступен в интернете. См., например: www.youtube.com/watch?v=Lmxam7Qfx3E.

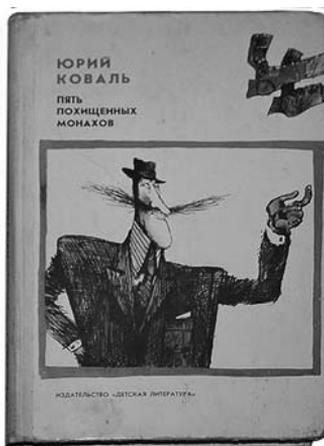
Куролесов (актер Александр Демидов), Тараканов (Александр Пятков) и Болдырев (Вадим Александров) в фильме «Пять похищенных монахов», Киностудия им. Горького, 1991

В 1989 году Коваль опубликовал в №№ 9–10 журнала «Пионер» третью повесть куролесовского цикла – «Промах гражданина Лошакова» с яркими иллюстрациями Леонида Тишкова. Хотя создана эта вещь была много позже первых двух и стилистически сильно от них отличается, хронологически ее действие разворачивается между событиями, описанными в «Приключениях Васи Куролесова» и в «Пяти похищенных монахах». В «Приключениях» Вася работает трактористом, в «Промaxe» – мучительно разрывается между карьерами тракториста и милиционера, а в «Монахах» мы встречаемся уже с опытным милиционером. Именно поэтому в настоящем издании мы помещаем сначала «Приключения Васи Куролесова», следом «Промaxe гражданина Лошакова», а потом «Пять похищенных монахов». В таком порядке повести расположены и в единственном издании всей трилогии Ковалья, вышедшем при его жизни и под его патронажем в 1992 году, в ижевском издательстве «Странник».

Судя по интервью, которое Коваль в 1993 году дал Марине Барановой, в его планах было написание еще одной, четвертой повести куролесовской серии¹. Но, увы, эти планы так и не осуществились.

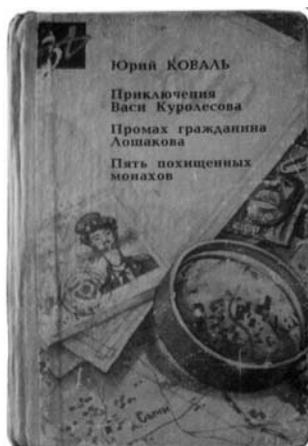
слева:

первое издание повести «Пять похищенных монахов» (вместе с «Приключениями Васи Куролесова», М.: Дет. лит., 1977, художник Г. Калиновский)

справа:

единственное прижизненное издание трилогии (Ижевск: Странник, 1992, серия «Заводной апельсин», художник В. Терещенко)

* * *

За исключением неумной рецензии П. Веденяпина на диафильм (!) «Приключения Васи Куролесова»², все остальные отклики на повести, составившие в итоге трилогию, были чрезвычайно доброжелательными. В рецензиях чаще других возникали и обсуждались два вопроса. Первый – о пародийно-детективном жанре произведений Ковалья.

Так, Ф. Искандер называет «Приключения Васи Куролесова» «пародией на детектив»: «Автор как бы с улыбкой учит детей в будущем с некоторой долей юмора относиться к приключениям Шерлока Холмса и других знаменитых сыщиков»³. Ему вторит еще одна рецензентка «Приключений» Г. Могилёвская: «Повесть Ю. Ковалья своего рода ироническая пародия на детектив»⁴. Как «откровенную, смешную» пародию на детектив определяет повесть «Пять похищенных

¹ <Коваль Ю.> Главное – любовь ко всему, что делаешь // Библиография. 1993. № 4. С. 45–54.

² Веденяпин П. Накуролесили // Комсомольская правда. 1987. 5 декабря.

³ Искандер Ф. Пружина юмора // Комсомольская правда. 1972. 11 июня.

⁴ Могилёвская Г. Детектив – специально для детей // Семья и школа. 1972. № 12. С. 51.

монахов» Т. Комарова¹. «Детективно-комической, чуточку пародийной» представляется повесть «Пять похищенных монахов» В. Логачёву². С разговора о жанре «Промеха гражданина Лошакова» начинается фрагмент о Ковале в своей рецензии Васюченко: «Ю. Коваль с веселой щедростью пускает в ход традиционные прелести детектива: неожиданности и недоразумения, погоню и адские любовные страсти, сцены азартной игры и переодевания, труп в подвале, тело в канале и даже бледный призрак, предстающий перед убийцей»³. Отметим, что в жанре пародийного детектива написана едва ли не лучшая повесть для ребят Анатолия Алексина «Тайна старой дачи» (1968). В этом же году вышел пародирующий советские детективы мультфильм Ефима Гамбурга «Шпионские страсти» по сценарию маститого Лазаря Лагина. С еще одним пародийным детективом для детей – повестью Льва Давыдычева «Руки вверх, или Враг № 1» (1972) сопоставила «Приключения Васи Куролесова» Л. Инсарова в своей рецензии на эти книги⁴.

Вторая тема рецензий – язык куролесовского цикла.

«Мы улыбаемся этим сочным образам»⁵; «Ю. Коваль умеет писать не банально, у него меткий глаз, всегда свежие и неожиданные сравнения, как правило, иронически окрашенные»⁶; «Коваль зорко видит и хорошо слышит»⁷; «Слово в повести – настоящий ее герой. Я бы назвала “Пять похищенных монахов” словесным детективом»⁸; «Он будто взвешивает... слова, заставляя читателя присмотреться и прислушаться к ним... И это важная черта педагогической стратегии писателя, идущая от его огромной любви к русскому слову – любви, которую он стремился передать юному читателю»⁹; «Стилеобразующая тенденция, берущая начало с “Васи Куролесова”, сказалась и в новой его повести. Все ее герои – и Крендель, и Юрка, у которых-то и украли голубей, и все их соседи по дому, и весь Зонтичный переулок, и весь город Карманов словно подвергнуты некоей художественной “обработке”. Речь героев, пластика, поступки внятно и зримо стилизованы под анекдотическую характерность»¹⁰; «Читая Ю. Ковалю, наслаждаешься самой авторской речью. Изящество и артистически рассчитанная неуклюжесть здесь равно очаровательны: то и дело тянет вернуться назад, перечитать, смакуя, абзац, страницу, главу...»¹¹.

Разумеется, не обошли рецензенты вниманием и героя, объединяющего все три произведения, – Васю Куролесова. В цитированных выше рецензиях Ф. Искандер и Г. Могилёвская называют его «деревенским подростком», а Н. Павлова – «незадачливым деревенским пареньком». К. Арон, как бы уточняя определение Н. Павловой, – «с виду простоватым, но смекалистым деревенским пареньком»¹². Наиболее подробно и точно про Васю (уже как про персонажа «Промеха гражданина Лошакова») написала И. Васюченко: «Герой – всё тот же потомок фольклорных простаков, он по-прежнему наивно и размашисто крушит вокруг себя ветхие кон-

¹ Комарова Т. Длинный, Недопёсок и другие // Литературное обозрение. 1977. № 12. С. 44.

² Логачёв В. Повесть о добрых и недобрых людях // Семья и школа. 1978. № 8. С. 54.

³ Васюченко И. На повороте: заметки о прозе журналов «Пионер» и «Костер» // Детская литература. 1990. № 5. С. 25.

⁴ Инсарова Л. Читайте вместе с ними. Несколько неожиданный взгляд на детективы // Семья и школа. 1973. № 8. С. 50.

⁵ Искандер Ф. Пружина юмора.

⁶ Могилёвская Г. Указ. соч.

⁷ Павлова Н. <Рецензия на «Приключения Васи Куролесова»> // Детская литература. 1972. № 7. С. 52.

⁸ Комарова Т. Указ. соч.

⁹ Логачёв В. Указ. соч.

¹⁰ Иенсен Т. <Рецензия на «Приключения Васи Куролесова» и «Пять похищенных монахов»> // Детская литература. 1979. № 1. С. 43.

¹¹ Васюченко И. Указ. соч. .

¹² Арон К. Грянул выстрел, и колесо отвалилось // Костер. 1979. № 12. С. 38.

струкции детской детективной повести, так что от надоевшего жанра только клочки по закоулочкам»¹.

Но ведь Вася в трех повестях Коваля совсем не «всё тот же». «Всё тот же» – значит, по крайней мере, существующий в определенной системе координат: «проста́к», или «тёртый калач», или «проста́к», превращающийся в «тёртого калача». Но траектория главного героя куролесовской трилогии гораздо сложнее: он двоятся, оборачивается, непредсказуемо петляет и весело обманывает читательские ожидания;

¹ Васюченко И. Из колдовства и обломков: заметки о книгах Юрия Коваля // Детская литература. 1992. № 11–12. С. 13.

² Протей – в древнегреческой мифологии морское божество, обладающее даром всевозможных превращений.

³ Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. В 3 т. Т. 3. М., 1985. С. 128–129.

⁴ Сказка «избирает не лучшего, а худшего»; «И в помощники себе герой избирает подчас самое худшее существо или самый непривлекательный предмет» (Синявский А.Д. Иван-дурак: Очерк русской народной веры. М., 2001. С. 12).

⁵ «Дурак и береза» (сказка № 402 из собрания А.Н. Афанасьева, см. сноску 3), «Иванушка-дурачок» (№ 400).

⁶ См.: Синявский А.Д. Указ. соч. С. 13.

Вася и Тараканов, художник Г. Калиновский

в нем, таком вроде бы узнаваемом, вдруг может сбыться любое «если бы да кабы». Это герой-протей², постоянно меняющий свой облик и ускользающий от классификационных ярлыков. А вслед за беззаконным, блуждающим персонажем начинают запутываться и правила игры в мире Карманова, жанры внезапно теряются и обнаруживаются не на своих местах – и вот уже читатель оказывается во власти непривычной поэтики – *поэтики переменных величин*.

Поэтика трилогии как будто реализует говорящую фамилию главного героя, но в ее «куролесничаньи» есть своя логика; попробуем эту логику проследить. В зачине первой повести «Куролесов» читается прежде всего как «дурень», «бестолочь» и, конечно, ассоциируется со сказочным Иванушкой-дурачком. В начальных главах «Приключений» собраны почти все элементы «дурацкого» сюжета русских сказок: здесь и «невыполненное поручение», и «подмена» (смещающая поговорку «кот в мешке»), и «похвальба» («тертый калач», «стреляный воробей»), оборачивающаяся «посрамлением» («лопух»), и «qui pro quo» (симметрическое превращение потерпевшего в обвиняемого), и «путаница со страху» (собака, принятая за злоумышленника). Подобно сказочному Ивану, Вася Куролесов отправляется в путь при деньгах, а возвращается с пустыми руками; проходит через ту же стадию осмеяния (у Афанасьева: «Эх ты – простота!», «Экой дурак!»³; у Коваля: «А ну-ка, Вася, <...> расскажи, как ты поросят покупал»), скатывается к той же роли «худшего героя», обладателя «худшего существа»⁴ («паршивого пса»). Иванушка из афанасьевских сказок продает быка березе, только что купленные шапки надевает на пни, запрягает стол вместо клачи⁵. Вася захвачен чуть ли не тем же вихрем чепуховины, когда маскировка (приклеенные усы) оборачивается уликой против него самого, четвероногий друг принимается за «смертельного» врага, а письмо в милицию опущено в ящик для вопросов и ответов.

На сюжетном переломе, в середине первой повести, сказочная линия достигает своего пародического предела. Мало того, что Вася, горестно осознавший себя в ряду «бесщастных» героев русского фольклора⁶, уже готов свести свою «до-

люшку» к самой жалкой метонимии – к «куриной косточке»¹; его жанровая роль вдобавок еще и подвергается уничижительному суду и жалостливому оцениванию самой героической сказки в лице ее трех богатырей. Ожившие в куролесовской фантазии герои с известной репродукции, по сути, не хотят признать за страда- тельным, слепо барахтающимся в недоразумениях персонажем права на актив- ное приключение: «Глупо, Вася, глупо»; «Зачем ты влез в эту историю?» – таков, как кажется ему, приговор Добрыни Никитича и Ильи Муромца.

Но вряд ли Вася в этом эпизоде верно оценивает знаки, посылаемые ему богатырями. Илья Муромец пристально смотрит с картины, «поставив над глаза- ми ладонь козырьком», – не указывает ли этот жест на новую дорогу, предстоящую Куролесову? Добрыня Никитич равно- душно взглядывает в окно, где виднеются «яблони и ульи между ними», – не намек ли это на важнейший шаг по этой дороге, на детективное озарение Васи («Всё ясно!»; «Вжу- вжу-вжу...»)?

Так скрытые, еще самому герою не ясные знаки готовят жанровый перелом, «щелчок в сюжете»². Поворотным мо- ментом в повести становится смена отношения Васи к фа- бульной фортуне и сюжетной динамике. «Главное ехать», – решает он; и отдается на волю случая: «остальное получится само собой». «И, в общем, он был прав», – так автор дает понять, что его герой на ходу перескочил в другой жанр, в пространство авантюры. В мире приключений стихия «авось» всегда благоприятствует отчаянным и безрассудным – не тем, кто следует за своей судьбой «куриными» шагами³, а тем, кто вносит сумятицу в привычный ход вещей – «куролесит».

Богатыри с васнецовской картины седлали коней для новых подвигов; Васе Ку- ролесову, в соответствии с другим, весело-сумасбродным значением своей фа- милии, удается оседлать случай.

Корень «приключения» связан со словом «клюка». Клюка – это палка с кривым верхним концом, которым можно что-то зацепить. По логике метафоры, когда одно событие цепляется за другое – это случай; когда цепляется кстати, к лучше- му – это удача: приключение рождается из случая и порождает удачу; то, что в обычном мире было бы невпадом, то в мире авантюры оказывается в самый раз. Открыв в себе волю «была не была», вопреки житейски-разумному, прежний го- ре-персонаж, претерпевавший всякие напасти «курам на смех», разом превра- тился в везучего и победительного героя остросюжетного повествования.

Авантюрное время движется неравномерно, резкими рывками, повинуюсь импульсам «вдруг»: чем внезапней встреча, решение, поступок, тем вернее они ведут героя к свершениям и достижениям. Удвоение и утроение нелепостей (Вася в роли «лошади», сам бегущий «на ловца», как раз в бандитское логово) под воздей- ствием этого чудесного «вдруг» оборачивается двойным, тройным успехом. Про- никнувшийся духом приключений, герой в хаосе, в беспорядочной круговерти событий улавливает особый, синкопированный ритм, а потому обретает дар на бегу ловить намеки фортуны, хвататься за обрывки шальных шансов, творить события из пустя-

¹ Глава «Собачья жизнь»: «Да, бывают на свете такие люди, которым не везёт. Они вечно опаздывают на поезд и поку- пают пса за поросят. Вся их жизнь – сплошное невезенье. Иногда кажется: вот-вот долж- но повезти, вот-вот ухватят они за хвост синюю птицу, а оказы- вается, это и не синяя птица, а так себе, воробышек, воро- нье перо, куриная косточка».

² См.: Синявский А.Д. Указ. соч. С. 14.

³ Вася «старался шагать сме- ло и уверенно, но шажки по- лучались мелкие, куриные» (наст. изд., с. 23).

ка. До перелома герой повести сравнивался то с фонарным столбом, то со шкафом-гардеробом, после перелома – с разрушительной стихией («...можно было сказать, что Вася пронёсся, как ураган, разрушая всё на своем пути», наст. изд., с. 41). Прежде, сталкиваясь с опасностью, сердце его падало вниз («...Тут же сердце Васино ахнуло и полетело куда-то в глубокий колодец», с. 26), на волне приключения – стремится вверх («...сердце его ударило в уши с колокольным звоном», с. 40).

Так сюжетная инициатива полностью переходит к Куролесову. Оперативники следуют правилам – «разрабатывают» и выжидают: «Как иной огородник терпеливо обрабатывает почву, чтоб посеять в ней огурцы, так действовал и капитан» (с. 37). Но стоит появиться Васе – и события мгновенно ускоряются в стремлении к скорейшей развязке. Если опытные милиционеры теряют след, полагаясь на привычные методы, то он тут как тут: нелепый пес его вдруг превратится в вездесущего «помощника», а сам герой непременно окажется в нужное время в нужном месте, выследит бандита по наитию, примет решение по вдохновению.

Первым апофеозом Куролесова становится эпизод с урной. Когда-то он в бессильной злобе мысленно ругал рецидивиста Курочкина «куриной слепотой», и эта брань тогда оборачивалась против него самого; и вот Вася действительно ослепляет своего противника не просто надетой тому на голову урной, а молниеносным движением мысли («Что-то сверкнуло у Васи в голове, какая-то молния», с. 45). При этом окурки, метафорически сыплющиеся из урны на плечи преступника (отбросы быта – на отброс общества), иронически противопоставляются другим окуркам, которые прежде капитан Болдырев собирал как улики – так аккуратно, старательно и так бесполезно с точки зрения сюжетного действия¹. Этими намеками подготовлен финальный апофеоз главного героя «Приключений» – урок настоящей «дедукции», данный былым простаком самому умудренному службой капитану. Общие места («Деньги не пахнут») и следовательская задумчивая обстоятельность («Болдырев прикрыл глаза, задумался...», с. 46) опрокинуты куролесовским вихревым мышлением в ритме авантюры, его приключенческим нюхом, учувявшим «медовый» след.

В первой повести, при всей непредсказуемости деталей, юный герой шел по следу еще вперед и вверх, сюжет развивался по прямой – через испытания к инициации. Но уже в рецензии, появившейся сразу после публикации позднего продолжения «Куролесова» – «Промаха гражданина Лошакова», было справедливо отмечено, что между этими книгами – «пропасть»². Таков закон поэтики Юрия Ковалея: после сюжетной прямой – непременно зигзаг, смена повествовательного механизма, переименование персонажа. В «Гражданине Лошакове» герой трилогии начинает «куролесить» не так, как прежде, по-новому, внезапно отыгрывая основное значение своей фамилии – «буянить», «озорничать». Он «дурит» теперь против самого завоеванного им жанра – авантюрной повести. Уже вроде бы завершив в «Приключениях» восхождение от «простака» к «борцу с преступностью», от тракториста-стажера к ловкому и смелому оперативнику, в поздней повести Куролесов вдруг попадает в круг колебаний и оборачиваемости: то он оперативник, то вновь тракторист («...куда тут открыть

¹ См. об этом в соответствующем комментарии.

² Васюченко И. Указ. соч.

люк: в сторону милиции или в сторону тракторизма? Неясно», с. 91), то лихой боец, то прежний простак. Но этого мало: в азарте метаморфоз персонаж-импровизатор уже готов сыграть любую роль, в любой маске, хоть бы и на пределе бурлескно-трагестийной нелепости. По ходу все время выскакивающего из пазов сюжета Куролесов предстает не только пародией на частного сыщика или героического милиционера, не только в доведенном до абсурда амплу любовника, но и гипнотизером, ожившим мертвецом, мнимым привидением, обладателем позаимствованной из комиксов «суперсилы».

Вслед за главным героем расшатывается в «Гражданине Лошакове» и авторский мир как таковой. Чуть ли не все элементы текста как будто стремятся обрести свободу от тирании сюжета, добиться самостоятельности и самодостаточности; каждый из них словно сигнализирует читателю: «Я сам по себе. Во мне вся соль. Зацепись за меня».

Взять хотя бы демонстративные выходы пространства и времени. В «Приключениях» город Карманов воспринимался как комически смещенный и обработанный гротеском подмосковный городок, в одном ряду с Тарасовкой и Перловкой; в «Гражданине Лошакове» он вместе с городом Картошиным теряет географическую определенность и превращается в аномальную зону, фантастический анклав, в который следуют по маршруту небывальщины. Вот и сюжетная путаница с Кармановым и Курском в зачине повести – не просто комический ход, а намек на символическое соотношение городов: если Курск находится в пространстве обычного курса людей и вещей, то Карманов – это как бы тайный карман мироздания, в котором пространство искривляется, гротескно играя с людьми и вещами. Так, иной раз кажется, что в кармановской жизни отсутствуют обыватели, что всякий здесь или замаскированный милиционер, или вор; и уже во второй

Иллюстрация Леонида Тишкова (первая публикация повести «Промах гражданина Лошакова», журнал «Пионер», 1989, № 9–10); внизу – форзац первого издания «Приключений Васи Куролесова» (М.: Детская литература, 1971, художник Лев Дурасов)

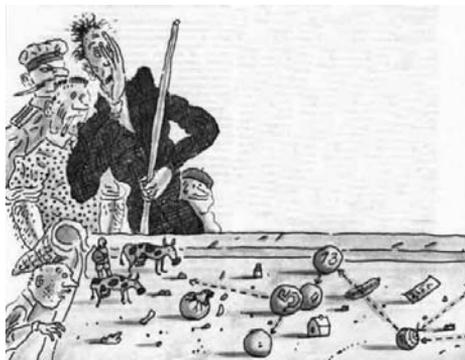

главе – в то время как Куролесов и его пес выслеживают в городе еще не совершенные преступления («...ты давай нюхай внимательно. Нет ли чего нового?», с. 53), вор Сыроежка выслеживает его кожаное пальто.

Искавление пространства сопровождается произвольной игрой времени. Его новую повадку можно проследить по тому, как в ранней и поздней повестях ведут себя пули. В «Приключениях» уже разыграно кинематографическое замедление пули, да еще и с элементами мультипликационного олицетворения: «Пуля только ещё пробивала дверь, только ещё высовывала наружу свою медную змеиную головку, а Болдырев и Вася уже махнули с крыльца» (с. 24). Однако та игра, которую затеяли «пуля-дура» и потешное время в «Гражданине Лошакове», оставляет далеко позади последние границы условности и меры. В конце главы «Вася ботает и чирикает» «пуля-дура полетела в открытую Васину грудь», но и через одну главу («Взгляды в полной темноте») она продолжает лететь еще целых пять абзацев, успевая при этом вполне персонифицироваться и, как на ускоренной записи, прокрутить конспект романа воспитания – образоваться, поумнеть («Она летела и по дороге немножечко умнела», с. 73), обрести нравственные принципы и чувство вины («Она понимала, что вонзаться в грудь беззащитного Васи нехорошо, подло, безнравственно», с. 74), вступить в диалог с Васей и в конце концов позволить ему увернуться.

Неудивительно, что зима, так выразительно описанная на первых страницах повести («снежок хрустел, сани скользили»), вдруг и совершенно немотивированно превращается в позднее лето или осень: Вася оставляет для друзей-милиционеров свежие грибы-подсказки.

Той же центробежной тенденцией отмечена и система персонажей поздней повести. Эта воля к обособлению и образованию собственного сюжета сказывается уже в ее названии. Гражданин Лошаков, не довольствуясь предназначенной ему скромной ролью потерпевшего, лихо врывается в повествование, требуя себе отдельной сюжетной линии. Лошаков-бильярдист так же сбивает читателя с основной интриги, как безумец Носкорвач сбивает со следа оперативников (глава «Бильярд по-кармановски»). Более того: не пародирует ли обнаглевший, разбуянившийся персонаж самого автора, загоняя шары в лузу то щеткой, то стулом? Не так ли и автор, хотя бы в этой же сцене, добивается литературного эффекта, используя все более нелепо-изошренные приемы? Неслучайно опера-

Бильярд по-кармановски
в иллюстрациях Л. Тишкова

тивники прерывают представление именно в тот момент, когда Лошаков собирается ударить по шару урной («Урны не надо! Ваши документы!», с. 83): это бы грозило обесценить авторское использование урны как героического предмета в финале «Приключений Куролесова».

Комическая борьба за единство повествования разворачивается не только вокруг «лишних» персонажей, но и даже вокруг их метонимических признаков и атрибутов. Так, усы старшины Тараканова тоже претендуют на свою долю сюжетного времени и пространства – и чем больше, тем лучше. Не поэтому ли капитан Болдырев, главный борец за четкость и последовательность сюжета («прямую капитанскую линию»), все время требует от старшины сбрить усы и все-таки никак не может этого добиться. Таракановские усы цепляются не только за еловые ветки – еще больше они цепляются за внимание читателя, отвлекая его на себя, – «распространяются»: «Тараканов, что ль, усами трещит?» (с. 61); «Усы старшины немного подёрнулись золотой смолой и смахивали издали на сосновую ветку, подсвеченную солнцем» (с. 65); «Протянул ус от дерева к дереву, на пару километров хватит» (с. 69); «Капитан осторожно вступил в дом. Усы Тараканова потянулись за ним»; «Надо брать!» – ответил усами старшина» (с. 72).

Но и усам старшины не угнаться за теми проделками, что вытворяют в «Гражданине Лошакове» метафоры и прочие образные средства, громко заявляющие о своей самодостаточности и автономии. Если преобладавшие в «Приключениях» эффектные сравнения все же знали свое место, свою служебную, красочно-декоративную роль (часы как репа, щеки как грецкий орех, усы как соломинка, глаза как мыши из подвала), то в поздней повести они захватывают целые главы, форсируют границы между ними, штурмуют композиционные перегородки, берут в плен персонажей.

Пример такого, катастрофического, расширения метафоры – стершаяся, бледная образная формула «облако любви», подчинившая себе едва ли не треть всего текста. Сначала эта метафора реализуется, обретает материальный объем и физические параметры («Скоро это было уже совершенно круглое облако, которое имело полтора метра в диаметре» (с. 84)) – процесс, сопровождающийся к тому же еще и травестийной игрой слов («звуки бака» вместо Баха и всех ассоциаций «под музыку Вивальди»). Через главу метафорическое облако начинает всерьез препятствовать персонажам в их стремлении «на асфальтовый проспект разума», сбивая их на «идиотскую дорожку»: старшина Тараканов вынужден его обходить, а капитан Болдырев задевает плечом; далее оно раздваивается, и та часть, что осталась с Васей Куролесовым, начинает самым бесцеремонным образом вмешиваться в ход событий. Недаром перед тем, как подчиниться взмывшей над сюжетом метафоре на пути к новым приключениям, главный герой ловит и выпускает пчелу: так путеводная, фабульная деталь, деталь-улика из первой повести (от мертвой пчелы, найденной в ухе Матроса, к финальной пчелиной

Усы старшины Тараканова глазами (руками) художника Виктора Чижикова. В книге «Куролесов и Матрос подключаются» (М.: Самовар, 2000): так – видимо, по-коммерческим соображениям, – был назван «Промех гражданина Лошакова»

«дедукции») уступает место детали как разрастающемуся пародийному облаку, затемняющему фабулу, а порой и подменяющему ее собой. В решающей схватке с Харьковским Паханом исход определяется уже не гениальным озарением Васи, а именно воздействием облака (глава «Второе убийство»), dorosшего уже до «бога из машины» – приема, который развязывал самые запутанные интриги древнегреческой драмы.

В «Пяти похищенных монахах», композиционно замыкающих трилогию, инициатива «куралесничанья» переходит от Васи к миру; сам же Вася становится скрытым центром, вокруг которого вращается действие. Эта новая центральная роль – не просто роль бравого карамановского милиционера (отчего в тексте так и не указано, какую должность он занимает в милиции): перепрыгивая через все ступени милицейской иерархии, Куролесов превращается в карнавального советского супермена в духе мультяшного, кукольного гротеска¹. Он обретает способность внезапно появляться и незаметно исчезать («сразу же нырнул в

¹ Еще раз напомним о мультфильме «Шпионские страсти», в котором действует целая группа суперменов – советских милиционеров.

² Комарова Т. Указ. соч.

³ Логачёв В. Указ. соч. См. также в рецензии: Арцишевский А. «Пять похищенных монахов» // Дружные ребята (г. Алма-Ата, Казахстан). 1979. 28 февраля.

толпу и растворился», с. 125; «отошёл на два шага и вдруг быстро и неожиданно смешался с толпой», с. 168). Он вседух во всех своих масках-перевоплощениях – то он Веснушчатый, то Волшебный стрелок, то Перегретый, то Разгильдяй, то просто Вася; где бы ни угрожало зло – в бане, в тире, на рынке или в чистом поле, – он рядом, он начеку. Virtuоз езды и стрельбы, он предстает невозмутимо-спокойным, стремительным, остроумным, парадоксально-находчивым, ловким, как фокусник. «Собранный, подтянутый», он даже дверью хлопает «твёрдо» (глава «Стрельба по-кармановски»). Но обратная сторона тайного контроля, всегдашней помощи и защиты – незаметность, слитность с фоном; по-

этому главный герой трилогии, и в этой повести связывающий все сюжетные линии (Кренделя, Похитителя, банды Монахов), отступает в тень, за кулисы основного действия.

Так упрощается герой – сводится к одной, пародически заостренной функции. Зато предельно осложняется мир «Монахов»: мир самодовлеющих миров, фестиваль самых разнообразных, несоединимых, казалось бы, жанров. Весьма символично то, что композиционная ось повести опирается на две описательные главы, в которых развернуты красочные картины московского Птичьего и кармановского рынков: в свете рыночных сцен вся повесть предстает своего рода ярмаркой жанров, зазывающих читателя на множество голосов и раскладывающих каждый свой особенный, но неизменно привлекательный товар.

Жанровая калейдоскопичность была сразу, уже в конце 1970-х годов, замечена рецензентами – не без чуть комического недоумения: «Затрудняюсь определить жанр повести. <...> Это детектив с кражами, преследованием бандитов, погонями в духе вестерна. И это пародия на детектив, пародия откровенная, смешная»²; с патетическим восхищением: «Нет, не просто веселую детективную историю рассказал своим юным читателям Юрий Коваль! Он создал повесть психологическую и философскую, интересную не только детям, но и взрослым»³. У совре-

1. баклан **2.** улар **3.** буланный
козодой (эти три птицы иллюстрируют
комментарий к с. 114 про коллекцию
Николая Эхо, см. также на обороте)

1. дикая горлица **2.** космач
3. монах **4.** клинтух **5.** грач
6. почтарь **7.** скандарон
8. чеграш **9.** воронежский жук
10. орловский бородун
11. венский турман (носарь)
12. камышинский высоколётный
красный **13.** витютень
14. бухарский трубоч-барabanщик

1. сомик-кукушка 2. петушок 3. скалярия 4. телескоп 5. неон
 6. кардинал 7. жемчужный гурами 8. барбус 9. макропод
 10. шелеспёр (он, вообще-то, иллюстрирует другой комментарий,
 но «приплыл» сюда, воспользовавшись тематическим родством);
 перья: 1. вальдшнеп 2. перепел (покровное) 3. сойка 4. сыч
 5. свиристель 6. кеклик 7. удод 8. орел (маховое)

менного квалифицированного читателя рождаются совсем другие, но столь же восторженные ассоциации: «возникает хармсовский образ»; «следует <...> за Андреем Белым, за его “Котиком Летаевым”»¹. Список жанров, мелькающих и строящих пародийные гримасы на этом празднике текста, легко начать, но трудно исчерпать: здесь и ностальгические подростковые повести или циклы рассказов, с комической экзотикой балконов, окон и двора, и естествоиспытательная проза («в мире животных»), и очерк, скрещивающий Гоголя с Гиляровским, и насмерть запародированный милицейский боевик, и каникулярные пионерские приключения, и газетная юмореска, и травестированная психологическая проза («линия Похитителя»). Здесь ненавязчиво, почти незаметно скользят тени литературных аллюзий в тонкой игре комическими оттенками: бабушка-Волк иронически отсылает к Шарлю Перро; Похититель, любующийся собой в зеркале, напоминает о гоголевском Чичикове; Вася, лечащий нос чудодейственной мазью, – о первых шагах Д’Артаньяна. А рядом – крупный жест то ли гайдаевских, то ли даже мультипликационных погонь и драк. С головокружительной легкостью меняется авторская интонация: от ернического, все без остатка вышучивающего сказа, отвязной пародии – до лирического размышления и патетической интонации. В тексте, как на рыночной площади, заполненной толпой приемов, все время смещается ракурс, точка зрения, способ повествования: от «диалектики души» Похитителя до всеохватно-емкого рефрена «Еще бы».

И вот что важно: в этом удивительном раскладе *разного* с полной ясностью выступают два основополагающих принципа поэтики Юрия Коваля. Первый – *равноправие чудес*, будь то пародийное нарушение гравитации, остановка времени, опредмечивание слова или, например, банный восторг, полет голубя, улыбка Райки Пауковой в последнем предложении повести. Второй – *предельная авторская свобода*, не стесненная ни внешней конъюнктурой, ни внутренней дисциплиной. Формула, примененная великим филологом Борисом Эйхенбаумом к Гоголю, скорее впору Ковалю: над всеми действующими лицами «в виде режиссера и настоящего героя царит веселящий и играющий дух самого художника»¹.

* * *

Кому адресован наш комментарий к трилогии Юрия Коваля? Ответ на этот вопрос очень прост: тому, кому он будет интересен. Мы вполне отдаем себе отчет, что некоторым читателям с избытком хватит самих повестей, а вся дополнительная информация покажется им лишней и даже мешающей воспринимать легкий, воздушный текст писателя. Другим будет достаточно объяснения непонятных слов. Третьи посмотрят картинки и фотографии. Однако найдутся и такие читатели, которые вместе с составителями подлежащего комментария захотят просмаковать литературные и киноотсылки трилогии, как следует почувствовать атмосферу времени, в которое она писалась, а также увидеть, как повести о Васе Куролесове соотносятся с другими вещами Коваля.

¹ Ерёмкина О. Пять похищенных монахов. Читаю вместе с дочкой // http://community.livejournal.com/suer_vyer_/290056.html.

¹ Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Сборник статей. М., 1986. С. 50.

Тем строгим читателям, которые сочтут наш комментарий слишком «взрослым», напомним, что подобные упреки в свое время высказывались и в адрес детских книг самого Коваля. Юрий Иосифович, наконец, не выдержал и ответил на все претензии в своей программной статье «Праздник белого верблюда»: «Что же это такое – детская литература? Жанр или сгусток жанров? Возможно, “Нос” Гоголя – это детская литература, и, может быть, даже для самых маленьких. Ориентироваться можно и на Рабле, на Свифта. Писать надо так, как будто пишешь для маленького Пушкина. Увы, многие работающие для детей относятся к читателю снисходительно, свысока. Это неизбежно ведет к провалу. Кто, скажите, знает, какая сногшибательная личность читает сегодня “Мурзилку”? Я никак не уверен, что эта личность слабее моей. Нет, друзья, нам бы добиться ее снисхождения в будущем, а еще бы лучше – любви и доброй памяти. Когда мне редактор говорит: “Вы написали вещь не на возраст, взрослолато”, – меня берет тоска. Для кого “взрослолато”? Пожалуй, для редакторского представления о ребенке как о недалеком человеке»¹.

слева направо: первое издание «Приключений Васи Куролесова» (М., 1971), «A Pig in a Poke» (Abelard-Schuman; First Edition, 1975, illustrator Janosch), «Куролесов» с иллюстрациями В. Чижикова (М.: Самовар, 1990)

Наш комментарий иллюстрированный – в него включены фотографии, рисунки, обложки книг, часто очень редкие. Среди иллюстраций – живописные и графические работы Юрия Коваля. При составлении комментария были использованы результаты проекта «Европейская литература в компаративном освещении: метод и интерпретация», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

Наблюдениями, замечаниями и библиографическими справками щедро делились с нами любители творчества Коваля. Особая благодарность Ирине Волковой, Сергею Андрееву, Константину Елисееву, Ольге Ереминой, Тимуру Майсаку и Вере Семеновой, а также Павлу Антошкину, Георгию Бородину, Екатерине Козловой, Михаилу Назаренко, Татьяне Нешумовой, Марии Порядиной. Этот ком-

¹ Коваль Ю. Праздник белого верблюда // Литературная газета. 1988. 26 октября. С. 5.

ментарий вряд ли увидел бы свет, если бы не доброжелательное содействие, которое оказывали его составителям члены семьи писателя: Наталья Коваль, Алексей Коваль, Юлия Коваль и особенно Борис Иосифович Коваль (05.07.1930–04.06.2016).

Его светлой памяти и посвящают составители этого комментария свою работу.

Фото И. Бернштейна (слева) и О. Ерёмной

Олег Лекманов, Роман Лейбов, Илья Бернштейн

Комментарий

Список сокращений, принятых в комментарии

АУА – Коваль Ю. АУА. М., 1999.

Волкова – Волкова Ирина. Интервью с Юрием Ковалем 22 марта 1988 г. (не опубликовано).

Ковалиная книга – Ковалиная книга. Вспоминая Юрия Ковалья / сост. И. Скуридина <И. Волкова>. М., 2008.

Коваль 1989 – Коваль Ю. «Смотрите хорошенько, о волки!» // Московский комсомолец. 1989. 4 июня.

Костер-6, Костер-7, Костер-8, Костер-9 – Коваль Ю. Пять похищенных монахов // Костер. 1976. № 6–9.

Москвина – Москвина Марина. Танец мотыльков над сухой землей. М., 2012.

Приключения Васи Куролесова

С. 4 Приключения Васи Куролесова Фамилию «Куролесов», по свидетельству Ковалья (далее – К.), носил сослуживец его отца Иосифа Яковлевича Ковалья по уголовному розыску (см.: Ковалиная книга: 331). Брат писателя, Борис Иосифович Коваль (далее – Б.К.) рассказал нам, что Куролесов работал у Иосифа Яковлевича персональным шофером. А вот что сам К. сообщает о «Приключениях Васи Куролесова» (далее – ПВК) в одном из интервью: «Это рассказы моего отца, а был он начальником уголовного розыска Московской области в войну и после войны. Он приходил домой, и я любил его слушать. К тому же отец считался семейным юмористом. Папа был связан с тяжелейшей работой, а истории для своих рассказов он, конечно, старался выбрать повеселей, что-то такое для ребенка. Куролесов был одним из его сыщиков. Звали его Николай. Но у меня он сделался Васей, а слово “Куролесов” мне казалось просто чудесным и подходящим для такого персонажа, который тихо созрел во мне» (Коваль Ю. Что мне нравится в черных лебедях, так это их красный нос // Живая шляпа. 1994. № 1).

По воспоминаниям Б.К., непосредственным толчком для начала работы К. над ПВК послужил рассказ отца о том, как курские оперативники нашли злоумышленника по медовому запаху, который издавал забытый им на месте преступления мешок. В архиве дочери К., Юлии Коваль (далее – Ю.К.), сохранилось несколько больших писем Иосифа Яковлевича к К., в которых предлагаются разнообразные варианты будущего развития сюжета ПВК. Первое из этих писем начинается так: «Дорогой Юра! На скорую руку добавляю тебе несколько сценок, я их продумал, они могут быть использованы в твоём тексте. Конечно, при твоей редакции,

ты их можешь даже развить». «Это, в сущности, все я Юрке подсказал», – по воспоминаниям самого К., любил приговаривать его отец (Ковалиная книга: 326). Действительно, кое-что из придуманного Иосифом Яковлевичем пошло в дело.

Фамилия главного героя трилогии ориентирована на традицию «говорящих» «смешных» фамилий, в заглавии повести она выступает в роли визитной карточки персонажа, соединяющего простоватость, смекалку и детскую непредсказуемость. Отметим, что персонаж с такой фамилией действует в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова.

Иосиф Коваль в молодости. Фотография из семейного архива

С. 5 *Что мне нравится в чёрных лебедях, так это их красный нос.* К. очень большое значение придавал первой фразе произведения. Например, в интервью И. Волковой он с гордостью и на память цитирует зачины двух своих повестей – «Промах гражданина Лошакова» (далее – ПГЛ) и «Шамайка» (см.: Волкова). Смотрите в этом интервью далее: «Мне ведь иногда главное – начать, а вещь пишется сама собою, у меня вещи пишутся как бы сами собою, они как бы есть, и я их открываю, поэтому я так заранее вещь не придумываю» (Там же).

В этом отношении автор ПВК был схож с Юрием Олешей, с которым он встречался, и о творчестве которого писал курсовую работу, учась на филологическом факультете Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Как известно, первая фраза «Зависти» Олеси («Он поет по утрам в клозете») произвела в свое время фурор в литературных кругах.

Один из самых авторитетных рецензентов ПВК так охарактеризовал начальную фразу повести: «Нет, чтобы прямо сказать, что ему нравятся черные лебеди, он обязательно скажет об этом с подковыркой, чтобы его не заподозрили в сентиментальности» (Искандер Ф. Пружина юмора // Комсомольская правда. 1972. 11 июня).

С. 5 *Солнце укатилось за почтамт <...> я сидел на лавочке у Чистых прудов <...> В кинотеатре «Колизей» грянул весёлый марш и тут же сменился пулемётной очередью.* Это описание позволяет довольно точно определить местоположение рассказчика – он сидит на Чистых прудах лицом к Мясницкой (тогда Кировской), на которой расположено здание так называемого нового почтамта (Мясницкая ул., д. 28) и, соответственно, спиной к кинотеатру «Колизей» (Чистопрудный бульвар, 19а). Закрылся этот кинотеатр в 1970 г. – таким образом, действие пролога к повести, по-видимому, разворачивается в конце 1960-х гг. Осторожно предложить более точную датировку позволяет описание звуков, доносящихся из кинотеатра. Не подразумевается ли в комментируемом эпизоде один из самых популярных фильмов 1960-х гг. – «Неуловимые мстители» (1966), или, что еще более вероятно, его продолжение – фильм «Новые приключения неуловимых» (1968)?

По воспоминаниям Б.К., его младший брат в подростковом возрасте принимал участие в мелкой спекуляции билетами в кинотеатр «Колизей».

Первая сцена ПВК с изрядной точностью воспроизводит канонический зачин «Мастера и Маргариты» М. Булгакова (роман, который нам еще много раз придется вспоминать в комментарии к трилогии К.). Встреча на закате у московских прудов с присаживающимся на скамейку незнакомцем, разговаривающим загадочными фразами и поражающим воображение собеседника удивительными аксессуарами (волшебный портсигар Воланда, удивительные часы Васи) – все это выступает для читателя как сигнал иронического соотнесения двух зачинов. Можно еще вспомнить, что вдоль Чистых прудов, в отличие от Патриарших, действительно, ходит трамвай.

слева направо: Чистые пруды, кинотеатр «Колизей» (архитектор Р. И. Клейн), почтамт на Мясницкой (архитектор О.Р. Мунц при участии А.А., В.А. и Л.А. Весниных и В. Г. Шухова)

С. 5 *...он достал из кармана часы-луковицу, большие похожие на репу...* Такие часы называли карманными (см. далее о городе Карманове). Для конца 1960-х годов часы-луковица (даже если учесть, что их демонстрирует деревенский житель) – анахронизм, и таковые далее в повести читателю еще встретятся. Может быть, это связано с тем, что многие истории о Куролесове автору рассказывал отец, и действие их разворачивается в 1940–1950-е гг.? Не потому ли с предметным миром 1960-х гг. в ПВК иногда соседствуют реалии из более раннего времени? В одном из интервью К. сам говорил: «...какого времени мои детекти-

вы – это трудно очень сказать. Они вроде и сегодня, а вроде и вчера, не поймешь. Они как бы вне времени, в каком-то литературном времени находятся, конечно <...> примет времени я стараюсь не делать. Скажем, сегодняшнего дня. Как бы это немножечко все же вчера» (Волкова).

По воспоминаниям Б.К., часами-луковицей с гравировкой и мелодией был в свое время награжден отец автора ПВК – Иосиф Коваль.

С. 5 ...и в тот же миг раздалась мелодия: Я люблю тебя, жизнь, / И надеюсь, что это взаимно... Мелодия популярнейшей песни Эдуарда Колмановского 1956 г. на стихи Константина Ваншенкина, написанной для певца Марка Бернеса. Эта песня будет звучать при появлении Васи Куролесова во всех трех повестях.

С. 5 Я ведь тогда жил ещё у мамы. В деревне Сычи. Хотя все далее упомянутые и подразумеваемые в ПВК подмосковные населенные пункты располагаются по Ярославскому направлению, единственная в Московской области деревня Сычи находится в Шатурском районе, т.е. по Казанскому направлению. Размывая хронологические рамки своих повестей, К. в трилогии далеко не всегда стремится и к топографической точности: выстраивая художественное пространство Карманова и окрестностей, он часто тасует московские и подмосковные названия и реалии, ориентируясь не столько на достоверность, сколько на выразительность (в данном случае – комическую, подчеркивающую оторванность героя от шумной городской жизни, в которую ему вскоре предстоит погрузиться). Сравните с репликой Райки Пауковой о Жильце в повести «Пять похищенных монахов» (далее – ППМ):

Подмосковная деревня. Рис. Ю. Ковалья

«Живет один, как сыч, в двух комнатах». Еще сравните с признанием К. о месте действия его цикла «Чистый Дор»: «Жил-то я на самом деле не в Чистом Доре, а в деревне Гридинское. А Чистый Дор был неподалеку» (Ковалиная книга: 330). В цикле, напомним, описывается жизнь рассказчика именно в Чистом Доре.

С. 6 *Как-то весной, в начале мая, мама Евлампьевна и говорит <...> А вот поросят нету. Не купить ли?* Неизвестно, насколько мама Евлампьевна была политически грамотна, но тенденции чувствовала верно (как и все советские люди): после хрущевских гонений на подсобные хозяйства колхозников (и закономерного опустения рынков) в брежневскую эпоху личные хозяйства постепенно реабилитировались, так что пришло время понемногу заводить поросят.

С. 6 *...и поехал на рынок в районный центр. В город Карманов.* По свидетельству редактора Детгиза И. Скороходовой, «поначалу это были Мытищи. Но Мытищи, оказывается, нельзя упоминать, из-за какого-то там “неупоминаемого” <секретного военного – *Коммент.*> производства. Нужен вымышленный город. Вся редакции в задумчивости. Название придумал Карл <Арон – редактор Детгиза, где ПВК вышли первым изданием – *Коммент.*>. Очень удачное – город Карманов» (Ковалина книга: 132). Так запрещенные к упоминанию Мытищи превратились в Карманов (город, отсутствующий на карте Подмосковья, как бы спрятанный в карман).

Это отсутствие Карманова на карте будет в полной мере обыграно во второй повести трилогии – в ПГЛ. Сравните с суждением К. в одном из поздних интервью: «...мой город Карманов – это место неизвестное, оно несколько вне времени лежит и как бы вне пространства» (Волкова). Режиссер и актер Ролан Быков, мечтавший поставить художественный фильм по мотивам ПВК, хотел, чтобы город в этом фильме назывался «Держикарманширьевск. (Держикарманширьевского района)» (Быков Р. «Я побит – начну сначала!»: дневники. М., 2011. С. 610).

Мытищи. Привокзальная площадь. 1960-е

Сравните также с рассуждениями К. о собственных карманах в одном из его интервью: «Я ОЧЕНЬ не люблю свои карманы, потому что они дырявые. На самом деле в них нет дырок, а если и были, то давно заштопаны. И все равно мои карманы – дырявые. Положу, к примеру, в карман два рубля. Потом ищу-ищу – нету! Куда девались? Провалились в какую-то огромную дыру, которой на самом деле в кармане нет. Недавно встретил приятеля, который подарил мне стихи. И я эти стихи сунул в карман. А прежде, согласитесь, там были два рубля, правда, уже потерянные. И вот хожу и думаю: у меня в кармане есть два рубля и стихотворение. Елки-палки, это очень немало! И деньги есть, и поэзия. Много ли на свете людей, у которых бы все это было? А потом залезаю в карман — и ничего не нахожу. Глупые все-таки у меня карманы. Но это – моя беда. А как понять огромный дырявый карман, в который, как в бездну, летят миллионы, и проваливается поэт за поэтом. Кажется, и смысл нынешних времен в том, чтоб его подзаштопать. Но детская литература и сейчас пока что летит в эту дыру, мало на свете людей, которые думали бы о ней в государственном масштабе... Хотелось бы, чтобы они поумнели. Но вообще-то карман сам по себе – глупое явление природы» (Коваль 1989). Если эта метафора (карман = Россия/СССР) подсвечивает название города в повести, то

Карманов К. – наследник таких символических городов со смешными именами, представляющих всю Россию, как Скотопригоньевск («Братья Карамазовы» Ф. Достоевского) и Глупов («История одного города» М. Салтыкова-Щедрина).

В 1960-е город Мытищи имел статус районного центра. Отметим, что во многих произведениях, напечатанных в СССР в начале 1970-х гг., Мытищи упоминаются.

С. 6 «Кармановский колхозный рынок» Речь идет о городском рынке, на который привозят товары из колхозов района. Все официальные рынки в СССР именовались «колхозными». Здесь колхозники могли торговать продукцией своих подсобных (т.е. частных по сути) хозяйств, тут также процветала незаконная с точки зрения советской власти торговля продуктами подпольных артелей. Рынок как поле деятельности жуликов изображен в фильме Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965), который, наряду с другими комедиями о приключениях симпатичного наивного Шурика, а также Труса, Балбеса и Бывалого, повлиял на трилогию К.

С. 6 – Купи платок – чистый кумак! Кумак, «простая бумажная ткань, обычно алого, иногда и синего цвета» (Словарь В.И. Даля).

С. 6 Он увидел, что рынок стоит во дворе бывшего монастыря, весь обнесен каменной стеной, а по углам – башни с резными крестами. В описании придуманного кармановского рынка были использованы впечатления К. от хорошо знакомого ему реального рынка, располагавшегося между бывших церковных стен, а именно – до сих пор действующего Преображенского рынка в Москве (Преображенский Вал, 17), раскинувшегося с 1932 г. на территории старообрядческого Никольского монастыря. В Мытищах рядом с колхозным рынком никаких церк-

вверху: Рынок. Рисунок Ю. Ковалев; внизу: Преображенский рынок и северо-западная башня стены бывшего Никольского монастыря, окаймляющей Преображенский рынок, 1967 г.

вей и монастырей нет и никогда не было. По свидетельству Б.К., в изображении кармановского рынка также отразились некоторые реалии, которые К. наблюдал на стихийном рынке, располагавшемся возле платформы Клязьма по Ярославскому направлению (на три станции дальше от Москвы, чем Мытищи).

С. 7 *Каротель...* – сорт моркови; внешнее отличие – толстая, короткая, с закругленным концом.

С. 7 *«А что, – думал он, – может, и вправду патефон купить?»* А вот это не анахронизм – патефоны в 1960-е гг. еще не вышли из употребления, особенно в деревнях, хотя их уже и начали сменять электропроигрыватели.

С. 8 *...курили, выпуская изо рта тяжёлые махровые кольца.* Махровый, здесь, от слова «махра», т.е. махорка (самый дешевый курительный табак).

С. 10 *Балалаечный кулачок.* Балалаечник – болтун, тот, кто шумит без толку (жаргон.); т.е. речь, скорее всего, идет о кулачке болтуна, а не о кулаке или кулачище человека дела.

С. 10 *Так-так-так-так-так, – думал Вася. – Что же это получается? Пчела и запах мёда!.. Это, конечно, неспроста...* Возможно, это шутивная отсылка к дедукции Винни Пуха из книжки «Винни Пух и все, все, все» Александра Милна в 1969 г. переведенной старшим другом К. – Борисом Заходером: «Это жжжжжж – неспроста! Зря никто жужжать не станет. Само дерево жужжать не может. Значит, тут кто-то жужжит. А зачем тебе жужжать, если ты – не пчела? По-моему, так!»

С. 11 *...цельми днями копался в моторе старенького трактора «Беларусь».* Тракторы «Беларусь» производились на Минском тракторном заводе с 1950 г.

С. 11 *...планировал Вася из этого рыжего Матроса сделать себе друга на всю жизнь.* Отвергнутый всеми уличный пес станет не только другом, но и незаменимым помощником Васи. Смотрите в письме Иосифа Яковлевича Коваля к будущему автору ПВК: «...что если использовать пса в розыске негодяя<,> который его продал». Но также смотрите и в сказке любимого писателя К. – Бориса Викторовича Шергина «Волшебное кольцо», главный герой которой, Ванька, спасает от гибели щенка, а этот щенок впоследствии превращается в его волшебного помощника. В 1979 г. Леонид Носырев снял по сказке Шергина одноименный мультфильм, сценарий к которому написал К. Лишь самую малость преувеличивая, мы бы решились назвать ПВК современной вариацией на тему «Волшебного кольца».

Имя пса не только выдает в Васе романтика, но и напоминает читателю сочетание «пес Барбос» из названия фильма Л. Гайдая «Пес Барбос и необычный кросс» (1961). Здесь впервые появилось трио комических жуликов, пострадавших от чрезмерного рвения своего пса. Матрос, в отличие от Барбоса, поможет хозяину справиться с тремя жуликами, очень напоминающими гайдаевских.

С. 11 *Заведу-ка я себе тоже усы <...> Получились неплохие усы, которые осталось приклеить под нос казеиновым клеем.* Смотрите в предложениях, которыми Иосиф Яковлевич Коваль снабдил будущего автора ПВК: «Решил замаскироваться <,> прилепил усы». Но также смотрите в фильме Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» (1968). Там у туповатого злодея Лелика фальшивые усы отклеиваются в самый неподходящий момент. Заметим, что в фильме Гайдая тема усов так же, как и у К., несколько избыточна. В другом эпизоде главный герой Семен Семенович Горбунков, принятый неизвестным приезжим с Колымы за какого-то Володьку, подвергается расспросам о том, зачем он сбрил усы (как это делает Курочкин в ПВК).

С. 12 *...кинул в мешок колотого сахару.* То есть, сахару, который неровными кусками откалывают от цельной сахарной головы.

С. 12 *...будто бы там лежал наган.* Вид револьвера, разработанный бельгийскими оружейниками, Эмилем и Леоном Наганами.

револьвер системы Нагана

С. 12 *...Но усов попадалось мало и всё больше чепуховые – мышинные хвостики. Носы были, конечно, гораздо разнообразнее...* – и далее в трилогии многочисленные фрагменты об усах и носсах, вероятно, восходят к соответствующим описаниям из Н.В. Гоголя. Сравните, особенно в его повести «Нос», а также в «Невском проспекте»: «Здесь вы встретите усы чудные, никаким пером, никакою кистью не изобразимые; усы, которым посвящена лучшая половина жизни, – предмет долгих бдений во время дня и ночи, усы, на которые излились восхитительнейшие духи и ароматы и которых умастили все драгоценнейшие и редчайшие сорта помад, усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою, усы, к которым дышит самая трогательная привязанность их посессоров и которым завидуют проходящие».

В одном из интервью К. рассказывал: «Моим любимым детским писателем был Николай Васильевич Гоголь. “Нос” восхищает меня и сегодня, но помню, какое сногшибательное впечатление произвела эта повесть на меня в детстве. (Гогольто, конечно, не предполагал, что пишет для некоторых детей.) Иногда мне страшно подумать, что бы я сделал, если бы случайно встретился с Николаем Васильевичем. Мне довелось пожать руку прекрасным писателям: Анне Ахматовой, Михаилу Зощенко, Юрию Олеше... Но возможно ли подойти к Гоголю? Кланяться издали – вот наш правильный удел...» (Коваль 1989).

С. 12 *...как будто он старый усач вроде товарища Будённого.* Семен Михайлович Будённый (1883–1973), советский военачальник, персонаж фильмов «Неуловимые мстители» и «Новые приключения неуловимых», обладатель роскошных усов. Сравните комментируемый фрагмент с упреком мамы, обращенным к сыну – школьнику из очень популярной советской комедии того времени «Волшебная сила» (1970) (реж. Н. Бирман по рассказам В. Драгунского): «Оболтус! Усы, как у Будённого, а “Евгения Онегина” не читал».

С. 13 *Возьмём, к примеру, таракана, – размышляя он дальше, – вот у него усы на месте.* Эти размышления Васи предсказывают появление в финале главы усатого старшины Тараканова.

С. 13 *Обрежь ему усы, он и колбасу не учует.* Правильное терминологическое название для собачьих усов – вибриссы. Они чрезвычайно чувствительны, это едва ли не главный орган тактильного восприятия окружающего мира для кошек и собак. Вибриссы действительно работают в связке с обонянием.

С. 13 *...а лицо – рябое, так изрыто оспой, что напоминает рашпиль, которым обтачивают деревянные болванки.* Вася проявляет недюжинную пронырливость, угадывая прозвище стекольщика – Рашпиль.

С. 14 *Кроме того, прозывали его «Тараканий Ус» или просто «Тараканцус».* Это – вольная или невольная – но очень явная отсылка к канонической советской детской книге – «Кондуиту и Швамбрании» Л. Кассиля. Там такое прозвище совершенно закономерно носил злобный учитель латыни. Появление его в среде жуликов и карманных воров можно объяснить разве что исключительной популярностью книги Кассиля. Или счесть ироническим поклоном автора предшественнику.

С. 15 *...– Это он! Я узнаю его!* Черноусый подлец не только стремится оклеветать Васю, но и совершенно кощунственно и абсолютно точно цитирует входившее в школьную программу стихотворение В. Маяковского «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»: «Это – он. / Я узнаю его».

С. 15 *...– Рассказывайте по порядку, Курочкин...* Жулик оказывается не только преступником, обвиняющим жертву в собственном злодеянии, включая присвоение усов. Выясняется, что и фамилия его издевательски пародирует фамилию главного героя.

С. 15 *...булькая горлом, как голубь-горлица.* Горлица – род птиц семейства голубиных. Голубиная тема станет центральной в третьей части трилогии – ППМ.

С. 16 *Погоди, куриная слепота.* Куриная слепота (научное название – никталопия) – расстройство зрения, при котором человек плохо видит в сумерках, в полутьме. Еще так называют дикорастущие цветы лютик едкий и белену черную. Вася вспомнил здесь о куриной слепоте по сходству с фамилией ненавистного ему Курочкина.

С. 16 *...секретная бумага со странным названием «ориентировка».* Ориентировка на языке оперативников – документ, содержащий указания о цели розыска, разведки.

С. 16 *Матрос вылез из мешка.* В мультфильме ПВК, снятом В. Поповым в 1981 г. по сценарию К., доставание Матроса из мешка сопровождается репликой Курочкина: «Да чего с ними нянчиться, товарищ старшина?! К стенке – и делу конец!»

С. 17 *Взгляни, взгляни в глаза мои суровые, / Взгляни, быть может, в последний раз...* Строки из популярной лагерной песни «Этап на Север», сочиненной, по-видимому, в конце 1940-х гг. и в разные годы исполнявшейся под гитару Александром Галичем, Владимиром Высоцким, Аркадием Северным и самим К.

С. 17 *Туши свет!* Первая, обычно произносимая часть так называемой пустоговорки, т.е. присловья, употребляемого «просто так», для украшения речи. Полный текст этой пустоговорки: «Туши свет, хватай галушки!» – при нехватке пищи на

всех с внезапным наступлением темноты самые ловкие не упустят шанса втихую поживиться.

станция Тарасовка, 1970

С. 17 *Меня вся Тарасовка знает!* Тарасовка (Тарасовская) – железнодорожная платформа и населенный пункт по Ярославскому направлению (на две станции дальше от Москвы, чем Мытищи).

С. 18 *...одному пинджаку рога посшибал.* Перед К. в данном случае стояла непростая задача стилизации блатного жаргона в повести для детей. Решил он ее отчасти сходно с авторами сценария фильма

«Джентльмены удачи» (реж. А. Серый), вышедшего в том же 1971 г., что и ПВК. Там персонаж, изображающий уголовника, обращается к сокамернику с угрозой: «Рога поотшибаю, пасть порву, моргала выколю». Интересно, что играет этого персонажа тот же Евгений Леонов, который будет озвучивать Батона в мультфильме ПВК. Впрочем, угроза «рога посшибаю» (как у К.) в уголовном аргументе действительно зафиксирована (см.: Хукка В.С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира: Словарь-справочник. Н. Новгород, 1992. С. 166).

С. 18 *...в ржавых ботинках на микропоре.* То есть на подошве из особой резины с микроскопическими порами, хорошо выдерживающей перепады температуры.

С. 18 *...как будет плакать мама Евлампьевна, выйдя его провожать в дальнюю сибирскую дорогу...* Картина, возникающая в воображении Васи, складывается из мотивов, характерных для каторжного и дворового фольклора, в частности, для блатных песен типа «Этапа на Север». Например, мать заключенного жалобно описывается в песне «В воскресенье мать-старушка...», а «сибирская дальняя сторона» упоминается в песне «Глухой, неведомой тайгою...».

С. 19 *...уже пожарная сокольническая каланча позлащена восходом.* В своих дневниковых «Монохрониках» К. писал: «Всю жизнь, с самых детских лет люблю я каланчи пожарные. В них имеется много смысла и красоты <...> На свете, кажется, не было художника, который бы рисовал пожарные каланчи. Не могу вспомнить ни одной картины. Сам пробовал писать сокольническую, да не сумел» (АУА: 31–32).

Сокольническую каланчу К. «пробовал писать», когда жил в этом районе. Свой тогдашний быт он изобразил в рассказе «Капитан Клюквин», в котором упоминается и сокольническая каланча.

В утешение К. помещаем здесь репродукцию картины Б.Ф. Рыбченкова «Зимний пейзаж с пожарной каланчой. Сокольники» 1934 г.

С. 19 *Так точно, <...> Товарищ Болдырев...* По свидетельству К., сотрудник уголовного розыска Болдырев тоже служил под началом его отца. «Болдырев и Куролесов – это были папины сыщики. Они работали втроем» (Ковалиная книга: 331). Г.А. Могилёвская в рецензии на ПВК от противного сопоставляет этого персонажа повести с героем одноименной саги Льва Овалова (а также массы советских анекдотов) – майором милиции Прониным: «Капитан Болдырев, возглавляющий Кармановскую районную милицию, который спокойно делает свое дело, освобождая жизнь хороших людей от преступной накипи, конечно, ничем не похож на пресловутого майора Пронина, хотя автор иногда иронически напоминает об этом пародийном детективном герое» (Могилёвская Г. Детектив – специально для детей // *Семья и школа*. 1972. № 12. С. 51).

С. 20 *...живёт в Перловке, сторож картофельного склада.* Перловка (Перловская) – железнодорожная платформа и населенный пункт по Ярославскому направлению (на две станции ближе к Москве, чем Мытищи). Сторожем картофельного склада на станции Томилино работал дядя автора ПВК, Аким Ильич Колыбин, о чем мы узнаем из рассказа К. «Картофельная собака».

слева: платформа Перловская, 1960-е. Названа по имени Василия Семеновича Пёрлова (1841–1890), представителя известной российской династии чаеоторговцев (вверху)

С. 20 *...Курочкин и есть тот самый мошенник, а Вася – простой человек.* К. иронически, но осторожно обыгрывает тогдашний газетный штамп «простой советский человек».

С. 21 *Маленько мерекую...* Мерекать, «думать, гадать, смекать, соображать, придумывать что, смекать, угадывать» («Словарь В.И. Даля»).

С. 21 *Допрос Матроса* Возможно, в названии главы шутивно обыгрываются штампы советской пропагандистской литературы: допрос партизана, допрос тан-

киста и т.п. Замечательно, что, как и в других случаях для иронического остраниения штампа автор использует поэтический прием: рифму.

С. 21 *Загнав гуся под милицейский мотоцикл...* Скорее всего, подразумевается «Урал М-62» – мотоцикл с коляской. Гусь под милицейским мотоциклом появится в черновых набросках к ПГЛ (см. в нашем комментарии далее).

С. 24 *...он достал из кармана красную книжечку и развернул ее.* Речь идет об удостоверении сотрудника Министерства внутренних дел СССР.

С. 24 *Пуля только ещё пробивала дверь, только ещё высовывала наружу свою медную змеиную головку...* Стандартный материал для отливки пуль – свинец. Медными могут быть пули для охотничьего гладкоствольного оружия, но это – большая редкость.

С. 25 *...а на стенке висела маленькая картинка «Три богатыря».* То есть репродукция с картины В. Васнецова «Богатыри». Такие репродукции в советское время часто украшали стены квартир и гостиничных номеров. Сравните, например, в повести И. Грековой «На испытаниях» (1967): «Пожалуй, разумнее всего было бы пойти домой и лечь, но дома у него, собственно, не было, а мысль о своем номере с люстрой и картиной “Три богатыря” была ему противна».

В культуре советской эпохи сюжет картины стал объектом пародийного переосмысления, он наложился на широко распространенный в СССР обычай «соображать на троих». В популярной песне того времени, сочиненной поэтом Л. Дербеневым и композитором А. Зацепиным для фильма «Формула радуги» (1966), но быстро ставшей народной, картина Васнецова объявляется моделью для этого обычая: «Сделана отметка на стакане, / И укромный найден уголок, / И давно разломленный в кармане, / Засыхает плавленный сырок. / Ах, где ж ты, друг, наш третий друг? / Засыхает плавленный сырок. / Трое появились не случайно, / И троица придумана не зря, / Ведь недаром чуть не в каждой чайной / Есть картина “Три богатыря”». Заметим, что в ПВК действуют две троицы: настоящим богатырям (Болдырев, Тараканов, Куролесов) противостоят преступные Курочкин, Батон и Рашпиль. В связи с последней троицей мы уже упоминали и еще будем упоминать Труса, Балбеса и Бывалого из киноэпоса Л. Гайдая. Первая троица

слева: картину Васнецова воспроизвели и на папиросной коробке (московской табачной фабрики «Ява» и ленинградской – имени Урицкого)

заставляет вспомнить роман Александра Дюма-старшего «Три мушкетера». Вася, как и доблестный гасконец в Париж, является в Карманов из периферийного пространства, он несколько простодушен и сперва, как и д'Артаньян, по недоразумению оказывается противником будущих соратников. Возможно, необходимостью сделать Васю не третьим, а четвертым членом команды объясняется введение в ПВК образа загадочного милиционера Фрезера.

С. 27 *Вынув из кармана целлофановый пакетик, капитан аккуратно сложил туда окурки.* К. пародирует типичное для детективных произведений описание работы умелого сыщика. Сравните, например, в рассказе А. Конан Дойля «Постоянный пациент» о Шерлоке Холмсе:

«Он взял четыре окурка и стал рассматривать их в свою карманную лупу.

– Две сигары выкурены через мундштук, а две просто так, – продолжал он. – Две были обрезаны не очень острым ножом, а концы двух других – откушены набором великолепных зубов. Это не самоубийство, мастер Лэннер».

Окурки, собранные в пакетик, не помогут капитану Болдыреву поймать Курочкина, зато Вася в финале ПВК наденет урну с окурками на голову этого преступника.

С. 27 *«Тарасовская аптека. Настойка йода».* Одна из главных достопримечательностей Тарасовки – деревянное здание аптеки Я.Н. Волпянского (ул. Вокзальная, 70/2), открывшейся еще в конце XIX века и закрытой в 1916 г. В 1960-е годы здание тарасовской аптеки, как и сейчас, располагалось по адресу: ул. Вокзальная, 6.

аптека в Тарасовке
(современная фотография)

С. 27 *Хлеба взял, соли взял, бутылку взял. Надо бы воблы взять, да где ж её возьмёшь?* Речь идет не о конкретном виде лучеперой рыбы семейства карповых, а о сушено-вяленой рыбе вообще. В СССР в 1960–1970-е годы в магазинах она не продавалась, отсюда сокрушенный вопрос Рашпиля. Бутылка, по-видимому, водки (как и в соответствующем эпизоде мультфильма ПВК), хотя обычно воблу покупают, чтобы есть ее под пиво.

С. 28 *Он выскочил на середину комнаты, размахивая сумкой-авоськой...* Название «авоська» похожей на сеть сумки, сплетенной из толстых ниток, по одной из версий, вошло в русский язык в 1935 г.: эстрадный артист Аркадий Райкин дал такую сумку в руки своему персонажу, живущему надеждой «Авось-ка чего-нибудь принести» (автор монолога — писатель-сатирик Владимир Поляков).

С. 28 *...вытащил ключи и пачку папирос «Беломор».* «Беломорканал» – самый распространенный вид советских папирос – 5-го класса, выпускается с 1932 г. Названы в честь Беломорско-Балтийского канала (первая в СССР большая стройка, проведенная силами заключённых, родоначальница системы ГУЛАГ). В отличие от большинства других разновидностей сигарет, папиросы были очень дешевы, пачка «Беломора» (25 папирос) стоила 22 копейки.

С. 28 *Пускай лошадь думает, у ней башка большая.* Это не шутка Рашпиля и К., как можно было бы подумать, а популярная народная присказка. Сравните, например, в романе А. Чаковского «Блокада» (1968): «А это, барышня, пусть лошадь думает, – неожиданно грубо прервал ее Жогин, – у нее на то голова большая».

Дальше в ПВК «лошадью» будет предложено поработать Васе Куролесову, который действительно много думает.

С. 29 *...пиджак-букле...* Пиджак из ткани букле. Для букле используют пряжу с мелкими узелками, благодаря чему материя приобретает шишковатую поверхность. Форменной одежды из такой материи не шили, поэтому, надев пиджак букле, старшина Тараканов сразу же приобретает гражданский вид.

С. 31 *...часы «Полёт»...* С начала 1960-х гг. под этой маркой выпускаются Первым московским часовым заводом. В 1961 г. такие часы (модель «Штурманские») взял с собой в космос Юрий Гагарин.

С. 32 *...яблони папировки...* Папировка (или белый налив), летний зимостойкий сорт яблони.

С. 32 *И тут в свете карманного фонаря Болдырев увидел ужасную картину: какой-то растрепанный человек катался по земле, обхватив руками что-то косматое и несуразное.* Возможно, пародируется еще одна классическая детективная сцена из самого популярного романа Артура Конан Дойла «Собака Баскервиль»: сэр Генри Баскервиль борется с гигантским псом.

С. 33 *...и вцепился в галифе старшины.* Галифе, здесь, милицейские форменные брюки, облегаяющие голени и сильно расширяющиеся на бедрах.

С. 34 *А ты парень сообразительный, только, пожалуй, трусоват.* Отсылка к зачину хрестоматийного стихотворения Пушкина «Вурдалак» («Трусоват был Ваня бедный...») и ко всему этому стихотворению, в котором несчастный Ваня в ночной темноте принимает собаку, грызущую кость, за нечистую силу. По воспоминаниям А. Дорофеева, именно это пушкинское стихотворение К. задал ему однажды выучить наизусть (Ковалиная книга: 109–110).

В итоге Болдырев переменит мнение о Васе, и тот получит часы с надписью «За храбрость».

С. 35 *Жду ответа, как космонавта ракета.* Актуальная для 1960-х гг. переделка часто употреблявшейся до этого концовки писем: «Жду ответа, как соловей лета».

С. 36 *...и дни, как рыбки, уплывали.* Парафраз любимого присловья Бориса Шергина: «А дни, как гуси, пролетали». Сравните об этом присловье в мемуарном очерке К. «Веселье сердечное» о Шергине: «Он очень любил эту фразу. Во многих его рассказах снова встречаемся мы с ней – и тронет душу печаль, которую Борис Викторович называл “весельем сердечным”» (АУА: 137).

С. 36 *Щепки летят* Возможно, это не только отсылка к старой поговорке, но и ироническое цитирование слов И. Сталина, будто бы сказанных в оправдание террора конца 1930-х гг.: «Лес рубят – щепки летят». Сказано это было о людях, уподобляемых деревьям; у К. в главе наоборот – поленья будут уподоблены людям.

С. 36 *Сегодня была нерабочая суббота...* Это – не поэтический эпитет, а деталь быта: переход на пятидневную рабочую неделю в СССР начался только в середине 1960-х и был постепенным: время от времени (несколько раз в год) в некоторых городах субботы были рабочими.

С. 37 *Все вопросы были заданы, ответы на них получены, и в ящик никто не заглядывал.* Вероятно, идилически-издевательское изображение эпохи советской жизни, которую сейчас ретроспективно называют «периодом застоя».

С. 38 *Слушай ухом.* Первая часть пословицы (или пустоговорки, учитывая любовь Батона к этому типу высказываний) «Слушай ухом, а не брюхом».

С. 38 *...надо только, чтобы Вася поработал лошадю.* В данном случае К. не стилизует блатной жаргон, а пользуется им. Лошадью блатные иногда действительно называют мелкого вора, используемого для переноски краденого.

С. 38 *Телевизор мы сами понесём...* Тема кражи телевизоров будет развернута в третьей части трилогии – ППМ.

С. 38 *«Культурные товары».* В Тарасовке магазина «Культтовары» в 1960-е годы не было. Один из таких магазинов располагался на ул. Тургенева в г. Пушкино (две станции от Тарасовки по Ярославскому направлению от Москвы). Несколько таких магазинов было в Мытищах.

С. 39 *Удивительная всё-таки станция Тарасовка. Здесь есть всё...* В частности, близ станции Тарасовская была дача отца К., Иосифа Яковлевича, на которой рос (и которую вместе с отцом и братом строил) автор ПВК.

С. 39 *У дороги под расписным навесом разместилась закусочная «Кооператор».* Из-под навеса вываливает на улицу дым и кавказский запах жареного лука и мяса. Этот запах <...> подбирается к стадиону «Спартак». В данном случае К. почти фотографически точен. Знаменитый ресторан «Кооператор» действительно находился у самой платформы Тарасовская (ул. Вокзальная, 1). Директором ресторана был Амиран Ильич Джапаридзе. Б.К. сообщает, что Джапаридзе прятельствовал с отцом К. и с самим К. и в виде дружеского жеста иногда присылал им на дачу несколько «палочек» шашлыка из ресторана. При ресторане размещалась чебуречная. Напомним, что название «Промкооперация» первоначально носила футбольная команда «Спартак».

здание ресторана «Кооператор», стадион команды «Спартак» в Тарасовке (современные фотографии)

С 1935 г. в Тарасовке располагаются футбольная база этой команды и большой стадион при ней, о котором и идет речь в комментируемом фрагменте. Матчи большого чемпионата СССР на стадионе в Тарасовке проводились считанные разы, но преданные болельщики «Спартак» приезжали сюда посмотреть на игры дублеров, а также на тренировки.

О фотографически точных деталях, обогащающих весьма вольное повествование, смотрите реплику К., приводимую в воспоминаниях А. Дорофеева: «Конечно, насочинять можно с три короба, – говаривал, бывало, Юра, – но все это вряд ли удержится без точных образных деталей, которые надо узреть собственными глазами» (Ковалиная книга: 114).

С. 40 ...и секунду казалось, что Вася поднял его на рога. Своеобразная месь за того «пинджака», которому Батон ранее «рога посшибал».

С. 40 Он закрутился по комнате, будто танцевал бешеный танец лезгинку... Глава, начинающаяся «кавказским запахом жареного лука и мяса», закономерно завершается «лезгинкой».

С. 41 Издалека-а-а-а / До-о-о-лго / Течёт река / Во-о-о-лга... Начальные строки песни Марка Фрадкина на стихи Льва Ошанина «Течет река Волга» (1962). Песню исполняли Марк Бернес, Владимир Трошин, а также Людмила Зыкина, чье пение отличалось особой протяжностью. Наверное, ее исполнение и подразумевается К.

С. 41 ... Что-то захрустело в телевизоре... из него, как из посылки, высыпались какие-то стеклянные орехи. Современным читателям, видимо, уже следует объяснить, что имеются в виду радиолампы – электронная «начинка» тогдашних телевизоров.

С. 41 ...вынул из кармана перо – острый стальной нож, с рукояткой, набранной из разноцветных стёклышек. Пером нож называют на блатном жаргоне. Изготовлением ножей с рукоятками из оргстекла занимались умельцы в тюрьмах и лагерях. В одной из предыдущих глав Вася сокрушался, что жизнь вместо пера синей птицы подсовывает ему «воронье перо», и вот теперь перед его глазами нож – «блестящее перо размером не больше вороньего».

С. 42 *Стой! – закричал он. – Стой, Курица! Стой, дешёвая повидла!* Слово-сочетание «дешевое повидло» в качестве ругательства иногда использовалось и до ПВК. Сравните в очерке М. Шагинян 1958 г. о стилистах: «Своих они называют элегантными кличками “чувак” и “чувиха”, – представителей прочего мира – “дешевое повидло”» (Шагинян М. Очерки. 1941–1969. М., 1973. С. 425). Сравните также в «Словаре ненормативной лексики»: «*Повидло* – 1. надоедливый, прилипчивый человек. 2. Чурбан, болван, дубина; *Дешевый* – ненадежный, продажный».

Но именно после повести К. и мультфильма ПВК ругательство «дешевая повидла» пошло в народ так же, как «редиска – нехороший человек» после фильма «Джентльмены удачи».

С. 44 *Маленький коричневый человечек бежал по рельсам. Прямо на него наваливался паровоз. Сбоку стояла толстенькая коричневая женщина. В ужасе она отшатнулась. И коричневый человек, и женщина, и паровоз были нарисованы на железнодорожном плакате. На нём было написано: «Что тебе дороже? / Жизнь или сэкономленные минуты?»* К. очень точно описывает один из самых распространённых в СССР железнодорожных транспарантов.

С. 46 *Пословица такая есть: деньги не пахнут.* Как известно (например, от историка Гая Светония Транквилла), первым, кто догадался обложить налогом общественные уборные, был император Веспасиан (9–79 гг. н. э.). Его сын, будущий император Тит, упрекал отца в пренебрежении приличиями и недостаточной брезгливости. Веспасиан поднес монету из первых «клозетных» доходов к носу сына и спросил, чувствует ли тот вонь. Так возникло крылатое латинское выражение *Aes non olet* – «деньги не пахнут».

С. 48 *...милицейский одеколон «Шипр»...* Одеколон марки «Шипр» выпускался фабрикой «Новая заря». Содержание этилового спирта в нем было не менее 70%. «Шипр» был самым распространённым одеколоном советских мужчин среднего достатка, поэтому он и назван «милицейским». «Правильный» капитан Болдырев дезинфицирует «Шипром» пчелиный укус, а не распивает его на троих со старшиной Таракановым и Васей, как это, вероятно, сделало бы ещё одно трио из ПВК – Курочкин, Рашпиль и Батон.

С. 48 *Емельяныч вынул из него одиннадцать фотоаппаратов «Зенит», четыре транзисторных радиоприёмника «Горизонт», двадцать ручных часов «Кругозор» и сто сорок девять золотых колец, надетых на палочку. Причём палочка оказалась из чистого серебра. После этого Емельяныч вынул и деньги, завернутые в «Вечернюю Москву» от 17 июня.* В этом ироническом перечне пародируются два штампа детективной литературы. Первый штамп: ради достижения

Советский «Шипр» имитировал одноименный французский одеколон *Chypre Coty*

эффекта точности и документальности авторы детективов часто указывают на мелкие, третьестепенные детали, а главное случайно упускают (К. сообщает, сколько было колец, а сколько денег – нет; говорится, что «Вечерняя Москва» была от 17 июня, а какого года – умалчивается). Второй штамп: авторы детективов любят поражать читателя красочным перечислением богатств, награбленных преступниками (у К. даже палочка, на которую нанизаны золотые кольца, оказывается серебряной).

Малоформатные однообъективные зеркальные фотоаппараты «Зенит», которые начали выпускать в СССР с 1952 г., высоко ценились советскими фотолюбителями. Транзисторные радиоприемники «Океан» с 1969 г. выпускались на минском радиозаводе «Горизонт». А вот такое же романтическое, как «Зенит» и «Горизонт» название «Кругозор» для наручных часов было К. выдуманно (отчасти как звуковое эхо, отчасти – как смысловой повтор двух других названий), что заставляет нас еще раз вспомнить о разнице между исторической реальностью 1960-х гг. и художественной реальностью ПВК.

С. 49 *...хватая его за портупею...* Портупея, здесь, форменный милицейский ремень, перекинутый через плечо для ношения кобуры с пистолетом.

С. 49 *...«газик»...* Речь идет о легковом автомобиле ГАЗ-69, который в 1950–1980-е гг. был штатной милицейской машиной.

С. 49 *...и телевизор «Рубин».* Марка советских и российских телевизоров, выпускаемых на Московском телевизионном заводе «Рубин» с 1956 г.

С. 50 *– А какой оклад?* Оклад, здесь, это получка без всевозможных дополнительных выплат. В 1960-е гг. оклад рядового работника милиции несильно отличался от среднестатистического оклада городского рабочего, но значительно превышал заработка колхозника. В 1967 г., например, он составлял чуть больше 100 рублей в месяц.

С. 50 *– Сапоги, – вставил Тараканов, – хромовые!* Качество офицерских хромовых сапог (сшитых из мягкой тонкой кожи, выдубленной хромовыми солями) куда лучше, чем повсеместно распространенных тогда солдатских кирзовых, это и подразумевает старшина Тараканов, завлекая Васю на службу в милицию. По воспоминаниям Б.К., в отслуживших свой срок офицерских хромовых сапогах отца с белой изнанкой, верхнюю часть которой модно было заворачивать, щеголял он сам, а подросток К. ему отчаянно завидовал и однажды, когда Б.К. оказался в больнице, К. поспешил временно присвоить хромовые сапоги брата.

«Сапоги – вещь хорошая» – так озаглавлен один из черновых вариантов начальной главы ПГЛ.

С. 50 *Бэмское. Такого стекла на свете нет. Есть богемское.* Богемское стекло – дутое стекло, которое производится по старинным традициям в Чехии.

В русских технических сленгах много слов немецкого происхождения, по-немецки Богемия – *Böhmen* (Бёмен), богемский – *böhmisch* (бёмиш). Соответ-

ственно, в «бемское стекло» богемское стекло стекольщики превратили уже в начале XX века. Но именно К. юмористически обосновал смысл этого превращения («бэмс!» – звон стекла). Сравните также в романе старшего друга К. – Юрия Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» (1938–1958):

«– Милый, мне ведь некогда, – сказал вдруг Гарднер. – <...> Какое стекло вам нужно – бемское, двойное, химическое, небьющееся?... Ну, скорей, скорей!

– Я бы хотел, конечно, бемское, но...

– Бемское! – кивнул головой Гарднер и записал это слово над строчкой».

Также сравните, например, в «Угрюм-реке» (1932) В. Шишкова: «...этот проклятый Оглышкин, выхлестнул мне бемское стекло».

С. 51 *Казеиновый клей* Казеин – вещество, образующееся при створаживании молока. Казеин действительно входит в состав не только соответствующего клея, но и творога. Происходит слово «казеин» от латинского «caseus» (сыр). А вот этимология слова «коза» не установлена. Некоторые историки языка считают, что оно было заимствовано из одного из алтайских языков, где было междометием, служившим для подзывания козы.

С. 51 *Маренго* Несмотря на «иностранное» звучание этого слова (происходящего от названия селения в северной Италии) цвет оно обозначает только в России. Сначала это был темно-коричневый цвет, но после победы Наполеона над австрийцами в битве при Маренго в 1800 г. словом «маренго» стали обозначать серый цвет наполеоновской шинели. Однако у капитана Болдырева глаза цвета маренго, вероятно, не столько потому, что он похож на Наполеона, сколько потому, что в 1969 г. форму цвета маренго получила советская милиция (до этого форма была синей).

Промах гражданина Лошакова

С. 52 *Промах гражданина Лошакова* Первоначально повесть должна была называться «Бильярд по-кармановски» (см.: Волкова; Москвина: 64), возможно, не без намек на малоприличную идиому «карманный бильярд», а ее заглавный персонаж носил фамилию «Конев» (см.: Волкова; Ковалиная книга: 326). Однако в итоговом варианте К. дал этому персонажу другую лошадиную фамилию, вероятно, желая избежать ненужных ассоциаций с героем Великой Отечественной войны маршалом И.В. Коневым. Еще один вариант заглавия повести был «Разбойник в штатском» (см.: Волкова). Также она издавалась под заглавием «Куролесов и Матрос подключаются».

В семейном архиве К. сохранились черновые наброски к ПГЛ, не вошедшие в окончательный текст повести. Из них следует, что сначала мотивов, прямо перекликающихся с ПВК, было в ПГЛ больше.

Приведем здесь текст этих набросков.

Набросок первый – правленая машинопись: «Глава первая. А на улице дождь идёт. Прохожие без зонтиков перебегают от подъезда к подъезду, таятся от дождевых капель. Смотреть не на что.

Гора арбузов мокнет под дождём<,> и около неё нет очереди. Можно сбегать купить арбуз, но в дождь арбуза не хочется. В дождь хочется чаю с вареньем из чёрной смородины.

[В Карманове сейчас, наверное, тоже дождь. Гусь кармановский спрятался под мотоциклом, а старшина Тараканов глядит на него в окошко. Гусь этот, дождик и мотоцикл нагоняют наверно на старшину печаль.] <В квадратные скобки здесь и далее мы помещаем зачеркнутый К. текст.>

<Далее рукописная вставка> Но только в Карманове дождь идет еще мельче, еще холоднее, и гусь кармановский давно уж спрятался под мотоцикл, а старшина Тараканов задумчиво глядит на него в окошко. Дождь этот, гусь этот и этот мотоцикл нагоняют на старшину печаль и размышления о жизни.

<Далее опять машинопись> – Сбрить что ль усы? – думает старшина. – Все люди как люди, а я усы отрастил.

А может быть<,> старшина думает по-другому:

– Сроду <так! – *Коммент.*> не стану брить усы. Усы мужчину красят. Вот обрезать их маленько, подравнять – это можно. А то разрослись, дьяволы, что твоя картофельная ботва.

Но скорее всего и такие мысли не приходят старшине в голову.

– Чего их зря подрезать, – может быть, думает он, – Пускай развиваются. Ус любит рост, длину. А на картофельную ботву они не похожи, скорей уж на лук. Да и что это вообще за чепуха – сравнивать усы с огородными культурами?

Так рассуждает старшина Тараканов или иначе, в одном мы с ним согласны: сравнивать усы с огородными культурами – гиблое дело. Лучше уж сравнить их с таволгой, которой много на сырых кармановских лугах. Таволга – вот поэтичное слово, жалко, что никак не подходит оно к усам.

К тому же наступила осень, таволга отцвела, стебли её пожелтели, и ветер обломал их.

Осень пришла в город Карманов и в деревню Сычи.

<Вставка – рукопись> Дождь, дождь висит над Москвой. И над Сокольниками, и над Чертановым, и над Беляевым-Богородским. Тучи лохмами распустили свои вялые гривы, и никак не поймёшь, что они там делают, в этом сером небе. Никуда они не бегут и не ползут, не наваливаются, а только лишь мнутя на одном месте. Мнутя, мнутя, и мелкий сонливый сетчатый сыплется из них дождь.

Кто это сказал, будто тучи похожи порой на лихих коней?

Нету в них ничего гордого и сильного, только лишь вялость и озноб.

Дождик висит над Москвой, над московскими пригородами и, конечно, над городом Кармановым.

<Далее снова правленая машинопись> Осень пришла в город Карманов.

Осень навалила на шиферные крыши бледно лимонных липовых листьев и замесила на дорогах такую грязь, выбраться из которой мог только милицейский мотоцикл. А какой-нибудь там гражданский ИЖ вязнул беспрекословно. Два что ль или три прохожих пытались перейти через дорогу, да так и застряли в грязи и стоят уже вторую неделю, печально дожидаясь заморозков или вертолётa.

Осень пришла и в деревню Сычи, и Евлампьевна только радовалась, что выкопала картошку до дождей.

А вот старшина Тараканов выкопать картошку не успел. Поэтому он глядел в окно на гуся, забившегося под мотоцикл, и ни секунды не думал об усах. Он шевелил ими, подозрительно глядя на небо, из которого всё время сочился дождь, как сок из недозрелого арбуза.

– Когда ж он кончится! – сказал старшина, – Когда же наконец он перестанет, и я выкопаю картошку на своем приусадебном участке!

– Да уж, картошку мочить нельзя, – отозвался милиционер Фрезер, который сидел за столом и читал журнал «Вокруг света». – Картошку мочить – зараз погниёт.

– А перестанет дождь – и опять времени не будет. Начнутся происшествия.

– Уж это, так точно, – отозвался, зевая, Фрезер. – Которые жулики выкопали до дождей – те жулить и начнут. А те, кто не выкопали – копать станут.

– А помолчал бы ты, – рассердился внезапно старшина. – Тоже мне философ. Читай – помалкивай. Застегни пуговицу.

– Слушаюсь.

Тускло, по-осеннему блеснула пуговица в пальцах Фрезера, да и кокарда его на форменной фуражке мерцала довольно пасмурно.

Дверь в дежурную комнату бесшумно приоткрылась, и появился капитан Болдырев. Он был в сером плаще мокрым, с почерневших его плеч стекали дождевые капли.

– Два мешка картошки, – устало сказал капитан, снимая свой плащ. – По-дозрение падает на Мишку Баранова.

– Это Мишкина работа, – согласился Тараканов, – он каждую осень крадёт в совхозе два мешка картошки. А я вот свою выкопать не успел.

– А ты, Фрезер, выкопал? – спросил капитан.

– Так точно, получилось двенадцать мешков.

– Ну вот, ты и займёшься Мишкой Барановым. Сейчас же поезжай в совхоз.

Фрезер спрятал в несгораемый шкаф свой журнал и <, > надел милицейский плащ, отправился к выходу.

– Я с Мишкой долго чикаться не буду, – сказал он и, одевши плащ-накидку, стукнул дверь.

Капитан Болдырев подошёл между тем к старшине и пристально оглядел его с головы до ног.

– Эх, усы у вас хорошие, – сказал капитан, – долго растили?

– Восемь лет, – застенчиво сказал Тараканов.

– Обидно, но ничего не поделаешь, – сказал капитан и печально посмотрел в глаза Тараканову. – Усики придётся сбрить.

<Далее рукопись> Старшина вздрогнул и побледнел.

– Ни за что, – сказал он, – Этого никогда не будет, товарищ капитан.

– Надо, товарищ Тараканов. Для дела надо.

– Никогда, – отчеканил старшина, – Я увольняюсь из милиции.

– Усики осталось носить Вам последний день».

Еще один фрагмент, два отдельных листа, рукопись: «Гл. 2-я. Повестка. И деревню Сычи обложило со всех сторон дождем. Тучи наваливались одна на другую и никак не могли разобратся. В небе была путаница, <тучи – Коммент.> толкали друг друга плечами, будто ссорились, чья очередь лить».

Вася работал на ремонте тракторов и целыми днями ходил мокрый и измазанный в мазуте.

И когда он ложился спать, только один сон приходил ему в голову: лопата вонзается в землю, земля рассыпается <,> и в ней [сидит] гроздьями белеет [крупная скуластая и] – вылезает из земли, вываливается лобастая картошка».

Еще один фрагмент – рукопись: «Книга вторая. Часть четвертая. Гл. I. Сапоги – вещь хорошая. Кончилось лето, пробежали жаркие августовские дни, и молодая картошка, которая так была мелка и вкусна в июле, окрепла, постарела, обросла [уже] изрядною коркой. [Поспела морковь, она] В деревне Сычи картошку начали помаленьку уже копать.

Для Васи начались горячие картофельные дни. Днём он копал колхозную картошку, а вечером свою собственную приусадебную. И всякий раз <,> втыкая лопату в землю <,> Вася не верил, что там в земле окажется картошка».

Еще один фрагмент – побольше, рукопись: «Глава вторая. И на Васю, конечно, Куролесова дожди осенние наводили печаль.

– Хоть картошка и выкопана, – думал Вася, – А всё-таки в жизни много неприятностей.

– Васёк? – говорила Евлампьевна, – Да сходи ты в [клуб] лес, за опёнками. Что ты всё – трактор да трактор. Опёнок ведь тоже [нужно] надо насолить.

– Да какие сейчас, мам, опята? Ну где же они?

– Известно где, на пенёчках.

– Нет, мам, знаешь, как бывает: пойдешь за опенками, а принесешь чего-нибудь другого. А трактор – это дело надежное.

– Ну чего ж в нём надежного? Вон по такой грязи только и ломаются».

Еще фрагмент, рукопись: «Глава вторая. И на Васю, конечно, Куролесова, дожди осенние наводили печаль. И хотя, конечно, он испытывал некоторую гордость от того, что надел на голову преступнику мусорную урну [Единственно радуется, – думал Вася, что картошка выкопана]. До дождей настроение у него было, конечно, повеселее. Всё-таки, что ни говори, а урну на голову Курочкину он нахлобучил. [Воспоминания об этом веселили Васю, они как-то подымали его гордость. Воспоминания об урне веселили Васю и подымали его гордость, но постепенно они стали как-то затухать.] Но нельзя же вечно жить мыслями о мусорной урне. Ну, нахлобучил урну, ну, не растерялся. Ну и что? Всё-таки, как ни крути, а урна мусорная урной и останется. Ведь одной урны человеку мало, хочется все-таки новых достижений. Пускай эта урна была только начало, но ведь надо и дальше как-то развивать это дело. И уж если нахлобучивать, так уж что-нибудь помощнее. А то, действительно бывают такие люди: нахлобучил урну <-> и уж всю жизнь доволен.

[Воспоминания] Мысли об урне стали как-то потихоньку затухать и постепенно сами собой переключались на картошку, которую [надо было выкопать до дождей.]

Вспоминания стр. 2

Но только в Варманове дожди зрёт
ещё меньше, ещё холоднее, и
Футт уже кармелитский давно
уже серебрился под морозиком, а
сэршник Тараканов задумчиво
медит на него в окошко.

Дожди зрёт, уже зрёт и зрёт
чоршник карокилоб на сэршнику
вечаль и размышлял о жизни.

✱ ✱ ✱

[Но вот картошку Вася выкопал, начались дожди и тут-то пришлось Васе призадуматься.] Конечно хорошо, что успели выкопать до дождей».

С. 53 *Гражданин Лошаков бежал босиком по голому снегу <...> Я – зампред!* Первая глава ПГЛ, как и зачин ПВК, отсылает читателя к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Там в еще более неподобающем виде по Москве бегал известный поэт, также смущавший представителей власти бессвязными выкриками.

С. 53 *Он направлялся в город Курск.* В уголовном розыске этого города еще до начала войны служил отец автора повести Иосиф Яковлевич Коваль, посвящением памяти которого К. в 1988 г. собирался снабдить книжное издание ПГЛ (см.: Ковалиная книга: 326–327). В одном из интервью К. рассказал о рождении замысла комментируемого произведения: «...в новой повести я использую несколько случаев из практики собственного отца <...> он был, так сказать, сыщик, ныне покойный отец. У него были достаточно частенько разные забавные приключения такого детективного плана. Я их использую, ничего такого страшного, ничего тяжелого детективного я, конечно, не делаю, потому что мои детективы <--> это нечто комическое, другой жанр, ненастоящий детектив. Но в подоснове действительно иногда лежат какие-то случаи, которые бывали. Вот у отца был такой случай, как он сам задерживал двух бандитов. Бандиты сняли сапоги с одного гражданина Конева» (Волкова). См. также в нашем комментарии ниже. Может быть, К. в итоговом варианте ПГЛ поменял фамилию заглавного персонажа еще и для того, чтобы она не совпадала с фамилией реально существовавшего человека.

Полковник И.Я. Коваль с женой Ольгой Дмитриевной Колыбиной, конец 1950-х

С. 53 *Человек и собака* Название главки «предсказано» в реплике капитана Болдырева в ПВК: «– Собака – друг человека, – насмешливо сказал Болдырев. – И этот человек вместе с собакой может отправляться домой». Вся комментируемая главка ПГЛ (о том, как повзрослевший Вася посещает город Карманов) почти наверняка варьирует знаменитый эпизод вхождения Остапа Бендера в провинциальный городок из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова: «Он двигался по улицам города Арбатова пешком, со снисходительным любопытством озираясь по сторонам <...> Город, видимо, ничем не поразил пешехода в артистической фуражке».

С. 53 *Мало, Матрос, мало, – говорил человек невысокой собаке. – Мало что тут изменилось.* Впрочем, можно вспомнить и другого героя, оценивающего состояние дел в городе, который ему пришлось посетить после долгого отсутствия: так же скептически Воланд в «Мастере и Маргарите» Булгакова говорит о новой Москве. Отметим, что во второй книге герой является не только в новом наряде, но и в новом амплуа – он теперь не наивный деревенский простак, но искушенный носитель хромового пальто, оценивающий неподвижность кармановской жизни несколько свысока.

С. 54 *Возле магазина «Наручные и карманные часы»...* Такие магазины назывались просто «Часы». Однако К. захотелось подчеркнуть каламбурную этимологическую связь между названием города, в котором Вася получил в награду свои часы (в предыдущем абзаце упомянуты «кармановцы и кармановки»), и типом этих часов (через абзац будет: «С этими словами он вынул из кармана собственные часы...»).

С. 54 *Славный бимбар...* Так называют наручные (не карманные) часы на воровском жаргоне.

С. 54 – *Это хром? – спросил он, щупая ногтем рукав.*

– *Это сталь, – ответил человек с часами.* В финале ПВК старшина Тараканов соблазнял Васю хромовыми сапогами. Теперь Куролесов обзавелся куда более престижным в советское время предметом одежды – кожаным хромовым пальто. Сравните, например, в рассказе В. Шукшина «Мой зять украл машину дров» (1971): «Веня приезжает из рейса и обнаруживает, что деньги, которые копились ему на кожаное пальто, жена Соня все ухайдакала себе на шубу из искусственного каракуля». Между прочим, кожаное пальто, привезенное из-за границы, имелось в гардеробе самого К.

Но хром – это не только кожа особого дублирования солями хрома, но и сталь («хромированная сталь», сплав хрома и железа), из которой сделан корпус Василиных часов. Отсюда и обмен репликами между Васей и Сыроежкой.

С. 54 *Продам гусей: Сидора, Никифора, Савву и Иннокентия...* Имена гусям, по-видимому, давались, как людям – в день их Ангела. Все перечисленные гуси (Сидор, Никифор, Савва и Иннокентий) – именинники февраля. Самого К., между прочим, февральского именинника, называл «Гусиком» его друг Александр Дорофеев (См.: Ковалиная книга: 109).

С. 54 ...запряг кобылу Секунду... Достаточно распространенная кличка лошадей, но, как правило, беговых.

С. 54 ...и через часок был уже в чистом поле, километрах в пяти от родной деревни Болдиново. Парафраз «Бесов» А.С. Пушкина: «Еду, еду в чистом поле; / Колокольчик дин-дин-дин... / Страшно, страшно поневоле / Средь неведомых равнин!» Не прячется ли в названии родной деревни гражданина Лошакова название пушкинской деревни Болдино (в которой «Бесы» и были написаны)? Вопрос в том, где ставить ударение в слове «Болдиново»: на первое «о» (и тогда будет похоже на «Болдино»), или на «и» (и тогда сквозь название деревни с неизбежностью проступит «балда»)?

Но Болдиново – это и реально существующая деревня, расположенная в Тверской области, в Калязинском районе. В этом же районе в деревне Плутково купил себе дом сам К.

Следует сразу же отметить, что в ПГЛ искривление реального пространства достигает своего апогея в сравнении с много ранее написанными ПВК и ППМ. Настоящее Болдиново находится очень далеко от Мытищ (с которыми город Карманов в ПГЛ почти утрачивает сходство), не говоря уже о Курске.

С. 54 ...заместителем председателя колхоза «Великие Лучи»... Пародирование названий реально существовавших колхозов, вроде «Ленинского луча» или «Лучей коммунизма». Именно такого типа шутки К., вероятно, подразумевал, когда говорил в одном из интервью, что в ПГЛ отражается «постоянно присутствующий общий идиотизм нашей жизни» (см.: Волкова). Сравните также в рецензии И. Васюченко на ПГЛ: «Чем абсурднее ситуации и фигуры, возникающие на страницах повести, тем они узнаваемее. И чем печальнее это узнавание, тем почему-то смешнее» (Васюченко И. На повороте: заметки о прозе журналов «Пионер» и «Костер» // Детская литература. 1990. № 5. С. 25).

Кроме того, в названии родного колхоза гражданина Лошакова слышится искаженное название небольшого города Великие Луки, расположенного в Псковской области.

Первые колхозы (хозяйства, в которых все средства производства находились в совместной собственности и под общественным управлением его участников, и результаты труда также распределялись общим решением участников) были организованы в СССР в 1918 г. Повсеместную насильственную коллективизацию провели в Советском Союзе в 1920-е гг. В 1990-е большинство колхозов распалось.

С. 54–55 ...купить для колхоза что-нибудь нужное и мощное, скажем, духовой оркестр <...> сам, как зампред, буду играть на геликоне – всё-таки размер и густота звука. Возможно, снова отсылка к И. Ильфу и Е. Петрову – к восьмой главе романа «Двенадцать стульев», в которой завхоз Альхен продает все инструменты из духового оркестра, предназначенного для кружка старух. От кружка остался только лозунг: «Духовой оркестр – путь к коллективному творчеству». Также сравните в «Золотом теленке» пассаж об инструментах духового оркестра и о геликоне, в частности: «Особенно хорош был бас-геликон. Он был так могуч, так

лениво грелся на солнце, свернувшись в кольцо, что его следовало бы содержать не в витрине, а в столичном зоопарке, где-нибудь между слоном и удавом. И чтобы в дни отдыха родители водили бы к нему детей и говорили: “Вот, деточка, павильон геликона. Геликон сейчас спит. А когда проснется, то обязательно станет трубить”. И чтобы дети смотрели на удивительную трубу большими чудными глазами».

Геликон – очень большой по размеру и низкий по звучанию инструмент, используемый в духовых оркестрах. По свидетельству Ю.К., геликон имелся в коллекции музыкальных инструментов, хранившейся в художественной мастерской, где работал К.

С. 55 *Кларнетистом назначим Мишу Дудкина...* Наверное, потому, что кларнет – это и есть усложненная деревянная дудка.

С. 55 *...и увидел дуло нагана.* Как в классической блатной песне «По тундре»: «Дождь нам капал на рыло и на дуло нагана». Револьвер системы Нагана ко времени описываемых событий уже давно не производился. Сравните с упоминанием нагана в ПВК.

С. 55 *Это было дуло обреза.* Самодельное огнестрельное оружие, изготовленное путем отпиливания приклада и ствола ружья или винтовки. Достоинство обреза состоит в том, что его легко прятать под верхней одеждой.

С. 55 – *Вылазь из саней!* – сказали неизвестные, которые готовились пристрелить его на месте.

– *Вы что, товарищи!* – спрашивал Лошаков, вылезая.

– *Скидай шубу и сапоги! Скинул?*

– *Скинул, скинул... Скидаваю...* В подтексте этого фрагмента, возможно, встреча Варенухи с нечистой силой из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова:

«– Что вы, товари... – прошептал ополоумевший администратор, сообразил тут же, что слово “товарищи” никак не подходит к бандитам, напавшим на человека в общественной уборной, прохрипел: – гражда... – смекнул, что и это название они не заслуживают, и получил третий страшный удар неизвестно от кого из двух, так что кровь из носу хлынула на толстовку.

– Что у тебя в портфеле, паразит? – пронзительно прокричал похожий на кота, – телеграммы? А тебя предупредили по телефону, чтобы ты их никуда не носил? Предупреждали, я тебя спрашиваю?

– Предупрежди... дали... дили... – задыхаясь, ответил администратор». В одном из интервью К. утверждал: «“Мастер и Маргарита” – если не детское, то вполне отроческое чтение» (Коваль 1989).

Сравните также в низовом городском романсе «Где-то в городе, на окраине»: «А, как водится, безработица, / Скидавайте пальто и пиджак».

С. 55 – *Какой ещё Карманов? Никакого Карманова на свете нет.* Напомним, что в первоначальном варианте ПВК местом действия были Мытищи. Потом (из-за

внешних, цензурных причин) Мытищи стали Кармановым. Однако к тому времени, как К. решил написать ПГЛ, Карманов в его творческом сознании уже перестал быть похожим на Мытищи и превратился в фантомный, отсутствующий на картах город, в котором могут происходить самые невероятные события. Вот что автор ПГЛ говорит в одном из интервью: «...мне очень понравилось в первой повести место действия – город Карманов. Это, конечно, вымышленный город. Такого города на свете нет» (см.: Волкова). Сравните в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова: «Лгут обольстители-мистики, никаких Караибских морей нет на свете...». Также сравните в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова: «Всё это выдумка, нет никакого Рио-де-Жанейро, и Америки нет, и Европы нет, ничего нет. И вообще последний город – это Шепетовка, о которую разбиваются волны Атлантического океана».

С. 55 – *Он ещё скажет, что и города Картошина на свете нет!* Возможно, намек на город Кашин, расположенный в той же Тверской области, что и деревня Болдиново. См. в нашем комментарии ниже.

С. 56 – *Как хотите, а я больше этого не потерплю!* – И далее. Вот что осталось в итоговом варианте повести от развернутой сцены, к которой К. несколько раз подступает в черновиках ПГЛ: старшина Тараканов пытается отстоять свои усы, а капитан Болдырев требует их сбрить. В 1960–1980-е годы усы неофициально не рекомендовалось носить рядовому составу Советской армии. На милицию этот запрет не распространялся.

Тема усов и их сбривания часто возникает в прозе К. Прочитируем один из эпизодов его повести «Самая легкая лодка в мире»:

– А как быть с бородатыми? – спросил я <...>. – Бородатые тоже опасны?

– Ну нет, бородатые – совсем другое дело. Именно бородатые чаще всего жертвы усатых. И ваш бородатый друг совершенно не опасен. А вот вы... Вы никогда не носили усов? <...>

– Да вроде не носил.

– Вы меня обманываете.

– Не носил я усов, – твердо сказал я, хотя и вспомнил, что однажды действительно отрастил усы, да сбрил их, потому что сделался похож на кота».

Избавление от усов, опасность усов – это индивидуальная авторская тема К. Никаких соответствий в русском фольклоре она не находит.

С. 56 *Товарищ капитан! – оправдывался старшина Тараканов, сидя на огромном сундуке, который имел пятерное дно...* К. с любовью относился к разнообразным сундукам, у него в мастерской их было несколько.

С. 56 *...вынул из ящичка опасную бритву, мыльный крем и помазок...* Опасная – тут не эпитет, а часть термина (опасная бритва): так называют бритву с открытым лезвием, устройством напоминающую перочинный нож. Перед употреблением ее нужно было наточить. В 1960–1970-х гг. в нашей стране

ей на смену уже пришла бритва безопасная – придуманный еще в начале XX в. американцем К.К. Жиллеттом станок со спрятанным в нем сменным лезвием.

С. 56 *Товарищ в кожаном некоторое время слушал эти препирательства и наконец сказал:*

– *Приехал подключаться.* Напомним, что в 2000 г. повесть была издана с вариантом заглавия «Куролесов и матрос подключаются».

С. 56 – *А также по делу о хищении телёнка гражданки Курицыной...* Васю буквально окружают герои с созвучными фамилиями: к Курочкину из ПВК присоединяется неизвестная Курицына.

С. 56 *...инкассатора картошинского банка...* В обязанности инкассатора входит сбор денег от различных организаций, их перевозка и сдача в банк. Это перечисление дел, подробности которых так и останутся неизвестными читателю, объясняет изменение образа главного героя, успевшего в промежутке немало потрудиться на ниве борьбы с кармановским криминалом.

С. 56 – *Василь Феофилович! – взревел капитан.* Сам капитан Болдырев называет Васю по отчеству, это ли не свидетельство того, что его моральный авторитет и социальный статус значительно возросли? При этом капитан, по-видимому, путает отчество Васи. Читая ППМ, мы узнаём, что Куролесова зовут «Василием Константиновичем» (впрочем, может быть, это как раз Вася в ППМ скрывает свое настоящее отчество). Интересно, что Василием Феофиловичем звали известного ботаника Купревича.

С. 57 *...он увидел картину, очень похожую на скульптуру «Все мы трое – одно».* Почти наверняка – намек на трех близких друзей К. – скульпторов Вадима Сидура, Николая Силиса и Владимира Лемпорта, объединившихся в группу «ЛеСС», которая образовалась в 1954 г. и просуществовала без малого 15 лет. Все трое работали в одной мастерской. Когда Сидур умер, третьим в компании стал К.

Кроме того, «Все мы трое – одно» это русское название переведенного Н. Пущешниковым рассказа Редьярда Киплинга «Dray Wara Yow Dee». В одном из интервью К. признавался: «...есть, есть писатель, который стоит для меня отдельно.

слева:
Н. Лемпорт.
Скульптурная
группа ЛеСС
(Лемпорт,
Силис,
Сидур);
справа:
Ю. Коваль
с Лемпортом
и Силисом

Это Редьярд Киплинг. Я это понял недавно и внезапно, хотя мечтал изучать его творчество еще в студенческие годы. Тогда это не очень позволяли: советский студент изучает “певца империализма”?! И все же меня никто не научил любить Киплинга <...> Киплинг – вполне великий детский писатель» (Коваль 1989).

С. 57 ...Оперативная машина «ГАЗон» <...> мчалась на место преступления. Машина была выкрашена в зелёный цвет и имела на борту надпись «Изыскательская» <...> С другой она была покрашена в синий и надпись имела «Сантехника». Речь идет об оперативной милицейской машине ГАЗ-69 (см. комментарий к ПВК). Надпись «Изыскательская» на борту милицейской машины демонстрирует, что ее в случае надобности маскировали под служебный автомобиль, принадлежащий изыскательской партии. Эти партии, как правило, состоят из 10–20 человек, выполняющих так называемые полевые работы, цель которых – собрать всевозможные сведения (в первую очередь – геологические и археологические) об исследуемой местности.

В некоторых других случаях милиционеры, по-видимому, выдавали себя за сантехников (отсюда надпись на другом борту), хотя сантехникам-ремонтникам, в отличие от поисковиков, специальных машин, да еще выкрашенных в синий цвет, в СССР не выдавали.

В зеленый цвет был покрашен в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» автомобиль Антилопа Гну, который его экипажем тоже маскировался (под головную машину автопробега). Имелась на борту машины и надпись («Эх, прокачу!»)

С. 57 Когда-нибудь послезавтра пойдёт снег, занесёт следы босых ног, растают к весне снега, вырастут на месте преступления клевер и ромашка девичья, и никто уже не узнает, что над ромашкою когда-то с гражданина Лошакова сняли сапоги. Сравните в «Белой гвардии» М. Булгакова: «Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю <...> выйдут пышные всходы <...> задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет».

С. 57 ...ромашка девичья... Многолетнее травянистое растение.

С. 58 До деревни Спасское, чью колокольню заметил Вася... Здесь К. фотографически точен. В селе Спасское Калязинского района действительно есть церковь Спаса Преображения (1805 г.) с высокой, издали видной колокольней.

С. 58 Остаётся одно – гипноз. Буду их гипнотизировать! Вася здесь не оригинален: тема гипноза и телепатии была довольно популярна в городском фольклоре поздней советской эпохи; циркулировали, например, многочисленные легенды из жизни знаменитого Вольфа Мессинга. Что касается известных произведений, на которые ориентировался К., то

помимо «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, где гипнозом недалекие обыватели объясняли недобрые чудеса Воланда, можно вспомнить и вполне симпатичного Шурика, героя «Операции “Ы”», пытавшегося, и довольно успешно, прочитывать мысли своей избранницы Лиды.

С. 59 *Сладку ягоду ели вместе, / Горьку ягоду я одна.* Популярная песня Евгения Птичкина на стихи Роберта Рождественского, написанная в 1972 г. для кинофильма «Любовь земная» (реж. Е. Матвеев). Правильно: «Сладку ягоду рвали вместе». В фильме песню исполняет Ольга Воронец, в дальнейшем она вошла в репертуар Валентины Толкуновой и Людмилы Сенчиной. Комизм описываемой ситуации отчасти заключается в том, что эту сентиментальную женскую песню поют здоровенные мужчины. Впрочем, «Сладку ягоду» исполнял и Аркадий Северный, самый известный в СССР «блатной» шансонье.

С. 60 *Стрелять только в лоб и по делу* В 1972 г. отец писателя составил задачник по уголовному розыску для курсов в Высшей школе МВД СССР, где он преподавал. Беловая машинопись этого задачника сохранилась в архиве Ю.К. Его автор ПГЛ, безусловно, пользовался, когда работал над соответствующими эпизодами повести. Приведем здесь текст задачи № 1, чтобы читатель получил возможность увидеть, как «реальность» из задачника под пером К. преобразилась в художественную реальность: «Ранним зимним утром в дежурную часть уголовного розыска Курской области, запыхавшись, прибежал гражданин Конев, заместитель председателя колхоза “Луч”. Он был босиком и без пальто. Конев рассказал дежурному оперативному работнику, что примерно два часа назад его ограбили преступники. Потерпевший заявил, что когда он ехал на санях из деревни Пашково на базар в город Курск, чтобы продать двух колхозных баранов и четырех гусей, его на шоссе дороге внезапно остановили двое неизвестных и, угрожая револьвером и винтовочным обрезом, сняли с него шубу и валенки, а затем вытолкнули из саней. “Держи язык за зубами до вечера, не то хуже будет, – сказал один из преступников, – будь благодарен, что оставили тебя живым”. После этого преступники повернули лошадь и поехали в противоположную сторону, к Орлу. По заявлению Конева, грабители были явно в нетрезвом состоянии. Поэтому он не испугался их угроз и, дождавшись пока они немного отъехали, сел в снег, замотал ноги портянками и побежал в Курск, чтобы заявить о случившемся в уголовный розыск и просить немедленно принять меры к задержанию преступников. На место происшествия на автомашине была направлена группа оперативных работников в составе трех человек во главе с начальником отделения отдела уголовного розыска майором милиции Яковлевым <Фамилия явно образована от отчества самого автора задачника. – *Коммент.*>, которая взяла с собой потерпевшего Конева. Осмотрев место ограбления Конева, работники уголовного розыска установили, что преступники действительно развернули сани и поехали по направлению к Орлу. Оперативная группа направилась в погоню за преступниками. Вскоре работники уголовного розыска заметили далеко, в стороне от шоссе, на проселочной дороге движущуюся черную точку. Майор милиции Яковлев приказал шоферу свернуть с шоссе на проселочную дорогу и следовать по

направлению к двигавшемуся объекту. Проехав немного, оперативные работники увидели, что в сторону деревни Федино, до которой оставалось примерно 5–6 километров, движется санная подвода. По мере приближения к ней Конев опознал свою колхозную лошадь и двоих неизвестных грабителей. Майор милиции Яковлев приказал Коневу лечь на пол машины, чтобы его не увидели преступники. Таким образом, работники уголовного розыска настигли преступников. Теперь требовалось квалифицированно провести операцию по их задержанию с тем, чтобы не допустить перестрелки. По всему было видно, что преступники, заметив машину, несколько забеспокоились: они заблаговременно освободили дорогу, съехали на обочину на расстояние трех–четырёх метров и остановили лошадь. Когда машина поравнялась с подводой, грабители привстали на санях, один из них держал правую руку в кармане полушубка, а второй опустил руки в солому. Было видно, что они готовы сопротивляться, если узнают, что в машине – оперативные работники милиции. Нужно было быстро принять решение, как действовать дальше. При этом главное заключалось в том, чтобы не допустить стрельбы, а следовательно, и жертв. Но как это сделать практически?

Задание: Исходя из сложившейся обстановки, наметить план оперативных действий по задержанию вооруженных грабителей.

Решение задачи № 1: Начальник отделения уголовного розыска майор милиции Яковлев принял решение: в поле грабителей не задерживать, так как по всему было видно, что они готовы к вооруженному сопротивлению, а это могло привести к жертвам. Он решил проследовать на автомашине мимо преступников и задержать их тогда, когда они въедут в деревню. Конева в машине решено было укрыть с тем, чтобы грабители его не заметили. Как только работники уголовного розыска немного отъехали от подводы, преступники сели в сани и продолжали путь в деревню Федино. Приехав в деревню, работники уголовного розыска спрятали машину за домами, сами быстро переоделись в деревенские полушубки, шапки-ушанки и валенки и под видом пьяных направились по дороге навстречу подъезжавшим к деревне грабителям. В тот момент, когда с ними поравнялись следовавшие на санях преступники, “пьяные” разошлись по сторонам, уступая дорогу подводе, а затем молниеносно вскочили в сани прямо на грабителей и, не дав им опомниться, обезоружили их. При этом оперативные работники изъяли у преступников винтовочный обрез и револьвер “Наган” с боеприпасами. Преступниками оказались ранее судимые Шувалов и Сидоров, жители города Фатежа».

В одном из интервью К. сообщил: «Вот этот сюжет подсказан мне отцом, сам этот ход. Ну, а аранжировка, конечно, вся моя» (см.: Волкова).

С. 60 *Но и в милиции, конечно, преимущества, проходишь всюду без очереди.* Работники милиции в Советском Союзе не обладали привилегией проходить где-либо без очереди.

С. 60 *И тут Вася окончательно обиделся, что его назвали «гражданином», хотя в этом слове нет, конечно, ничего плохого – только хорошее.* Вася обиделся потому, что обращение «гражданин» в Советском Союзе считалось более офици-

альным и недружественным, чем повсеместно принятое «товарищ». К нему прибежали, когда необходимо было подчеркнуть правовую или должностную дистанцию между людьми (например, заключенный обращался к следователю или надзирателю – «гражданин начальник»). В то же время, и на это К. намекает в финале комментируемого фрагмента, гражданином именовался сознательный член общества, человек, подчинивший свои личные интересы общественным.

С. 61 Папиросы пятого класса Сначала папиросы в Советском Союзе делились на шесть классов. В 1948 г. два класса (2-й и 4-й) упразднили, сохранив нумерацию. Класс папирос определялся по их длине. Чем выше порядковый номер класса, тем ниже цена. Папиросами 5-го класса были две марки – «Беломор» и «Север».

С. 61 Чегоо плохого в «папе»? – спорил Тараканов. – А осы – это банда. Тараканов, по сути, не так уж ошибся. Банду, которую ловят милиционеры, возглавляет Харьковский Пахан (одно из значений слова «пахан» на арго – отец, папа).

С. 61 – Ну, не знаю, – сказал на это Тараканов. – Я в пятом классе «Астру» курил. Старшина курил дешевые (16 копеек – пачка) сигареты без фильтра. Шутка о «папиросах (для) пятого класса» входила в непрременный набор школьного фольклора, связанного с курением.

С. 62 – Воруёногоа... Так на воровском жаргоне называют одного человека.

С. 62 Харьковский Пахан На воровском жаргоне «пахан» – это главарь шайки, здесь – действующей в городе Харькове.

С. 62 – В Глушково... Реальный поселок Глушково расположен в Курской области, в 150 км от того города, в который тщетно стремится гражданин Лошаков, – Курска.

С. 62 ...доставай дуру. Дурой на воровском жаргоне называют пистолет.

С. 62 ...в Карманове они славно потрудились, походили по магазинам... К. описывает типичную для советского времени ситуацию: в деревню дефицитные продукты завозили редко, поэтому сельские жители вынуждены были закупать их в городе.

С. 62 ...Натолий Фёдорыч... Областная форма произнесения имени «Анатолий», полюбившаяся К. Персонаж, которого зовут «Натолий», встречается и читателю его «Самой легкой лодки в мире».

С. 62 Ещё она несла, прошу заметить, сумку, в которой была бутылка постного масла. А мы просим заметить связь с романом «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, в котором купленная одним из персонажей, Аннушкой, бутылка подсолнечного (т.е. постного) масла сыграла сюжетобразующую роль – как и в ПГЛ (см. далее по тексту повести).

С. 62 *Эту сумку ворона Симка для чего-то называла «ридикюльчик».* Ридикюль – маленькая и изящная женская сумочка на длинном шелковом шнуре или цепочке, украшенная вышивкой; надевается на руку.

С. 62 *...лежал остаток в двадцать рублей.* Это для 1970-х годов были не такие уж маленькие деньги. Буханка черного хлеба, например, стоила тогда 18 копеек; килограмм вареной колбасы «Докторская» – 2 рубля 20 копеек.

С. 63 – *Ой, батюшки-радетели...* Здесь: благодетели. «Батюшки-радетели» – устойчивая формула, так называют святых покровителей, к которым риторически и взывает здесь ворона Райка.

С. 63 *...А ну, открой портфель, спекулянтка!* Здесь: бессмысленное ругательство. Спекулянтами и спекулянтками на советском бытовом языке называли граждан, продающих что-либо по завышенной, негосударственной цене.

С. 63 *...шелудивый пёс!* И это бессмысленное ругательство. Шелудивый – имеющий струпья, большой паршой, паршивый. Напомним, что «паршивым псом» в ПВК мама Евлампьевна обзывает Матроса.

С. 63 *...облитой пряник...* По-видимому, облитой глазурью.

С. 64 *...жевание пряника – дело житейское.* Возможно, К. цитирует присловье главного героя трилогии А. Линдгрена Карлсона (в переводе Л. Лунгиной): «Пустяки, дело житейское».

С. 64 *И он вынул двадцатку из «ридикюльчика» и сунул в карман.* Непонятно, что именно вынул Фомич – двадцатирублевой купюры в СССР не существовало. Имели хождение бумажные деньги достоинством в 1 рубль, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 рублей.

С. 64 *...послышался железный голос, который прозвучал в специальный звукоусилитель – мегафон-двадцать четыре...* Мегафон, здесь, специальный рупор конической формы, приставляемый ко рту для усиления звука голоса в нужном направлении; в данном случае дальность этого усиления составляет 24 метра.

Скорее всего, в комментируемом эпизоде пародируется одна из финальных сцен многосерийного телевизионного фильма «Место встречи изменить нельзя» 1979 г. (реж. С. Говорухин): оперативник Жеглов в мегафон приказывает членам банды «Черная кошка» выйти из оцепленного милицией подвала.

С. 64 – *Двое сбоку! – закричал Фомич. – Наших нет!* В переводе с воровского жаргона: мы пропали! Во-первых, это намек на конвоиров, сопровождающих преступника (обычно по одному с каждой стороны). Во-вторых, ругательное выражение «два сбоку» бытовало на царской каторге: так по количеству нашивок на

рукаве называли тюремного надзирателя. Вероятно, комментируемое выражение представляет собой тюремную переделку присказки из жаргона игроков в карты (если точнее – в очко) – четыре сбоку, ваших нет!

С. 65 ...«Памир»... Сигареты без фильтра шестого класса (самого низкого качества).

С. 66 ...на окраине города Карманова на улице Сергеева-Ценского, дом 8. В ПГЛ Карманов, как мы уже отмечали, утрачивает сходство с Мытищами, где нет и никогда не было улицы, названной в честь писателя С.Н. Сергеева-Ценского (1875–1958). Такие улицы есть в Тамбове (Сергеев-Ценский родился в селе Бабино Тамбовской области), в Алуште (где он умер) и в Симферополе.

Но зачем К. понадобился именно Сергеев-Ценский? Во-первых, это красивая двойная фамилия с дефисом. Такие фамилии автор ПГЛ любил: на важность дефиса в двойной фамилии внимание читателя специально обращается в главе «Дырки в фанере» романа К. «Суер-Вьер». Во-вторых, К. любил прозу Сергеева-Ценского, особенно многочисленные у него описания природы. В-третьих, упомянув Сергеева-Ценского, К. ухитрился, таким образом, передать привет писателю Леониду Сергееву. Сравните с шуткой о писателе Сергееве и будущем писателе Ценском в «Эпilogue» ПГЛ. Интересно, что улица Сергеева-Ценского есть и в Карманове, и в Картошине (подобно тому, как Третья улица Строителей, судя по фильму «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1975), была и в Москве, и в Ленинграде).

С. 67 Он сам сказал: «Продержусь сутки, а потом расколюсь». Для проникновения в шайку Харьковского Пахана Вася пытается использовать тот же прием, что и – с аналогичной целью – следователь Шарапов в многосерийном телевизионном фильме «Место встречи изменить нельзя».

С. 67 – Ты по фене ботаешь? Говоришь ли ты на воровском жаргоне? (В переводе с этого же воровского жаргона.) Этот вопрос часто используется в воровской среде как контрольный, проверочный.

С. 67 Полёт милицейского пресс-папье Пресс-папье – неременная принадлежность учреждений бумажно-чернильной эпохи, прибор, совмещающий функции прижимания кипы бумаг, чтобы не разлетелись от сквозняков, и промокашки.

С. 67 ...написали теперь «Спецобслуживание»... Шутка К. Таких надписей на служебных машинах не делали. На спецобслуживание (т.е. для приема высоких гостей, как правило, партийного начальства), иногда закрывали советские рестораны.

С. 67 ...а вместо «Сантехники» – «Гостелерадио». То есть Болдыреву и Тараканову теперь нужно будет выдавать себя за сотрудников Государственной телерадиокомпания. Эта компания просуществовала в СССР с 1951 по 1991 г.

Надписи «Спецобслуживание» и «Гостелерадио» очевидным образом должны были повысить социальный статус капитана и старшины в глазах тех, с кем им придется столкнуться.

С. 68 ...с невзрачным колхозным хвостом. Если б хвост у неё был более городским <...>, дело могло кончиться иначе. В этом рассуждении также отразилась советская реальность: на словах все были равны, любой труд одинаково почетен, и городские жители не отличались от деревенских в лучшую сторону. На деле – жить в городе, даже таком маленьком, как Карманов, было гораздо престижнее, слово «колхозник» часто использовалось как пренебрежительное обращение или ругательство.

С. 68 ...полуствёртая надпись: «Вася и Батон тянули здесь...» Далее надпись совершенно стёрлась, и чего они здесь тянули и сколько вытянули, было никому не известно. «Тянуть срок» (именно слово «срок» стерлось в надписи) на воровском жаргоне означает отбывать наказание. Фрагмент содержит отсылку к ПВК, одну из немногих, оставшихся в итоговом варианте ПГЛ: Вася и Батон сидят в камере и ожидают решения своей судьбы. Запах хозяина и почуял тут верный Матрос.

С. 68 Старшина шёл зигзагами или, как он говорил, «собачьим челноком»... В кавычки взято устойчивое охотничье выражение, действительно, означающее – зигзагом. На охоте собака должна уметь обыскивать «челноком» уголья: впереди, справа и слева от охотника, удаляясь от него на расстояние ружейного выстрела, т.е. не дальше чем на 30 метров.

С. 68 Прямая капитанская линия привела к носовому платку, который лежал на траве. – И далее: традиционный сказочный мотив – подсказки с помощью предметов-помощников. Платок (обычно – батистовый) с меткой (обычно – инициалами) – мотив классической литературы (обычно – детективной или авантурной), комически выглядящий в контексте советской эпохи.

С. 70 ...по-рыбьи чирикаешь? На блатном жаргоне – то же, что «по фене ботаешь?», т.е. – владеешь ли блатным жаргоном? По сравнению с ПВК авторская стратегия К. в ПГЛ сильно поменялась: там он чаще всего стилизовал арго, здесь – активно использует его и упивается своеобразной выразительностью воровской речи.

С. 70 – Врёшь, скворец! У этого слова на блатном жаргоне два значения. Первое – милиционер в форме; второе: лицо – выдающее сокамерника.

С. 70 На бугая берёшь! Точный перевод с воровского жаргона – ограбить человека, поднявшего подброшенный кошелек. Здесь: обманываешь.

С. 70 Порожняк гоняешь! В переводе с блатного жаргона – ведешь бессодержательный разговор (буквальное значение: едешь на грузовом автомобиле без груза).

С. 70 *Лапу на уши двигаешь!* В переводе с воровского жаргона – ловко врешь.

С. 70 *«Здравствуй, моя Мурка, / Здравствуй, дорогая, / Здравствуй, а, быть может, и прощай...»* Эту блатную песню любил и исполнял под гитару и под пианино сам К. (а также его брат – Б.К.). В многосерийном телевизионном фильме «Место встречи изменить нельзя» мелодию «Мурки», чтобы войти в доверие к бандитам, играет на пианино замаскированный сотрудник милиции Шарапов.

На сюжет песни «Мурка» К. хотел написать киносценарий (устное свидетельство И. Волковой).

С. 70 *И здесь автор должен, конечно, отметить редкую способность знаменитых часов: приспособляемость к обстоятельствам.* Нам уже приходилось сравнивать часы Куролесова с чудесным портсигаром Воланда из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, это – еще одно подтверждение сходства двух аксессуаров.

С. 71 *...и пуля-дура полетела...* Легендарное изречение полководца Суворова: «Пуля – дура, штык – молодец». Сравните также в народной песне «Любо, братцы, любо...»: «А вторая пуля-дура ранила меня...»

С. 71 *...они из самогонных пулемётов отстреливались...* По-видимому, из пулеметов, которые самогонщики (подпольные изготовители крепкого спиртного напитка) собрали из деталей самогонного аппарата. Из трубки такого аппарата, как из пулемета, стреляет Трус в короткометражной комедии Л. Гайдая «Самогонщики» (1961). Можно вспомнить еще пословицу «Нам, татарам, всё равно: самогон или пулемет – лишь бы с ног валило». А пустые бутылки ассоциируются с «коктейлем Молотова» (на самом деле – «для Молотова», название стало распространенным во время «Зимней войны» 1939–1940 гг., когда бутылки с зажигательной смесью активно использовались финнами против советских танков).

С. 71 *...висела свинуха, тот самый гриб, который называют дунькой и лошадиной губой.* Так действительно иногда называют гриб свинушка тонкая, который до 1981 г. считался условно съедобным, а потом был признан ядовитым. Свинушкой как опознавательным знаком Вася воспользовался, вероятно, потому, что хорошие, благородные грибы у него закончились.

Гриб свинуха продолжает «поросячью» линию предметов-помощников, начатую Васиным платком с поросенком-монограммой.

С. 71 *...они нас сивухой поливали – задумчиво вспоминал Тараканов. – Инспектор Нахабин в обморок упал, но мы...* Сивуха – низкокачественный крепкий алкогольный напиток, в данном случае – плохо очищенный самогон. Фамилия непривычного (в отличие от остальных участников задержания) к сивухе инспектора образована К. от названия еще одной железнодорожной подмосковной станции (Рижского направления) – Нахабино.

С. 71 – Прекрасно помню эту галошу, – сказал старшина. – Она как раз болталась на ноге у самогонщика... В ичиги (вид валенок) с галошами был обут Бывалый в комедии «Самогонщики».

С. 71 ...полковник Двоекуров... К. в комментируемом эпизоде все время обманывает числовые ожидания читателя. Вместо трех самогонщиков (как в фильме Гайдая, потому что выпивают-то на троих) – у него двое, а задерживает их не Троекуров (более распространенная фамилия, использованная в «Дубровском» А.С. Пушкина), а Двоекуров. Фамилию Двоекуров носил один из градоначальников в «Истории одного города» М. Салтыкова-Щедрина. Эта фамилия происходит от термина «выкурка», т.е. перегонка питьевого спирта, в том числе и на самогонном аппарате. Заранее заметим, что это – еще одна рифма с фамилией главного героя: Куролесов.

С. 72 А уж смекалка-то у нас есть. У нас много смекалки. Вероятно, цитата из «Второй песни коммунаров» Я. Столлера на слова Н. Адуева: «Есть у нас смекалка, есть и сила...». Песня звучала в кинофильме «Путевка в жизнь» 1931 г. (реж. Н. Эрк).

С. 72 – Нехороший дом, – сказал капитан, приняхиваясь, – от него чем-то пахнет. – Не укроп ли? Сравните со знаменитым образом «нехорошей квартиры» в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова.

Вопрос «Не укроп ли?», который здесь задает старшина Тараканов, отсылает нас к ПВК: сам капитан Болдырев дважды спрашивал об этом же – «Не укроп ли?», обнюхивая мешок и трешницу (которые на самом деле пахли медом).

С. 72 ...английский замок... – или: цилиндрический замок. Наиболее популярный тип замка, который вмонтирован в дверь любой современной квартиры. Интересно, что запатентован первый английский замок был американцем.

С. 73 Тут он принялся раскачиваться, читая стихи Редьярда Киплинга:

*Это рассказывать надо
С наступлением темноты,
Когда обезьяны гуляют
И держат друг другу хвосты...*

Носкорвач читает Болдыреву и Тараканову начальную строфу стихотворения Киплинга «Легенда о зле» в классическом переводе А. Оношкович-Яцыны (в этом переводе: «Держа друг другу хвосты»).

С. 73 ...Оперативные работники, а снеди не имеют! «Снедь, еда, ество, ежа, ежево, едево, яство, пища, харч, выть, сыть, брашно, съестное, все, что снедно, что съедомо, что можно есть, чем питается человек или животное» (Словарь В.И. Даля). «Снедь» – слово отчетливо устарелое, его соседство с «оперативными работниками» производит комический эффект.

С. 74 *Муть, великая муть навалилась на Васю. Брюква погребла его тело, великая муть окутала душу. И тяжело стало его душе.* Сравните со сходными мотивами в повести К. «Самая легкая лодка в мире»: «Туман, вползающий через щели <...>, как холодная подушка, наваливался на грудь, придавливал и душил».

С. 74 *И особенно тяжело было этой душе оттого, что перед нею в будущем только два пути: или работать трактористом, или идти в милицию.* В первоначальном варианте ПГЛ далее следовала еще одна сцена, пародирующая соответствующие эпизоды «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: к Васе, заваленному брюквой, являлся Понтий Пилат, и они обсуждали вопрос: кем Куролесову быть – трактористом или милиционером? В повести К. «Самая легкая лодка в мире» вопросом, кем быть – милиционером или художником, будет мучиться милиционер Шура. В одном из интервью К. рассказывал: «...Васю тут убили, правда не совсем сильно, и вот он лежит в погребке, заваленный брюквой. И Понтий появляется, выходит из стены, и садится там, и <они – *Коммент.*> разговаривают. “Вася, Вася, – сказал Понтий Пилат, – это вопрос неразрешимый, я и сам когда-то не мог его решить”. “Ну, и как же ты его решил?” “Да я-то в милицию”. Вот почему появляется Понтий Пилат. Вот такая проблема стоит, как применить свои силы в этой жизни» (см.: Волкова). Сравните также в воспоминаниях Елены Гиляровой о К.: «На одном из вечеров Юра читал из новой книги про Васю Куролесова – про явление Понтия Пилата, все хохотали до слез. Это было в конце 87-го» (Ковалиная книга: 66).

Не вошедшая в повесть сцена намекает читателю на евангельские подтексты эпизода: погребенный в брюкве герой переживает символическую смерть, за которой неминуемо последует воскресение. Вероятно, поэтому К. и убрал сцену с Понтием Пилатом из итогового варианта ПГЛ. Источником сцены, помимо романа Булгакова, могла послужить поэма Вен. Ерофеева «Москва–Петушки» (эпизод с понтийским царем Митридатом).

С. 74 *Где же третий, настоящий, истинный путь?* Еще один сказочный мотив – поиск третьего, правильного пути.

С. 74 *...Вася стал грызть огурцы и отвратительно сладкую брюкву.* Видимо, брюква в подвале у Зинк была подморожена. А так у нее вкус вовсе не отвратительный; и вообще, до повсеместного распространения картошки брюква была в России главной овощной культурой, основой питания.

С. 75 *... он яростно стал напрягать зрение, но не виделось ни зги.* Напомним, что слово «зга» лингвисты производят от старославянского «стыга» – путь, стезя. То есть Васины поиски истинного пути по-прежнему безрезультатны.

С. 75 *То и дело возникали какие-то продолговатые помехи. «Тут уж не до чёткости изображения», – рассуждал Вася, обретающий ночное полутелевизинное зрение <...> Ночным своим почти уже совсем телевизионным голубым зрением Вася увидел руку!* Мотивы, связанные с телевизором и телевидением, – сквозные для трилогии К. Они возникают и в ПВК, и в ПГЛ, и в ППМ.

С. 75 *На этой руке блистал серебряный перстень с бирюзой!* И металл (сравнительно дешевый – серебро), и камень (поделочный – бирюза) комически не соответствуют торжественному слову «перстень». Правда, его словарное значение именно такое (кольцо – украшение в форме обода, одеваемое на палец, а перстень – то же, но с камнем), но К. не был поборником строгих лексических правил. Так что тут скорее подошло бы именно «кольцо» или даже «колечко».

С. 76 – *Нам, председателям, такие заместители не нужны!* Возможно, парфраз крылатого выражения спортивного телекомментатора Николая Озерова: «Такой хоккей нам не нужен!»

С. 76 – *Нету, Зобатыч, правды на земле...* Цитируется хрестоматийный зачин монолога Сальери из «маленькой трагедии» А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»: «Все говорят: нет правды на земле...»

С. 77 – *Товарищ! – задыхаясь, крикнул гражданин Лошаков. – Что это за город?* «Тогда Степа отколол такую штуку: стал на колени перед неизвестным курильщиком и произнес:

– Умоляю, скажите, какой это город?» (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Помимо булгаковских ассоциаций образ таинственно появляющегося, хотя и не отмеченного на карте, Карманова (и его спутника – Картошина) ведет нас к широкому кругу сочинений о фантастических городах и странах (таких, как Атлантида, Беловодье или Китеж) или о заколдованных местах, вроде описанного в одноименной повести Н.В. Гоголя, также любившего игры с пространством.

С. 77 *Пельмени между тем в городе Карманове оказались отличные – большие, сочные, ушастые.* Ушастые пельмени, т.е. такие, чьи концы не соединяют друг с другом, в отличие от концов круглых пельменей.

С. 77 *«Пельменной» <...> «Бутербродная» <...> «Компотная» <...> Побывал он: в «Чайной» и «Кисельной», в «Арбузной» и «Фужерной», в «Бульонной» и «Винегретной», в «Кильковой» и «Тюльковой», в «Парикмахерской» и в «Прачечной»...* Некоторые из заведений с такими названиями действительно существовали в городах Советского Союза («Пельменная», «Бутербродная», «Чайная», «Парикма-
«Бутербродная» (фотограф Александр Драло, 1993), «Пельменная» (фотограф Игорь Пальмин, 1981) и прачечная

херская», «Прачечная» и даже «Бульонная»); некоторые – только в фантастическом городе Карманове («Компотная», «Кисельная», «Арбузная», «Фужерная», «Винегретная», «Кильковая» и «Тюльковая»).

Можно предположить, что «Фужерная» – это кармановский аналог «Рюмочной». Кармановцы пьют спиртное не маленькими рюмками, а большими фужерами.

Килька – мелкая рыбка семейства сельдевых. К килькам относят рыб двух родов – шпроты и тюльки. Самыми популярными в советское время были два вида консервов из кильки – в томате и в масле. Такие консервы часто использовались в качестве дешевой закуски под водку.

Александра
Коваль
в молодости

С. 78 *Шурочка я...* По устному свидетельству Б.К., Шурочкой они с К. называли Александру Яковлевну Коваль (1911?–1995), младшую сестру Иосифа Коваля, которая была выписана из деревни для воспитания братьев и навсегда осталась жить в семье. Ради шутки братья пели Шурочке известную фольклорную песню, сочиненную не позднее 1954 г. Ее сюжет легко проецируется на лирический сюжет любви Васи и Шурочки в ПГЛ: «Мой приятель, мой приятель как-то сдуру / Взял влюбился в тетю Шуру». Об Александре Коваль как прототипе бабушки Волк из ППМ см. в нашем комментарии ниже.

С. 78 *УЕХАЛА НА ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ...* Заслуженный отдых – советский штамп, означающий выход на пенсию. Сравните, например, в повести Нины Катерли «Зелье» (1981): «Провожая вас на заслуженный отдых, мы все надеемся, дорогой Павел Петрович, что вы еще много-много лет будете таким же здоровым, бодрым и молодым, как сейчас». Впрочем, иногда так говорили и об отпусках. Сравните, например, в «Печках-лавочках» Василия Шукшина (1972) о поездке на юг: «Люди едут на заслуженный отдых, а вы тут...»

С. 78 *И здесь автор и читатель должны быть потрясены. Как же так? Мама даёт телеграмму об огурцах, совершенно забывая, что вместе с огурцами Шурочка найдёт убитое тело мёртвого человека. Автор не понимает, как это сделалось возможным. Очевидно, в голове у Зинки были только огурцы.* Еще один поклон Н.В. Гоголю. Сравните в финале его повести «Нос» похожее недоумение автора: «Теперь только, по соображении всего, видим, что в ней есть много неправдоподобного. Не говоря уже о том, что точно странно сверхъестественное отделение носа и появление его в разных местах в виде статского советника, – как Ковалев не смекнул, что нельзя чрез газетную экспедицию объявлять о носе? Я здесь не в том смысле говорю, чтобы мне казалось дорого заплатить за объявление: это вздор, и я совсем не из числа корыстолюбивых людей. Но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже – как нос очутился в печеном хлебе и как сам Иван Яковлевич?.. нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю!»

По своей нелепости телеграмма Зинки может быть сопоставлена с телеграммой, которую получил персонаж «Мастера и Маргариты» М. Булгакова Поплавский: «Меня только что зарезало трамваем на Патриарших. Похороны пятницу, три часа дня. Приезжай. Берлиоз».

Заметим, что нарочито необъяснимым у К. оказывается не только легкомысленное поведение Зинки (позабывшей и о мертвом теле, и о разорении огуречных запасов), но и стремительное появление Шурочки в Карманове.

С. 78 – *Так ты что ж это? – спросил Вася. – Огурцы любишь?*

– *Дико люблю! – воскликнула Шурочка. – Солёные, чтоб хрустели.* К. сам любил соленые и особенно малосольные огурцы, которые воспеты в его повести «Самая легкая лодка в мире»: «В жизни я и прежде не раз полагался на малосольные огурцы. В печали и в радости огурец был мне верный товарищ, помогал найти себя, принять решение. Стоит порой в минуту колебаний откусить огурца – и вдруг просветляется взор. Если есть в голове твоей усталая мысль, если есть на душе тревога и туман, огурец всегда отведет ее, сгладит, оттянет. Малосольный огурец оттягивает. Полупрозрачный, пахнувший укропом и окрепшим летом, совсем немного соли добавляет он в нашу жизнь, но облегчает душу. О, лекарственный!»

С предложения угоститься малосольным огурцом начинается любовное свидание во взрослом рассказе К. «“Когда-то я скотину пас...”»

С. 79 ...*шары, вырезанные из мамонтовой кости...* На самом деле, конечно, из слоновой, или, скорее всего, – стилизованной под дорожную слоновую кость.

С. 79 *Я предлагаю сыграть не на три рубля, а на сто.* Сравните со сходным эпизодом в телевизионном многосерийном фильме «Место встречи изменить нельзя», где Жеглов подначивает мастера бильярда – рецидивиста Копченого сыграть не на пятьдесят рублей (как тот предлагал), а на тысячу (старыми деньгами).

С. 79 ...*подаренных великим бильярдистом Кудасовым...* Фамилию Кудасов носит полковник белогвардейской контрразведки в фильме «Новые приключения неуловимых». Один из самых известных эпизодов этого фильма – игра идеологических противников на бильярде.

С. 80 *И вот на эти сорок рублей я имею право ему хамить, а он должен разговаривать со мною на «вы» и называть меня «дорогой сэр».* Игра в бильярд, если она ведется не на деньги, часто сопряжена с ритуальными оскорблениями: проигравший лезет под стол и оттуда кукарекает, мяукает или производит еще какие-либо звуки. Зарвавшийся гражданин Лошаков хочет получить разницу между ставками в виде подобных ритуальных оскорблений, но авансом.

С. 80 *Но в нашем советском обществе не принято таких слов!* Контекст этой фразы намеренно двусмысленный. Из него не ясно, каких слов «не принято» «в нашем советском обществе»: грубых, или, наоборот, утрированно вежливых, да еще иностранных («дорогой сэр»).

С. 81 ...*в дебрях пустырника...* Пустырник – многолетнее травянистое растение, обладающее целебными свойствами. Словосочетание «дебри пустырника» ироническое, поскольку дебрями называют заросли не травы, а леса, чаще всего, экзотического.

С. 81 ...глядел на Шурочку как на исчадие некоторой красоты. Видимо, пародийная отсылка к хрестоматийным строкам А.С. Пушкина из его стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»: «Передо мной явилась ты / Как мимолетное виденье / Как гений чистой красоты».

С. 81 *Итак, нос! Поверьте, маловато интересный. Ничего римского, ничего греческого. Ни на курочку, ни на уточку, ни хотя бы на свистульку он не был ни капельки похож.* Римский нос – это нос с горбинкой на переносице, с загнутым кончиком, а также удлиненными и утонченными формами. Он символизирует мужество и воинственность, так что римским, как правило, называют нос мужчины. Отличительная черта греческого носа – почти прямая или слегка изогнутая линия перехода ото лба к носу, т.е. практически отсутствие выделенной переносицы.

Отмечая, что Шурочкин нос не был похож «на свистульку», автор отсылает внимательного читателя к ПВК и тем самым намекает, что мужские-то носы он описывать умеет. Напомним соответствующий фрагмент первой повести трилогии: «Носы были, конечно, гораздо разнообразнее – и свистулкой, и репкой, и фунтиком. У одного дяди нос оказался вычурным, как шахматная фигура ферзь, а у другого такой дивный нос, который иначе не назвать, кроме как рубильник».

С. 81 *Впрочем, если читатель хочет, чтоб я с чем-то сравнил этот, нос, – пожалуйста... Нет, стесняюсь.* Сравните с уже процитированным нами пассажем из «Носа» Н.В. Гоголя: «Но что страннее, что непонятнее всего, – это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю». Еще ближе, пожалуй, этот отказ от сравнения необъяснимо недоброжелательного к Шурочке повествователя к брюзжанию другого гоголевского героя – Собакевича из «Мертвых душ»: «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа».

Денарий Цезаря, 44 г. до н.э., и статуя возничего (фрагмент) из Дельф

С. 82 *Для Лошакова образовалась самая настоящая подставка! Бильярдисты меня понимают!* Подставка – любое положение шаров, при котором сыграть результативно не представляет труда. Апелляция к опыту бильярдистов, между прочим, ясно показывает: повесть ПГЛ писалась в такой же степени для взрослых, что и для детей.

С. 82 *Смотри, блокнот кооператора!* Здесь, вероятно, подразумевается участник «сельскохозяйственного кооператива» (сравните выше в нашем комментарии о глумлении в советское время над колхозниками). Словосочетание «блокнот кооператора» сконструировано гражданином Лошаковым по образцу названия «Блокнот агитатора»: так в СССР именовались периодические издания обкомов КПСС, содержавшие инструкции для партийных работников.

Сам изгнанный с поста небольшого советского начальника, Лошаков теперь подставляет на свое место несчастного Зябликова и отыгрывается на нем. Тема

быстропроходящего «звездного часа» мелкого человека – одна из ключевых в русской и советской прозе: от А.П. Чехова, М. Зощенко и раннего М. Булгакова до В. Шукшина и В. Аксёнова.

С. 82 *...и с твоей, с позволения сказать, «головы» посыплется прах!* Обыгрывается идиома: посыпать пеплом голову (каяться).

С. 82 *Стыдно играть против такого млекопитающего настоящим кием. Дайте мне половую щётку.* Насчет щетки судить не будем, а вот игру одной «тещей» (специальной палкой с подставкой под кий на конце – ее применяют, когда иначе до шара не достать) комментаторы видели своими глазами. Правда, играл ею маркёр – бильярдный профессионал.

С. 83 *Играю свояка!* Здесь, свояк – это удар, чьей целью является отправить в лузу тот шар, по которому игрок наносит удар кием (а в данном случае – стулом).

С. 83 *Звуки Бака* Обыгрывается созвучие бак – Бах.

С. 84 *...выбирая огурец поукропистей...* Значит, старшина Тараканов не ошибся: от дома Зинки пахло не только чесноком и порохом, но и укропом.

Сравните также в повести К. «Самая легкая лодка в мире»: «Самый пупырчатый, самый укропистый малосольный огурец помочь мне теперь решительно не мог».

С. 85 *Тут Вася придвинулся к девушке поближе, хотел её обнять, но бак с огурцами мешался. Он отодвинул бак, но Шурочка вернула бак на место.* – И далее. Этот эпизод повторяет мизансцену из XII явления четвертого действия гоголевского «Ревизора», в которой Хлестаков, объясняясь в чувствах к Марии Антоновне, придвигает свой стул, а Мария Антоновна свой отодвигает, что, впрочем, тоже не препятствует поцелую. М. Москвиной автор ПГЛ рассказывал, что в свою повесть он «смело ввел эротическую сцену – поцелуй через бочку с солеными огурцами» (Москвина: 64). А вот фрагмент одного из интервью К.: «В повести имеются любовные сцены, которые я что-то пристрастился после “Лодки” писать» (см.: Волкова).

С. 85 – *Кажется, облава!* – *прошептал кто-то.* В сцене в бильярдной много-серийного телевизионного фильма «Место встречи изменить нельзя» Жеглов арестовывает Копченого за то, что он играл с посетителями в бильярд на деньги.

С. 86 *Гражданин Коровин?* Еще одно напоминание о «Мастере и Маргарите» М. Булгакова (об одном из самых ярких персонажей романа – Коровьеве). Также отметим очевидное «сельскохозяйственное» сходство фамилий «Коровин» и «Лошаков».

С. 87 *Товарищ старшина, вы эти старые методы бросьте. Сейчас не те времена.* Подразумевается: чтобы арестовывать людей незаконно. Пародируются штампы советской прозы, поэзии, публицистики и кинематографа 1960-х и конца

1980-х годов: на смену темным временам пришли светлые, и закон торжествует над произволом.

С. 88 – *А вас как звать-величать?* – по-председательски строго спросил капитан. Именно так, с вкраплением фольклорных словечек, разговаривали деревенские жители в советской прозе. Сравните, например, в повести Василия Ардаматского («Опасный маршрут», 1956): «Дверь открылась, и в комнату вошел плотный мужчина лет пятидесяти, с желтыми, обкуренными усами.

– Добро пожаловать! – сказал он самому себе и церемонно, в пояс поклонился Окаемову. – Извините, конечно, но не знаю, как вас звать-величать».

С. 88 – *Хорошее имя, – одобрил бригадир, <...> – Бодрое имя! Как у Пушкина!* Пародируется хрестоматийное начало речи А.А. Блока «О назначении поэта» (1921): «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин».

С. 88 – *Хорошо, – обрадовалась Шурочка. – Из Кашина привозят.* К. вновь совмещает реальное пространство с фантастическим. В отличие от Картошина, город Кашин легко отыскивается на карте Тверской области. Более того, возможно, именно Кашин послужил «прототипом» для Ка<рто>шина. А может быть, К. здесь просто играет синонимами – каша, картошка (простая деревенская еда).

С. 88 – *Вы любите синеглазку?* – кокетничал старшина.

– *Уй! Натурально!* Синеглазка – среднеспелый сорт картофеля, иногда его называют сортом огородников-любителей. Игривое обсуждение старшиной и Шурочкой достоинств сорта синеглазка как бы компенсирует грубое сравнение автором глаз Шурочки с «тряпочкой на заборе» в одной из предыдущих глав.

Комментируемый диалог – это все, что осталось в итоговом варианте ПГЛ от нескольких черновых страниц, посвященных развитию темы картошки (см. наш комментарий выше).

Сравните реплику Шурочки из комментируемого диалога с одной из реплик Коровьева в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова:

«– Уй, мадам! – подтвердил Фагот, – натурально, вы не понимаете».

С. 88 *Редуктор перебрал и гусеницы откувалдил.* Редуктор в тракторе – это механизм, обеспечивающий кручение деталей. Откувалдить – согнуть, придать нужную форму при помощи кувалды, например, гусеницам трактора.

С. 88 ...*Вся у нас мастер, без него как...*

– *Как без пассатижей!* – подсказал старшина новую техническую мысль. Может быть, это выскочившее из Тараканова сравнение отсылает к известнейшей песне В. Высоцкого «Письмо к другу, или Зарисовка о Париже» (1978): «Про то, что, Ваня, мы с тобой в Париже / Нужны – как в бане пассатижи»?

С. 89 ...*под газетой «Вечерний Карманов»...* Типовое название для газет, чьи выпуски выходят не утром, а вечером, как правило, в больших городах: «Вечерняя

Москва», «Вечерний Ленинград», «Вечерняя Одесса» и т.п. Номер газеты «Вечерняя Москва» упоминается в ПВК и в журнальном варианте ППМ.

С. 89 – *Глухово!* – крикнул ему старшина в ухо. Про Глухово кричат в ухо, как глухому. Здесь у К. то ли сознательная, продолжающая игру с пространством, то ли случайная путаница: ведь Вася подслушал, что Харьковский Пахан будет прятаться не в деревне Глухово, а в деревне Глушково. Реальная деревня Глушково, как мы уже указывали, располагается в Курской области (в Курск бежит гражданин Лошаков). Зато настоящая деревня Глухово находится в той же Тверской области, что и деревня Спасское (через Спасское оперативники будут добираться до Глухова).

С. 89 ...*за разжалованных трактористов.* Возможно, намек на кинокомедию «Трактористы» 1939 г. (режиссер И. Пырьев). В одном из эпизодов этого фильма Назара Думу за провинность из бригадиров переводят в простые трактористы.

С. 89 – *Будем просто пильщиками,* – сказал капитан Болдырев.

– *Кому дрова пилить-колоть?* – вскричал старшина, вылезая из машины.

<...>

– *Эй, да что вы, радетели,* – заметила бабуся, сидящая под рябиной, – *у нас все дрова давно поколены.* Сравните в рассказе К. «Пылшыкы» из цикла «Про них»: «По деревне шли два здоровенных мужика в телогрейках, перепоясанных веревками, за которыми торчало по топору. Один нес на плече двуручную пилу.

– *Эй, матки-хозяйки,* – сипло покрикивали они, – *кому попилить-поколоть?*

– *Спасибо, батюшки пылшыкы-колшыкы,* – отвечали хозяйки, – *все попилено-поколено».*

С. 89 – *У меня самого пила «Дружба»...*

Речь, по-видимому, идет о бензопиле, мас-

совый выпуск которых начался в Советском

Союзе с 1955 г. Разработана эта пила была в Запорожском

машиностроительном конструкторском бюро «Прогресс» им. Ивченко

С. 90 *А я ведь приехал дрова пилить, помнишь, ты прошлый год наказывал?* Если у Хрипуна есть бензопила «Дружба», как он сам хвастается чуть выше, то никакие пильщики дров ему, конечно, ни к чему.

С. 91 ...*над которым торчала такая длинная антенна, как будто хозяин принимал волны из Рио-де-Жанейро.* Еще одна переключка с романом «Золотой теле-нок», чей главный герой, Остап Бендер, мечтает переселиться в этот бразильский город? В Рио-де-Жанейро по работе часто бывал брат автора «Промаха» – Б.К.

С. 91 *В машину залетела пчела.* Залетела она, вероятно, для того, чтобы читатель вспомнил о подвигах Васи в ПВК.

С. 92 – *Тьфу! Что за пила? Не пилит <...> Тупая! Неразведённая!* Хитрый Хрипун вручает капитану и старшине не современную бензопилу «Дружба», а допотопную ручную пилу, да еще тупую и не разведенную. Такую пилу иногда иронически называют «Дружба-2». Разводят зубья пилы в разные стороны от плоскости пилы для того, чтобы уменьшить трение о стенки пропила, возникающее при движении пилы.

Впрочем, возможно, капитан придирается к Хрипуну, а сам, городской человек, просто не имеет навыка работы двуручной пилой.

С. 93 *Да это дядя Митяй!* Отсылка к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души», в которой действуют два бестолковых мужика – дядя Митяй и дядя Миняй. Однако только к литературным играм дело, как почти всегда у К., не сводится. Автор ПГЛ в этом фрагменте еще и передал «привет» настоящему «дяде Митяю» – своему другу из деревни Ферапонтово, что под Вологдой.

Подробнее о нем см.: <http://www.ferapontovo.ru/index.php3?id=364>.

С. 94 *И, вздымая пыль, двусторонняя машина рванула в сторону канала Москва–Клязьма.* Специального канала между реками Москва и Клязьма в реальности не существует, однако имеется открытый в 1937 г. Канал имени Москвы. При его строительстве верховья Клязьмы были перекрыты Пироговской плотиной, образовавшей Клязьминское водохранилище. Сравнительно недалеко от канала имени Москвы расположено не Глушково, а Глухово.

С. 94 *Со стороны деревни тем временем послышался гул. На дороге показались два человека, которые стремглав неслись к машине.* – И далее. Парафраз известной сцены из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев»: Остап и Киса Воробьянинов скрываются от гнева разъяренных шахматистов города Васюки. Вспомним также эпизод спасения Паниковского членами экипажа автомобиля Антилопа Гну из «Золотого теленка».

С. 95 *Про этот канал рассказывали, что его решил построить ещё царь Пётр Первый, который затеял снабдить Москву водой из Клязьмы, а уж Клязьму – московскими товарами.* Большинство фантастических историй о Петре Первом связано, разумеется, с северной столицей. Подробнее см., например: Синдаловский Н. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб., 1997. Однако легенды о «главном» русском царе рассказывались не только в связи с Петербургом. В частности, одному из составителей предлагаемого комментария случилось однажды услышать историю о происхождении названия железнодорожной платформы НАТИ (Научно-исследовательский тракторный институт), соседствующей с платформой Петровское-Разумовское: Петр Первый показал Разумовскому на некоторое поле и радушно воскликнул: «Нате!»

Легенда о Петре из ПГЛ ничуть не менее нелепа, чем только что пересказанная: зачем бы это было Петру снабжать Москву водой из реки Клязьма, когда по городу протекает река под названием Москва?

С. 95 *Строил этот канал действительно Пётр, но не Первый, а Перлов – директор заготовительной конторы.* Имя и фамилия директора заготовительной кон-

торы были придуманы К. ради игры созвучиями: Петр Первый и Петр Пер...лов, а сама фамилия отсылает к Василию Перлову (см. иллюстрацию на с. 206). Директором придуманной им самим заготовительной конторы «Рога и копыта» назначил себя Остап Бендер – главный герой романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок».

С. 95 – *Ложись! Все на дно! – приказал капитан.* Через несколько минут это приказание Бодырева «исполнит» Харьковский Пахан. Он погрузится «на дно», только не машины, а канала Москва–Клязьма.

С. 95 – *Четвертак! – задыхаясь, крикнул Пахан. – Четвертак до Картошина.* То есть 25 рублей. Именно такая сумма называется потому, что проезд можно было оплатить одной купюрой. Сумма эта непомерно большая – например, пол-литровая бутылка водки в 1970-е гг. стоила 3 руб. 62 коп.

С. 96 *Ложу в стакан.* Неграмотное «ложу» вместо правильного «клади». Сравните, например, со знаменитым: «Ложí, – говорю, – взад» из рассказа Михаила Зощенко «Аристократка» (1923).

С. 96 *Второе убийство* В этой главе пародируется весьма распространенный в фольклоре и в литературе (особенно в поэзии и прозе романтизма) страшный сюжет: убитый является к своему убийце со словами гнева и упрека. Сравните, например, в финале баллады В.А. Жуковского «Алина и Альсим», в балладе И.И. Козлова «Венгерский лес», в новелле В.Ф. Одоевского «Насмешка мертвеца», отчасти, в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама». У Козлова и Одоевского, как и у К., фоном для страшных событий служит река. Чуть менее популярен сюжет – явление мнимого покойника. Сравните, однако, в повести Шарля Нодье «Иньеса де ла Сьеррас», в повести того же Одоевского «Привидение», а также в повести М.Н. Загоскина «Белое привидение» (подробнее см., например: Долгих Ю.А. «Ходячие» мертвецы в русском страшном повествовании 1810–1840-х гг. // Все страхи мира: Horror в литературе и искусстве: сборник статей. СПб.–Тверь, 2013).

С. 97 *...спросил Пахан, протирая ладонью нефтяные очи...* Судя по этому микрофрагменту, в канал Москва–Клязьма сбрасывают всевозможные отходы производства, в том числе и нефтяные.

С. 97 *Каин, зачем ты убил брата своего, Авеля?* Отсылка к ветхозаветной истории об одном брате, убившем второго из зависти (Бытие 4, 2–12) и к вопросу, который Господь обращает к убийце: где Авель, брат твой? (Бытие 4, 9). История о Каине и Авеле упоминается и/или обыгрывается во многих произведениях мировой и русской литературы, в том числе, в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова.

С. 97 *...пришёл Мишка и сказал, что морковь слаще...* Вася в бреду перепутал реплики. В типовом детском новогоднем представлении Мишка говорит, что слаще меду нет на свете ничего, а Заяц возражает ему: морковь слаще.

С. 97 ...видывали мы перистые облака, видывали кучевые. Перистые – легкие, белые и волокнистые облака; кучевые – плотные облака, часто предвещающие дождь.

С. 97 Я тебя убил один раз, но полагается дважды. Возможно, парафраз приписываемого прусскому королю Фридриху II изречения «Русского солдата нужно застрелить два раза, а потом еще толкнуть, чтобы он упал».

С. 97 ...в солоноватых водах канала Москва–Клязьма. В фантастическом канале Москва–Клязьма и вода может быть солоноватой – почти как в море.

С. 97 Дай мне горячей брюквы, согрей мне ноги шерстью барса. Брюква попала в монолог Васи в память о Зинкином погребке, а шерсть барса, вероятно, из романтической поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри», герой которой отважно бьется с барсом (а чуть выше упоминается шерсть этого хищника: «...и на нем / Шерсть отливалась серебром»). Синтаксис же этой фразы напоминает известное место из «Песни песней Соломона», уместной в устах влюбленного героя: «Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви».

С. 97 ...дай я обниму тебя. Сравните: «...появилась в передней совершенно нагая девица – рыжая, с горящими фосфорическими глазами. Варенуха понял, что это-то и есть самое страшное из всего, что приключилось с ним, и, застонав, отпрянул к стене. А девица подошла вплотную к администратору и положила ладони рук ему на плечи. Волосы Варенухи поднялись дыбом, потому что даже сквозь холодную, пропитанную водой ткань толстовки он почувствовал, что ладони эти еще холоднее, что они холодны ледяным холодом.

– Дай-ка я тебя поцелую, – нежно сказала девица, и у самых его глаз оказались сияющие глаза. Тогда Варенуха лишился чувств и поцелуя не ощутил» (М. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

С. 98 Отгула мне не дали. А как дадут, я сразу приеду. А сейчас отгула никак не дают. Когда дадут отгул, я сразу приеду... – И далее. Парафраз рассказа Даниила Хармса «Письмо»: «...получил твое письмо и сразу понял, что оно от тебя. Сначала подумал, что оно вдруг не от тебя, но как только распечатал, сразу понял, что от тебя, а то было подумал, что оно не от тебя. Я рад, что ты давно женился, потому что когда человек женится на том, на ком он хотел жениться, то значит, что он добился того, чего хотел. И я вот очень рад, что ты женился, потому что, когда человек женится на том, на ком хотел, то значит, он добился того, чего хотел. Вчера я получил твоё письмо и сразу подумал, что это письмо от тебя...» и т.д.

Сходным образом устроено неопубликованное предисловие К. к сказкам Степана Писахова (предоставлено нам С. Андреевым): «Дорогие читатели! Прошу вас не читать этого предисловия! Немедленно пролистните страницу и сразу начинайте читать сказки Писахова. Если б мне попалась в руки книжка Писахова, я бы не читал никаких предисловий. Я бы сразу начал читать сказки, в них весь смысл книжки.

Итак, я пишу предисловие. Зная, что вы в этот момент читаете сказки, а вовсе не то, что я пишу. Но каждая приличная книжка должна иметь предисловие, и мне

выпала честь писать предисловие к этой. Вот я и пишу, а вы читайте сказки. В них весь смысл, а смысл, который есть в предисловии, очень прост. Вот он: сказки Писахова – это замечательное явление русской культуры. Сказки Писахова – это как раз то, что надо печатать, читать и снабжать предисловием...

Я-то, грешник, давно мечтал почитать сказки Писахова, да все приходилось писать предисловия, и я даже измучился. Хочется почитать сказку, а тут пишешь предисловие, чёрт знает что...»

С. 98 *Жду ответа, как тёмное царство луча света.* Парафраз названия хрестоматийной статьи Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» о пьесе А.Н. Островского «Гроза». Напомним, что в ПВК Вася закончил свое письмо капитану Болдыреву так: «Жду ответа, как космонавта ракета».

С. 98 *...это мой муж Николай Иванович.* Муж Николай Иванович появляется и в «Эпиплоге» «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

С. 99 *...облако поболталось по комнате, отыскивая свою вторую половину...* Идиоматическое выражение «моя половина» (в значении «супруга») здесь предстает в своем буквальном смысле: облако любви Васи и Шурочки несколькими главами ранее на самом деле разделилось надвое – увы, навсегда.

С. 99 *Вместо Сергеева-Ценского будет просто Сергеева, тоже писатель такой есть. Леонид.* Подразумевается детский писатель Леонид Анатольевич Сергеев (р. в 1936).

С. 99 *...и зашагал по обочине к городу Карманову, но, к удивлению, он попал под вечер в город Курск.*

Чего никак не скажешь про нашего любимого гражданина Лошакова.

Он-то как раз подходил к городу Карманову, только с другой стороны. Повидимому, отсылка к поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки» (1969). Когда герой стремится прийти к московскому Кремлю, он попадает на Курский (заметим!) вокзал. Когда же ему (и тоже в финале произведения) позарез нужно попасть на Курский вокзал, он неожиданно оказывается у стен московского Кремля.

Пять похищенных монахов

С. 101 <Вступление> В Костер-6 содержатся следующие варианты реплик мужчин и женщин из толпы, не вошедшие в книжную редакцию:

«– Четыре монаха и поп с бородой» (С. 5); «– Монахам голубей не надо? Ну сказал, что в воду пёрышко пустил!» (С. 5) – последняя реплика содержит намек на неприличную присказку «сказал, как в воду ...»

В домашнем архиве К. сохранились разрозненные листы машинописи авторской переделки повести ППМ в пьесу, в том числе и сценический вариант ее первых страниц. Там люди из толпы обмениваются, в частности, такими репликами: «Чет-

вертая. Да нет, не алмазы. Они сперли сто килограмм... колготок! Первый. Да на кой же они монахам? Второй. Э, не скажи, сегодня они монахи, а завтра...» Там же находим такую реплику дяди Сювы: «Причем здесь корзинка? Главное – не монахи. Душа главное! Душу украли! Как же теперь наш двор без души-то будет жить?»

Бестолковые речи в толпе, собравшейся у дома, в котором случилось нечто экстраординарное, возможно, восходят к соответствующим сценам из произведений М. Булгакова. Сравните в V главе не опубликованного в СССР, но имевшего широкое хождение в самиздате «Собачьего сердца» запись доктора Борменталья: «Последствия неисчислимы. Сегодня днем весь переулочек был полон какими-то бездельниками и старухами. Зеваки стоят и сейчас еще под окнами. В утренних газетах появилась удивительная заметка:

“Слухи о марсианине в Обуховском переулке ни на чем не основаны. Они распушены торговцами с Сухаревки и будут строго наказаны”.

О каком, к черту, марсианине? Ведь это кошмар!»

С. 101 – *Вывели из подворотни и – в жёлтый фургон.* Желтыми были фургоны машин милиции. Сравните, например, в повести Владислава Крапивина «Мальчик со шпагой» (1974): «На углу стояла милицейская машина – желтый фургон с темной полосой и синей лампой над кабиной».

С. 101 *В Перловке монахи чёрные объявились...* В отличие от ПГЛ, написанного много позже двух других частей трилогии, в ППМ, как и в ПВК, действие сосредоточено вокруг подмосковных станций и платформ, расположенных по Ярославскому направлению (в ППМ, впрочем, на первый план выступает сама Москва, в ПВК служащая лишь отдаленным фоном). О платформе Перловка см. в нашем комментарии к ПВК. В Перловке жил один из друзей К. – Анатолий Лапшинов.

С. 101 *...у нас монахи только у Кренделя, а у него их спёрли.* В журнальном варианте прозвище старшего брата повествователя было «Длинный». Крендель – весьма распространенная дворовая кличка для высоких, сутулящихся подростков. По свидетельству Б.К., некоторые черты личности Кренделя были взяты К. у него, хотя это образ, разумеется, собирательный. От лица младшего брата речь ведется и в автобиографической повести К. «От Красных ворот».

Ни Б.К., ни К. никогда не держали голубей. «Своей голубятни у меня не было, но <...> я завидовал тем, кто имел ее», – рассказывал К. в одном из интервью (Библиография. 1993. № 4. С. 48). Б.К. сообщил нам, что в детстве К. очень много времени проводил в проходных дворах близ Цветного бульвара в Москве, справа от Старого цирка. Один из этих дворов был скопцем голубятен – там их насчитывалось около сотни.

Юрий и Борис Ковали с собакой Джери

С. 101 *А ну-ка постой, голубок...* Здесь к человеку обращаются, именуя его голубем, а чуть выше в предисловии говорили о голубях, путая их с людьми.

С. 102 *Дорогу новому* В Костер-6 собака Валет была не «пыльная», а «белая» (С. 5), и на крыше стоял не «буфет», а целых «два шкафа – буфет и гардероб» (С. 6). Кроме того, в главе действовала лифтерша тетя Таня, все реплики которой в книжном варианте ППМ были переданы тете Пане. См. шутку К. по этому поводу в «Кратком объяснении некоторых слов, которые не вошли, к сожалению, в текст повести “Пять похищенных монахов”»: «ТЁТЯ ТАНЯ. Лифтёрша, которая принимала активное участие в жизни нашего двора. Однако в связи с тем, что она в точности повторяла все слова и поступки тётки Пани, автор слил эти две фигуры в одно лицо, за что и просит прощения». По свидетельству Ю.К., двух подруг Александры Яковлевны Коваль, которая долго работала лифтершей, звали как раз Таня и Паня. «Остров слияния в одно лицо» описан в «Суере-Выере» К.

С. 102 *...пыльная собака Валет.* Весьма распространенная собачья кличка. Сравните, например, в рассказе Олега Куваева «Гора из чистого серебра» (1975): «Единственным его помощником был пес Валет».

С. 102 *Из окна на первом этаже, которое сплошь заросло зелёным луком...* В условиях тотального продуктового дефицита советские люди старались обеспечить себя витаминами: обычай проращивать на подоконнике луковички имел вполне практический смысл.

С. 102 *Она висит между дверями...* Если в холодильнике не было места – или если не было холодильника – курицу иногда вешали между дверями балкона, чтобы она оставалась в холоде и не протухала (в домах, построенных до эпохи типового крупноблочного строительства, рамы и балконные двери были двойными, а между рамами оставалось расстояние в 15–20 см). Впоследствии читатель ППМ узнает, что дурную привычку вешать курицу между дверями имела Райка Паукова.

С. 102 *...под американским клёном...* Так называют ясенелистный клен, действительно вывезенный в Европу из Северной Америки. В городских условиях, как правило, живет не более 30 лет.

С. 102 *...крикнула тётя Паня...* «Паня» – уменьшительный вариант имени «Прасковья». Оно во второй половине XX века воспринималось как архаическое и «деревенское», так что нежелание героини покидать центр Москвы (в котором она, судя по всему, не родилась, хотя и прожила, как можно догадаться, почти всю жизнь) получает дополнительную историческую подсветку.

С. 102 *– А я в Бирюлёво не поеду, – сказала тётя Паня. – Там все дома белые.* В 1960 г. поселок Бирюлёво, располагавшийся к югу от Москвы, был включен в состав города; с 1971 г. здесь началось массовое строительство одинаковых

блочных домов белого цвета. В этих неуютных домах действительно стали давать квартиры москвичам, выселяемым из центра Москвы. У Бирюлёва была слава едва ли не самого захудалого и бандитского района столицы, соответственно, ехать туда жить никто не хотел. В Бирюлёве некоторое время жил близкий друг автора «Монахов» Виктор Белов, но как раз из-за того, что в этом районе «все дома белые», он вернулся обратно в центр Москвы.

Бирюлёво Западное, 1975. Фотограф В.С. Молчанов

С. 102 ...подал голос дядя Сюва с третьего. Такое странное имя («Сюва» вместо «Сева»), возможно, было дано персонажу в память о союзе молодых поэтов «СЮВ», который в школьном возрасте образовали Вячеслав Кабанов, Владимир Митрошин и Юрий Коваль (Слава, Юра, Володя). Подробнее о СЮВ см.: Кабанов В. Коваль и другие. Из моего архива (<http://d-serpokrylov.livejournal.com/768356.html>). Вместе с тем, выбор имени для персонажа был обусловлен общей писательской тактикой К. Легкий сдвиг (в данном случае – замена одного звука) делает привычное удивительным, общее – индивидуальным. «Индивидуальное» имя дяди Сювы, впрочем, сочетается с его манерой постоянно использовать речевые штампы, общие места: «старое на слом», «дорогу новому», «берет за душу», «По машинам!» и т.п. По свидетельству Ю.К., персонажа по имени «дядя Сюва» для своих игр в детстве придумала она.

С. 102 – Мне и в старом хорошо, – высказалась тётя Паня. Сравните с размышлениями Матроса в ПГЛ: «А на кой нам пёс это новое? Нас и старое устраивает. А то понаделают повсюду нового, не знаешь, куда и нос засунуть».

С. 102 – И кабина совсем новенькая! В ней можно на Марс улететь. Идея космического полета на лифте – вовсе не случайная фантазия неназванного героя. В 1960-е – начале 1970-х гг. идея «космического лифта», некогда высказанная К.Э. Циолковским, была подхвачена Ю. Арцтановым; она попала как в фантастические произведения советских писателей – например, в повести Александра По-

лешука «Падает вверх» (1964) и Петра Воронина «Прыжок в послезавтра» (1970), так и в научно-популярную литературу. Возможна еще и отсылка к сказке польского писателя Зденека Слабого «Три банана» и одноименному советскому мультфильму 1971 г. В космос на лифте случайно отправляются и герои популярной детской повести «Фердинанд Великолепный» еще одного польского автора, Людвика Ежи Керна, выпущенной в русском переводе в 1974 г.

С. 103 ...и достал из кармана губную гармошку «Универсаль».

– Что это всё – гитара да гитара, – сказал он. – Есть ведь и другие музыкальные инструменты. Фирмы «Универсаль», выпускающей губные гармоники, не существует. На гитаре играл и пел старший брат автора повести – Б.К. (и сам К. – о чем он рассказал в «Капитане Клюквине»; кроме того, К. сочинял песни, которые исполнял, аккомпанируя себе на гитаре).

Юрий и Борис Ковали играют на гитарах. 1980-е годы

С. 103 «Некому берёзку заломати...» Эта строка из народной плясовой песни «Во поле береза стояла...» намекает на «обряд заламывания», распространенный прежде на Руси: девушки загибали в кольца ветки одной или нескольких берез и закрепляли эти кольца с помощью трав, полотенец, платков. При этом ветки часто переплетали между собой. Так получался Троицкий венок (обряд проводили в Троицын день – народный и церковный праздник в конце весны). Через несколько дней, отправляясь развивать березы, осматривали их: развитая коса предвещала скорое замужество, которому предшествовало ритуальное расплетение девичьей косы, сломанный венок сулил неприятности в текущем году и т. д.

С. 104 ...а дом наш, старый, пятиэтажный, помрачнел... Сегодняшнему читателю книжного варианта ППМ может показаться, что речь идет о панельном пятиэтажном доме, которыми Москва и другие города Советского Союза массово застраивались во время руководства страной Н.С. Хрущевым. Однако в Костер-6 говорится о «четырёхэтажном» доме (С. 6); к тому же в хрущевских пятиэтажках нет лифтов, да и сносить их начали только в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

С. 104 Это была бабушка Волк. Прототипом бабушки Волк послужила Александра Яковлевна Коваль, родная тетя К. и Б.К. Подробнее о ней см. в нашем комментарии к ПГЛ. Конечно же, любой читатель опознает в прозвище этой героини отсылку к «Красной Шапочке» Шарля Перро и ее многочисленным переделкам и перепевам. Сказочный колорит рассказа о чудесных и опасных приключениях двух братьев, отправляющихся в путешествие, предсказывается этим легким, но ощутимым намеком.

С. 104 Бабушка Волк У этой главки в журнальном варианте очень много различий с книжной версией. Приведем некоторые из них. В Костер-6 после «Но дунуть на этот одуванчик никто не решался» следует: «...а если б решился, то с таким треском летел бы из подворотни, что потом никогда уж не стал бы дуть на

одуванчики» (С. 6). После строк о том, как бабушка вошла во двор было: «...бабушка сурово глянула на Жильца, и он сразу поперхнулся, наврал в мелодии, вместо берёзки выдул бородавчатый бересклет» (С. 6). После этого Длинный и Юрка в журнальном варианте отправляются навестить своих голубей: «Мы вылезли на крышу, и голуби сразу зашевелились в шкафах, захлопали крыльями.

– Ну зачем сносить? – вздыхал Длинный, отмыкая замки. – Наш дом простоит ещё сто лет.

Он отомкнул замок, висящий на гардеробе, и только стал открывать второй, как снизу, со двора, послышался крик.

– Что ещё такое? – сказал Длинный, заглядывая с крыши вниз, во двор.

Хоть и невысок наш дом – четыре этажа, а страшно другой раз глядеть с крыши вниз, двор кажется колодецем, на дне которого растёт американский клен. Сейчас вокруг него бегали жильцы и размахивали руками.

– Все бегут в первый подъезд, – сказал Длинный. – Там что-то случилось. Надо узнать.

Мы быстро скатились во двор и побежали к первому подъезду. Там, на третьем этаже, собрались почти все жильцы. Они кричали и шептались, а тетя Таня, бледная, как смерть, стояла у лифта и обмахивалась газетой. Я даже посмотрел, какая газета. Оказалось – «Вечерняя Москва» (С. 7). Далее в Костер-6 следует сцена с лифтом и застрявшей бабушкой Волк.

С. 104 *Когда родители уезжали на Север...* По-видимому, на заработки, или в экспедицию – весьма распространенный повод устранить родителей героя и оставить его с бабушкой в детской литературе советского времени. Сравните, например, в сборнике рассказов Юрия Третьякова «Алёшин год» (1974): «Алёшины папа и мама уехали далеко, где очень холодно и маленькие детишки болеют».

Ни малейшего автобиографического подтекста в комментируемом эпизоде нет. По свидетельству Ю.К., на Север в Якутию регулярно уезжали работать родители близкого друга автора «Монахов» – Александра Дорофеева, а сына всякий раз оставляли на родственников.

С. 105 *«Стены!» – недовольно повторила бабушка. – Математику тебе надо долбить, а не стены.* По устным воспоминаниям Б.К., строгость, маскирующую доброту, часто напускала на себя Александра Яковлевна Коваль.

С. 105 – *Каникулы же, – растерялся Крендель.* Прежде уже упоминалась цветущая черемуха, ниже кармановский день прямо будет назван «весенним», так что летние каникулы у К. захватывают май – они не столько реалистическая деталь, сколько поэтическое состояние мира.

С. 106 *Папа с Севера приедет, он тебе моржовый клык привезёт.* Сравните в уже процитированном нами чуть выше «Алёшином годе» Юрия Третьякова: «Через два года папа с мамой приедут и привезут Алёше живого медвежонка. Алёша велел бабушке написать письмо, чтобы привозили белого. Но если белого не будет, мож-но и простого». Сходство здесь столь же очевидно, как и разница: у Третьякова этот

Юрий и Борис Ковали
в детстве

фрагмент должен умилить читателя, у К. – рассмешить. А в повести друга Ковалю Юрия Коринца «Там вдали за рекой» (1967) дядя привозит мальчику с севера бивни мамонта. По свидетельству Ю.К., настоящий моржовый клык хранился в их семье.

С. 106 *Я вытаращил глаза как можно сильнее...* Автошарж: почти все мемуаристы, вспоминая о К., не забывают упомянуть о том, что глаза у него были выпуклые, навывкате.

С. 106 *Над городом* Эта главка в Костер-6 называется «О голубях». Приведем некоторые разночтения журнального варианта с книжным. Вместо «диких тоже хватает» в Костер-6 читаем: «Диких, которых я-то люблю больше, тоже хватает» (С. 7).

После рассказа о сизарях в Костер-6 следует: «Клинтух и сизарь – это два полюса, а между ними все остальные домашние голуби – и чеграши и монахи. В их полёте нет такой силы и такого смысла, как у клинтуха, но и нет такой бессмыслицы, как у сизаря» (С. 7–8). Завершалась главка фрагментом, из которого становилось ясно, почему в журнальном варианте голубятня Длинного состояла не из одного буфета, а из гардероба и буфета: «Четыре простых монаха, а великий Мونها имел свой отдельный шкаф – старинный резной буфет в стиле ампира» (С. 8).

С. 106 *Удивительно, сколько вывели люди голубиных пород...* Это перечисление напоминает о любимом приеме Франсуа Рабле, к которому может восходить и графическая форма, столбик. Сравните, например, перечисление игр Гаргантюа в XXII главе книги Рабле. Списками изобилует и еще одна любимая книга К. – «Моби Дик» Германа Мелвилла.

С. 106–107 *монахи, почтари, космачи, скандароны, чеграши, грачи, бородуны, астраханские камыши, воронежские жуки, трубаачи-барабанчики* – и далее – *венских носарей, <...> витютень, горлица и клинтух* см. цветную вкладку после с. 192.

С. 107 *клинтух*. В русской охотничьей литературе это слово встречается уже в XVIII в. в форме «клиндух». Свое происхождение оно, возможно, берет от фламандского слова «*holenduif*» (дуловой голубь, голубь, живущий в дупле).

С. 107 *...невиданные летуны – турманы*. Турман – голубь искусственно выведенной породы, способный кувыркаться при полете. Голуби монахи – это одна из разновидностей турманов.

С. 107 *...Великий Мونها...* После звукоподражания «Финкельштейн» (звук, который выдул Жилец на губной гармошке Кренделя) это еще одно почти нарицательно еврейское имя; все Мони, которых можно найти в русской литературе, – уроженцы Одессы или других южных земель, и все они – либо Моисеи, либо Эммануилы. Голубь Мونها вбирает лучшие черты одесских героев певца голубятни Исаака Бабеля, оставляя худшие Моне Кожаному – прямому наследнику бабелевского бан-

дита Бени Крика и его приспешников Левы Кацапа и Мони Артиллериста. Заметим, что у К. был друг – художник Евгений Монин.

С. 107 ...гордость нашего дома и всей Крестьянской заставы... У К. – расширительно – район, группирующийся вокруг площади Крестьянской заставы и метро «Пролетарская». Так эта площадь стала называться в 1919 г., а до этого она была площадью Спасской заставы.

площадь Крестьянская застава, 1976 г.

С. 108 *Ключ и молоточек* В Костер-6 эта главка называется «Вид на Зонтичный переулок». Там список московских переулков с колоритными названиями выглядит так: «Жевлюков, или Дурасовский, или Николо-Воробинский, в котором жил писатель Исаак Бабель» (С. 9). Фамилия Бабеля, скорее всего, затесалась в этот перечень не случайно, ведь он был автором рассказа «История моей голубятни». Почему Бабель исчез из книжной версии ППМ? Потому что в данном случае сквозь облик рассказчика-ребенка слишком явно проступал образ взрослого писателя? Или потому, что упоминание об авторе «Конармии» и «Одесских рассказов» излишне тормозило внимание читателя и замедляло, таким образом, темп повествования? Так или иначе, но далее в ППМ еще возникнут скрытые цитаты из бабелевской прозы.

В Костер-6 упоминается еще один московский переулок с ярким названием: «Так что по сравнению с нашим переулком даже Кривоколенный меркнет. Небось никто не напишет: КривоколЭнный» (С. 9). В Кривоколенном переулке жил близкий друг автора «Монахов» – Владимир Есаулов.

С. 108 ...пуговица, на которой шведский ключ перекрестился с молоточком. Точно описывается пуговица железнодорожника. Гаечный разводной ключ иногда называют шведским, потому что в 1892 г. изобретатель из этой страны Петер Юхансон значительно модифицировал существовавшую тогда модель ключа. Кроме того, можно предположить, что шведский след на крыше должен был дополнительно (хотя и не всерьез) запутать читателя намеком на вполне уместного на крыше героя Астрид Линдгрэн.

В СССР следовали еще дореволюционной российской традиции выстраивать людей по рангам и обозначать эти ранги униформой и особыми знаками различия. Так, форму, подобную военной: фуражки с кокардами, пояса с особыми пряжками, пуговицы с эмблемами, иногда нарукавные нашивки-шевроны, – носили школьники, студенты некоторых вузов, техникумов и училищ, служащие на транспорте (железнодорожном, морском и авиационном), инженеры-горняки (в угольной промышленности), следователи и прокуроры, геодезисты и связисты, инспекторы рыбной охраны и лесники, таможенники и работники банков, дипломаты и многие другие представители вполне гражданских профессий.

С. 108 *«Приём посуды»* Речь идет о пункте для приема у населения использованных бутылок и других стеклянных емкостей (так называемой стеклотары). В 1970-е годы в «Приеме посуды» начисто отмытая пустая винная бутылка (0,7 л) стоила 17 коп.; пивная (0,5 л) – 15 коп.

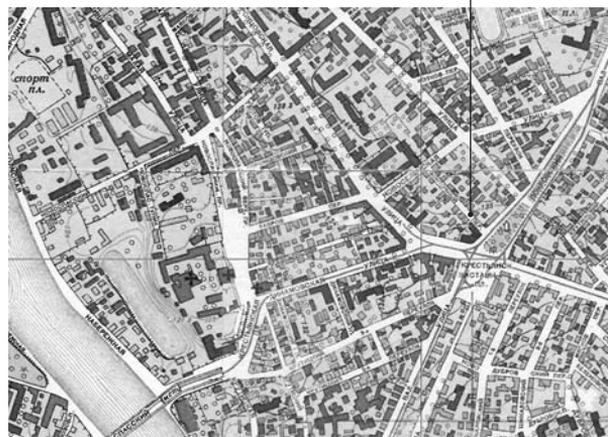
С. 108 *...Жевлюков...* Жевлюков переулочек, увы, не сохранился. Он был назван в 1922 г. в честь героя Гражданской войны Павла Исидоровича Жевлюкова (1898–1921) и располагался в районе Таганки (между Марксистским переулком и Абельмановской улицей, на которой некоторое время жил К.)

С. 108 *...Серебрянический...* Серебрянический переулочек и поныне располагается в районе Таганки, между Яузской улицей и Серебрянической набережной. Старыми Серебряниками этот район называли уже в XVII в., потому что здесь жили мастера денежного Серебряного московского двора. В доме № 27 по Серебрянической набережной, в кв. № 8 с 1965 г. была общая мастерская двух художников: Виктора Белова и самого К.

С. 108 *...Николо-Воробинский...* Большой и Малый Николоворобинские переулочки тоже находятся в районе Таганки. Большой Николоворобинский переулочек располагается между Большой Воронцовской улицей и Тессинским переулком; Малый Николоворобинский переулочек – между Яузским бульваром и Большим Николоворобинским переулком. Своё название эти переулочки получили в XIX в. по церкви Николая Чудотворца в Воробине. И. Бабель жил в несохранившемся доме в Большом Николоворобинском переулочке.

С. 108 *...Зонточный...* Зонточный переулочек, располагавшийся в районе Таганки, был снесен в конце 1970-х гг. (как и предсказано в ППМ). Он проходил по задворкам знаменитого Гастронома № 100 на углу Крестьянской заставы (теперь Торговый центр «Сотый») почти параллельно Воронцовской улице и своим северо-западным концом упирался в тупичок – остаток Новоселенской улицы, в свою очередь, выходивший на Марксистскую улицу.

Зонточный переулочек на фотографии Виталия Царина и на карте Москвы 1952 г.

С. 109 ...пэтэушник. От ПТУ – профессионально-техническое училище. Отсчитывают свою историю от 1954 г. (в ПТУ были преобразованы ремесленные училища, готовившие квалифицированных заводских рабочих).

С. 110 ...дуборез... Вероятно, случайно Крендель употребляет в споре с Тимохой словцо из воровского жаргона. На арго «дуборез» означает – прозектор, человек, вскрывающий умерших, «давших дуба». В Костер-6 Длинный кричит не «дуборез», а «Барахло!» (С. 10).

С. 110 Ну, пэтэушник! Ты у меня сейчас попляшешь! В Москве в 1970-е годы в ПТУ после окончания восьмого класса средней школы обычно шли подростки, которым не хотелось учиться в старших классах и дальше поступать в институт. Соответственно, репутация у ПТУ была очень низкой (ниже, чем у техникумов), а кличка «пэтэушник» считалась оскорбительной. Тимоха, впрочем, если верить ему, был совершенно исключительным пэтэушником: обычно отличники все же заканчивали десятилетку.

С. 110 – А ну-ка спокойно! Разойдись! Сейчас милицию позову! Товарищ милиционер! Товарищ милиционер! Сходным образом в ПВК действует другой преступник, Курочкин, натравливающий на невинного Васю кармановскую милицию.

С. 110 Следы в подъезде В Костер-6 описание игры в домино жильцами начинается так:

«– Дупель! – сказал дядя Сюва и ляпнул доминошиной» (С. 11). Вместо «Зря я на Тимоху налетел» в журнальном варианте было: «Зря я на Тимоху наклепал» (С. 11). Далее в журнальном варианте следует реплика дяди Сювы: «Ну, у Тимохи или Петра Петровича с Абельмановки я бы ещё, может, украл, а у Длинного – ни за что. Я его с пелёнок нянчил» (С. 11). Отчество Петрович было у хозяина той квартиры в доме № 6 по Абельмановской улице, у которого К. в середине 1960-х гг. снимал комнату. Свое невеселое житье у Петровича он описал в повести «Самая легкая лодка в мире» и в рассказе «Чайник».

После сообщения об «уликах» на лестнице подъезда, в котором обретается подозрительный жилец, в журнальном варианте ППМ шел такой фрагмент: «Но самые заметные следы были, конечно, на стене. Белые рожи и тёмные личности были нарисованы там мелом и углем, а надписи разукрасили стену до самого потолка» (С. 12).

Сохранилась страница машинописи авторской переделки этой главы ППМ во фрагмент пьесы. Здесь дядя Сюва говорит: «Свой у своего душу не украдет, хотя черт его знает». Райка следующим образом обличает жильца из 29-й квартиры: «...в портфеле такие деньги носит, что нам и не снилось». Более явственно она проявляет и тайный интерес к этому жильцу. Крендель предлагает Райке вместе пойти в 29-ю квартиру, на что она отвечает: «Да ладно, Крендель, ты один иди: а то мне неудобно, чужой все-таки, а я не накрашенная...» Райку упрекает бабушка Волк: «Ладно тебе, тут люди страдают, а она об своих губах думает», на что Райка отвечает: «Да нет, я об ресницах».

С. 110 ...игра в «козла». «Козел» – самая популярная разновидность игры в домино. Когда становилось тепло, в московских дворах «козла забивали» каждый вечер. Называется эта игра «козлом» потому, что проигравший участник, первым набравший 101 очко, по не всегда соблюдавшейся традиции должен был залезть под игровой стол и проблеять. По свидетельству Ю.К., в козла виртуозно играла Александра Коваль с подругами, а домашние над ней посмеивались.

С. 110 – Рыба! – крикнула тётя Паня и крепко ударила костью по столу. «Рыбой» в домино называют такую ситуацию, при которой все игроки имеют кости на руках, но не имеют возможности ходить. Она становится возможна тогда, когда на стол выложены все шесть (не считая дубля) костяшек с одинаковым числом очков (точек) в одной из своих половинок и оба конца цепи завершаются этим же числом очков.

С. 110 ...сейчас бы селедочки баночной. В советское время тихоокеанская слабосоленая сельдь, продававшаяся в банках, была в большом дефиците. Сравните, например, в детской повести Юрия Томина «Карусели над городом» (1979):

«– Неважная картошка, – сказала продавщица и шепнула. – Анне Максимовне скажите, чтобы зашла. Есть баночная селедка.

– Хорошая? – наивно спросил Алексей Палыч.

– Да вы что! – изумилась продавщица. – К нам из города приходили, по пять кило брали».

С. 111 ...повсюду валялись улики: окурки, корки апельсина, старые трамвайные билеты. Пародируется типовой детектив, в котором окурки и старые трамвайные билеты действительно часто служат уликами преступлений. Об окурках как об уликах см. в ПВК и в нашем комментарии к этой повести.

С. 111 ...по бронзовой пластинке вилась надпись: «Прощу крутить». Сравните в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова: «Звонок “прощу крутить” давно уже вертела чья-то неуверенная рука».

С. 111 ...«Николай Эхо. Крутить 1 раз»... Загадочный Жилец обретает наконец имя и фамилию. Имя – самое простое русское, фамилия – весьма поэтическая, намекающая на романтическую природу одинокого возвышенного героя (уже проявившего свои музыкальные таланты). Эхо в поэтической мифологии (в России заданной Пушкиным) – синоним поэта, чутко откликающегося на сигналы жизни. Указание «1 раз» лишено практического смысла, ведь речь не идет о коммунальной квартире, где количество звонков было строго регламентированным и указывало на разных жильцов. Здесь, скорее, мы имеем дело с поэтическим, а не практическим высказыванием: действительно, зачем звонить больше одного раза, если вы пришли к настоящему Эху?

С. 112 Сон Жильца В журнальном варианте повести (Костер-6) Райка во сне Жильца была продавщицей мороженого, сам Жилец, проснувшись, протирал

«глаза боржомом» (С. 12), а его финальная в главе реплика, обращенная к Кренделю, звучала куда жестче: «Подите к чёрту вместе с монахами и Юркой-братом» (С. 13).

С. 112 *«Уважаемый Жилец, хотите крем-брюле?»* Мороженое крем-брюле в 1970-е годы продавалось в пачках и в стаканчиках. Стоило оно 15 коп.

С. 112 *У меня курица на газу.* Вероятно, современному читателю нужно объяснить, что речь идет о приготовлении курицы на газовой плите. Наверное, подразумевается та самая курица, которую Райка вешает между дверями.

С. 114 *Наверно, и вправду надо было сделать подушку. Кому всё это нужно? Зачем?* Утилитарная подушка, набитая поэтическими перьями провоцирует еще раз вспомнить Юрия Олешу и героя его «Зависти» Ивана Бабичева, разочарованного романтика, «короля подушек», несущего по миру свою подушку как герб и поющего ей торжественный гимн.

С. 114 *Перья птиц всего земного шара* Коллекционеров птичьих перьев называют каламофилами.

С. 114 *...перья перепёлок и кекликов, удонов и уларов, сычей и орлов... – и далее – рулевые баклана, маховые буланого козодоя, перо вальдшнепа, сойка, свиристель* см. цветную вкладку после с. 192.

С. 114 *...рулевые баклана...* Рулевыми перьями называют хвост птицы.

С. 114 *...маховые буланого козодоя...* Маховые перья растут у птиц по краю крыла. Именно они поддерживают птицу в полете.

С. 114 *...какая мысль, какое благородство...* Крендель неслучайно подхватывает именно эти слова и потом несколько раз их механически повторяет. В реплике отразилась поэтическая душа голубоглазого Жильца – слова сложились в пятистопный ямб, подобно тому, как «хорошую уху», судя по «Самой легкой лодке в мире», «нужно есть гекзаметром». В Костер-6 комментируемые слова Николая Эхо звучали менее поэтично и в размер укладывались хуже. Там было: «Какой цвет, какое благородство...»

С. 115 *Появление гражданина Никифорова* Сохранилась страница машинописи – авторской переделки начала этой главы для сцены. Приведем фрагмент из нее: «Гражданин: А ну-ка спокойнее, подростки! Хулиганье! Подрастающее поколение! Убийцы! Разойдись! Сейчас милицию позову! Интересно, в какой они школе учатся? Где их родители? Кто воспитал? Рono? Горono? Облоно?

Бабушка (обходит гражданина, оглядывая его со всех сторон): Мы их и воспитали, мы их и вырастили. А вот ты, голубок, кто такой? Откуда взялся? Кто тебя звал?

Тетя Паня (из окна): Я бы к нам в переулочек по пропускам пускала.

Дядя Сюва: По пригласительным билетам».

Реплика о пропусках взята здесь из главы «След на асфальте» ППМ.

С. 116 ...и след его простыл. Я нарочно пощупал рукою след – да, простыл. К. часто использует этот художественный прием: буквальное восприятие идиомы, возвращение словам их первоначального смысла.

С. 116 *Бегство и страх гражданина Никифорова* В Костер-6 среди людских страхов перечисляется и такой: «Есть люди, которые боятся насаживать червя на рыболовный крючок» (С. 16). А после указания правильного текста плаката («Бойся падения материалов!») следует: «Такой вариант тоже не слишком устраивал. Раньше мне и в голову не приходило, что стройматериалы падают» (С. 16).

С. 116 ...*грабли, вытянувшись, летели за ним.* Предмет (волшебный шар), постоянно висящий в воздухе рядом с героем и тем самым мешающий ему общаться с другими людьми (как грабли будут мешать гражданину Никифорову в главе «Телевизоры и монахи» ППМ), описан в повести Вадима Шефнера «Круглая тайна» (1969). Гражданин Никифоров все время наступает на одни и те же грабли, у него загребущие руки (такие руки иногда называют граблями), в частности, в повести сообщается, что однажды он произвел *ограбление* кармановского буфета. Отметим, на всякий случай, что в данном случае «буфет» – это не шкаф, а заведение, в котором можно поесть.

С. 117 ...*бродили у Крутицкого теремка.* Архитектурное сооружение, которое входит в ансамбль Крутицкого подворья, располагающийся неподалеку от местожительства героев по адресу: Крутицкая улица, 4а. Теремок был сооружен в 1693–1694 гг. В 1960–1980-е комплекс Крутицкое подворье реставрировался.

Крутицкий теремок. Фотографии 1972 г. и 1975 г. (фрагмент резьбы по камню)

С. 117 ...*на заборе, за которым торчал подъёмный кран, я увидел плакат: Бойся падения метеоритов! <...> Утром я снова пошёл на стройку. При дневном свете плакат читался по-другому: Бойся падения материалов!* Этот эпизод,

возможно, восходит к известному фрагменту из «Записных книжек» И. Ильфа: «Шел Маяковский ночью по Мясницкой и вдруг увидел золотую надпись на стекле магазина: “Сказочные материалы”. Это было так непонятно, что он вернулся назад, чтобы еще раз посмотреть на надпись. На стекле было написано: “Смазочные материалы”».

С. 117 *Огненное слово «Рубин» зажглось над кинотеатром...* Кинотеатр «Рубин» располагался на юго-востоке столицы (Нижегородская ул., 76), довольно далеко от основного места действия московских глав ППМ. В Костер-6 речь шла о кинотеатре «Победа» (С. 16), находящемся совсем близко к Крестьянской заставе (Абельмановская ул., 17а), однако священное слово «победа» (а кинотеатр на Абельмановской был назван в честь победы СССР в Великой Отечественной войне) вставлять в книжный вариант своей пародийной повести К., вероятно, поостерегся. Кроме того, само слово «рубин» куда более «багровое» и «огненное», чем «победа».

Как раз напротив кинотеатра «Победа» на Абельмановской улице находилась одна из мастерских К.

кинотеатры «Рубин»
(на значке) и «Победа».
Фотография 1965 года

С. 118 *Долго стоял он на одном месте и глядел, как вспыхивают в окнах домов тёплые абажуры...* Гимн абажуру как символу домашнего уюта пропел М. Булгаков в начале своей «Белой гвардии»: «Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен».

С. 118 *...на стене висели портреты киноактрис, наших и зарубежных...* Открытками с фотографиями отечественных и зарубежных актрис были украшены стены многих советских квартир и общежитий. В 1960–1970-е годы такие открытки собирали, часто ими обменивались.

С. 118 *Похититель смотрел сразу три программы. Надо отметить, что по одной программе передавали «Артлото», по другой – «Спортлото», по третьей – «А ну-ка, мальчики».* В 1970-е годы московские телезрители могли смотреть четыре канала: два общесоюзных – «Первую программу», с 1967 г. передававшую цветное изображение (которое могли видеть, естественно, только редкие тогда владельцы

цветных телевизоров, всем остальным мир телевидения представлялся в оттенках от светло-серого до черного) и «Московскую программу», также вещавшую на всю страну, и два региональных – «Образовательную программу» и «Четвертую программу», по которой в основном показывались повторы «Первой».

Дебютный выпуск программы «Артлото» вышел на первом канале советского телевидения в 1971 г.; последний – в 1975 г. Каждая программа представляла собой род викторины. В ней наряду с отечественными исполнителями принимали участие и зарубежные. Слово «зарубежные» означало – преимущественно из стран социалистического лагеря. Идея передачи возникла как следствие тогдашней моды на спортивную лотерею «Спортлото». Напомним, что по ее условиям во вращающемся барабане находилось 36 или 49 шариков (по числу видов спорта), после раскручивания барабана и его остановки извлекался один из шариков и объявлялся его номер. Побеждал и выигрывал денежный приз тот, кто угадал (и заранее отметил в специальной карточке) пять или шесть – в зависимости от числа видов спорта на барабане – выпавших вида спорта. В «Артлото» вместо видов спорта каждый из 49 номеров обозначал определенного артиста. Ведущие раскручивали барабан, доставали шарики с номерами – и звучали песни (или скетчи) выбранных певцом или юмористов. Песню «Артлото» написал близкий друг автора ППМ – Юрий Визбор.

Передача «Спортлото» тоже демонстрировалась по первому каналу Центрального телевидения. Дебютная программа вышла в 1970 г.

Название программы «А ну-ка, мальчики» представляет собой пародию на название действительно существовавшей и очень популярной телепередачи «А ну-ка, девушки». Эта программа тоже выходила на первом канале (с 1970 по 1987 г.). Она представляла собой конкурс среди девушек, отобранных по профессиональному признаку (стюардессы, швей-мотористки и т.д.).

Участницы соревновались за звание лучшей по профессии. В 1970–1972 гг. по Центральному телевидению также шла программа «А ну-ка, парни!»

Интересно, что в Костер-6 К. указывает настоящее, не пародийное название этой телепрограммы: «Надо сказать, что в этот вечер по первой программе передавали “Артлото”, по второй – “Спортлото”, а по четвёртой – “А ну-ка, девушки!”. Третью же программу Похититель не смотрел никогда» (С. 16). 29 марта 1965 г. Центральное телевидение запустило третий в СССР канал – Образовательный, который грубому и некультурному Похитителю был, очевидно, неинтересен, хотя Похититель и претендовал на то, чтобы «быть немножко художником».

Первый тираж «Спортлото», 20 октября 1970 г., Центральный дом журналиста. Школьница Маша Обухова достала из тиражного барабана первые шесть шаров лотереи.

С. 118 *То, к чему давно стремился, – достиг.* Иронический парафраз начала знаменитого монолога из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина («Достиг я высшей власти...»).

С. 118 *Похититель встал, подошёл к зеркалу, которое висело среди портретов киноактрис <...> Он... казался себе знаменитым киноактёром и строил все-*

возможные гримасы – то нахмуривал брови, выпятив вперёд подбородок, то, наоборот, подбородок убирал назад, а бровями играл, как морскою волной, то вдруг шевелил подбородком справа налево, восхищаясь собственной красотой.

Оглядевши своё лицо, Похититель остался им недоволен. Очень уж грубым и мрачным казалось оно. Такое лицо надо было развеселить, и он подмигнул себе, а потом и спросил сам у себя, глядясь в зеркало:

– Куда монахов девать будешь, рожжа?... <...>

Тут Похититель рассмеялся, довольный разговором с самим собой. Отсылка к известной сцене из первого тома «Мертвых душ» Н.В. Гоголя – Чичиков прихорашивается перед зеркалом: «Целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале. Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкою, то просто почтительное без улыбки; отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал вовсе. Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнул бровью и губами и сделал кое-что даже языком; словом, мало ли чего не делаешь, оставшись один, чувствуя притом, что хорош, да к тому же будучи уверен, что никто не заглядывает в щелку. Наконец он слегка трепнул себя по подбородку, сказавши: “Ах ты, мордашка эдакой!”, и стал одеваться».

С. 118 – *Надобно торговать с умом.* Возможно, пародируется лозунг, выдвинутый в 1921 г. В.И. Лениным: «Учитесь торговать!»

С. 118–119 *Но смеялись, в основном, зарубежные киноактрисы, наши смотрели на это дело довольно хмуро.* Пародируется укорененное в СССР представление о Западе как о мире, в котором господствует беспринципная тяга к обогащению.

С. 119 *Он решительно выключил телевизоры...* В Костер-6 было: «Он решительно выключил два телевизора, пожалел было “девушек”, но вырубил и их» (С. 16).

С. 119 *...в доме № 7 по Зонточному пер.* Реальный дом № 7 по Зонточному переулку был деревянным и двухэтажным, а не пятиэтажным.

С. 119 *Температура +19 градусов. Влажность воздуха 89%. Ветер северный, слабый до умеренного.* Пародируется телевизионный прогноз погоды из финала программы «Время», недаром Похититель так усердно смотрит телевизор.

С. 119 *На месте преступления оставлена улика – железнодорожная пуговица <...> Ранее на месте преступлений оставлялись пуговицы: солдатская, матросская, лётчицкая и лесниковская.* Очередной предметный перечень, к которым К., особенно как автор ППМ, был весьма склонен. Ранее читателю повести встречались перечни видов голубей, а также птиц, чьи перья собирает Жилец; а уже в следующих двух главах на него обрушатся перечни Птичьего рынка. Любовь К. к перечням и спискам отмечали уже первые рецензенты ППМ: «Юрий Коваль выводит цепи, хороводы, гнезда слов. Ему доставляет наслаждение называть породы голубей

<...> Словно экзотические иностранцы, поплывут названия рыб» (Комарова Т. Длинный, Недопёсок и другие // Литературное обозрение. 1977. № 12. С. 44).

С. 120 *Птичий рынок* Так неофициально именовался знаменитый Калитниковский рынок, с 1929 г. располагавшийся в Таганском районе по адресу: Средняя Калитниковская улица, 27. В начале 1960-х гг. рынок работал один раз в неделю – по воскресеньям; с середины 1960-х гг. – два раза – в субботу и в воскресенье. Закрыт Птичий рынок был в 2001 г.

Птичий рынок. Слева – 1965 год, справа – 1972-й (автор этого снимка – Mark Brayne)

С. 120 *В прудах на окраинах Москвы ловят мотыля и живородка...* Мотыль – личинка комара. Такими личинками кормят рыб в аквариумах, часто они служат приманкой при ловле рыбы на удочку. Живородок – моллюск, живущий в раковине. Эти раковины вместе с их обитателями используют для декоративного украшения аквариумов. Мотыля и живородка ловили не только в прудах на окраинах Москвы, но и в Калитниковском пруду, который располагался совсем недалеко от Птичьего рынка. О нем см. в нашем комментарии далее.

С. 120 *А через час Таганская площадь разрезана пополам длиннейшей очередью. Автобусов не хватает.* От Таганской площади через Птичий рынок были проложены три троллейбусных маршрута и четыре автобусных.

С. 120 *...стоведёрный аквариум...* Это не гипербола К., а термин: такие большие аквариумы (объемом примерно 1200 л) действительно существуют.

С. 120 *...с Яузы...* Эта московская река, неоднократно описанная в произведениях К., например, в «Самой легкой лодке в мире», протекает недалеко от территории Птичьего рынка (около 2 км).

С. 120 ...дедок в шапке-ушанке, нос его похож на грушу, но красен, как яблоко. Красный нос – недвусмысленное указание на то, что его обладатель – пьяница. «Красноносого» покупателя (или продавца) Вася Куролесов встречает на рынке еще в первой части трилогии. Писатель Андрей Битов говорил автору ППМ: «У тебя во всех текстах чувствуется присутствие выпивки».

С. 120 В руках у дедка – кулёк, в котором неслыханный фрукт – сушёный циклоп. Циклоп – крохотный веслоногий рачок, обитающий в водоемах. Прочитируем фрагмент воспоминаний Дмитрия Петрова о Птичьем рынке (см. <http://moskva.ruz.net/lib/4/2.htm>), в которых упоминается «суперзагаженный» Калитниковский пруд, где «водятся так называемые “циклопы”». Это такие маленькие червячки, которых хорошо едят аквариумные рыбки. Предприимчивые ребята с Птички зачерпывали тазик этой водицы и несли продавать по десять копеек за стакан. Сушеный “циклоп” тоже расходился».

С. 121 ...бриллиант «Королева Антуанетта». Легендарный 115-каратный голубой бриллиант, в 1653 г. привезенный из Индии купцом Жаном-Батистом Тавернье и проданный королю Франции Людовика XIV. В дальнейшем бриллиант якобы приносил несчастье всем его владельцам, в частности, одна из его обладательниц, королева Мария Антуанетта, окончила жизнь на гильотине. Сейчас бриллиант хранится в Национальном музее естественной истории в Вашингтоне (США).

С. 121 ...глядеть в горло подсадным уткам... Подсадные утки – это порода домашних уток, выведенная для охоты на диких уток-крякв. Подсадная утка голосом подманивает крякв, которые и являются целью охотника. Соответственно, голос – это главное в подсадной утке, он должен быть громким и густым. Поэтому подсадным уткам на Птичьем рынке охотники и заглядывают в горло.

Угол Вековой и Малой Андроньевской улиц. Фотограф И. Нагайцев. 1988 г.

С. 121 По Вековой улице мы бежали на Птичий... Улица в Москве между Рогожским валом и Добровольческой улицей. В Костер-6 было: «По Воронцовской улице мы бежали на Птичий...» (С. 17). А эта улица соединяет площадь Крестьянская застава с Таганской площадью. Через обе улицы действительно можно было проложить путь от Зонточного переулка до Птичьего рынка: читатель вновь имеет возможность убедиться, что иногда К. бывал в топографических деталях скрупулезно точен.

С. 121 На рынке уже в воротах мы влипли в толпу аквариумистов. По свидетельству Ю.К., заядлым аквариумистом был сам К. Сравните в написанных по нашей просьбе воспоминаниях П. Антошкина: «...при входе на Птичку действительно без всяких прилавков, прямо в толпе, некоторые аквариумисты прода-

вали “простых” рыб в банках (чаще всего это были гуппи). Более солидные аквариумисты занимали прилавки, на которых стояли их аквариумы с аэраторами и зимой – с подогревом».

С. 121 ...огненные барбусы... Подразумевается одна из разновидностей этой аквариумной рыбки – барбус вишневый.

С. 121–122 ...барбусы, кардиналы, гурами, макроподы, сомики, скалярии и петушки – и далее – рыбы-телескопы, <...> красного неона... см. цветную вкладку после с. 192

С. 121 ...петушки... Характерный для К. прием – здесь упоминается рыбка Петушок; через несколько абзацев речь пойдет об аквариумисте по кличке Петух.

С. 121 ...Трубочник! Вид мелкого червя, которым кормят аквариумных рыб.

С. 121 ...Инфузория на банане... Инфузория-туфелька – это вид одноклеточного организма, которым кормят аквариумных мальков. Иногда инфузорию действительно и довольно сложным образом выращивают на маленьком кусочке банановой кожуры.

С. 122 ...и вдруг – ах, чёрт! – уткнулся носом... В Костер-6 было: «...и вдруг – ах, чёрт побери! – уткнулся носом...» (С. 17).

С. 122 ...красный неон – редкая рыбка с притоков реки Амазонки. В природных условиях красные неоны обитают в пресных стоячих и медленно текущих реках Южной Америки, в частности, в бассейнах рек Ориноко и Амазонка. В Европу аквариумные красные неоны были завезены в 1956 г. В СССР – в 1961 г.

С. 122 Голуби – носатые, хохлатые, ленточные, фильдеперсовы, жарые... Все это устойчивые в русском языке эпитеты для описания голубей (кроме «фильдеперсовый»). Называя голубей «носатыми», К. продолжает важную для всей трилогии мотивную линию. Вскоре в повести появится голубятник по кличке «Широконос» (так в просторечии часто именуют уток). Ленточными называют голубей с широкой белой (или иного цвета) лентой на хвосте. Фильдеперс – крученая пряжа высокого качества, внешне и на ощупь похожая на шелк. В комментируемом фрагменте «фильдеперсовы» синонимичны эпитету «шелковистые». Впрочем, возможно, речь идет о сером, жемчужного оттенка, «фильдеперсовом» цвете. Жарый – это цвет оперения: красно-бурое, с золотистым отливом.

Птичий рынок, середина 1950-х. Кадр из документального фильма «Москва в цвете», 2009 г.

С. 122 ...и в руках у продавцов и покупателей. В Костер-6 далее следует: «Здесь уже трудно было разобрать, кто продавец, кто покупатель, потому что не было человека без товара в руках» (С. 17).

С. 122 *Бери, пацан, не прогадаешь!* В Костер-6 далее следует микрофрагмент, в котором голуби исподволь связываются с уголовным миром, подготавливая тем самым дальнейшее развитие фабулы:

«– А вот – понятия! Кому понятия? Без слов понимают. С понятием!» (С. 17). Понятыми, как известно, называют людей, приглашаемых властями при обыске, изъятии имущества или аресте в качестве свидетелей.

С. 122 – *Подумаешь. Поглядеть нельзя.* В Костер-6 далее следует:

«– На пуп себе погляди, – сгрубил Широконос» (С. 17), т.е. Широконос намекает на поговорку «Не видит дальше собственного пупка».

С. 123 ...голубиный парикмахер «Кожаный». В Костер-7 Кожаный назван «великим голубиным парикмахером» (С. 3), а о его деятельности рассказывается чуть подробнее: «Из чёрно-чистого слепить чистого для Кожаного было пустяком. Он мог из чистого выкроить фильдеперсового, а из чиграша – шпанциря, из сороки – чайку» (С. 3). Шпанцирь – двуцветная порода голубей; чиграш – одноцветная.

С. 123 *Вон какие патлы отрастил!* В Костер-7 далее следует: «Мысли о парикмахерской расстроили Длинного, раньше он так грубо со мной не разговаривал» (С. 3). Сравните еще с цитируемой нами выше репликой старшины Тараканова, обращенной к милиционеру Фрезеру из черновиков к ПГЛ: «– А помолчал бы ты, – рассердился внезапно старшина. – Тоже мне философ. Читай – помалкивай. Застегни пуговицу». Придирки к длинным волосам мальчиков («Отрастил баки, как у макаки» и пр.) в советское время являлись прерогативой не старших братьев (которые и сами обычно носили длинные волосы), а учителей, родителей и бабушек.

С. 123 *Через полчаса мы были уже на вокзале.* До Ярославского вокзала от Птичьего рынка действительно можно добраться за полчаса, например, на метро: от станции Таганская кольцевая до станции Комсомольская кольцевая. Как мы скоро убедимся, в ППМ, в отличие от ПГЛ, город Карманов топографически еще крепко привязан к Ярославскому направлению Московской области.

С. 123 *Где Бужаниновский?* Бужаниново – железнодорожная станция в 89 км от Москвы по Ярославскому направлению.

С. 123 ...толпились у разменных касс... Проезд на электричке можно было оплатить, бросая определенное количество мелочи в специ-

Москва, Ярославский вокзал.
Фотограф Harrison Forman, 1959 г.

альный автомат и получая взамен билет. Для того чтобы поменять более крупные деньги на мелкие (например, 20 коп. на четыре пятака) на вокзалах и устанавливались разменные кассы.

С. 123 ...седой полковник с тортом в руках. Не шуточный ли это портрет Иосифа Яковлевича Ковалья?

С. 124 ...двери вагона съехались, прищемляя рукава и чемоданы... В Костер-7 стилистически смелее: «...прищемливая рукава и чемоданы...» (С. 3).

С. 124 НЕ СЛОН Я! В Костер-7 далее следует: «С этим, конечно, спорить бы я не стал. Такая кропотливая работа – подковыривать буквы ногтями – слону была не под силу» (С. 3–4).

И.Я. Коваль, 1970-е

С. 125 *Кармановский колхозный рынок* Эта глава построена с таким расчетом, чтобы читатели трилогии вспомнили зачин ПВК. Вновь возникает название «кармановский колхозный рынок», затем опять описывается толпа продавцов и покупателей; далее следуют перечни товаров, а потом действие переносится в «самый угол рынка», под башню бывшего монастыря. Здесь, помимо других инструментов, нужных в домашнем хозяйстве, продают «напильники», что провоцирует внимательных читателей ПВК вспомнить о стекольщике *Рашпиле*. Только теперь рынок показан не с точки зрения Васи Куролесова (который за это время уже успел превратиться в «тертого калача»), а глазами двух московских подростков – Кренделя и Юрки.

Москва. Труба котельной между Измайловским шоссе и Щербаковской улицей. Фотограф А. Самойлик

С. 125 ...трубу, на которой написано было – «1959», чтоб в будущем люди не мучились, размышляя, в какую эпоху возведено это сооружение. Традиция, над которой потешается здесь К., – «встраивать» в кладку ничем не примечательных краснокирпичных труб всевозможные надписи (в первую очередь – дату постройки) кирпичами другого цвета – возникла в России еще в самом начале XX в. В Костер-7 еще более иронично: «...в какую эпоху было возведено это достойное сооружение».

С. 125 – *Семечки!* <...> *Калёны!* Возможно, отсылка к шуточной песне знаменитого одесского куплетиста Льва Зингерталя, исполнявшейся, в том числе, и самим К. – «На перовском, на базаре...» с ее припевом: «– Есть газеты! – Семечки каленые! – Сигареты! – А кому лимон?» Напомним, что в этой песне есть строка: «В лавке ктой-то постарался, вывернул карман».

С. 125 ...свистульки в форме птенца. В Костер-7 далее: «Минуты две крутило нас вокруг дяди, который раскрыл чемодан, доверху набитый деревянными яйцами. Яйца были разрисованы цветами и птицами» (С. 5). Из этого фрагмента, между прочим, становится

понятно, откуда в подмосковной электричке взялись «огородники с чемоданами» (сравните в предыдущей главе ППМ): Юрка ошибся – то были не огородники, а продавцы с кармановского рынка.

С. 126 – *И дед, и отец мой были хлеборобами! Понял?* К. высмеивает весьма распространенные в советскую эпоху апелляции к своему трудовому происхождению – пролетарскому или крестьянскому, как в данном случае. Сравните, например, с репликой положительного персонажа из «Поднятой целины» Михаила Шолохова: «Если хочешь знать, я – исконный ставропольский хлебороб».

С. 127 *Всё – суета.* Гражданин Никифоров цитирует Библию, ветхозаветную книгу Екклесиаста, приписываемую царю Соломону: «Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, – все суета!» (Еккл 12:8).

С. 129 *Вот алмаз – пожалуйте. Режет любое стекло, в какую хочешь сторону.* В. Воскобойников вспоминает, что при публикации в журнале «Костер» эпизоды с кармановскими алмазами неожиданно вызвали противодействие цензуры: «Цензор мне говорит: “А вот у вас тут в повести Ковалея написано, что в таком-то городе делают алмазы”. А я ему: “Так это же все сочинено”. – “Мало ли что сочинено. А у нас есть пункт, запрещающий упоминать подобные города. А тут назван город Карманов, и там делают бриллианты”. Я говорю: “Если в этом дело, то давайте как-нибудь выйдем из положения. Давайте, я вам напишу расписку, что такого города не существует, и бриллиантов не существует, и пятерых монахов тоже на свете нет, а существует только один автор, и я за это отвечаю”. Она как-то вдруг на меня взглянула с облегчением и говорит: “Пишите расписку”. И я ей накатал довольно забавную бумагу, что все описанное в повести придумано, кроме фамилии автора» (Ковалиная книга: 137–138).

Комизм описанной ситуации еще и в том, что в стеклорез вставляются искусственные технические и совершенно не пригодные для ювелирных целей алмазы.

С. 129 *...небольшой предмет, похожий то ли на молоточек, то ли на гриб опёнок, с железной головой и деревянной ножкой.*

С. 129 – *Может, скинешь всё-таки? – предложил Нос, укладывая алмаз во внутренний карман.* Если в начале ПВК Васю легко обманывали мошенники, то теперь он и сам («тертый калач») не прочь смошенничать, недоплатив Кожаному рубль.

С. 130 *...золотой зуб, кудрявую чёлку...* Отсылка сразу к двум дворовым песням – «Парень в кепке и зуб золотой» (как и в зачине повести К. «Самая легкая лодка в мире») и «Чубчик кучерявый».

С. 130 *«Молоко» и «яблочко»* В Костер-7 описание ярмарочной площади содержит следующий развернутый эпизод: «У помоста, который был чем-то похож на капитанский мостик, толкалось без дела несколько человек. Один в кепке и

пиджаке с карманами всё время лез наверх, делая вид, будто хочет произнести речь. Но приятели со смехом стаскивали его вниз.

Наконец он взобрался всё-таки на капитанский мостик.

– Вы все очень хорошие люди, – начал он. – И я вас за это уважаю. Если бы вы были плохие, я бы не уважал вас ни за что.

Охватив своим уважением присутствующих, оратор перешёл на великих людей. Оказывается, он уважал Кутузова, Суворова, адмирала Нахимова и вообще всех военных. Он и сам в детстве хотел быть генералом, но пошёл по другому пути.

– Дайте мне батальон, – говорил он. – И я разобью любого неприятеля.

Когда приятели снова стащили его вниз, он подошёл ко мне и жалобно попросил:

– Сынок, дай мне полк» (С. 9).

С. 130 *Рядом лежала на земле коричневая лужа.* Еще одна отсылка к Н.В. Гоголю, на этот раз к знаменитому описанию из его «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! Единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа!»

С. 130 *На каждой из них было нарисовано огромное зелёное яблоко.* И вновь – овеществление идиомы: кармановские стрелки стремятся попасть в реальное «яблочко».

С. 131 *– Да ты сходи за молоком!* А тут обыгрываются сразу две идиомы: молоко-сос (т. е. неопытный, неумелый) попадает в «молоко» (т. е. мимо мишени). Дальше мы увидим, что этот прием использует не только К., но и распорядители кармановских увеселений: второй местный тир так и называется – «Молоко». Сравните в рецензии Т. Комаровой на ППМ: «Слова порой отчуждаются от словесной материи и смело бросаются в мир иной, мир реальных вещей. Стоит произнести “попасть в яблочко” или “попасть в молоко” – и вот уже стоят два домика-тира – на одном изображено яблоко, другой словно бы облит молоком» (Комарова Т. Длинный, Недопёсок и другие // Литературное обозрение. 1977. № 12. С. 44).

С. 131 *Из усов его выливалась кривая надпись: Волшебный стрелок.* Под таким названием в России была известна опера Карла Марии фон Вебера «Der Freischütz» («Вольный стрелок»).

С. 131 *...горстями высыпал на прилавок духовые патроны.* Духовых патронов не бывает: используются просто пульки, не имеющие ни гильзы, ни пороха – ружье-то пневматическое.

С. 131–132 *– Ага! – сказал он, увидев нас. – Старые знакомые! Прошу. Любая винтовка. На выбор.*

– У нас денег нет, – растерялся Крендель.

– Денег нет – это плохо. Без денег какая же стрельба, – нахмурился Кожаный <...>

Крендель вздохнул, приоткрыл рот, но тут Кожаный сказал:

– Чего вздыхаешь? Пострелять хочется?

– Еще бы, – вздохнул и я.

– Ладно уж. По старой памяти вот вам два патрона – палите. И далее.

Отсылка к известному эпизоду из повести Валентина Катаева «Белеет парус одинокий»: «– Ну, вот что, Гаврюха: хочешь выстрелить?

Даже уши у мальчика, и те покрылись горячей краской. Однако он тут же овладел собой и, продолжая изображать дурачка, пропищал совсем тоненьким голоском:

– А у меня, дяденька, нету пятачка.

– Это я понимаю, что у тебя нету капиталов. Ничего. Один раз можешь выстрелить, я заплачу.

– Дяденька, а вы с меня не смеётесь?

– Не доверяешь? Ну хорошо... Вот!

С этими словами усатый выложил на прилавок большой, совершенно новый пятак.

– Пали!

Гаврик, задохнувшийся от счастья, нерешительно посмотрел на хозяина тира.

Но у того на лице появилось уже строго официальное выражение, исключавшее даже самую возможность дружеских перемигиваний.

Он посмотрел на мальчика, как на незнакомого, и, учтиво, склонившись над прилавком, спросил:

— Из чего вы предпочитаете стрелять, молодой человек: из пистолета или же из ружья-с?

Тут Гаврик и взаправду почувствовал себя дурачком – до того растерялся от так неожиданно подвалившего ему счастья.

Он обалдело улыбнулся и, почти заикаясь, пролепетал:

– Из монтекристо.

Хозяин элегантно зарядил ружье и подал его мальчику. Гаврик, сопя, припал к прилавку и стал целиться в бутылку. Конечно, ему больше хотелось бы выстрелить в японский броненосец. Но он боялся промахнуться, а бутылка была большая.

Мальчик старался как можно дольше растянуть наслаждение прицеливания. Поцелившись немножко в бутылку, он стал целить в зайца, потом в броненосец, потом опять в бутылку. Он переводил мушку с кружка на кружок, глотая слюну и с ужасом думая, что вот он сейчас выпалит – и всё это блаженство кончится.

Гаврик глубоко вздохнул, положил ружье и, виновато взглянув на хозяина, сказал усатому:

– Знаете что, дядя: я лучше не буду стрелять, я уже всё равно поцелился, а вы меня лучше угостите в будке зельтерской с сюрпризом. Вам же дешевле обойдётся».

пневматическая
винтовка ИЖ-22 –
главное оружие
в тире 1950–1970-х

С. 132 ...нахмурился Кожаный. В Костер-7 далее следует: «За его голову, в дальнем конце тира висели мишени, расписанные кричащими красками, осве-

щённые лампою в сто свечей, они похожи были на огромных бабочек, которые уселись погреться на солнечной стене» (С. 10).

С. 133 *Стрельба по-кармановски* Вероятно, намек на выражение «стрельба по-македонски»: одновременно с двух рук, поднятых на уровень плеч. Правда, так стреляют из пистолетов, а не из духовых ружей. Но зато это умение отличает истинных профессионалов вооруженных столкновений, которыми в ППМ предстают и Вася Куролесов, и Моня Кожаный. Сравните с названием главы «Бильярд по-кармановски» в ПГЛ.

С. 134 *Василий Константинович*. В ПГЛ капитан Болдырев, обращаясь к Васе, называет другое отчество: «Василий Феофилович». В Костер-7 отчество Васи не упоминается вовсе.

С. 134 *Позвольте, уважаемый Василий Константинович, и мне стрелнуть в вашем присутствии*. и далее. Эпизод противостояния двух стрелков (одному из них ассистирует мальчик, а другой – переодетый чекист) есть в советском приключенческом фильме «Достояние Республики» (1971). Стрелков там играют прославленные артисты Андрей Миронов и Олег Табаков (персонажу Табакова во время стрельбы завязывают глаза).

С. 135 *В тире запахло порохом*. К. опять играет с идиоматическими выражениями; «запахло порохом», т.е. повисло напряжение, ведь порох в пневматических винтовках не используется.

С. 136 *Мой миленький дружок, / Любезный пастушок...* Зачин дуэта Прилепы и Миловзора из оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама» (либретто М.И. Чайковского) по повести А.С. Пушкина.

С. 136 *Трудно с вами тягаться. Ладно, сейчас я не буду стрелять. Последний выстрел остаётся за мной*. Еще одно воспоминание о Пушкине: Вася пробует себя в роли героя повести «Выстрел» Сильвио, сравните: «Злобная мысль мелькнула в уме моем. Я опустил пистолет. “Вам, кажется, теперь не до смерти, – сказал я ему, – вы изволите завтракать; мне не хочется вам помешать”. – “Вы ничуть не мешаете мне, – возразил он, – извольте себе стрелять, а впрочем, как вам угодно: выстрел ваш остается за вами; я всегда готов к вашим услугам”. Я обратился к секундантам, объявив, что нынче стрелять не намерен, и поединок тем и кончился».

С. 137 *...сидели монахи и играли в лото*. Монахи – довольно неожиданные персонажи для советской детской литературы 1970-х гг. В исторически-приключенческом жанре они появляются чаще всего в контексте повествований о Гражданской войне, и там монахи, разумеется, либо пособники врага, либо сами – замаскированные враги. Тут следует вспомнить стереофильм «Таинственный монах» (1968, режиссер А. Кольцатый), включающий, кстати, и эпизод виртуозной артистической стрельбы по мишеням.

Лото – еще одна популярная в СССР (чуть менее, чем домино) групповая игра. Для игры в лото необходимы: 90 бочонков с цифрами на торцевых гранях; непрозрачный мешочек для этих бочонков; 24 карточки с рядами цифр; жетоны или фишки, предназначенные для закрывания цифр на карточках. Побеждает тот, кто первым закроет все числа на одной своей карточке.

С. 137 *Пять обстриженных монахов* В этой главке К. в очередной раз использует один из любимых своих приемов: реализацию метафоры. Породу голубей называли монахами за цветную шапочку на голове, т.е. голуби – это метафорические «монахи». Когда голубей-монахов крадут (в начале ППМ), обыватели все путают и говорят о монахах-людях; а теперь эти (лже)монахи появляются в повести. Сходным образом в трилогии реализуются метафоры «облако любви» (в ПГЛ), «оставить след» (в ППМ) и т. д.

С. 137 *...как вулкан, вздымалась со стола трёхлитровая банка, наполненная пивом.* В СССР пиво почти повсеместно продавалось в розлив на улицах – в специальных киосках «Пиво» и прямо из бочек с той же надписью (сорт уличного разливного пива был всегда один и то же – «Жигулевское»). Можно было купить кружку (0,25 или 0,5 л) или налить в бидон, банку.

С. 137 *...только рты, в которых горели сигареты.* В Костер-7: «...прямо из пустоты торчали курительные трубки» (С. 14).

С. 137 – *Семьдесят семь, – сказал он, достав из мешочка лотошный бочонок. – Бандитизм, – откликнулся бородач...* Статья «Бандитизм» в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. действительно имеет номер 77, о чем К., чей отец был полковником милиции, как видим, знал (или спросил у Иосифа Яковлевича).

С. 137 – *Восемьдесят девять, – сказал ноздреватый. – Кража со взломом, – сказал от двери Кожаный, и монахи разом обернулись к нам. – Статья восемьдесят девятая Уголовного кодекса, – продолжал Кожаный. – Карается за кражу со взломом сроком до шести лет.* И эти сведения соответствуют действительности (в Костер-7 статья была названа неправильно). Коммен-

тируемый фрагмент представляет собой почти прямую цитату из кинокомедии «Операция “Ы” и другие приключения Шурика»:

- «– Что может нас спасти от ревизии?
- Простите, не нас, а вас.
- От ревизии нас может спасти только кража.
- Со взломом или без?
- Естественно со взломом!
- Статья 89 пункт 2. До шести лет. Не пойдет!»

С. 138 *А Моня – это я.* В Костер-7 имя Моня носил тот персонаж, который в итоговом варианте получил кличку Барабан. Он в журнальной версии был главным бандитом, а Кожаный ему беспрекословно подчинялся. В окончательном варианте и это изменилось тоже. Соответственно, и сбегал от милиционеров, и парился в бане в журнальном варианте не Моня Кожаный, а другой, бородатый Моня.

С. 138 – *Да они, наверно, от Сарочки...* Еще один намек на мир «Одесских рассказов» И. Бабеля.

С. 139 *...который голубей стрижёт.* В Костер-7 далее следует: «– Я раньше и правда маленько подстригал, – сказал Кожаный, почёсывая затылок.

- Кого ты подстригал? Ты зачем эту моль привёл? Продался?
- Да откуда я знаю, каких им монахов надо? Спрашивают – отвечаю.
- Ну и дела, – сказал кто-то из пустилицы. – Это похоже на тот случай, когда Манька бодала бешеного быка» (С. 14–15).

С. 139 *Хочешь нас под монастырь подвести?* То есть поставить в затруднительное, безвыходное положение (фразеологизм). К. здесь вновь играет значениями слов: фразеологизм у него реализуется – монахам ведь и положено пребывать в монастыре.

С. 140 *...как вдруг из какой-то подворотни высунулась огромная рука, пролетела за нами вдогонку и сразу сгрэбла в охапку и меня и Кренделя.* Еще одна реализуемая метафора (руки так и летают). Сходным образом рука будет летать в повести К. «Самая легкая лодка в мире».

С. 140 *Комната цвета какао* В этой главе продолжена серия переключек с ПВК: Юрку и Кренделя, как когда-то Васю, по подозрению, основанному на недоразумении, забирают в отделение милиции. Вновь восстановить истину предстоит «человеку в сером костюме» (капитану Болдыреву). Милицейская операция носит название «Мешок» (как бы в память о мешке Матроса; Матрос, впрочем, в ППМ не участвует). И даже реплика «Пойди, Фрезер, пообедай» уже звучала в первой части трилогии, только подавал ее не старшина Тараканов, а Болдырев.

С. 140 *Он чистил его тщательно и грозно.* В Костер-7 далее следует: «Неприятная слабость охватила меня, я слышал, как вздрагивает Длинный.

Усач поставил нас посреди комнаты, а волшебный стрелок отошёл к окну, будто боялся, что мы в него выскочим. Но выскочить мы уже никуда не могли. Подавленные, неслись мы по течению, захлебываясь в кармановских водоворотках, и не знали, что сделают с нами эти пенные струи: то ли вынесут на тихий берег, то ли расшибут о подводный камень» (С. 15).

С. 141 – *Да вы понюхайте, товарищ капитан, – подсказал Вася.* Настойчивость Васи (и К.) в использовании обоняния как инструмента следователя можно объяснить ещё и стремлением «овеществить» идиому «вынюхивать» (в значении «разузнавать скрытые обстоятельства»).

С. 143 *С носом – старый вор Сопеля.* Кличка произведена от слова «сопли», что обыгрывает главную отличительную черту ее носителя – «ноздреватый» нос «наподобие банана». Сравните у Владимира Высоцкого в «Романе о девочках» (1977): «Потому что голуби – дело опасное, требует смекалки и твердости, особенно когда “поднимаешь” их в соседних дворах и везешь продавать на “конку” с Лёнькой Сопелей (от слова “сопли” – кличка такая)».

С. 144 *Уехал на базу.* Подобные таблички вешали на дверях временно закрываемых магазинов. Они информировали покупателя, что продавец уехал на продуктовую или иную базу для пополнения запаса товаров. Более распространенная форма таких табличек была: «Ушел на базу». Карикатуры на продавцов, прикрывающих свое безделье табличкой «Ушел на базу» часто печатались в советской прессе.

С. 145 *...сам он наливался квасом.* «Детский» квас здесь, по-видимому, служит заменой «взрослого» пива.

С. 146 *Тотчас пули, которые уж вылетели было из раскалённых стволов, юркнули обратно и затаились в гильзах. Наганы нервно икнули, как братья-близнецы.* С разумной пулей читатель, напомним, встречается в ПГЛ.

С. 146 *Кармановская милиция умела, оказывается, не оставлять следов.* Вот тут читателю и становится окончательно ясно, что Вася Куролесов все-таки сделал трудный выбор между профессиями тракториста и милиционера.

С. 147 *...автофургон с маленькими окнами, закрытыми решёткой.* В Костер-8 далее следует: «На стене фургона была нарисована сигарета толщиной с коровью ногу, а над нею надпись: “КУРИТЬ В ПОСТЕЛИ ОПАСНО”» (С. 23). Отметим, что такие плакаты (1975 г. изготовления) висели в СССР повсеместно.

С. 148 *...и всё шире открывался горизонт.* И далее. Весь этот фантастический эпизод восходит к знаменитому фрагменту из «Страшной мести» Н.В. Гоголя: «За

Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетьманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская.

– А то что такое? – допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерещившиеся на небе и больше похожие на облака серые и белые верхи.

– То Карпатские горы! – говорили старые люди, – меж ними есть такие, с которых век не сходит снег, а тучи пристают и ночуют там».

Вид на высотное здание с балкона квартиры Ковалей. Фотограф Е. Козлова

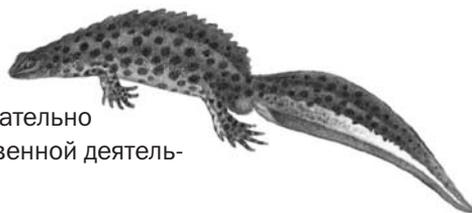
С. 148 *...будто из-под земли выросла Останкинская башня и высотное здание у Красных ворот.* Строительство огромной телевизионной останкинской башни (высота – 540,1 м) было завершено в 1967 г. В хорошую погоду ее действительно можно увидеть из Мытищ. Высотное здание у Красных ворот было построено в 1947–1952 гг. Семья Ковалей жила рядом с этим зданием после войны, о чем рассказано в автобиографической повести К. «От Красных ворот». С балкона квартиры открывается вид на высотное здание.

Примечательно, однако, не только то, что видят в Москве герои, но и то, чего они не видят (хотя именно эти идеологически окрашенные архитектурные детали встретились бы у любого другого советского писателя): Красной площади с Кремлевской стеной и Спасской башней над одноименными воротами. Это тем более заметно, что в цитируемом фрагменте представлены ключевые слова («башня», «ворота», «красный»), а высотное здание (как и другие московские «высотки») включает элементы стилизации Кремлевских крепостных башен.

С. 148 *Ясно была видна двуглавая снежная вершина – Эльбрус.* Вулкан на Кавказе, самая высокая горная вершина в России (5642 м над уровнем моря). Несколько альпинистских песен об Эльбрусе написал близкий друг автора ППМ Юрий Визбор. Впрочем, в русской поэзии Эльбрус появился задолго до того, и самое известное видение этой горы находим в «Кавказском пленнике» Пушкина: «...колосс двуглавый, / В венце блистая ледяном, / Эльбрус огромный, величавый, / Белел на небе голубом».

С. 148 *Погоня* По свидетельству В. Воскобойникова, эту главу К. спешно переписал, забрав уже готовые гранки повести из журнала «Костер», где она печаталась (Ковалиная книга: 138).

С. 148 *..сходство с гребнем гребенчатого тритона.* И далее. Гребенчатые тритоны выбирают для жизни и для нереста только чистые водоемы, они тщательно избегают луж, рек и прудов, загрязненных хозяйственной деятельностью человека.

С. 148 *В иных колдобинах водились и караси.* Еще одна гипербола гоголевского типа.

С. 150 – *Утон!* – крикнул он, беспомощно оглядываясь на капитана. Вдруг впереди и дальше по дороге, метров за двадцать от Васи, из другой лужи показалась мокрая кепка. Эта эксцентрическая сценка, может быть, восходит к фильму «Айболит-66» (режиссер Р. Быков), где сообщники в сходной ситуации поспешили признать утонувшим своего главаря – Бармалея.

С. 150 ...*Он тащил четвёртый телевизор – «Темп».* Телевизоры «Темп» выпускались на Московском радиозаводе.

С. 150 *С полчаса смотрел он четыре передачи: «Сплав науки и производства», «Хочу все знать», «С песней вдоль околицы» и «Немецкий язык для химиков».* Пародируются типичные названия советских телепередач – производственных («Сплав науки и производства»), учебно-познавательных («Хочу все знать», «Немецкий язык для химиков») и развлекательных («С песней вдоль околицы» – судя по всему, подразумеваются народные песни). Название «Хочу все знать» носил ежемесячный детский научно-популярный киножурнал, показывавшийся перед фильмами в кинотеатрах. Выходил в 1957–2010 гг.

Платформа Тайнинская.
Фотограф Ю. Семёнов.
1978 г.

С. 153 – *Дракончик!* – вздрогнул Похититель. Что здесь имеет в виду Похититель (и сам К.), мы объяснить не беремся.

С. 153 *В Тайнинке один старикан изобрёл.* Тайнинская – платформа и населенный пункт по Ярославской железной дороге, на одну станцию ближе к Москве, чем Мытищи. «Тайнинская смесь» Мони – это чуть усовершенствованная «кайенская смесь», применявшаяся для борьбы с собаками и широко известная по советским книжкам про шпионов и доблестных пограничников. От классического рецепта отличается добавлением чеснока и медвежьего уха.

С. 153 ...*да ещё коровяк – медвежье ухо.* Двухлетнее травянистое растение, из него варят целебный настой, обладающий характерным резким запахом.

С. 153 ...*достал из кармана крокодилий портсигар...* В Костер-8 Моня-бородач достает из кармана «золотой портсигар» (С. 29).

С. 154 *А ты взрослый человек, тридцать семь стукнуло. Пора подумать о чём-нибудь серьёзном.* Пародируется расхожее представление о возрасте тридцать семь лет как о роковом для человека. Может быть, наиболее ярко это представление отразилось в песне Владимира Высоцкого «О поэтах» (1971): «С меня при цифре “37” в момент слетает хмель. / Вот и сейчас как холодом подуло – / Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль, / И Маяковский лег виском на дуло».

С. 154 *Да ты в баню иди. Воронцовские выходные. Иди в Тетеринские.* В этой вроде бы невинной реплике Похитителя прячется ядовитая идиома «Иди ты в баню!» Воронцовские бани были открыты в 1938 г. по адресу: Воронцовский переулок, 5/7, стр. 1, т.е. совсем недалеко от основного места действия ППМ. Они работают до сих пор. Между прочим, Похититель соврал Моне: в воскресенье Воронцовские бани были открыты для посетителей. Тетеринские бани находились по адресу Тетеринский переулок, 4/8, тоже недалеко от Зонточного переулка (их больше нет). Билеты в них стоили дешевле, чем в Воронцовские, считавшиеся элитными. Приведем здесь небольшие воспоминания, написанные по нашей просьбе одной из посетительниц Тетеринских бань того времени: «Моя семья ходила в Тетеринские через Таганскую площадь. Воспоминания детства – клубы пара, голые тетки и железные страшные тазы, почему-то называемые “шайками”. Пол – плитка серо-коричневого цвета. И огромные окна. В предбаннике стояли деревянные шкафчики, где оставляли вещи. Для бани у нас с мамой были специальные большие шерстяные платки, которыми обвязывали голову, чтобы не простудиться по дороге через Таганскую площадь. Путь из бани в переулок напоминал муравьиный тропу, по которой сновали люди, многие со своими тазами. Поход в баню был интереснейшим приключением. Почему-то картинки в памяти все зимние. А вот летом по дороге заходили на Тетеринский рынок, где бабки продавали раннюю клубнику и сушеные грибы». Завсегдаем Тетеринских бань был сам К. Сохранилась фотография, на которой автор ППМ стоит с портфелем и банным веником возле этих бань (а рядом с ним друг – художник Виктор Белов). Также постоянными посетителями Тетеринских бань, по легенде, были Владимир Высоцкий и великий футболист Эдуард Стрельцов.

Слева: Ю. Коваль и В. Белов возле Тетеринских бань (за их спинами снимают исторический фильм). Справа: Виктор Белов. Тетеринские бани. Офорт

С. 154 *Медный кран забулькал, как тетерев, выдавив ржавую каплю.* В Костер-8 подозрения Мони оказывались оправданными: «Похититель хитрил. Вода в доме была, никто её не отключал, но связываться с Моней он никак не хотел» (С. 29).

С. 155 ...*сегодня, гляди, до ценностей доберутся. До фамильного серебра.* Подразумевается серебряная и, следовательно, дорогая посуда, передаваемая по наследству. Иногда такая посуда клеймилась гербом рода, которому она принадлежала. Здесь словосочетание «фамильное серебро» явно употреблено иронически, как штамп. Ну, какое у бабушки Волк могло быть фамильное серебро?

С. 155 ...*Крендель потускнел.* В Костер-8 далее следует: «Потеря голубей была для него большим ударом. С трудом накопил он деньги, чтобы купить монахов, трясся над ними, каждую минуту боялся, что нападёт на них голубиная чума» (С. 30).

С. 156 ...*он смешался с толпой, которая вываливала из метро, и быстро пошёл вниз по Садовой.* Толпа вываливает из метро Таганская кольцевая. Под Садовой К. подразумевает улицу Земляной Вал, входящую в состав московского Садового кольца. До 1938 г. эта улица называлась Садовой-Землянской.

С. 156 ...*бежать в Зонточный.* В Костер-9, единственный раз в журнальном варианте ППМ, этот переулок тоже назван Зонточным (С. 20; в остальных случаях – Зонтичным), что позволяет предположить: у К. везде было «Зонточный», «Зонтичный» появился в результате редакторской правки (звучит более привычно и благообразно), а в комментируемом фрагменте редактор случайно пропустил вариант К.

С. 157 *Я всегда любил Тетеринский переулок <...> Высокий, битый молниями тополь склонился над входом в переулок.* Тетеринский переулок соединяет Верхнюю Радищевскую улицу с Земляным Валом. В его начале (если смотреть со стороны Земляного Вала) действительно растёт огромный тополь.

Тополь у входа в Тетеринский переулок.
Фотограф Виталий Царин. 1983 г.

С. 157 *Хамса...* Речь идет о сельдеобразной рыбе, скорее всего, купленной на рынке или закопченной самим Колей (в советских магазинах купить хорошую копченую рыбу было почти невозможно).

С. 157 *В Тетеринском переулке всегда пахло рыбой.* Это, конечно, гипербола страстного любителя бани, оспоренная одной из жительниц близлежащей улицы: «Наш двор граничил через забор с Тетеринским рынком и его складами. Неправда! Рыбой никогда не пахло. Свежие яблочки, гранаты, виноград и фрукты мама покупала зимой на рынке. Были бакалейные, мясные и прочие лавки. Почти каждый день после школы мы с подругами катались на катке в

Тетеринском парке. Там уютная теплушка, в которой по выходным крутили кино. Мы снимали коньки, сидели в носочках и грелись. Зимы тогда были морозными с чистым снегом» (http://community.livejournal.com/suer_vyer_/103610.html).

С. 157 ...приятели подошли к мрачному, казённому на вид трёхэтажному дому, сложенному из чёрно-красного кирпича. Казенным домом называют тюрьму. Сравните о бане в этой же главке ППМ: «А навстречу им повалили люди, отсидевшие свой банный срок». Так К. ненавязчиво продолжает уголовную тему повести.

С. 157 *Тетеринские бани* В Костер-9 далее следует такой фрагмент: «У массивных дверей на овощном ящике сидел дедок, очень похожий на того, что на Птичьем продавал нам сушёного циклопа. Этот торговал берёзовыми вениками. Из-за солидных спин мы видели, как Моня купил веник и вошёл в баню <...> – Возьмите веничка, молодые люди, – предложил тем временем дедок» (С. 21). Напомним гимн баням из «Суера-Выера» К.:

В нашей жизни и темной и странной
Все ж имеется светлая грань.
Это с веником в день постоянный
Посещение общественных бань.

Что вода для простого народа?
Это просто простая вода.
Братства банного дух и свобода
Нас всегда привлекали сюда.

В Тетеринские,
Воронцовские,
Донские,
Ямские,
Машковские,
Измайловские,
Селезневские,
Центральные
И Сандуны.

А Семеновские ликвидировали,
А Мироновские модернизировали,
Краснопресненские передислоцировали.
Доброслободские закрыли на ремонт.

Было много тяжелого, было,
Но и было всегда у меня:
Дуб, береза, мочало и мыло.
Пиво, вобла, массаж, простыня.

Тело – голое! Сердце – открытое!
Грудь – горячая! Хочется жить!
В наших банях Россия немытая
Омовенье спешит совершить!

В глубине двора за этой вывеской находились Тетеринские бани. Фотограф М. Михлин, 1970 г.

С. 158 ...мы увидели две огромные скульптуры цвета пельменей. По воспоминаниям старожил, такие скульптуры действительно украшали вход в Тетеринские бани.

С. 158 У входа в парильное отделение первого разряда... В 1970-е гг. банные отделения в СССР были четырех разрядов (в зависимости от степени благоустройства и уровня оказываемых услуг): высшего, первого, второго и третьего. К первому разряду относились бани, которые отвечали следующим требованиям (цитируем соответствующий приказ 1974 г.):

а) залы ожидания и раздевальные помещения должны иметь полужесткие стулья и диваны, зеркала, сейфы или столы для хранения ценностей, столики с журналами и газетами, резиновые коврики и дорожки, питьевые фонтанчики, медицинские весы, аптечки, цветы, часы и радио. Художественное оформление интерьеров должно отвечать современным требованиям;

б) стены в мыльных и раздевальных помещениях должны быть облицованы глазурованной плиткой светлых тонов на всю высоту стен. Стены вестибюля на всю высоту должны быть окрашены масляной краской светлых тонов. Полы в мыльных и парильных помещениях должны быть покрыты метлахской плиткой, а в остальных помещениях – деревянные, окрашенные масляной краской или покрытые линолеумом;

в) скамьи для мытья должны быть изготовлены из мрамора или других материалов, легко поддающихся дезинфекции.

Отделения первого разряда должны иметь:

а) общее мыльное отделение с обмывочными душами или общее душевое отделение с открытыми кабинами;

б) парное помещение с сухим паром;

в) места для банщика-мойщика;

г) места для мытья с детьми;

д) детский плескательный бассейн.

Душевые павильоны первого разряда должны иметь:

а) душевой зал или кабины;

б) парное помещение с сухим паром;

в) оздоровительные души или ванны.

Номера первого разряда должны иметь:

а) мыльное помещение с обмывочным душем;

б) парное помещение с сухим паром;

в) ванну;

г) скамьи для мытья.

В бане – 1.

Аквавель Ю. Ковалева

С. 158 ...кто жевал тарань... В Костер-9 далее следует: «кто прикладывался к банке с пивом» (С. 22). Под таранью в комментируемом фрагменте вновь подразумевается не конкретная лучеперая рыба семейства карповых, а любая сушеная рыбка, потребляемая под пиво.

С. 158 В Оружейные ходишь? Эти бани находились в Оружейном переулке.

С. 159 *Из-под венника торчал розовый, сильно утомлённый рот.* В Костер-9 намек на Васю Куролесова был отчетливее: «Из-под венника торчал розовый сильно утомлённый нос» (С. 22).

С. 159 *...или Хлебниковских...* А эти бани находились в Хлебниковом переулке на Таганке. Их упоминанием завершается еще один из многочисленных в ППМ перечней – перечень московских бань с колоритными названиями (Воронцовские, Тетеринские, Оружейные, Хлебниковские).

С. 159 *Один из них похож был даже на какого-то римского императора...* Шутливый античный колорит, задушевные разговоры на философские и бытовые темы, называемый всеми по усеченной форме отчества персонаж, организующий банный процесс – все это есть в одной из самых популярных пьес того времени, комедии Михаила Рощина «Старый Новый год» (1966) – у Рощина «Адамыч», у К. – «Мочалыч». В журнальном варианте ППМ пространщика (см. далее) звали «дядя Саша».

С. 159 *...и буквы «Т. Б.», расположенные на кругленьком животе, намекали, что это, очевидно, Тиберий. Второй же, с явной лысиной, смахивал скорей на поэта, а буквы подсказывали, что это – Тибулл.* Шутливо обыгрывается традиционное для культуры со- и противопоставление – поэт и властитель. Тиберий Цезарь Юлий Август – второй римский император из династии Юлиев – Клавдиев. Судя по сохранившимся памятникам Тиберия, «кругленького животика» у него не было. Как и у многих второстепенных персонажей ППМ, у «Тиберия» имелся реальный прототип, о котором читаем в воспоминаниях А. Дорофеева: К. «был для меня не только учителем, но и, так сказать, путеводителем. Узнав, что я собираюсь поступать в геодезический институт, крайне удивился: “Что я слышу? стыдись! Это совсем не твое дело! Иди в реставрацию. Я уже поговорил о тебе с одним монументальным императором”... “В каком смысле император?” – не понял я. “В прямом смысле. Стал бы я общаться с проконсулом! На прошлой неделе мылся с ним в Тетеринских банях. После парилки он так царственно запахнул простыней с клеймом «ТБ» на пузе, что сомнений не оставалось – император Тиберий”... Так очутился и под державным крылом Тиберия, побывав с ним во многих уголках нашей угасавшей уже империи, где то и дело требовалось что-либо отреставрировать» (Ковалиная книга: 113). Древнеримский поэт Альбий Тибулл не был современником Тиберия. Об этом эпизоде ППМ подробнее см.: Костюхина М.С. Тибулл и Тиберий в московской бане: к семантике культурного имени в детском тексте // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 348–353. По свидетельству Ю.К., прозвище Тиберий (Тиба) носил один из друзей К. – Юрий Егоров.

Первым читателям ППМ Тиберий был памятен благодаря упоминанию этого императора в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова (там он явственно видится Понтию Пилату). Что касается Тибулла, то на слуху у читателей был не столько римский поэт, сколько его тезка – гимнаст Тибул из «Трех толстяков» Ю. Олеши.

В бане – 2.

Акварель Ю. Коваля

С. 159 – *Ухо – догадался Тиберий.* И далее. Наряду с носом, ухо еще один орган, о котором К. писал много и с любовью. Сравните, например, в его повести «Самая легкая лодка в мире»: «– Разве вы не слышали, что уши –местилище разума?»

– Не слышал.

– Как же так? Ведь все проходит в мозг через уши! Именно уши –местилище разума».

С. 160 *Костыли можно получить у пространщика.* Смысл этого плаката, как представляется, намеренно затемнен, и дальнейшие гипотезы Тибуллы его не разъяснят. Может быть, таким образом проявляется забота о тех неосторожных гражданах, которые поскользнутся на скользком банном полу, и им понадобятся костыли? Возможно, впрочем, что такой плакат К. видел в послевоенных банях. Инвалиды закрывали свои вещи в шкафчиках, но костыли туда не помещались и поэтому сдавались на временное хранение пространщику. Пространщик – это работник бани, обслуживающий посетителей в ее раздевальном отделении, одна из частей которого в старину называлась пространками.

С. 160 *На левой ноге написано было: ОНИ.*

На правой: УСТАЛИ.

Распространенная лагерная татуировка на ногах, усеченный вариант татуировок: «они устали» «ходить под конвоем» и «они устали» «искать счастья».

С. 163 *Куда вы прётё, слоны?!* Шутка, провоцирующая читателя вспомнить две подчищенные надписи в электричке, ранее приводимые К.: «Не слоня!» и «Не при соня!»

С. 163 *Престарелый батя орудовал сразу двумя вениками – дубовым и берёзовым.* Таким образом, батя решил для себя едва ли не главный спор, все время вспыхивающий между любителями бани: каким веником лучше стегать себя в парной – березовым или дубовым?

В бане – 3. Акварель Ю. Ковалёва

С. 163 – *А у меня эвкалиптовый! – кричал кто-то.* Такой веник чаще всего применяют на Кавказе. Считается, что главный недостаток его заключается в том, что ветки у эвкалиптового веника слишком тонкие, гибкие, а листья – длинные. Таким веником очень трудно управлять во время постегивания в парилке, приходится дополнительно тратить силы на размахивание. Кроме этого, эвкалиптовым веником почти невозможно проводить растирание по

телу. Настоящие парильщики обычно предпочитают комбинированный веник. Например, в березовый или дубовый добавляют 3–4 ветки эвкалиптового.

С. 164 *Распаренный, как морковь, он вышел из парилки...* В Костер-9 далее следует: «мокрою тумбой замер у трона» (С. 25).

С. 165 – *Какие в бане документы! – крикнул кто-то. – Кожа да мочало!*

– *В бане все голые!*

– *У нас нос – паспорт!* Сравните в сказочной повести приятеля и литературного соратника К. – Эдуарда Успенского «Дядя Федор, кот и пес» (1973):

«– Вам посылка пришла. Вот она. Только я вам её не отдам, потому что у вас документов нету.

Дядя Фёдор спрашивает:

– Зачем же вы её принесли?

– Потому что так положено. Раз посылка пришла, я должен её принести. А раз документов нету, я не должен её отдавать.

Кот кричит:

– Отдавайте посылку!

– Какие у вас документы? – говорит почтальон.

– Лапы, хвост и усы! Вот мои документы».

С. 166 *...что Кожаный лежит под окном с переломанными ногами...* В Костер-9: «...что Мона уже лежит под окном с абсолютно усталыми руками и ногами...» (С. 26).

С. 167 *Я сам видел: что-то блестело.* В Костер-9 далее следует:

«– Показалось тебе... от волнения.

– А веник? – сказал Длинный. – Зачем вы его на голову надели?

– Обычная маскировка. Боялся – вы мне дело сорвёте. А маскировочных средств – никаких. За Монею я должен был только наблюдать, а тут ты влез с брюками» (С. 27).

С. 167 *Капитан одного типа ищет, который ворует телевизоры. Жуткий телевор!* Неужели Похититель орудует не только в Москве, но и в Карманове (раз его поисками занимается капитан Болдырев)?

С. 168 *...и видит плакат:*

Храните деньги в сберегательной кассе. В советское время существовало множество разновидностей этого плаката. Например, такая, как справа:

С. 168 *В шлёпанцах на босу ногу сидит он в кресле, смотрит в телевизор <...> Он может умереть, потому что потерял надежду.* В Костер-9 этот фрагмент выглядит автобиографично – в нем вновь упомина-

ется хозяин комнаты, которую К. снимал на Абельмановской улице: «В шлепанцах на босу ногу сидит он в комнате, которую снимает у Петра Петровича, глядит в стену или в телевизор <...> Он скоро умрёт, потому что потерял надежду» (С. 28).

С. 169 «*Это ещё можно жить*», – думал Похититель. В Костер-9: «*Это ещё можно жить*, – думал Похититель. – Нас, Похитителей, наверно, больше» (С. 28).

С. 170 ...с *растёгнутым воротником, откуда выглядывала тельняшка...* В тельняшке ходил сам К. О своих тельняшках он рассказывает в начале повести «Самая легкая лодка в мире».

Ю. Коваль. Автопортрет в тельняшке

С. 170 *Голуби, мои вы милые, / Голуби, вы сизокрылые...* Начальные строки припева дворовой песни военного времени «Жил в Ростове Витя Черевичкин...», воспевающей подвиг советского подростка, расстрелянного фашистами, которые запретили держать домашних голубей жителям оккупированного города (обстоятельства совершения подвига и даже сама подлинность этой истории – предмет спора историков, что, впрочем, не мешало (и не мешает) созданию идеологических клише).

С. 170 – *Далеко отсюда, в Вышнем Волочке.* Город в Тверской области. Под Вышним Волочком располагалась родная деревня друга Ковалева – Николая Силиса. И хотя родовой дом его деда – мельника Силиса – сгорел, Силис и еще один приятель Ковалева писатель Вадим Чернышев купили себе дома по соседству. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. они уговаривали К. стать их соседом. Автор ППМ приценивался к домикам у озера, но потом все же купил дом поближе к Москве – в деревне Плутково (рассказано нам И. Волковой).

С. 171 ...и теперь, задыхаясь, сидел в придорожной канаве, глядел на автомобили, которые проносились мимо, и плакал <...> *Надо начинать новую жизнь.* Возможно, отсылка к знаменитому фрагменту «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова – экипаж Антилопы Гну наблюдает за автопробегом: «Жулики притаились в траве у самой дороги и, внезапно потеряв обычную наглость, молча смотрели на проходящую колонну <...> Настоящая жизнь пролетела мимо, радостно трубя и сверкая лаковыми крыльями. Искателям приключений остался только бензиновый хвост. И долго еще сидели они в траве, чихая и отряхиваясь». Решение Похитителя перековаться в положительного героя газетных заметок может также скрывать намек на финал романа Ильфа и Петрова, герой которого решил «переквалифицироваться в управдомы».

С. 171 *На её месте возникла новая, похожая на хрустальную подвеску от люстры Большого театра.* В Костер-9: «...похожая на хрусталь-

ную подвеску от великолепной люстры Колонного зала. А по щекам текли самые разнообразные слёзы – и скупые, и горькие, и мужские, и сиротливые, с десятком крокодиловых и одна особенно какая-то перламутровая. Выставив язык, Похититель бережно собирал свои слёзы. Но всё-таки не удержал перламутровую. Она упала на лист подорожника и разлетелась вдребезги. Похититель встал на колени, чтоб собрать её, но уронил новую слезинку, и в том месте, где упала она, неожиданно расцвёл ландыш» (С. 29).

С. 171 *Может, даже в газетах про меня напишут статью под названием «Золотой человек».* И далее. Пародируются стиль и тон сусальных очерков советских газет о «людях труда». «Общее наше дело» здесь, это без сомнения, построение нового бесклассового (коммунистического) общества.

С. 172 *...шифоньер...* Шкаф для одежды, гардероб.

С. 172 *Я бы Кренделю и пятёрку дала, если б он много не воображал.* В Костер-9: «...Я бы Длинному и пятёрку дала, если б он не так разорялся.

– Да я у тебя и не возьму, – сказал Длинный, немного загораясь» (С. 30).

С. 173 *Сегодня на Таганке сельёдку давали. С красными глазами <...> Если у сельёдки красный глаз, значит, она посолена как надо, а если голубой – пересол.* Среди ценителей соленой сельди до сих пор бытует устойчивое мнение, что красные глаза – признак правильного засола и особой жирности этого рыбного деликатеса. Слово «голубой», однако, появляется тут, скорее всего, не как описание реального цвета глаз сельди: оно дополнительно мотивирует появившееся у Кренделя желание слазить на голубятню.

С. 173 *Но голуби-то живые, сам понимаешь. <...> И летают...* Сравните с названием классического рассказа Виктора Драгунского «Он живой и светится». Так же, как Крендель предпочитает живых монахов мертвым (хотя и светящимся) телевизорам, герой Драгунского Дениска, не задумываясь, обменивает подаренный папой игрушечный самосвал на светлячка в спичечном коробке.

С. 173 *Серые шпильки высотных домов. Ново-Спасский, Андроньевский...* Подразумеваются так называемые «сталинские высотки»: всего в советской столице их было семь, по числу легендарных московских холмов. Новоспасский переулочек в Таганском районе соединяет улицу Большие Каменщики с Краснохолмской набережной. Андроньевский проезд в этом же районе пролегает от Андроньевской площади до Волочаевской улицы. Этим отрывком завершается в ППМ перечень названий колоритных московских улиц и переулков. Возможно, впрочем, что в комментируемом фрагменте речь идет не о переулке и проезде, а о Ново-Спасском и Андроньевском монастырях.

С. 174 *...и сердце билось мягкими толчками.* В Костер-9: «...и сердце билось мягкими, неудачными толчками» (С. 30).

С. 175 ...«бодай» на Монином языке «продавай». В словарь аргю «бодать» действительно входит в значении «продать».

С. 175 ...находясь на допросе. В Костер-9 далее следует микрофрагмент, скорее всего, исключенный из книжного варианта из-за автоцензуры: «Однако факт остается фактом – успел, настолько сильно развито было в нём чувство товарищества. Хотелось бы, чтоб читатель этой книги брал бы иногда с него пример» (С. 32).

С. 175 *А тут рухнула огромная гора типа Эверест.* Эверест, Джомолунгма – высочайшая вершина Земли (8848 м).

С. 177 ...старшина Тараканов кормил голубей колбасой. Возможно, еще одна отсылка к повести А. Линдгрена о Малыше и Карлсоне (в переводе Л. Лунгиной): «...Карлсон подбежал к шкафчику, на котором стоял красивый белый фарфоровый голубь, и, прежде чем Малыш успел вымолвить слово, у голубя в клюве... оказалась колбаса».

С. 177 ...и даже бабушка Волк засвистела тем самым свистом, который называется «Воскрешение Лазаря». То есть свист, от силы которого воскрешают покойники. Отсылка к евангельскому эпизоду, в котором Спаситель воскрешает умершего Лазаря на четвертый день после его смерти (Ин. 11). Сравните еще в рассказе Исаака Бабеля «Король»: «Шестидесятилетняя Манька, родоначальница слободских бандитов, вложив два пальца в рот, свистнула так пронзительно, что ее соседи покачнулись. “Маня, вы не на работе, – заметил ей Бенья. – Холоднокровней, Маня...”»

По свидетельству Ю.К., Александра Коваль действительно умела лихо свистеть в два пальца.

С. 177 *Хвост заката торчал из-за кооперативного дома...* В 1958 г. в СССР разрешили строить жилье за счет будущих его хозяев. Они должны были объединяться в жилищно-строительные кооперативы (ЖСК), получить от государства разрешение на строительство и ссуду, которую потом отдавали 15–10 лет. Иногда члены ЖСК и сами трудились на стройке – вечерами, после своей основной работы.

С. 178 ...потому что следом за ним шла Райка Паукова и улыбалась, как умела. В Костер-9 далеко не так эффектно: «...потому что следом за ним шла Райка Паукова и смеялась» (С. 33).

С. 179 *Лошадь чугунная* Абсурдистская шутка К.: какое отношение имеет к операции «Мешок» чугунная лошадь, совершенно непонятно.

С. 179 ...*Корабль моей жизни...* И далее. Пародируются весьма многочисленные в русской поэзии и прозе жалобные причитания о нелегкой доле. Комизм последней записи из тетради Похитителя состоит прежде всего в том, что в ней смешиваются две плохо соединимые стилистические струи. Первая – романтическая (Похититель нерасчетливо множит избитые романтические штампы: его жизненный путь –

«грязная дорога преступлений»; «озеро» его жизни «оковано» «холодным льдом наказания»; «корабль» его «жизни дал сильную течь», «слышится команда “К насосам!”»). Вторая стилистическая струя, ясно различимая в последнем монологе Похитителя, – фольклорная (он уподобляет себя оторвавшемуся «от ветки родимой» «осеннему листку» (сравните также в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Листок»: «Дубовый листок оторвался от ветки родимой»), в финале его записи возникает образ плачущего сердца-горемыки). Вдобавок, со всеми этими стилистическими «изысками» смешно контрастирует неожиданно рациональное рассуждение о том, что Похитителю хватило бы и двух телевизоров – «обычного и цветного». Все это (как и самый жанр дневника) напоминает финал «Записок сумасшедшего» Гоголя.

С. 180 *Арлекин* Это всё же не порода собак, а окрас.

слева направо: арлекины – дог, карликовый пинчер и пудель

С. 180 ...а ведь «ажур» – это что-то вроде дырки. Узор со множеством небольших сквозных участков, разделенных тонкими перемычками и создающих сложную композицию. Уже В.И. Даль в своем словаре определяет слово «ажурный» как «дырчатый». Ажур в значении «вид узора» имеет в русском языке омоним – бухгалтерский термин ажур, обозначающий такое ведение счетов, при котором записи доводятся до последнего, текущего дня. Этот термин вошел и в общий обиход в составе такого устойчивого сочетания, как «всё в ажуре».

С. 180 ...*Бойный* Бойные голуби вовсе не четырехкрылые (таких и нет на свете). Так называют некоторые породы, которые могут остановиться в полете, как бы зависнув, и начать кувыркаться назад через голову, быстро и сильно ударяя крыльями по воздуху.

С. 180 Я думал, что этого слова нет в повести, а оно имеется на 136-й странице. И не только! Сундучок играет эту песню дважды.

С. 180 *Шилишпёр* Напомним, что именно эта рыба пять раз упоминается в хрестоматийном рассказе А.П. Чехова о преступлении – «Злоумышленник». Изображение шилишпера см. на цветной вкладке после с. 192.

анонс республика ШкиД

Повесть Григория Белых (1906–1938) и Л. Пантелеева (Алексея Еремеева) (1908–1987) «Республика ШкиД» продолжает серию «Руслит. Литературные памятники XX века». Книга эта – как раз для нашей серии: с одной стороны, широкая известность и популярность у всех категорий читателей, от подростков до профессиональных филологов. С другой – глубоко драматичная судьба и самой повести, и её авторов. И при этом – тайны, неразрешённые вопросы, сопутствующие книге с самого её рождения и до наших дней. Как сумели совсем юные (18–19-летние) авторы написать такую сюжетно и стилистически сложную книгу? Насколько правдиво описание, чем была реальная Школа социально-трудового воспитания имени Достоевского? Как сложилась судьба героев книги и, прежде всего, её авторов? Почему один из них стал крупным советским писателем, а другой погиб в тюрьме? Все эти вопросы ставит сама книга, а редакционный коллектив старается на них ответить – в постраничных сносках и затекстовых комментариях, которые, как мы надеемся, читатель не пропустит.

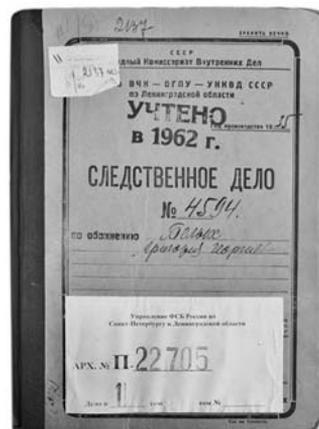
книга вышла в 2015 году

«– Выступаю в роли помощника режиссёра¹. Кончаю Институт сценических искусств. А это – практика. <...>

От Японца мы узнали и о судьбах Пыльников и Финкельштейна². Саша Пыльников, некогда ненавидевший халдеев и всё к халдеям относящееся, сейчас сам почти халдей. Кончает Педагогический институт и уже практикуется в преподавательской работе.

Поэт Финкельштейн – Кобчик – учится в Техникуме речи, тоже на последнем курсе.

Купца³ мы встретили на улице. Он налетел на нас, огромный, возмужалый до неузнаваемости, одетый в длинную серую шинель, в новенький синий шлем и в сапоги со шпорами. <...> Он – уже краском, красный офицер».

¹ Георгий Евгеньевич Еонин (1909–1929) стал режиссёром и драматургом, успел поставить спектакль «Театр Клары Газуль» по П. Мериме, работал по приглашению Дм. Шостаковича над либретто оперы «Нос». Умер от осложнений после скарлатины.

² Павел Григорьевич Ольховский (подлинная фамилия, 1907–1983) работал учителем, в соавторстве с другим шкидцем К. Евстафьевым написал книгу «Последняя гимназия» (Ленинград: ЛАПП, 1930), где изложил иную точку зрения на происходившее в ШкиД (грубиян и неврастеник директор выгоняет всех старожил, доводит дело до открытого бунта, после чего школу закрывают). С 1935 г. – военный, офицер. Воевал на Халхин-Голе, во время Отечественной войны был начальником штаба и командиром полка. После войны вновь преподавал, читал лекции.

Константин Лихтенштейн (подлинная фамилия, ?–1942) стал журналистом, написал книгу «Приключения мистера Флуста в торговом порту» (беллетризованный рекламный проспект о Петропорте, Ленинград: ОГИЗ, 1931). Погиб на фронте.

³ Мстислав Евгеньевич Вольфрам (подлинная фамилия, ?–?) стал инженером.

анонс сначала «Кондуит», затем «Швамбрания»

Повести Льва Кассиля (1905–1970) «Кондуит» и «Швамбрания» выходили в таком виде – порознь, как были написаны, – только до 1935 года. Затем писатель объединил их, отредактировав, в одну повесть «Кондуит и Швамбрания». И с этого момента история о гимназии города Покровска, ставшей затем Единой трудовой школой, и о материке Большого Зуба (где вместе с туземными племенами швамбран, кальдонцев, бальвонцев и пилигвинов живут беглецы из Покровска – братья Лёля и Ося), бытует в нашей литературе в этом новом виде. Новом, но не окончательном: Кассилю много раз приходилось переписывать свою книгу, и чаще всего – вынужденно. История нашей страны, история семьи писателя содержит немало трагических страниц, и это отражает уже история «Кондуита и Швамбрании».

Публикация повестей Льва Кассиля в их первой редакции, прокомментированная и проиллюстрированная – и художественно, и документально, – представляет книги такими, какими они были изначально, по воле автора, но вопреки обстоятельствам его биографии и судьбы его страны. книга вышла в 2015 году

«– Ну-с, – дразнила она, – вот я и к евреям попала. Так, так, хорошее племя... А знаешь, что ваши древние... Христа к кресту прикнутили. Ваше племя бог проклял... И тебе на том свете крыса живот выест. Вот... А знаешь, как вас зовут? Жиды вас зовут... Вот как.

– Вы юдофобка¹ и дура, – говорил я, чуть не плача. – Аннушка тоже говорит, что вы... пожилая хрычиха... Вот. И если вы ещё будете, то я маме пожалуюсь.

– Конечно, конечно, – говорила Августа Карловна. – Иди, иди. Жалуйся. Передавай, Иуда-предатель тоже из ваших был».

«На уроке истории учитель говорит:

– Турки, как и все мусульмане, отличаются бесчеловечной жестокостью, кровожадностью и зверством. Их священная книга Коран учит убивать христиан без всякой жалости, ибо чем больше “неверных” христиан убьёт турок, тем больше грехов ему простится. Но в сегодняшней войне турок перещегооляли в зверствах куль-тур-ные немцы. Они, немцы, варварски разрушили...

Класс оборачивается и укоризненно смотрит на Куфельда: Куфельд – немец. Класс возмущённо смотрит на Реклинга. Реклинг – тоже немец.

Класс грозно смотрит на Крейберга, на Виркеля, на Фрицлера... Крейберг, Виркель, Фрицлер – все немцы. Враги! – неприятель в классе».

Братья Кассили с жёнами, начало 1930-х. Одна из последних фотографий «Оськи», расстрелянного в 1938 году

¹ Юдофобка – то же, что антисемитка.

анонс Ташкент – город хлебный

Повесть Александра Неверова (1886–1923) «Ташкент – город хлебный» при жизни писателя выходила только один раз. Издательство «Земля и фабрика» вслед за автором адресовало её взрослому читателю, что естественно, учитывая трагизм описываемых событий – голод 1921–1922 годов в Поволжье – и достоверность, искренность этого описания. Неверов был не просто свидетелем голода, не только пережил его, но и проделал тот же путь в спасительный «хлебный город Ташкент», который в повести выпадет на долю героя – двенадцатилетнего крестьянина Мишки Додонова – и его спутников. Однако позднее эту повесть стали издавать в различных «Школьных библиотеках» – сериях книг для средне- и старшекласников.

Мы следуем этой традиции, не обсуждая её правомерность (книга, без сомнения, относится к числу самых ярких в русской литературе 1920-х годов, и это важнее всего), но снабдив повесть – для облегчения понимания современным читателем-подростком – большим справочным аппаратом и статьями-комментариями. книга вышла в 2016 году

«– Ты что, мама, лежишь?

– Нездоровится мне нынче, сынок.

– А я хочу в Ташкент за хлебом съездить.

– В какой Ташкент?

– Город есть такой – две тысячи вёрст отсюда, и хлеб там больно дешёвый...

Говорил Мишка спокойно, по-хозяйски, как большой настоящий мужик.

Мать смотрела удивлёнными глазами.

– Болтаешь, что ли, – не пойму я тебя!

Начал Мишка рассказывать по порядку. Ягоды много там и хлеба у каждого по горло. Зараз можно привезти тридцать фунтов. (Нарочно прибавил десяток, чтобы мать лучше поверила.) Рассказывал складно, словно по книжке. И что от мужиков слышал, и что сам придумал – всё выложил. Туда самое много, четыре дня, оттуда, самое много, четыре дня».

«Как в сказке, стоял перед ним Ташкент – город хлебный. Сады виноградные – во! Шутя можно урюку карман нарвать. Всё равно, если ползком, никто не увидит. Говорили мужики – воздух очень горячий там – задохнуться можно – и этого не боялся Мишка. Наверное, речки есть, как у нас. А раз речки – можно купаться».

Литературно-художественное издание
Серия «Руслит. Литературные памятники XX века»
Юрий Коваль
Приключения Васи Куролесова.
Промах гражданина Лошакова.
Пять похищенных монахов

Для среднего и старшего школьного возраста
В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ
издание маркируется знаком

Иллюстрации Мария Грачёва
Макет, вёрстка Илья Бернштейн
Редактирование и корректура Лидия Шитова

Подписано в печать 29.08.2016. Формат 70×100/16.
Печать офсетная. Гарнитура CharterC.
Печ. л. 18 + 1,5. Тираж 2000 экз. Заказ №

ИП Бернштейн И.Э.

 Издательский проект «А и Б»®

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс». 420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К56

Коваль, Юрий

К56 Приключения Васи Куролесова. Промах гражданина Лошакова. Пять похищенных монахов: [для сред. и старш. шк. возраста] / Юрий Коваль; [ил. Мария Грачёва]. – М.: Издательский проект «А и Б», 2016. – 288 + 24 с., ил. – (Руслит. Литературные памятники XX века). ISBN 978-5-9906261-6-4

© ИП Бернштейн И.Э., 2016
© М. Грачёва, иллюстрации, 2016
© В. Семёнова, послесловие, 2016
© М. Свердлов, послесловие, 2016
© О. Лекманов, послесловие, комментарии, 2016
© Р. Лейбов, комментарии, 2016
© И. Бернштейн, дизайн, составление серии, комментарии, 2016